

Р. З. РУВИНСКИЙ

ПРАВОПОРЯДОК В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

ТРАНСФОРМАЦИИ,
ТЕНДЕНЦИИ,
УГРОЗЫ

Р. З. РУВИНСКИЙ

ПРАВОПОРЯДОК В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

ТРАНСФОРМАЦИИ,
ТЕНДЕНЦИИ,
УГРОЗЫ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2020

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

УДК 340.12

ББК 67.0

Р 828

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *О.В. Парилов*
кандидат юридических наук, доцент *З.В. Соломко*

Рувинский Р. З.

Р828 Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы / Р.З. Рувинский. – СПб.: Алетейя, 2020. – 350 с.

ISBN 978-5-00165-112-3

Предпринята попытка исследования трансформаций государственных и правовых институтов в условиях наблюдаемого глобального кризиса, охватывающего весь земной шар и проявляющегося в самых различных областях жизни, от экономики и международной политики до моральных императивов и нормативных установок граждан. Подробно рассматриваются соотношение права и социальных кризисов различной природы, структура и причины современного глобального кризиса, феномен срастания государств с коммерческими корпорациями, деградация государственности на обширных территориях и утрата государствами своего суверенитета на рубеже XX–XXI вв., проблема избыточного правового регулирования и конъюнктурного правоприменения, кризис современного международного права, прогнозируется облик правовых систем в недалеком будущем.

Для исследователей и преподавателей юриспруденции и политической философии, а также для всех, интересующихся актуальными проблемами существующего социального порядка.

УДК 340.12

ББК 67.0

ISBN 978-5-00165-112-3

9 785001 651123

© Р.З. Рувинский, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Когда полыхает пожар истории, тоже можно погреть руки – если, конечно, держаться на должном расстоянии от огня. В такие моменты ощущается вневременное: его зловецкий луч как бы прощупывает наше время.

Эрнст Юнгер, «Эвмесвиль»

...создав пустыню, они говорят, что принесли мир.

Тацит, «Жизнеописание Юлия Агриколы»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не говори: «отчего это прежние дни были лучше нынешних?», потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом.

Екклесиаст, 7:10

История человечества – история непрерывной борьбы, триумфов и трагических отступлений, открытий и разочарований. Кажущееся ясным сегодня, завтра может предстать в совершенно ином свете, а вчерашние ошибки отзовутся в реальности послезавтрашнего. Люди полагают, что видят некий прогресс в общественном развитии, однако поступательное движение в любой момент может смениться откатом далеко назад, в «тёмные века», и человеку придётся вновь, словно Сизифу, вкатывать тяжёлый камень на гору познания и собственного благополучия.

XX век оказался веком, в котором с чудовищной плотностью спрессовалась история целых столетий. Казалось, многие социальные проблемы после череды трудностей, после невиданного кровопролития мировых и региональных войн были, наконец, сняты. Это было заблуждением. «Конец истории», объявленный рядом мыслителей, приветствовавших крах СССР как «триумф Запада, западной идеи»¹, оказался лишь кратким интермеццо между двумя эпохами, которые исследователям ещё предстоит выделить, проанализировать и разложить на составные части. Начало XXI века демонстрирует, что прежние социальные проблемы никуда не исчезли – они стали ещё сложнее, дополнившись проблемами специфически новыми, не известными прежде. Насилие неокOLONиализма, чудовищная пропасть социального неравенства одиночек богачей и миллионов нищих, жутчайшие средневековые формы религиозной нетерпимости, расизм и ксенофобия, ничтожное бесправие индивида перед машиной государства, невиданный кризис моральных ценностей – старые беды нового тысячелетия,

---

¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. Антология. М., 1995. С. 290–291.

проявляющие себя здесь и там, в разных частях земного шара. Эти беды сегодня многократно умножаются, казалось бы, благими достижениями современной техники (информационные технологии, новые виды вооружений и т.д.), глобализационными процессами, близкой перспективой достижения экологических пределов развития общества, кризисом старых идеологий и отсутствием адекватных представлений о сегодняшнем мире.

Глобальная политическая карта стремительно меняется. Некогда стабильные режимы шатаются под натиском внутренних противоречий, а в ряде случаев и под прямым давлением извне: Ирак, Ливия, Сирия, Украина... – словно раковая опухоль, пускают свои метастазы хаос, взаимная вражда, неустроенность, подбираясь к границам пока ещё относительно благополучных государств. То, что народы создавали своим трудом в течение многих десятилетий, уничтожается в огне междоусобиц, не подчинённых более никаким ясным конвенциональным правилам. Мы видим, как здесь и там интеллектуалы приветствуют перемены, не понимая, что эти перемены в действительности несут за собой. Шаблоны сорваны, маски тоже. Прежние ориентиры более не актуальны, зато вновь актуальными, звучащими как никогда современно становятся некоторые политико-правовые концепты прошлых, давно ушедших эпох – и в первую очередь концепт «войны всех против всех».

Время глубоких сдвигов и потрясений – вот та эпоха, в которую мы вступаем. Привычные понятия и социальные институты теряют свое значение, уступая место новым. «Конец знакомого мира», как метко назвал это беспокойное состояние общества между двумя тысячелетиями американский социолог Иммануил Валлерстайн¹, – уже свершившийся факт, главный же вопрос состоит в том, каков тот новый мир, который рождается из кризиса уходящего, каким образом преобразятся социальные структуры, определяющие порядок жизни уже не миллионов, а миллиардов людей, какой облик примет (уже принимает) общество. Ответы на эти неспранные вопросы необходимы в том числе для того, чтобы ответить на куда более конкретный вопрос «Куда движется конкретная страна, конкретное общество?» и, следовательно,

---

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004.

для ответа на вопросы: «Что должно быть сделано для минимизации негативных последствий происходящих трансформаций? Какая политика необходима для новых условий? Какое политико-правовое мышление наиболее адекватно выстраиваемой социальной реальности?»

Книга, которую вы держите в руках, является скромной попыткой приблизиться к решению указанных вопросов, попыткой очертить контуры нового социального порядка. Данная задача ставит перед исследователем потребность в политико-правовом рассмотрении динамики социальных институтов, знаменующей собой переживаемый нами период ломки старого с созиданием пока ещё весьма смутного и пугающего нового порядка. Такое рассмотрение неотделимо от выяснения места, роли и – что важнее всего – *облика* права в новых, кризисных обстоятельствах, от выявления судьбы государственности и, в частности, модели либерального правового государства в эту непростую эпоху, от характеристики господствующего в этот период правосознания и критики доминирующего правового мышления.

Сфера юридического есть вообще та область, в которой содержатся и мораль современного государства, и самооправдание существующих социальных институтов, и господствующая в обществе идеология. То, что стало законом, вряд ли могло быть случайностью, и юридическое выражает как раз таки неслучайность взаимоотношений субъектов, неслучайность появления, трансформации и разложения тех или иных институтов общества. Образно выражаясь, право подобно бухгалтерской книге, в которой тщательно фиксируются все мало-мальски значимые операции хозяйственного предприятия, и его изучение является по существу постижением истории и закономерностей общественного развития. Для современного нам мира, привыкшего к чётким нормативным предписаниям и строгим компетентностным иерархиям, по большому счёту нет ничего столь же значимого, как позитивное (т.е. исходящее от государства) право, ведь все иные социальные регуляторы давно вытеснены на обочину общественной жизни. В явлениях правовой действительности заключены как противоречия общества, так и его теология. В них слышен бешеный пульс современной жизни вместе со всем её величием и убожеством.

Прочем, исследование формирующегося в мировом масштабе правопорядка не может ограничиваться лишь юридической характери-

стикой общественных институтов и уж тем более не должно исчерпываться узким формально-юридическим подходом, предполагающим в основном изучение конкретных нормативно-правовых и правоприменительных актов государственных органов с использованием догматических методов юридической техники. Хотя порой содержание того или иного закона, правительственного постановления или решения суда может дать достаточно ясное представление о государственной политике в соответствующей области, об уровне развития юридической практики и самих государственных институтов, очень многое, тем не менее, остаётся за рамками такого рассмотрения. Жизнь права, как и жизнь самого общества, не сводится к сухим формулам официальных юридических текстов, обнаруживая себя в мышлении индивидов, массовом правосознании, конкретных общественных отношениях, а также в иных явлениях, относимых обычно к элементам правовой системы. Более того, сам предмет исследования – правопорядок в условиях глобального кризиса, в условиях исключительных, экстраординарных – указывает на невозможность всё объяснить и понять с помощью лишь формально-юридического анализа документов, зачастую не охватывающих специфику складывающейся в обществе ситуации. Там, где прежние нормы, государственно-правовые институты и сами представления о порядке стремительно видоизменяются, право, политика, экономика, философия и история образуют замысловатый букет, настоятельно требующий междисциплинарного подхода.

Данный подход к исследованию обусловил его структуру, состоящую из четырёх блоков-глав.

В *первой главе* рассмотрены общетеоретические вопросы соотношения права и кризисов различной природы, проанализированы понятия исключения и кризиса в праве, типичные механизмы реагирования права на кризисные ситуации, выдвинута гипотеза о возможности предельного кризиса правопорядка.

Вторая глава посвящена описанию и объяснению кризисных процессов, которые мы можем наблюдать в настоящее время в различных сферах общественной жизни; в ней предпринята попытка представить структуру современного глобального кризиса и отыскать адекватные юридические концепты, позволяющие понять нынешнее кризисное состояние.

В течение последних столетий государство являлось центром правопорядка и основным участником системы международных отношений. Изучение трансформаций правового порядка, таким образом, немыслимо без анализа изменений, происходящих с государственными институтами в условиях кризиса XXI века, а также без фиксации и описания тенденций вероятного развития современной модели государственности. Именно этим вопросам посвящена *третья глава* данной книги, затрагивающая проблемы упадка государственного суверенитета, корпоративизации государства и этатизации коммерческих корпораций, расширения пространства дефектной и провалившейся государственности, выхода на международную арену организаций, претендующих на выстраивание собственных государственных моделей.

В *четвёртой главе* основное внимание с государственных институтов переносится на правовую систему, причём правовая система рассматривается с точки зрения её наиболее слабых, уязвимых мест, отражающих специфику кризисного периода и вызывающих неоднозначные оценки общества. Проанализированы феномены избыточного правового регулирования, наполненности правовой системы чрезвычайными нормами запретительного и правоограничительного характера, а также релятивизма в правоприменении – явления, отражающие особенности внутригосударственного позитивного права времён глобального кризиса. Рассмотрены кризисные симптомы в международном праве. Завершается исследование анализом тенденций развития современного права, рассмотрением проблемы надвигающегося столкновения теневого, неофициальных норм и институтов с нормами и институтами официального позитивного права, попыткой представить прогноз вероятного будущего мирового и национальных правопорядков.

ГЛАВА I. ПРАВО И КРИЗИСЫ

1.1. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПРАВА

Право и порядок

Любое общество, древнее или современное, развитое или отсталое, предполагает наличие определённых поведенческих правил, очерчивающих границы допустимого и запретного, нормального и считающегося неприемлемым. От конкретно-исторического состояния общества зависит, в конечном счёте, содержание его нормативной системы, облик правовых институтов. С другой стороны, сами правовые институты и, в частности, сфера нормативного могут многое поведать о том, что представляет собой та социальная среда, в которой они действуют. Право опосредует отношения между людьми и их коллективами, организует их быт, вносит упорядоченность в общественную жизнь, одновременно отражая сложившуюся на тот или иной момент расстановку социальных сил, утвердившиеся в повседневной общественной жизни представления о должном, правомерном и преступном. Правовые институты лежат в сердцевине социального порядка. Именно поэтому исследование тенденций развития современного общества с неизбежностью предполагает изучение трансформаций правовых институтов, в том числе государства как особой властно-политической организации, системы позитивно (государственно) установленных и иных норм, правотворческих и правоприменительных процедур, и т.п.

Одной из первоочередных теоретических проблем, встающих в контексте исследования кризисного состояния современного правопорядка, является проблема соотношения права и кризисов различной природы, предполагающая рассмотрение влияния кризисных, исключительных ситуаций на правопорядок и восприятия нормативной системой вызовов, связанных с разрушением прежнего, привычного хода общественных отношений. Насколько устойчив правопорядок к негативным социальным явлениям? Можно ли определить пределы его

устойчивости? Что можно рассматривать уже не в качестве кризиса отдельных социальных институтов, но в качестве кризиса правопорядка в целом? – вот, пожалуй, первичный круг вопросов, без решения которых вряд ли имеет смысл приближаться к описанию специфики политико-правового положения, складывающегося в начале XXI века.

Впрочем, отвечать на вопросы подобного рода бессмысленно, не прояснив для себя хотя бы в общих чертах суть и значение употребляемых понятий и категорий, и прежде всего – понятий «право» и «правопорядок».

В свое время Иммануил Кант, определяя, что есть право, отмечал, что «этот вопрос вполне может смутить *правоведа* – если только он не хочет впасть в тавтологию или вместо общего решения сослаться на то, что утверждали когда-либо законы какой-нибудь страны, – подобно тому, как пресловутый вопрос: “*Что есть истина?*”, может смутить логиков»¹. Другой знаменитый, хотя и более поздний, учёный и философ, британец Герберт Харт невольно повторял ту же мысль, констатируя: «Не многие вопросы, касающиеся человеческого общества, задавались с такой настойчивостью, а серьёзные мыслители отвечали на них столь различными, странными и даже парадоксальными способами, как это происходило с вопросом “*Что есть право?*”»². Действительно, в научной литературе можно найти множество различных, нередко противоречащих друг другу подходов к определению значения данного, основополагающего для любого юриста и обществоведа понятия. Отдельные школы юридической мысли предлагают понимать под правом систему установленных государством общеобязательных норм (*позитивное право*)³; любые, в том числе не исходящие от государства, правила человеческих сообществ, обеспечиваемые возможностью внешнего принуждения (сюда, соответственно, относятся не

---

¹ Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках: под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. Т. 5. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 85.

² Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 9.

³ См., например: Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сб. пер. Вып. 1. М.: АН СССР ИНИОН, 1987; Austin J. Lectures on Jurisprudence, or the Philosophy of Positive Law. L.: John Murray, 1885.

только позитивные нормы, но и нормы обычаев, религии и т.д.)¹; идеальные нормы, происходящие из божественного волеустановления или самой человеческой природы (*естественное право*)²; сами общественные отношения, в которых воплощаются абстрактные модели поведения субъектов³; особую психосоциокультурную коммуникативную систему⁴; знаковые системы, отражающие господствующие в обществе ментальные представления⁵, и т.д.

Не вдаваясь во всё это многообразие концепций, в споре о которых сломаны уже тысячи копий, можно, пожалуй, заключить, что право представляет собой сложное явление, в конечном счёте обусловленное состоянием общества и выражающееся, прежде всего, в определённых нормативных предписаниях или установках, позволяющих определять меру возможного и должного поведения людей и их объединений. Это крайне обобщённый и упрощённый подход, позволяющий в первом приближении уяснить, что право действительно воплощается в нормах, имеющих, однако, не произвольное содержание, а такое содержание, которое связано с качеством общественных отношений и степенью развитости социальных институтов. Правила поведения

---

¹ Макс Вебер считал «решающим для понятия “права” <...> наличие специальной *группы принуждения*», в чьи функции входила бы охрана порядка и предотвращение нарушения его действия посредством применения силы (*Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. С. 480–481*).

² С достаточно подробным разбором истории естественноправовой мысли и самой концепции естественного права от античности до наших дней можно ознакомиться по следующим работам: *Штраус Л. Естественное право и история. М.: Водолей Publishers, 2007; Haines C. G. The Revival of Natural Law Concepts. L.: Humphrey Milford: Oxford University Press, 1930. См. также, например: Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. С. 71; Кант И. Метафизика нравов.*

³ См., например: *Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.*

⁴ См.: *Поляков А.В. Коммуникативная концепция права: Проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования. – Дисс. докт. юрид. наук. – СПб., 2002; ван Хук М. Право как коммуникация. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012.*

⁵ См.: *Честнов И.Л. Имеет ли право на существование постклассическая юриспруденция? // Правоведение. 2012. № 5. С. 9–27.*

субъектов в тех или иных обстоятельствах, а вместе с ними – система ценностей и представлений, позволяющих отличить своего от чужого, добро от зла, справедливое от несправедливого – вызревают в самом обществе, т.е. в реальной практике индивидов и их объединений. В социальных нормах отражается накопленный человечеством опыт, сами они в основе своей содержат наиболее рациональные варианты поведения субъектов. Именно поэтому часть нормативных установок имеет так называемый «естественный» характер, происходя, впрочем, не из каких-то трансцендентных источников, а из вполне конкретной общественной практики. При этом право имеет дело не с обезличенными, неодушевленными явлениями, оно не является подобием алгоритма работы некоей машины – напротив, говоря языком Гегеля, «почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свободна»¹.

Понимаем ли мы под правом лишь результаты изъявления государственной воли или же нормы любых сообществ, способных обеспечивать их исполнение принудительной силой, стоит признать, что оно так или иначе является тесно взаимосвязанным с вопросами властвования, подчинения, координации социальных сил и управления процессами, протекающими в обществе. Поскольку функции эти в большинстве современных обществ сосредотачивает в своих руках особая организация, именуемая *государством*, разговор о праве есть по преимуществу разговор о нормах, устанавливаемых именно этой организацией, то есть о праве позитивном. По меткому замечанию Рудольфа фон Йеринга, «право не есть нечто противоположное власти, а придаток ей самой», и первое служит второй «также, как компас штурману»². Само государство является не только особым социальным институтом – это правовой институт, большинство актов жизнедеятельности которого имеет юридическую значимость и который вольно или невольно – с помощью различного рода властных команд, адресованных членам общества – создаёт вокруг себя определённое правовое поле, пространство, порядок.

Да, право всегда указывает на определённый социальный *порядок*, считающийся нормальным в соответствующих условиях, описывает

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 67.

² Йеринг Р. ф. Цель в праве. Т. 1. СПб.: Издание Н.В. Муравьева, 1881. С. 188.

качественную характеристику его как должного. Правопорядок есть единство системы исторически сложившихся в обществе, защищаемых государством (или каким-либо иным особым властным аппаратом) общественных отношений и разделяемых (добровольно или по принуждению) большинством членов общества нормативных установок; единство фактических социальных практик и доминирующей в обществе правовой идеологии; то или иное качественное состояние правовых институтов и их социальный авторитет. Это порядок общественной жизни, очерченный правовыми нормами и находящий своё отражение в соответствующих источниках права. Даже в наиболее примитивных и нестабильных своих формах правопорядок предполагает определённую регулярность социальных взаимоотношений, наличие определённых признаваемых (добровольно или по принуждению) правил поведения в обществе, а также относительно устойчивых¹ институтов, отвечающих за формулирование таких правил и контроль за их исполнением. Там, где отсутствует регулярность и ожидаемый характер общественных отношений, где каждый с помощью прямой физической силы может определять для себя правила поведения, не подчиняясь никому и ничему, кроме превосходящей силы (т.е. кроме как перед лицом ничем не опосредованного насилия)², там нельзя говорить о наличии правопорядка. Сама по себе такая ситуация является довольно редкой, выражая крайнюю степень кризиса общества³.

---

¹ Сам по себе вопрос об устойчивости социальных институтов, в т.ч. институтов власти и управления, может являться предметом отдельного обстоятельного теоретического рассмотрения. В рамках данного исследования мы понимаем под устойчивыми институтами те институты, которые вписаны в определённую систему легитимирующих их норм, располагают необходимыми для их функционирования ресурсами, способны отстаивать собственное существование в отношениях с иными институтами и сообществами, выдвигают перед собой определённые цели и намерены функционировать в течение продолжительного периода времени.

² Как писал Жан-Жак Руссо, «уступать силе – это акт необходимости, а не воли; в крайнем случае – это акт благоразумия». О принципиальном различии между правом и силой и о несводимости права к праву сильного см.: Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре: Трактаты. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 200–201.

³ Подробнее эта проблема будет рассмотрена в § 1.4 и 2.3.

Нормализация как модус действия права

Поскольку право и порядок находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, в качестве основополагающей функции права следует отметить регулирование, упорядочение общественных отношений, придание им определённой формы¹. Право вносит элемент определённости в многообразии социальной жизни. Оно непосредственно связано с такими понятиями, как справедливость и долженствование, что проявляется с древности во многих юридических текстах. Так, по преданию, древнейший вавилонский законодатель Хаммурапи был призван богами Ану и Эллилем, «дабы справедливость в стране была явлена незаконным и злым на погибель, дабы сильный слабого не притеснял»². Уже этот фрагмент из правового памятника, относящегося к началу II тыс. до н.э., указывает

---

¹ Характерным возражением на такую формулировку, конечно, является позиция знаменитого советского учёного-юриста Евгения Пашуканиса, считавшего, что право «представляет собой мистифицированную форму некоего *специфического* социального отношения» (менового отношения) и что более логичным является утверждение, согласно которому «*регулирование* общественных отношений при известных условиях *принимает правовой характер*» (Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий // Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. С. 71). Разногласия Пашуканиса с большинством других правоведов, по сути, сводятся к вопросу о том, выполняет ли право активную регулирующую роль, воздействуя на общественные отношения и преобразуя их тем или иным образом, либо же оно лишь опосредует уже фактически сложившиеся материальные общественные отношения, выступая, скорее, юридической призмой последних. Представляется, что оба подхода имеют под собой рациональную почву и, в то же время, не следует абсолютизировать ни один из них. Правовые нормы, безусловно, являются естественным результатом развития общества, в них находят отражения социальные практики, соответствующие определённым, исторически сложившимся условиям: именно поэтому, например, древнее право не могло знать норм, касающихся оборота финансовых деривативов или информации в сети Интернет. В то же время наивно отрицать тот факт, что государство и подобные ему инстанции в определённых пределах способны активно воздействовать на ход общественной жизни, признавая одни модели поведения необходимыми, другие – дозволенными, а третьи – запрещёнными. От политического курса и воли инстанции, устанавливающей юридические нормы в той или иной сфере, зависит, в конечном счёте, содержание права.

² Законы вавилонского царя Хаммурапи // История Древнего Востока. Тексты и документы. М., 2002. С. 169.

на роль юридического в конструировании сложного социального образования, каким являлось одно из первых на Земле государств, Древний Вавилон. Здесь вполне отчётливо видно, что закон, представляющий собой в данном случае результат соединения властно-политической силы с устоявшимися в жизни народа религиозно-нравственными представлениями, служит значимым средством *нормализации* общественного быта. Отталкиваясь от данного примера, мы можем констатировать, что *право всегда очерчивает некую границу, предел* – границы свободы собственных действий индивида, его обязанностей, ответственности, пределы деятельности государства внутри страны и на международной арене и т.п. – и само существует в этих рамках.

Нормализация как модус действия права имеет двойственную природу, на описании которой следует заострить внимание.

Прежде всего, необходимо признать: привычная сфера действия права – нормальный, не прерываемый некими чрезвычайными обстоятельствами, ход общественных отношений, предполагающий, что субъекты действуют по преимуществу в соответствии с обеспечиваемыми принуждением нормативными предписаниями. Как указывал немецкий правовед Карл Шмитт, к которому на этих страницах мы обратимся ещё не раз, «любая правовая норма предполагает нормальное состояние в качестве гомогенной среды, в которой она действует»¹; нормальная ситуация есть предпосылка того, «что правовые нормы вообще могут быть значимы, ибо всякая норма предполагает нормальную ситуацию, и никакая норма не может быть значима в ситуации, совершенно ненормальной по отношению к ней»². Иными словами, норма возникает только там, где имеется возможность охватить общим правилом определённый род регулярных событий, фактических действий и социальных взаимосвязей, о чём совершенно справедливо писал Фридрих Энгельс, рассуждая об обусловленности права материальными условиями жизни³. Чем более регулярно взаимодействие

---

¹ Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. С. 158.

² Шмитт К. Понятие политического // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: «Наука», 2016. С. 321.

³ «На известной, весьма ранней ступени развития общества возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты

членов общества, тем яснее складываются нормы, акты такого взаимодействия регламентирующие. И наоборот, чем более определённый характер имеют нормы, тем выше вероятность действия субъектов в соответствии с их предписаниями.

В конечном счёте, если бы мы попытались до крайней степени развить логику сугубо юридического мышления, то в качестве подлинного правового идеала перед нами предстало бы такое состояние общества, при котором точно и неукоснительно соблюдаются установленные соответствующими инстанциями нормы права. Общественные отношения в таком идеализированном представлении точно и исчерпывающим образом описываются нормами, а любые отступления субъектов от установленных правил поведения наказываются в соответствии с санкциями, опять-таки содержащимися в уже заранее известных юридических нормах. В соответствии с таким представлением, закон должен править над людьми, охватывая собой все сколь-либо значимые ситуации, возникающие в социальном пространстве. Наилучший закон беспрообен и, опять же – в идеале, должен прямо указывать на требуемые варианты поведения субъектов, к минимуму сводя возможности произвольного его толкования. Совершенные законы – ключ к совершенному общественному устройству, которое, в свою очередь, позволяет организовать счастливый быт граждан без каких-либо серьёзных потрясений. Описанная – надо сказать, весьма привлекательная – логика проявляется уже в философии античных мыслителей, однако законченную форму приобретает лишь в рамках юридического позитивизма.

Впрочем, столь идеализированные схемы почти всегда бывают весьма далеки от суровой и противоречивой реальности. Не существует ни идеальных законов, ни безупречных социальных укладов, и, пожалуй, трудно найти в истории человечества пример законодательства, не имеющего никаких изъянов и предусматривающего чёткие действия государства и его граждан в абсолютно любых, даже критических ситуациях. Реальность богаче любых заранее выстроенных схем

производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражающееся в обычае, становится затем *законом*» (Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1961. С. 272.)

и моделей. Любой закон вынужден действовать в условиях несовершенства общественного устройства, да и самой человеческой природы (вспомним Кантово «Человек по природе зол»¹), а потому сам по определению не избавлен от определённых недостатков. Будь по-другому – быть может, законы не понадобились бы человечеству вовсе, ведь там, где не существует возможности правонарушения, где все люди могут служить примерами добродетельности, где поступки членов общества всегда и в полной мере соответствуют некоему негласному договору, охватывающей всё общество конвенции, там не нужны и законы, а значит, не нужен и аппарат принуждения, коим сегодня в большинстве обществ является государство. Именно эта мысль лежит в основе утопии коммунизма, предполагающей постепенное отмирание (за ненадобностью) государства и права в совершенном обществе без частной собственности, принудительного труда, социального неравенства и межклассовой борьбы².

Здесь открывается *вторая сторона нормализации* как модуса действия права. Для постижения её сути необходимо признать, что потребность в обозначении границ, пределов того или иного поведения, потребность в установлении меры, иными словами – потребность в правовом регулировании (опосредовании) общественных отношений, логичным образом означает осознаваемый обществом (и конкретно – инстанцией, устанавливающей юридические нормы) вред от возмож-

---

¹ Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 32.

² См., например, у Ленина: «Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т.е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства), – *только* тогда «исчезнет государство и можно говорить о свободе». <...> И только тогда демократия начнет *отмирать* в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством» (Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 126).

ного преступления этих границ, от выхода за эти пределы. Нормативные положения, составляющие законодательство, направлены на охрану определённого порядка, строя, хода общественной жизни, различного рода материальных и нематериальных благ и т.д. Однако, что такое охрана социального порядка, как не ответ на определённые вызовы, ставящие этот порядок под вопрос? Что такое преступление, как не исключительная по своей сути ситуация, требующая вмешательства инстанции, обладающей монополией на принуждение? Преступление – крайний случай, встречающийся гораздо реже, чем те факты человеческого поведения, которые относятся к поведению правомерному. Если бы было иначе, правопорядок в его наличной форме перестал бы существовать, и на повестку дня был бы поставлен вопрос о созидании нового общественного строя, с новыми конвенциями и представлениями о норме. Получается, что *право неразрывным образом связано с нормальной, ожидаемой ситуацией, при этом являясь инструментом реагирования на определённые критические ситуации, выбивающиеся из ритма нормальной, повседневной общественной жизни*. Иными словами, в право как регулятивную систему (а следовательно, и в норму права как исходный элемент этой системы) заложена потенциальная возможность правонарушения, конфликта, спора, выхода за рамки того, что признаётся нормальным в данный исторический момент в данном обществе.

Современный юридический фетишизм вместе с апологетически относящимся к нему либерально-буржуазным мировоззрением рассматривает право по преимуществу как средство цивилизованного разрешения социальных конфликтов, инструмент компромисса. Хотя такое правопонимание неизбежно искажает представление о сущности права, предпочитая не видеть в правовых институтах отпечатка присущих конкретной эпохе неравенства, господства того или иного меньшинства, влияния на право политической целесообразности и т.п., необходимо всё же согласиться с данной точкой зрения. За рамками права – царство факта. Право же – это то, что, во-первых, очерчивает границу нормального, а во-вторых, придаёт фактической ситуации такое оформление, которое позволяет этой ситуации развиваться в русле должного, т.е. включает даже конфликтные, исключительные ситуации, негативное, вредное поведение в поле нормативности. В этой

двойственности заключаются глубокое внутреннее противоречие и в то же время глубокая суть правовой сферы, дающие нам ключ к пониманию диалектики соотношения права и кризисов различной природы. Постичь эту диалектику невозможно, не обратившись к проблеме соотношения нормы и исключения и не затронув вопрос о возможности *чрезвычайного права*.

1.2. НОРМА И ИСКЛЮЧЕНИЕ

Как ни странно, но диалектические взаимосвязи нормы и исключения прежде редко становились предметом целенаправленного философско-правового анализа¹. Пожалуй, наиболее весомый вклад в исследование данного вопроса внёс уже упоминавшийся нами немецкий мыслитель и правовед Карл Шмитт, хотя и у него эта проблема не рассматривается эксплицитно, а лишь затрагивается в ходе анализа проблем юридического мышления, суверенитета и чрезвычайных полномочий главы государства. В ряде научных работ последних лет идеи Шмитта касательно чрезвычайного положения не раз становились предметом внимательного анализа, в то же время общетеоретические вопросы соотношения нормы и исключения затрагивались в них довольно бегло, мимоходом. Мы постараемся осветить эту проблему в несколько ином ракурсе, рассматривая исключение как общий случай по отношению к понятию социального кризиса / кризисной ситуации.

К понятию исключения

Начать разбор указанной проблемы придется с банальности: правило и исключение взаимосвязаны друг с другом. Само понятие исключения логичным образом предполагает наличие некоего общего порядка, правила, нормальной ситуации. Исключение – это всегда исключение *из чего-то, для чего-то, по отношению к чему-то*. Оно не

---

¹ Современной попыткой заполнить эту лакуну можно считать обстоятельное исследование группы франкоязычных авторов: La norme et ses exceptions: Quels défis pour la règle de droit? / Sous la direction de Marthe Fatin-Rouge Stéfani, Ariane Vidal-Naquet. – Bruxelles: Bruylant, 2014.

существует самостоятельно, о нем мы говорим лишь в связи с существованием той общей, нормальной ситуации, из которой выбивается исключительный случай. Исключению необходима норма, но и сама нормальная ситуация немыслима без исключения. Если нет (и даже гипотетически не может быть) исключения, то не с чем сопоставлять нормальную ситуацию, и тогда представление о нормальном и должном превращается в пустую абстракцию. Именно в этом смысле принято говорить, что «исключение подтверждает правило», и именно здесь представляется возможным процитировать Жан-Кристофа Лё Кустюмера (Jean-Christophe Le Coustumer), профессора Университета Руана:

«Исключение ... является радикальной оппозицией норме, тем, что не может быть включено в поле нормы. Но исключительное это также то, что изнутри самой нормы выходит за пределы материального правила, заложенного нормой»¹.

Получается, что элемент исключительного в том или ином объёме, в том или ином виде уже латентно присутствует в норме. Это указание, которое может оказаться полезным в распутывании диалектики взаимоотношений между правом и исключительной ситуацией.

Согласно воззрениям К. Шмитта, исключение в не меньшей степени, чем норма, относится к области юридического:

«Утверждать, что исключение якобы не имеет юридического значения и потому представляет собой “социологию”, значило бы использовать схематическую дизъюнкцию “социология/учение о государстве” слишком приблизительно. Исключение невозможно подвести под более общее понятие; ему нельзя придать вид всеобщности, но вместе с тем оно с абсолютной чистотой раскрывает специфически юридический формальный элемент, решение»².

Шмитт использует понятие исключения для развёртывания своей децизионистской (т.е. покоящейся на *решении*) концепции правопони-

---

¹ *Le Coustumer J.-C.* La norme et l'exception. Réflexions sur les rapports du droit avec la réalité // Cahiers de la recherche sur les droits fondamentaux. 2007. No. 6. P. 19.

² *Шмитт К.* Политическая теология: Четыре главы к учению о суверенитете // Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М., 2000. С. 25–26.

мания и суверенитета. Определяя суверена как фигуру, принимающую решение о чрезвычайном положении¹, он отводит исключительно случаю, выступающему в качестве основания введения чрезвычайного положения, роль конститутивного момента, раскрывающего подлинную суверенную власть.

По концепции Шмитта, исключение как таковое принципиально не поддается формально-юридическому, нормативному описанию:

«Невозможно не только указать с ясностью, позволяющей подвести под общее правило, когда наступает случай крайней необходимости, но и перечислить по содержанию, что может происходить в том случае, когда речь действительно идет об экстремальном случае крайней необходимости и его устранении»².

Это исключение, исключение в одной из его наиболее крайних форм – в форме необходимости, ставящей существующий конституционный порядок на грань гибели, – мыслится Шмиттом в качестве парадоксального феномена, приостанавливающего действие норм, права и правопорядка как таковых, но одновременно способного выявить силу государственного авторитета и утвердить правопорядок. Оно становится тем экзистенциальным моментом, который требует от суверена принятия экстраординарных мер (введения чрезвычайного положения), выходящих за рамки формальных правил и полномочий. Эти меры означают не что иное как «приостановление действия всего существующего порядка» – ситуацию, когда «государство продолжает существовать, тогда как право отходит на задний план»³.

В рамках политико-правовой философии К. Шмитта, таким образом, исключение играет неоднозначную, хотя и очень важную роль. Находясь за рамками права, оно, тем не менее, не является к праву безразличным, выявляя истинный потенциал государства и – можем предположить – даже способствуя реконструкции правопорядка, его переутверждению. Исключение оказывается своего рода «моментом

---

¹ Там же. С. 15.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 25.

истины», в котором опознается фактический суверен и становится ясной дееспособность государственно-правовых институтов.

Итак, исключение и норма – явления, находящиеся в противоречивой взаимосвязи друг с другом. Нам стоит со всей серьёзностью отнестись к словам Шмитта об исключении, но при этом сейчас необходимо несколько дистанцироваться от его определений, поскольку речь в них всё же идёт о вполне конкретном понимании исключения, а именно – о конституционных кризисах, ставящих под вопрос дальнейшее существование государства, политической системы и общества как некоего единства. Исключения в праве все же не исчерпываются такого рода ситуациями, а потому представляется необходимым посмотреть на проблему несколько более широко.

Исключения в праве

Выше уже говорилось о том, что право по самой своей природе предназначено для устранения, разрешения, сглаживания конфликтов. В сфере правового сталкиваются интересы, мнения, притязания, воля различных субъектов. Таким образом, конфликт, который с социологической точки зрения может быть охарактеризован как нечто негативное, нежелательное, с юридической точки зрения зачастую предстает в качестве вполне обыкновенного, ординарного явления. Поведение людей бывает правомерным, но бывает и неправомерным, и на этот случай нормативная система располагает вполне определёнными инструментами: факт совершения правонарушения приводит в действие механизм юридической ответственности, а возникший риск причинения вреда охраняемым общественным отношениям минимизируется применением предупредительных мер государственного принуждения (проведение проверки, направление предписания, введение карантина, арест имущества и т.п.). Иными словами, диспозиция практически любой нормы в определённых границах предполагает выход за рамки того, что ею предписывается в качестве обязанности или запрета; правила зачастую заранее предусматривают возможность отступления от них, возможность исключений из общего порядка, основанного на преимущественно правомерном поведении субъектов.

Получается, что норма и исключение не только связаны друг с другом; в определённых пределах исключение подчинено норме, включено в поле нормативности, а потому признаётся правом порядком в качестве юридического факта, т.е. служит одним из звеньев в модели регулируемых отношений. Такого рода факты можно было бы определить в качестве «неисключительных исключений», хотя, разумеется, данная формулировка представляет собой оксюморон.

С другой стороны, отдельные авторы даже указывают на существование так называемых «юридических исключений», закрепляемых в нормах права. Так, например, по мнению С. Ю. Суменкова, «юридические исключения – это допускаемые правовыми нормами и закреплённые в них, отличные от общеустановленных правил положения, реализуемые уполномоченными на то субъектами при определённых условиях»¹. Тем самым подчеркивается, что сами правовые нормы могут предусматривать ситуации, регулируемые иначе, нежели это предусматривается общим порядком². Впрочем, в таком контексте неясным остаётся вопрос о том, чем юридические исключения отличаются от норм *jus singulare* (специальных норм), известных юриспруденции ещё с античных времен.

В рамках данного исследования мы должны с однозначностью отказаться от употребления слова «исключение» применительно к нормам права и, в том числе, к нормам *jus singulare*, являющимся, по выражению русского дореволюционного правоведа Михаила Николаевича Капустина, лишь средством «примирения между жизненной правдой

---

¹ Суменков С. Ю. Норма права как выражение юридических исключений // Российский юридический журнал. 2009. № 2. С. 18.

² Примерно к этому же направлению мысли можно отнести диссертацию И. А. Муравьева, в которой под законодательными исключениями понимаются закреплённые правовыми нормами изъятия, ограничения либо расширения содержания общенормативных правил (Муравьев И. А. Законодательное исключение (теория, практика, техника): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009). К сходной позиции склоняется и профессор конституционного права Университета Люксембурга Люк Хойшлинг, рассматривающий категорию исключения в праве как синонимичную понятию «отступление от общего правила» (Heuschling L. Qu'est-ce que, en droit, une «exception»? // La norme et ses exceptions: Quels défis pour la règle de droit? Bruxelles, 2014. P. 45–85).

и строгим правом»¹. На наш взгляд, исключение *stricto sensu* – это всегда некая фактическая ситуация, ставящая под вопрос текущий правовой порядок вообще и отдельные существующие правила поведения в частности; ситуация, заранее не «запрограммированная», даже нежелательная, с социологической точки зрения чаще всего выступающая в качестве негативного явления, однако и не безразличная к праву, т.е. имеющая определённое юридическое значение. Это всегда *факт*, находящийся в определённой связи с нормой, но не охватываемый ею до конца, в полном объёме, до предела, целиком.

Значительная масса такого рода исключительных ситуаций не представляет особой проблемы. Так, например, потенциальная возможность преступления, которое вполне можно признать исключением из нормального порядка², требующего от субъектов общественной жизни вести себя правомерно, уравнивается принципиальной неизбежностью наказания, назначаемого по указанию нормы и в соответствии с определённой, заранее установленной процедурой. Коллизия норм, которая также, несомненно, является исключительной ситуацией в праве, разрешается в соответствии с выработанными наукой и практикой юридико-техническими правилами и приёмами. Законодательные пробелы, выступающие в качестве нежелательных и неординарных ситуаций в процессе правоприменения, преодолеваются

---

¹ *Канушин М. Н.* Теория права (Юридическая догматика). Т. 1. М., 1868. С. 98.

² Наиболее ожидаемым возражением на данный тезис, вероятно, могла бы стать отсылка к позиции Ганса Кельзена, для которого нарушение того или иного правового предписания ни в коей мере не являлось чем-то исключительным. Правонарушение, по мнению Кельзена, является ничем иным, как условием, предпосылкой права, оно «не есть фактический состав, находящийся вне права и противостоящий ему, но ... напротив, это фактический состав, существующий внутри права и определяемый им» (*Кельзен Г.* Чистое учение о праве. СПб., 2015. С. 148). Как можно заметить, отчасти данное утверждение совпадает с ранее изложенным нами тезисом о включенности неправомерных деяний в нормативное поле, но при этом отказывается признавать их в качестве исключений или нарушений правопорядка. На наш же взгляд, недостатком такой позиции, логичной в рамках строгого нормативистского подхода к правопониманию, является то, что она упускает из виду тот реальный негативный эффект, который правонарушения создают в обществе. Эффект этот, к сожалению, не может быть полностью нейтрализован даже при помощи самого совершенного правоприменения.

посредством правотворчества, использования толкования по аналогии (*analogia legis* и *analogia juris*) или субсидиарного применения норм права. И так далее...

Существуют, однако, ситуации, которые являются в полном смысле слова экстраординарными для нормативной системы. Это ситуации, либо вообще не предусмотренные действующими нормами права и существующими в рамках правовой системы институтами, либо ситуации такого неожиданного масштаба, который делает невозможным эффективное действие ординарных правовых средств¹, превосходя возможности правовой системы и подрывая тем самым правопорядок. Так, например, в большинстве современных государств законодательство предусматривает порядок реагирования уполномоченных органов и должностных лиц на такие события, как массовые беспорядки, попытки насильственного свержения конституционного строя, вооружённые мятежи и т.п., за совершение указанных деяний установлена уголовная ответственность, однако время от времени в разных точках земного шара именно беспорядки и народные волнения становятся причиной падения некогда стабильных режимов и разрушения существующих правопорядков. Причина кроется в том, что реальный факт может оказаться гораздо сложнее и мощнее любых нормативных схем и моделей: в таких случаях витальная сила фактического прорывает все заранее установленные ограждения и ограничения, все предупредительные меры, которые выстроены в рамках существующего правового порядка.

Обобщенно все ситуации такого рода – как совершенно внешние по отношению к правовой системе, так и такие, которые лишь превосходят пределы её возможностей – можно именовать *кризисными ситуациями в праве*.

---

¹ Под *ординарными средствами* (или *инструментами*) *правовой системы* здесь и далее понимаются правовые институты, а также юридико-технические приёмы и средства, целиком находящиеся в поле нормативности и рассчитанные на использование в ожидаемых условиях правоприменения, т.е. при нормальной в целом социальной обстановке.

Кризисные ситуации в праве

Кризисные ситуации в праве – это фактические состояния, с которыми связаны значительные риски деформации или разрушения существующего правового порядка общественных отношений, нарушение его логики, структуры, а также системных взаимоотношений составляющих его элементов, и преодоление которых ординарными средствами правовой системы существенным образом затруднено.

Будучи, прежде всего, явлениями социального, фактического плана, кризисы в праве всегда обладают определёнными *социальными предпосылками*, в отрыве от которых рассматривать их не имеет никакого смысла. Зачастую бывает довольно-таки трудно отделить кризисное состояние правовых институтов от кризисов экономического или политического происхождения, кризисов культуры. Видимо, именно в этой связи исследование кризисов правовой сферы обычно находится в тени рассуждений о специфических чертах *права в периоды кризисов*¹. Накапливаясь, негативные социальные предпосылки формируют определённые *кризисные тенденции*, т.е. склонности тех или иных правовых институтов к деформации, вырождению². Так, одной из кризисных тенденций, охвативших правовые системы современных государств, учёные называют гиперюридизацию общественных отношений, т.е. появление избыточного законодательства³, приводящее к утрате правом своего авторитета и регуляторного потенциала.

---

¹ В качестве блестящего примера такого рода исследований см.: *Gross O., Ni Aoláin F. Law in Times of Crisis*. N.Y.: Cambridge University Press, 2006.

² В отличие от Н. А. Власенко, определяющего кризисные явления в праве как «тенденции негативного характера, накапливающиеся и в силу этого представляющие опасность уничтожения основного качества права – регулятивных свойств» (*Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права*. 2013. № 8. С. 43), мы предлагаем рассматривать кризис в праве как факт. В то же время выявление негативных тенденций, несомненно, имеет важное значение для правильного диагностирования и преодоления кризисов правопорядка и правовой системы.

³ Подробнее об этом см. в § 4.1. Также см.: *Pamparacuatro Martín J. En torno a la crisis del derecho // Revista del Derecho Político*. 2015. No. 92. P. 169–171; *Власенко Н. А.* Указ. соч. С. 47; *Толстик В. А.* Правовой тоталитаризм: стратегия правотворчества или движение по инерции? // *Юридическая техника*. 2015. № 9. С. 760.

Помимо социальных предпосылок, структура любого кризиса в праве включает в себя определённую *динамику его протекания*, а также *последствия*. Динамика протекания кризиса в праве представляет собой его процедурную характеристику; последствия – фактический результат развития того или иного негативного для правопорядка явления. Кризисная динамика может включать ряд стадий (этапов) его развития, в упрощённом виде – это а) латентный (скрытый) период созревания, накопления негативных тенденций, б) острая фаза протекания кризиса, в) этап преодоления, смягчения кризисного состояния. Динамика протекания кризиса в праве внутренне связана с *логикой его развёртывания*, под которой можно понимать обусловленные социальными предпосылками, а также волевыми действиями соответствующих субъектов (нормотворческих и правоприменительных органов, граждан, общественных объединений и т.д.) вероятностные направления протекания кризиса. Логика развёртывания кризиса всегда включает в себя фактический и потенциальный элементы, в динамике же воплощается факт – возможность, ставшая действительностью.

Классификация кризисов в праве может учитывать различные их характеристики. Так, по последовательности проявления кризисы в праве могут быть кризисами-причинами и кризисами-последствиями, причём последние всегда относятся к вторичным (последующим) кризисам, тогда как первые могут быть кризисами первичными (первоначальными, инициальными). Первичные кризисы всегда связаны с определёнными социальными предпосылками, но среди этих предпосылок отсутствуют либо, по крайней мере, не являются определяющими, факторы юридического характера (например, резкое ухудшение общей социально-экономической ситуации в стране влечёт за собой скачкообразный рост правонарушений и массовое распространение правового нигилизма). Вторичные кризисы возникают под действием предшествующих им кризисов в праве и представляют собой результат развития негативной логики последних (например, ситуация делегитимации власти в глазах населения как следствие кризиса представительных и/или судебных органов власти).

По характеру протекания кризисы в праве могут быть подразделены на одиночные кризисы и кризисы – цепные реакции. Одиночные кризисы представляют собой отдельные негативные ситуации, кото-

рые удалось тем или иным образом своевременно погасить и которые не привели к иным кризисным явлениям внутри правопорядка (так, например, кризис верховной власти, её нелегитимность в определённых условиях могут быть преодолены посредством проведения новых выборов и мирного отстранения от управления прежних должностных лиц). В отличие от одиночных кризисов, кризисы – цепные реакции могут быть охарактеризованы как такие фактические ситуации, при которых одно кризисное явление влечёт за собой другое, а то, в свою очередь, становится причиной третьего, и так далее. Это наиболее опасные и, пожалуй, наиболее часто встречающиеся кризисные явления в праве.

По масштабам кризисных явлений допустимо выделять общие кризисы, затрагивающие все элементы правовой системы и выражающие крайнюю степень деградации правопорядка, и кризисы, наблюдаемые в рамках отдельных элементов правовой системы. К последним можно относить кризисы системы норм права, кризисы государственных и правовых институтов (например, судебной системы или законодательной власти), кризисы юридической практики, кризисы правосознания.

Ценным представляется подход Н. А. Власенко, с позиций природы кризисов в праве подразделяющего их на органические (системные) и собственные (внутренние), относя к первым явления, тесно связанные с кризисным состоянием различных сфер общественной жизни, а ко вторым – кризисные явления правового характера, не имеющие жёсткой прямой зависимости от иных элементов социальной надстройки¹.

Поскольку подробная, развёрнутая характеристика каждой из разновидностей кризисов в праве в соответствии с изложенными подходами к их классификации вполне может стать предметом отдельного теоретико-правового исследования, представляется необходимым обратить внимание на некоторые наиболее значимые из таких кризисов.

Одной из наиболее распространённых и опасных разновидностей кризисных ситуаций в праве является ситуация *конституционного кризиса*. Конституционные кризисы неоднородны, их причинами мо-

---

¹ Власенко Н.А. Указ. соч. С. 43–44.

гут выступать различные факторы, а их содержание и особенности протекания зависят от множества параметров. Среди основных сценариев конституционных кризисов могут быть названы конфликты между отдельными ветвями (между законодательной и исполнительной властью, между президентом и правительством) верховной государственной власти по поводу распределения тех или иных полномочий, конфликты между органами центральной власти и регионами, продолжительная невозможность (в связи с теми или иными обстоятельствами) сформировать законные институты власти и т.д. Сразу несколько из перечисленных сценариев можно было наблюдать в России в период её постсоветской истории. Так, конфликт 1992–1993 годов между президентом Борисом Ельциным и подконтрольным ему Правительством, с одной стороны, и Верховным Советом России, с другой стороны, вылился в кровопролитные вооружённые столкновения в центре Москвы, привёл к коренной трансформации конституционной системы и принятию нового основного закона. К характерным конфликтам, проходящим по линии противостояния центральной и региональной власти, безусловно, можно отнести вооружённый конфликт в Чечне, развернувшийся после объявления в ноябре 1991 года независимости Чеченской Республики Нохчий-чох (позднее – Чеченская Республика Ичкерия)¹ и, в форме периодически возобновлявшихся военных действий и контртеррористических операций, продолжавшийся до 2009 года. Что касается невозможности в течение продолжительного периода времени сформировать законные институты государственной власти, примером здесь может служить Республика Сербия, не имевшая законно избранного президента с конца декабря 2002 года, когда истёк срок полномочий президента Милана Милутиновича, до июля 2004 года, когда с четвёртой попытки президентские выборы были признаны состоявшимися и главой государства стал Борис Тадич.

---

¹ Подробную предысторию и описание самого конфликта см. в: *Дмитриевский С. М., Гварели Б. И., Чельшьева О. А.* Международный трибунал для Чечни: правовые перспективы привлечения к индивидуальной уголовной ответственности лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений и преступлений против человечности в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике. Т. 1. Нижний Новгород: Общество российско-чеченской дружбы, Нижегородский фонд в поддержку толерантности, 2009. С. 87–165.

Указанные негативные ситуации, несомненно, относятся не только к правовой, но и к политической сфере, однако для правопорядка они имеют не меньшее значение, чем для политической жизни общества. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, большинство кризисов подобного рода (и в том числе ситуации, изображённые в приведённых примерах) связаны с несовершенством либо неоднозначностью норм законодательства, допустимостью его противоречивых толкований отдельными субъектами. Во-вторых, чаще всего такие кризисные ситуации относятся к категории кризисов-причин и даже кризисов – цепных реакций, т.к. влекут за собой целый ряд вызовов и деформаций правового порядка и правовой системы. Наконец, подобные негативные ситуации в подавляющем большинстве случаев являются отражением упадка или, напротив, незрелости правового государства, т.е. связаны с гораздо более широкой конституционно-правовой проблематикой.

Кризисы конституционно-правовой природы, помноженные на ситуацию фактической нелегитимности действующей власти, в наиболее крайних своих проявлениях способны приводить к государственным переворотам, восстаниям и мятежам. В таких случаях правительство, утратившее доверие населения и не способное более эффективно опираться на потерявшие авторитет нормы законодательства, оказывается в чрезвычайно узком поле возможностей: ему остаётся лишь полагаться на грубую силу, и если силы этой по каким-то причинам недостаточно для подавления разбушевавшейся народной стихии, государственный строй рухнет, погребая под собой и прежнюю господствующую элиту, и действовавшие ранее нормы поведения, и вообще весь существующий политический и правовой порядок. Это сценарий, не единожды описанный философами прошлого, повторявшийся много веков и повторяющийся с незначительными изменениями сегодня.

Как отмечалось выше, кризис может охватывать не только отдельные государственно-правовые институты, но даже целые системы права. *Кризис системы права* представляется вполне уместным определить как состояние, при котором система права в единстве составляющих её элементов оказывается неспособной реализовывать стоящие перед ней задачи, т.е. как такое состояние, при котором нормы права обнаруживают свою неадекватность реальным общественным отношениям, неспособность служить в качестве действенного средства разрешения

социальных конфликтов, либо используются в целях, далёких от изначально декларировавшихся устанавливавшими их нормотворческими субъектами. Так, например, система международного публичного права переживала состояния глубокого кризиса в годы Первой и Второй мировых войн; кризисом с уверенностью можно назвать и состояние этой системы в последнее десятилетие, ознаменовавшееся военными интервенциями США и их союзников в Югославию, Ирак и Ливию, вопросом международного признания Республики Косово, Южной Осетии и Абхазии, вооружёнными конфликтами в Донбассе и Сирии.

Отдельно, пожалуй, стоит упомянуть *кризисы правосознания*. Относясь к кризисам правовой сферы, они связаны с куда более широкими проблемами морально-нравственного и религиозного сознания¹. Основными симптомами кризисов правосознания являются массовое распространение правового нигилизма, резкая и необратимая инфляция правовых ценностей, утрата правом своего авторитета в глазах членов общества, вопиющая неадекватность господствующей в стране правовой идеологии и типа правового мышления потребностям социального развития. Поскольку правосознание тесно связано со всеми видами правовой активности, включая правотворчество и реализацию норм права, такого рода кризисы обычно сопровождаются проблемным состоянием самых различных элементов правовой системы, влекут за собой недоверие населения к существующим органам государственной власти, к праву и государству как таковым. Наметившийся кризис общественного правосознания – первый признак деградации правопорядка, первая ласточка будущего разрушения государства. Подобные кризисы похожи на снежный ком: за сравнительно короткие сроки они обрастают все новыми и новыми проблемами, и существующий порядок уже не в состоянии функционировать в прежнем, свойственном здоровому организму, режиме.

---

¹ Повышенное внимание к кризисам правосознания, рассматриваемым в контексте деформаций нравственного и религиозного сознания общества, отличало представителей русской дореволюционной и эмигрантской философской мысли – И. А. Ильина, П. А. Сорокина, Е. Н. Трубецкого и других (см., в частности: *Ильин И. А. О сущности правосознания*. М.: Рарогъ, 1993; *Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика*. М.: Астрель, 2006. С. 880–883; *Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права*. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1917. С. 58).

Возможных вариантов проявления кризисных ситуаций в праве множество. Поскольку, как уже было отмечено выше, в качестве кризисов могут выступать ситуации негативного характера, вообще не предусмотренные действующим правом, исчерпывающий перечень такого рода явлений попросту невозможен. Некоторые кризисы в течение продолжительного времени могут протекать в латентной форме. Возможно даже, что о ряде нежелательных для правопорядка состояний мы не задумываемся как о кризисных явлениях, поскольку они уже сделались для нас привычными. Это ещё раз подтверждает необходимость тщательного анализа как феномена кризисов в праве вообще, так и конкретных кризисных тенденций, имеющих место в юридической сфере.

Так или иначе, появление любого из перечисленных симптомов кризисной ситуации в праве является крайне тревожным событием, и любая правящая элита заинтересована в том, чтобы развёртывания логики кризиса избежать. Если же избежать кризиса всё-таки нельзя, то на первый план выходит вопрос: могут ли заранее быть предусмотрены какие-либо экстраординарные меры, позволяющие бороться с исключительными ситуациями и, в идеале, снизить их опасность до минимума? Озвученный вопрос ведёт нас к проблеме существования так называемых «чрезвычайного права» и «чрезвычайного правового регулирования».

1.3. ЛЕГАЛЬНОСТЬ ДЛЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЕВ

Проблемам чрезвычайного права и правового регулирования посвящён целый ряд научных работ, среди которых следует выделить две диссертации, подготовленные и защищённые в России сравнительно недавно: работу Р. А. Максимова¹, посвящённую механизму действия права в чрезвычайных ситуациях, а также исследование Т. Н. Шмидт, посвящённое чрезвычайному правовому регулированию². Общим для обеих работ является констатация существования в рамках правовой

¹ *Максимов Р. А.* Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях (Общетеоретический аспект). – Дисс. ... канд. юрид. наук. – Пенза, 2014.

² *Шмидт Т. Н.* Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование. – Дисс. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2014.

системы института правового регулирования в чрезвычайных ситуациях, угрожающих безопасности общества и государства и обусловленных факторами объективного либо антропогенного характера. Так, например, Т. Н. Шмидт определяет чрезвычайное правовое регулирование как «правовое регулирование в условиях экстраординарной обстановки, угрожающей политической, экономической, социальной, духовной, информационной и иной безопасности общества и государства»¹. В качестве значимого признака данной разновидности правового регулирования называется расширение дискреционных полномочий государственных органов и должностных лиц². Такому – современному – пониманию чрезвычайного правового регулирования полностью соответствует понимание чрезвычайного или исключительного положения, характерное для юридической науки прошлого и, в частности, для отечественного правоведения XIX – начала XX столетий. Так, российский дореволюционный юрист и государственный деятель Владимир Матвеевич Гессен понимал под «исключительным положением» «совокупность исключительных полномочий, в чем бы они не состояли, предоставляемых правительственной власти, при наступлении обстоятельств, угрожающих изнутри или извне существованию государства»³.

Сторонники концепции «чрезвычайного права» нередко ссылаются на латинскую формулу «*Necessitas non habet legem*» («Нужда не знает закона») в обоснование необходимости предоставления определённым органам и должностным лицам государства значительно более широких полномочий, чем они обыкновенно имеют, и введения правовых режимов, ограничивающих отдельные права и свободы граждан. Ирония, впрочем, состоит в том, что именно на законодательное регулирование таких экстраординарных ситуаций, как правило, делается ставка. Депутаты, чиновники и юристы пытаются как можно детальнее предусмотреть порядок действий государственных органов в случае возникновения тех или иных негативных событий, «подстелить соломку» на случай неожиданного падения. Насколько такие меры действительны?

---

¹ Шмидт Т. Н. Указ. соч. С. 28.

² Там же. С. 32.

³ Гессен В. М. Исключительное положение. СПб., 1908. С. 74.

Чрезвычайное правовое регулирование: от Древнего Рима до наших дней

Как уже, наверное, стало понятно, концепция чрезвычайного правового регулирования не является чем-то специфически новым, хотя именно в таком терминологическом оформлении она выступала далеко не всегда.

Ещё правопорядку античного Рима была известна практика назначения диктаторов (*dictator*, в иных источниках – *magister populi*) – должностных лиц с особыми полномочиями для устранения опасностей, встающих перед государством (для отражения атаки неприятеля, подавления восстания внутри страны и т.п.). Диктатор назначался консулом по поручению римского сената сроком на полгода, при этом обычай республиканского периода предписывал ему сложить свои полномочия досрочно, если он выполнил порученное ему дело. Военно-административная власть (*imperium*) диктатора, в отличие от чиновной власти консулов, не ущемлялась ни коллегиальностью, ни правом вето народных трибунов, ни апелляцией к народу¹. Как указывается в титуле II книги первой Дигестов Юстиниана, диктаторам было предоставлено право приговаривать к смерти, при этом на них нельзя было жаловаться². В своём исследовании, посвящённом исключительным полномочиям органов государственной власти в периоды кризисов, Орен Гросс (Oren Gross) и Фйунула Нйи Илан (Fionnuala Ní Aoláin) отмечают:

«Римляне учредили систему, в которой чрезвычайный институт являлся признанным и регулярным инструментом управления, встроенным в конституционные рамки»³.

Римская республика была первым государством из тех, что внесли практику чрезвычайных полномочий органов и должностных лиц центральной власти в нормативную систему, сделав институт чрезвычайных полномочий регулярным правовым институтом. Впоследствии,

---

¹ Шмитт К. Диктатура. С. 19.

² Дигесты Юстиниана. Т. 1. М.: Статут, 2002. С. 95.

³ Gross O., Ní Aoláin F. Law in Times of Crisis. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. P. 17.

однако, по этому же пути пошли и многие другие государства, причём наибольшее развитие институты чрезвычайного регулирования получили в период европейских буржуазных революций.

Так, например, законодательство Франции с давних пор знает институт осадного положения (*état de siège*), откуда он практически в неизменном виде перекочевал в Латинскую Америку (там он известен как *estado de sitio*). Изначально данный институт предполагал наделение командующего армией всей полнотой власти, в том числе полномочиями по поддержанию порядка и внутренней безопасности, и призван был действовать в условиях осады города войсками неприятеля. После Французской революции смысловое наполнение института осадного положения изменилось. Режим осадного положения стал вводиться не только при осаде города внешним противником, но и в ситуациях внутренних волнений. Такое расширение понимания данного института привело к различению реального осадного положения, т.е. осадного положения в собственном смысле слова (*état de siege réel*), и фиктивно-го, или политического осадного положения (*état de siege fictif*)¹.

В настоящее время порядок и основания введения режима осадного положения во Франции регулируются нормами Конституции Республики от 4 октября 1958 года² и Кодекса обороны, утверждённого ордонансом № 2004-1374 от 20 декабря 2004 года и ратифицированного законом № 2005-1550 от 12 декабря 2005 года³. В соответствии со статьёй L2121-2 Кодекса обороны Франции полномочия по поддержанию общественного порядка и иные полицейские функции передаются органам военной власти. Часть юрисдикции гражданских судов при этом передаётся военным трибуналам (статья L2121-3). Кроме этого, режим осадного положения предполагает наличие у военных властей ряда исключительных полномочий, которые у них отсутствуют в ор-

¹ Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: «Европа», 2011. С. 12-13; Gross O., *Ni Aoláin F.* Op. cit. P. 27.

² Статья 36: «Осадное положение объявляется Советом министров. Его продление на срок свыше 12 дней может быть разрешено только Парламентом» (Constitution de la République française // Assemblée nationale. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/connaissance/constitution.asp>).

³ Code de la défense // Legifrance. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071307&dateTexte=20120725> (дата обращения: 27.02.2020).

динарных условиях: производить обыски в жилых помещениях днём и ночью, запрещать публикации и собрания, если они угрожают общественному порядку, и пр.¹

Для английской правовой доктрины характерны такие понятия, как *martial law* (военное право, военное положение, буквально – «Марсов закон») и *emergency powers* (чрезвычайные полномочия). Хорошее объяснение правовой природы английского института военного положения (*martial law*) было в своё время дано К. Шмиттом:

«Это своего рода незаконное состояние, при котором исполнительная власть, т.е. осуществляющая свое вмешательство армия, может без оглядки на рамки закона действовать так, как того в интересах победы над противником требует положение дел. В этом смысле право войны, несмотря на то что оно так называется, является не правом, не законом, а такой процедурой, которой существенным образом довлеет фактическая цель и при которой правовое регулирование бывает ограничено точной формулировкой условий ее применения <...> В качестве правооснования такого неправового положения признается то, что в таких случаях все прочие государственные власти парализованы и бездействуют, в частности не может продолжаться деятельность судов. <...> Таким образом, военное положение знаменует собой пространство, предоставляемое для проведения военной операции с использованием ситуативной техники, пространство, в котором допустимо все, чего потребует положение дел»².

Особое значение придаётся чрезвычайным правовым институтам в юридической науке и практике Германии, что связано в том числе с той противоречивой ролью, которую эти институты сыграли в политической истории данной страны.

Главным юридическим документом, на котором основывался институт чрезвычайного положения в Веймарской Германии, являлась

---

¹ Code de la défense // Legifrance. URL: http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=A0A9981E6A1CBB4814E15BC38F3B2D97.tpdila09v_2?idSectionTA=LEGISCTA000006166913&cidTexte=LEGITEXT000006071307&dateTexte=20150305 (дата обращения: 27.02.2020).

² Шмитт К. Диктатура. С. 194–195.

Конституция 1919 года, статья 48 которой предоставляла рейхспрезиденту право принимать меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка в стране, в том числе использовать для этих целей военную силу, а также временно приостанавливать гарантии основных прав, данные статьями 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 Конституции (гарантии неприкосновенности свободы личности, неприкосновенности жилища и собственности, гарантии соблюдения тайны переписки, гарантии свободы слова, свободы собраний и ассоциаций)¹.

Современная немецкая конституционно-правовая доктрина и практика конституционного строительства ФРГ исходят из того, что введение внешнего чрезвычайного положения возможно в случае защиты от нападения, в случае напряжённости, а также в рамках условий о союзе. Состояние оборонительной войны признаётся бундестагом и бундесратом, если на территорию Федерации совершено или готовится нападение вооружённых сил, а право введения чрезвычайного положения относится к компетенции федерального правительства².

В действующем российском законодательстве предусмотрены правовые режимы чрезвычайного и военного положения, а также правовой режим контртеррористической операции, предполагающие введение в исключительных случаях особого порядка функционирования институтов государственной власти и реализации частными лицами их прав и свобод.

Так, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 года чрезвычайное положение понимается как особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций, допускающий от-

---

¹ См.: Die Verfassung des Deutschen Reiches (“Weimarer Reichsverfassung”) 11. August 1919 // Verfassungen des Deutschen Reiches (1918–1933). URL: <http://www.verfassungen.de/de19-33/verf19-i.htm> (дата обращения: 27.02.2020).

² Белоусов А. А. Германский опыт использования чрезвычайного законодательства в национальной правовой системе права: плюсы и минусы // Особенности теории и практики нормативно-правового регулирования общественных отношений и правоприменения в различных правовых семьях мира в призме использования их рационального опыта в правовой системе России, в том числе в системе МВД России: материалы международной научно-практической конференции 13 мая 2011 г. Калининград: Изд-во КЮИ МВД России, 2011. С. 195.

дельные ограничения прав и свобод физических и юридических лиц, а также возложение на них дополнительных обязанностей. Статья 3 закона выделяет две группы обстоятельств, с которыми связывается возможность введения чрезвычайного положения, причём к первой из них относятся факты социального происхождения («попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти, вооружённый мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооружённых формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления»), а ко второй – факты природного и техногенного характера («чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ»)¹.

Военное положение, согласно части 2 статьи 87 Конституции 1993 года и статьям 1, 3 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 года, вводится президентом в случае внешней агрессии (или угрозы агрессии) против Российской Федерации. Данный правовой режим также предполагает ограничение отдельных прав и свобод граждан, а также деятельности организаций².

Режим контртеррористической операции может вводиться в целях пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества

---

¹ О чрезвычайном положении: федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

² О военном положении: федеральный конституционный закон от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

и государства. В соответствии с частью 3 статьи 11 Федерального закона «О противодействии терроризму» на период проведения контртеррористической операции допускается применение ряда особых мер и временных ограничений правового статуса граждан, в том числе удаление физических лиц с отдельных участков местности и объектов, ведение контроля телефонных переговоров и иной передаваемой по телекоммуникационным каналам информации, приостановление оказания услуг связи физическим и юридическим лицам, ограничение движения транспортных средств и пешеходов на улицах, беспрепятственное проникновение проводящих контртеррористическую операцию лиц в жилые помещения и на земельные участки частных лиц, на территорию и в помещения организаций любых форм собственности и т.д.¹

Пределы «чрезвычайного права»

Не ставя перед собой задачу более подробного рассмотрения моделей чрезвычайного правового регулирования, существующих в различных странах мира или существовавших в них когда-то прежде, мы должны констатировать, что практически все эти модели основываются на простой, хотя и не бесспорной мысли, согласно которой в периоды бедствий, представляющих опасность для государства, в государстве могут действовать нормы и институты, отличные от регулярных, а отдельные фрагменты законодательства могут быть ограничены в действии². Иными словами, речь идёт о попытке включить (насколько это возможно) экстраординарные по своей сути ситуации в поле нормативности, снизить их опасность для правопорядка, предусмотреть легальные меры противодействия возможным кризисам. Это явление представляет собой не что иное как совершенно своеобразную форму легальности – *легальность для исключительных случаев*.

Можно ли, однако, считать чрезвычайное правовое регулирование панацеей от кризисных ситуаций, угрожающих правопорядку? К сожалению, нет. Как следует из вышеприведённого краткого обзора, институты чрезвычайного регулирования направлены преимущественно

¹ О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

² Gross O., *Ní Aoláin F.* Op. cit. P. 17.

на предотвращение (минимизацию опасности) народных волнений, попыток осуществления государственного переворота, распада территориальной целостности государства и ряда подобных, конституционных по своему характеру, кризисов. Также эти меры могут способствовать более эффективной борьбе со стихийными бедствиями, эпидемиями, техногенными катастрофами и иными исключительными событиями объективного характера. Но никакие экстраординарные юридические механизмы не способны справиться с делегитимацией действующих институтов власти, с проблемой кризиса представительства, с потерей позитивным правом своего авторитета и регулятивного потенциала. Тем более бессильны любые чрезвычайно-правовые меры против ситуации кризиса правосознания. Получается, что *широкий круг возможных кризисов в праве лежит за пределами возможностей позитивно-правовых мер, а институты «чрезвычайного права», призванные реагировать на кризисные ситуации, принципиально не так уж сильно отличаются от вполне ординарных средств правовой системы, к каковым относится уже упомянутый выше институт юридической ответственности.*

Хотя это противоречит широко распространённым в юридическом сообществе идеям о практическом всеисилии нормотворчества в решении любых социальных проблем, в действительности никакое чрезвычайное законодательство, никакие чрезвычайные органы власти с чрезвычайными полномочиями не гарантируют, что удастся справиться с кризисным состоянием самого государства, с параличом государственной власти, с разъедающими правопорядок проблемами, истоки которых зачастую лежат за пределами правовой сферы. Кризисные состояния в праве могут быть и чаще всего являются отражениями глубоких социальных и политических противоречий, экономических и духовно-культурных проблем, которые не могут быть улажены или сняты директивным путём. Именно поэтому попытки втиснуть все богатство и разнообразие жизненных ситуаций в прокрустово ложе нормативно-правового формализма являются во многом самообманом праявляющих кругов, их предпринимающих.

Важно отметить и то, что даже наличие законодательно предусмотренной возможности прибегнуть к неким чрезвычайным полномочиям не означает автоматически, что власть такими полномочиями восполь-

зуются и сделает это надлежащим образом. Помимо формально, т.е. «на бумаге», существующих механизмов должна наличествовать реальная политическая воля и умение воспользоваться этими механизмами. Когда дальнейшее существование прежнего государственного строя висит на волоске, когда борьба за умы граждан уже проиграна, когда оппозиционной фракции общества не хватает лишь искры, чтобы зажечь пожар восстания, тогда введение чрезвычайного правового режима может озлобить народные массы, подтолкнуть их к скорейшему демонтажу прежнего правопорядка. Насилие государства может натолкнуться на ещё большее насилие со стороны сил, ему противостоящих, и тогда деструкция правопорядка начинает восприниматься обществом как ответная мера на «антидемократичные», «диктаторские», «тиранические» чрезвычайные меры законных институтов власти.

Истории известно немало примеров, когда власть, оказавшись один на один с кризисной ситуацией, бросающей вызов политическому будущему правящей элиты и даже будущему самой государственности, проявляла либо фатальную бездеятельность, либо же, напротив, чередой жёстких, но неумелых действий добивалась эффекта, ровно обратного ожидаемому. Как мы помним, первой русской революцией обернулся бездарный и безосновательно жестокий разгон мирного шествия рабочих Санкт-Петербурга 9 января 1905 года, вошедший в учебники под именем «Кровавого воскресенья». Подобным образом, к ускорению процессов развала СССР и смены российской правящей элиты привело образование 18 августа 1991 года Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП СССР), объявление им чрезвычайного положения¹ и дальнейшие нерешительные действия,

---

¹ Из заявления ГКЧП СССР: «...в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества, исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик; руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей, ЗАЯВЛЯЕМ: 1. В соответствии со статьёй 1273 Конституции СССР и статьёй 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», и идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе,

обнажившие неспособность советского руководства предпринимать оперативные и эффективные меры по реализации заявленного. Государственным переворотом, потерей территориальной целостности и началом кровопролитной гражданской войны обернулось принятие на Украине в январе 2014 года пакета законов, инициированных президентом Виктором Януковичем и тут же заклеянных оппозицией как «законы о диктатуре» или «диктаторские законы»¹. Эти трагичные страницы истории, как представляется, весьма полезно было бы специально изучать юристам, уверенным в том, что правовыми средствами можно справиться практически с любой негативной ситуацией.

Итак, чрезвычайные правовые меры совершенно не гарантируют устранение кризисной ситуации, угрожающей правопорядку. Также они вряд ли могут рассматриваться в качестве универсального средства против кризисов в праве, поскольку их содержание в основном исчерпывается экстренным повышением интенсивности (и результативности) деятельности государственного аппарата, что, к сожалению, не всегда позволяет решить подлинную проблему. Иными словами, если каким-то органам и должностным лицам государства просто не хватает более широких полномочий для того, чтобы по-настоящему эффективно исполнять свои функции, то актуальной задачей и правда может стать предоставление им этих дополнительных полномочий, определённое «развязывание рук», избавление от излишне стесняющих рамок ординарного законодательства (это помогает, например, при народных волнениях, плохо подготовленных и не обусловленных

обеспечения законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года» (Заявление Советского руководства // ГКЧП СССР. Сборник опубликованных документов (август 1991 года). М.: Самиздат, 2011. С. 4. URL: <http://gkchp.ssr.ru/gkchp.pdf>).

¹ Про внесення змін до Закону України «Про судоустрій і статус судів» та процесуальних законів щодо додаткових заходів захисту безпеки громадян: закон України від 16 січня 2014 року № 721-VII // Відомості Верховної Ради. – 2014. – № 22. – Ст. 801; Про внесення змін до Кримінального процесуального кодексу України щодо заочного кримінального провадження: закон України від 16 січня 2014 року № 724-VII // Відомості Верховної Ради. – 2014. – № 22. – Ст. 805; Про внесення змін до Регламенту Верховної Ради України: закон України від 16 січня 2014 року № 724-VII // Відомості Верховної Ради. – 2014. – № 9. – Ст. 92.

неразрешимыми противоречиями; это помогает в ситуациях стихийных бедствий, когда в кратчайшие сроки требуется нормализация обстановки, и когда в отсутствие скорых положительных результатов госаппарат может быть обвинён в бездеятельности, неэффективности, недееспособности). Однако если причины кризиса фундаментальны, если кризис в действительности гораздо шире своих зримых проявлений, если он уже пустил свои метастазы в самые глубокие сферы жизни общества, то чрезвычайным правовым режимам остаётся лишь сражаться с его следствиями, отдельными проявлениями, и эта борьба не намного более целесообразна, чем борьба Дон-Кихота с ветряными мельницами. Кроме того, не следует забывать, что чрезвычайные правовые режимы, экстраординарные органы и должностные лица с исключительными полномочиями так или иначе являются правовыми институтами, *встроенными в существующий правопорядок*. Если этот порядок сам по себе испытывает глубочайшие перемены, если он уже в принципе не отвечает реально складывающимся (сложившимся) в обществе отношениям, тогда даже чрезвычайные его институты не способны спасти этот порядок от неминуемого крушения, ведь они – его неотъемлемая часть, пусть и располагающаяся на периферии нормативности.

Ограниченность чрезвычайных правовых средств, встроенных в существующую легальность, должна ясно осознаваться юристами и, в первую очередь, государственными деятелями. Тем не менее, следует всё же признать, что в определённых обстоятельствах эти средства действительно могут быть эффективны в деле противодействия разрушительным факторам, сохранения правопорядка и государственности.

Когда же, однако, возникает непреодолимый, предельный кризис правопорядка? Когда кризис в правовой сфере достигает своей кульминационной точки, а правовая система вместе с существующим порядком оказываются в состоянии глубокой трансформации, деградации, дефрагментации? Здесь нам следует обратиться к общей теории правовой системы общества, способной привести нас к ряду полезных выводов, касающихся предмета данного исследования.

1.4. ПОМЫСЛИТЬ ПРЕДЕЛ: ВЫРОЖДЕНИЕ БАЗИСА ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ И КРИЗИС ПРАВОПОРЯДКА

Кризисы правопорядка и кризисы в экономике: проблема «надстройки» и «базиса»?

Как уже было сказано, кризисные состояния правопорядка обычно связаны с кризисными явлениями в иных сферах общественной жизни – в политике, в социальной сфере, в области культуры и т.д. Это логично, ведь сам правопорядок (или правовой порядок) представляет собой не что иное как реально существующую систему узаконенных общественных отношений в их сочетании с добровольно или по принуждению разделяемыми большинством членов общества нормативными представлениями; т.е. правопорядок – это именно и в первую очередь социальные отношения¹. Поскольку общество не существует в виде функционирующих автономно друг от друга областей правовой, политической, экономической, культурной жизни и всегда должно рассматриваться в синкретическом единстве, позволяющем, однако, с определённой долей условности выделять в его рамках специфику отдельных родов отношений, наиболее простой мыслительной операцией является отождествление кризисов в правовой сфере с определёнными проблемами в иных сферах жизни общества. Материалистический подход к правовым явлениям заставляет нас признать обусловленность кризисных состояний правопорядка негативными процессами и противоречиями в области материальных отношений, прежде всего – в области экономики. Таким образом, вопрос кажется исчерпанным: любой кризис правопорядка есть кризис системы экономического хозяйства, выражающий несоответствие господствующих и официально признаваемых экономических отношений действительным потребностям об-

---

¹ Разумеется, это далеко не единственная точка зрения на суть и значение названного теоретического концепта. Так, например, с точки зрения Г. Кельзена правопорядок является системой норм, а разговор о правопорядке есть разговор о «порядке человеческого поведения» (см.: Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Вып. 1. М., 1987. С. 24). В рамках данного исследования мы придерживаемся дескриптивно-социологического подхода к пониманию категории «правопорядок» (см. на эту тему: Сауляк О. П. Сущность правопорядка: теоретико-методологическое исследование. – Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 25–26).

щества, разрыв между структурами политико-правовой «надстройки» и самим экономическим «базисом».

Признавая наличие рационального элемента в изложенных рассуждениях и в принципе соглашаясь с тем, что кризисное состояние правопорядка всегда связано с кризисным состоянием куда более широкого круга социальных институтов, в том числе с кризисами экономической модели общества, мы, тем не менее, не должны полностью принимать эту упрощенную логику. Причин для этого имеется несколько.

Во-первых, некритичное выведение правовых явлений в область так называемой «надстройки» с полным их подчинением материальным экономическим отношениям препятствует глубокому осознанию специфики этих явлений. Право – не служебный инструмент в руках экономики, а своеобразный социальный феномен, который не следует сводить к средству регулирования (или опосредования) экономических отношений и который имеет гораздо более широкий набор функций – от функции предотвращения и сглаживания конфликтов до оценочной и коммуникативной функций, позволяющих отличать условно «своих» от условно «чужих» и оценивать поведение социальных акторов.

Нам следует согласиться с позицией французского философа Корнелиуса Касториадиса, критиковавшего идею описания правовой, политической и культурной сфер общественной жизни как всего лишь элементов так называемой «надстройки» над «базисными», экономическими отношениями и объяснения этих сфер через схематичную обусловленность «базисом», т.е. в конечном итоге – производственными отношениями. По мнению Касториадиса, «надстройка – не что иное, как ткань социальных отношений, не более и не менее реальных, не более и не менее “инертных”, чем другие отношения, настолько же “обусловленных” базисом, как и последний обусловлен ими, если слово “обуславливать” может быть использовано для обозначения способов сосуществования различных моментов и аспектов всех видов социальной активности»¹.

Во-вторых, абсолютизация экономического аспекта тех или иных социальных (например, правовых) явлений ведёт к риску упущения из виду иных аспектов, в которых проявляется характеристика этих явле-

---

¹ Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Изд-во «Гнозис», Изд-во «Логос», 2003. С. 27.

ний. Понимание динамики экономических отношений помогает в анализе права и правопорядка, однако на облик, характер и перспективы развития последних оказывают влияние и иные факторы, в том числе факторы географического (пространственного)¹ и духовно-культурного плана – тем более что, как уже отмечалось нами ранее, само право представляет собой духовно-культурный феномен, а его почвой, по словам Гегеля, является духовное.

В-третьих, далеко не все социальные феномены, относящиеся, скорее, к сфере юридического, могут быть исчерпывающим образом объяснены экономическими факторами. Существенные различия в образе жизни и нормативно-ценностных основах функционирования обществ, развивающихся на схожих экономических платформах и близких друг к другу по уровню экономического развития (например, Япония и Южная Корея, с одной стороны, и Германия и Франция, с другой стороны; страны континентальной Западной Европы и США²; любое буржуазно-демократическое государство Европы, Северной и Южной Америки в сравнении с современной Российской Федерацией³), с неизбежностью требуют обращения к изучению внеэкономических оснований современных цивилизаций, их политико-правового и культурного бытия.

¹ Карл Шмитт считал фактор пространства и наличие некоего пространственного порядка, характеризующего жизнь общества, определяющими для понятий права и правопорядка: «...все последующие писаные и неписаные правила черпают свою силу из внутренней меры некоего изначального акта, конституирующего пространственный порядок. <...> в основании каждого нового периода и каждой новой эпохи сосуществования народов, держав и стран, властителей и разного рода властных образований лежат акты нового распределения пространства, установления новых границ и новых пространственных порядков Земли» (*Шмитт К. Номос Земли в международном праве jus publicum eugroaeum // Шмитт К. Номос Земли в праве народов jus publicum eugroaeum. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 64–65*).

² Конечно, Соединённые Штаты в настоящее время обладают значительно большим экономическим потенциалом, чем любое государство Европы, однако особенности политической культуры и общественной морали делают США уникальным явлением даже безотносительно их экономического могущества.

³ Попытки сопоставить Россию даже со странами, занимающими промежуточное положение между условно «первым» и условно «третьим» миром (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Мексика) привели бы к констатации многочисленных и немаловажных различий, несмотря на определённые сходства в принципах и структурах экономического хозяйства.

В-четвёртых, объяснение всех социальных явлений через экономические отношения препятствует углублённому пониманию самих экономических отношений, их причин и предпосылок, лежащих в том числе за пределами собственно хозяйственной сферы.

Факторы динамики правопорядка

Таким образом, облик правопорядка связан отнюдь не только с характером экономических отношений. На состояние и тенденции развития правового порядка того или иного общества в не меньшей степени оказывают влияние следующие факторы:

- система действующих в обществе правовых, а также иных социальных норм (обычаи, традиции, религиозные, этические и т.п. нормы);
- состояние массового сознания (в том числе – правосознания);
- набор базовых ценностей, разделяемых большинством граждан;
- идеи, идеалы и социальные мифы, охватывающие большую часть общества, скрепляющие общество¹;
- комплекс распространённых среди членов общества социальных ожиданий;
- система сложившихся в обществе институтов, прежде всего – институтов власти, а также институтов разрешения социальных конфликтов, защиты гражданских прав и законных интересов;
- реальный социальный авторитет вышеперечисленных институтов;
- сложившийся в обществе баланс социальных сил, реальное положение основных фракций общества (сословий, классов, страт и т.д.);
- состояние гарантированности интересов различных слоёв общества;
- сложившееся в обществе соотношение юридически значимого поведения, не противоречащего предписаниям правовых норм, и поведения правонарушающего, соотношение легальных и теневых социальных институтов;

---

¹ Ср.: «...порядок в конкретном обществе есть результат исторической ответственности и политико-правового творчества того или иного народа или нации, находящийся под влиянием какого-либо духовно-нравственного идеала» (*Трацко Г. С. Порядок общества: теоретико-правовой и институциональный анализ.* – Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Краснодар, 2007. – С. 16).

- состояние информированности членов общества об объеме своих прав и способах их реализации.

Часть перечисленных факторов имеет правовой характер, тогда как другая – надо сказать, более значительная – их часть относится к явлениям неюридического плана, сама по себе интересуя, скорее, социологию, нежели юриспруденцию. Как нетрудно заметить, *в существенной мере факторы, определяющие характер правопорядка, пересекаются с факторами, характеризующими специфику правовой системы общества.*

Понятием «правовая система» в научной литературе принято характеризовать сложно организованную совокупность всех существующих в том или ином обществе, в той или иной стране правовых явлений¹. Достаточно ёмкое определение данного понятия предложено профессором В.Н. Карташовым: *«единый комплекс органически взаимосвязанных и взаимодействующих между собой правовых явлений (права, правосознания, юридической практики и т.п.), с помощью которого осуществляется целенаправленное воздействие на поведение людей, их коллективов и организаций и юридическое обеспечение (обслуживание) различных сфер общественной жизни»*².

По неизвестной нам причине в научной литературе не принято соотносить правовую систему общества и правовой порядок как юридические феномены (по крайней мере, о подобных попытках нам не известно). Не имея цели подробно углубляться в столь непростую теоретическую проблему, мы можем предположить, что названные явления (и понятия, их характеризующие) пересекаются друг с другом, хотя друг другу и не тождественны. Тогда как категория «правопоря-

---

¹ Порой правовую систему рассматривают в более узком смысле, понимая под ней лишь совокупность всех действующих в обществе юридических норм. Данный подход в целом не свойственен отечественной юридической науке, предпочитающей разграничивать созвучные понятия «система [норм] права» и «правовая система [общества]», рассматривая их как часть и целое. Узкого понимания правовой системы придерживается в основном ряд англоязычных авторов (См., например: *Raz J. The Concept of a Legal System: An Introduction to the Theory of Legal System. Oxford: Clarendon Press, 1980*). В рамках данного исследования мы придерживаемся традиционного для отечественного правоведения подхода.

² *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества. В 2 т. Т. 1. Ярославль: ЯрГУ, 2005. С. 49.

док» выражает систему особых общественных отношений, указывает на опосредуемый юридическими нормами и охраняемый особой властной инстанцией (государством, «управленческим штабом»¹) порядок общества, понятие «правовая система» охватывает собой систему нормативных предписаний и принципов права (т.е. права в объективном смысле), систему источников права (т.е. форм выражения правовых предписаний), систему нормотворческих и правоприменительных органов, систему общественного правосознания (правовые идеи, представления, взгляды и т.д.) и юридическую практику (осуществляемую в рамках конкретных правоотношений)². Иными словами, правовая система как общетеоретическое понятие несколько шире понятия правопорядка. Она включает в себя элементы (правовые нормы, институты, правосознание), которые можно отнести к факторам, определяющим облик правового порядка. С другой стороны, её динамика детерминирована динамикой изменения общественных отношений, составляющих правопорядок. Следовательно, оба разбираемых нами правовых феномена с разных сторон характеризуют во многом единое явление – *правовое бытие общества*, а потому выводы об одном из них могут привести нас к более глубокому пониманию другого.

К числу тем, довольно-таки подробно разобранных на научно-теоретическом уровне, относится проблема типологии национальных правовых систем. В рамках общей теории права и науки сравнительного правоведения предложен целый ряд значимых критериев для выделения типов правовых систем, существующих или когда-либо существовавших на земном шаре. Использование этих критериев позволяет достаточно глубоко проанализировать структуры, характеризующие правовой аспект бытия того или иного общества, отделить уникальное в них от присущего определённому множеству обществ (народов, наций).

В своё время французский классик юридической компаративистики Рене Давид отметил, что различия правовых систем не зависят только от входящих в состав права норм.

---

¹ Управленческий штаб (Verwaltungsstab) – понятие социологии Макса Вебера, характеризующее аппарат политического господства над обществом (см.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Указ. соч. С. 488).

² См.: Карташов В. Н. Указ. соч. С. 50.

«Нормы права могут меняться росчерком пера законодателя. Но в них немало таких элементов, которые не могут быть произвольно изменены, поскольку они теснейшим образом *связаны с нашей цивилизацией и нашим образом мыслей* (курсив наш – Р.Р.). Законодатель не может воздействовать на эти элементы, точно так же как на наш язык или нашу манеру размышлять»¹,

– писал Давид.

Связь правовых предписаний и, в конечном счёте, права вообще с цивилизационными характеристиками общества и мышлением – это та точка, от которой можно оттолкнуться при анализе глубинных структур, лежащих в основании правовых систем и правопорядков.

Хотя эта тема требует отдельного обстоятельного исследования, мы должны констатировать безусловную связь права и мышления. Нормы, т.е. правила поведения, являющиеся основной составляющей права, отражают доминантные представления людей о рациональном – представления, которые могут различаться у различных обществ, на различных исторических этапах их развития. По крайней мере, таковы изначальные нормы и принципы права, из которых исторически развивается та или иная правовая система, – это учреждающий, конститутивный компонент правовой системы. Из правовых норм того или иного народа той или иной эпохи исследователь способен почерпнуть сведения о рациональности соответствующего общества. Право непосредственно связано с языком, т.к. именно в языковых конструкциях получают выражение юридические предписания. Язык, в свою очередь, неотделим от мышления, он служит средством передачи из поколения в поколение опыта, знаний, традиций той устойчивой социальной группы, которая зовётся народом.

Право связано с языком, а его история и актуальное состояние неотделимы от истории народов, эволюции их социально-политических институтов, развития цивилизаций. Таким образом, любая правовая система в своей глубине, в своих истоках содержит особенности соответствующей цивилизации. Формирование любой национальной или

---

¹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 2009. С. 26.

локальной правовой системы вызвано определёнными, значимыми для соответствующего народа, этапными моментами его истории. Почти любая правовая система – хотя сегодня в это практически невозможно поверить – несёт в себе элемент архаического, обращающий исследователя, докопавшегося до него, к догосударственным временам, периоду этногенеза соответствующего народа. В практически любой правовой системе могут быть отысканы структуры, имплицитно указывающие на переломные моменты в истории того или иного общества – моменты рождения нации, учреждения нового социального устройства, установления принципиально новых правил. Метафорически право могло бы быть уподоблено куску горной породы, сохранившей окаменелые останки биологических организмов минувших геологических эпох.

Онтологический фундамент права и возможность предельного кризиса

Все вышеотмеченное, на наш взгляд, позволяет сделать предположение о существовании неких постоянных структур, лежащих в основе правовых систем, и отражающих ключевые бытийно-исторические характеристики соответствующих народов, цивилизаций, государств, общностей. В числе таких структур представляется необходимым назвать следующие:

1. *Матрица представлений* о добре и зле, допустимом и недопустимом, справедливом и несправедливом, возможном, запрещённом и должном, нормальном и отклоняющемся от нормы, и т.д. Данный компонент связан с широким кругом мифологических, религиозных, философских и идеологических представлений, которые могут быть прослежены вплоть до исторических эпох, предшествовавших формированию государственных образований и позитивного права как относительно автономной системы социальной регуляции.

2. *Правовой менталитет народа*, характеризующийся:

- априорными для членов соответствующей общности представлениями о нормальных и должных моделях социального поведения;
- отношением к [правовому] статусу других индивидов, основными паттернами признания других индивидов в качестве субъектов социального (правового) общения и носителей определённых прав;

- типическими [правовыми] реакциями на те или иные социально значимые факты реальной жизни (властная команда, решение по спору о праве, смена руководящего аппарата и пр.);

- осознанием феноменов власти, подчинения, иерархии и т.д.

Ценное теоретическое обобщение делает применительно к данному понятию профессор В. Н. Гуляихин, описывающий правовой менталитет как «поле априорных инвариантных форм правосознания человека» и отмечающий, что его «важной составляющей являются исторически сложившиеся и транслирующиеся из поколения в поколение представления о формах и организации социально-правового бытия (курсив наш. – Р. Р.), которые могут подвергаться медленной коррекции в соответствии с требованиями времени»¹.

3. *Преобладающие логико-семантические структуры*, в которых выражается язык права соответствующей общности и которые характеризуют смысловую нагруженность и смысловые оттенки правовых понятий (долг, свобода, ответственность, право, вещь, собственность и т.д.).

4. *Преимственность в истории* соответствующей общности (народа, нации), цивилизации, государства как выражение их бытия.

5. *Относительное институциональное постоянство*, характеризующее порядок правотворческой и правоприменительной деятельности, управления обществом, разрешения споров о праве и преследования правонарушителей.

6. *Укоренившиеся в политико-юридической практике традиции* правотворчества, правоприменения, взаимоотношений между основными институтами общества (например, между верховной государ-

---

¹ Гуляихин В. Н. Правовой менталитет российских граждан // NB: Вопросы права и политики. 2012. № 4. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.4.310. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_310.html.

ственной властью и народом¹, между государством и церковью², между отдельными ветвями государственной власти).

Перечисленные структуры, лежащие в основе национальных правовых систем, могут быть охарактеризованы как достаточно устойчивые: хотя они и подвержены определённым изменениям, их динамика незначительна в сравнении с динамикой таких составляющих правовых систем, как, например, нормы, источники права или конкретные институты правотворчества и правоприменения.

Осознавая дискуссионность такого предложения, мы полагаем возможным объединить все вышеперечисленные структуры понятием *онтоисторического*³ базиса правовой системы (далее также – ОИБПС). Представляется, что данное понятие, не использовавшееся ранее в юридической науке, позволяет осмыслить единство социального бытия в конкретном непосредственном его проявлении с историче-

---

¹ Так, некоторые учёные указывают на особый характер взаимоотношений народа с единоличным главой государства (монархом, президентом) в России. Последний выступает в этих отношениях в качестве защитника всего общества от произвола бюрократии (боярства, чиновничества), власть его зачастую воспринимается как сакральная (см.: *Nabokova L. S. Integrated Concepts of Archetypical Structures as a Relevant Political Technology in Russia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. No. 2. P. 271–284; Heretz L. Russia on the Eve of Modernity: Popular Religion and Traditional Culture under the Last Tsars. N.Y.: Cambridge University Press, 2008. P. 124–126*). Философ Н. Н. Алексеев отмечал также, что, в отличие от Западной Европы, «где мир был узок и укрыться было некуда», и где единственным путём развития взаимоотношений общества и государства было усовершенствование государства и ослабление его давления на гражданское общество, в России эта проблема исторически решалась посредством непрерывной колонизации южных и восточных земель, в которых русские искали укрытия от государственной власти и в которых государство раз за разом наступало ушедших (см.: *Алексеев Н. Н. Русский народ и государство // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: «Аграф», 2003. С. 73–74*).

² Модель взаимоотношений государства и церкви в дореволюционной и постсоветской России нередко оценивается как «византийская», основанная на принципе «симфонии светской и церковной власти» (См.: *Мишунова Т. Л., Романовская Л. Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3 (2). С. 147–150*).

³ От греч. *ὄντος* – бытие.

скими особенностями формирования соответствующей национальной правовой системы.

На наш взгляд, в праве нет ничего более фундаментального и постоянного, чем онтоисторические базисы правовых систем, структурные элементы которых лишь в очень незначительной степени подвержены эволюционным изменениям. Именно поэтому мы можем предположить, что *любое искусственное вмешательство в структуры ОИБПС чревато глубочайшим кризисом правовой жизни общества, перестройкой правовых отношений* (и следовательно, правопорядка), так или иначе связанных с названными структурами. Так, колониальные практики, осуществлявшиеся отдельными европейскими державами в XVIII–XX веках в азиатских, ближневосточных и африканских странах, привели к разрушению или существенному искажению онтоисторических оснований правовых систем колонизованных обществ, что выразилось, в частности, в подмене религиозных норм, обычаев и процедур правосудия, существовавших в этих обществах, деформированными представлениями, нормами и институтами колонизаторов¹. Посредством этой подмены социальные порядки покорённых народов были радикально трансформированы, а развитие правовых систем колонизованных обществ пошло в направлении, искусственно заданном извне, из Европы. Во многом именно по этой причине реализация многих политико-правовых институтов, характерных для так называемого «цивилизованного мира» на территории современных Азии, Африки и Ближнего Востока, не имеет особого успеха, перемежаясь кризисами, гражданскими войнами и периодически возобновляемыми (как правило, тщетными) попытками наконец-то встать на свой собственный, давно утерянный и забытый путь развития, вернуться к неким «изна-

---

¹ Подробнее см.: Рувинский Р. З. Правовая идеология европейского либерализма и британский колониальный правопорядок в XVIII–XIX веках // Дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2011; Costa A.A. Chieftaincy and Civilisation: African Structures of Government and Colonial Administration in South Africa // African Studies. 2000. Vol. 59. No 1. P. 13–43; Mamdani M. Historicizing Power and Responses to Power: Indirect Rule and Its Reform // Social Research. 1999. Vol. 66. No. 3. P. 859–886; Ranger T. The Invention of Tradition in Colonial Africa // The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm & T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 211–262.

чальным» временам той или иной цивилизации¹. Во многом из-за этой масштабной подмены, не сохранившей нетронутыми институты доколониционных социальных порядков покорённых европейцами народов, но и не сделавшей эти порядки тождественными правопорядкам европейских стран, бывшие колонии, а ныне – формально независимые государства, вынуждены постоянно разрываться между традиционным и привнесённым, локальным и якобы «универсальным», архаичным и присущим модерну. Даже после формального обретения государственной независимости они остаются фактически зависимыми от политических и правовых институтов бывших метрополий, не в состоянии до сих пор разобраться с грузом противоречий и конфликтов, накопленных благодаря колонизаторам.

Так или иначе, *потрясение основ, составляющих онтоисторический базис правовой системы, неразрывным образом сопряжено с наиболее глубоким состоянием кризиса правового порядка, который только можно представить*. *Nota bene*, мы сейчас не делаем однозначного вывода о том, что изменения в ОИБПС влекут за собой как следствие кризисы правопорядка, или что, наоборот, кризисные явления в рамках правопорядка выступают причиной изменений в ОИБПС. В рамках данного исследования, сконцентрированного на несколько иных вопросах, выступать с такими выводами было бы слишком самонадеянно. Установлению причинно-следственных связей между изменениями в ОИБПС и состоянием правопорядка следовало бы посвятить отдельную работу, хотя бы на уровне развёрнутой научной статьи. Не подменяя такой работы поспешными суждениями, мы должны сейчас лишь отметить параллелизм двух затронутых явлений – трансформаций внутри ОИБПС и внутри правопорядка.

Но здесь, констатируя этот параллелизм, мы не должны упустить из виду ещё один чрезвычайно важный момент, без которого дальнейшее рассмотрение кризисных состояний в праве будет бессмысленным. На уровне отдельных национальных правовых систем перманентные структуры, образующие онтоисторические базисы этих

---

¹ Идея возврата к неким якобы «изначальным» и, как это преподносится, благим порядкам составляет неотъемлемую часть современных восточных фундаментализмов – прежде всего, исламского фундаментализма, выдвигающего программу возвращения к временам пророка Мухаммеда и праведных халифов.

систем, относительно нетрудно¹ вычлениить и проанализировать: для этого требуется глубокое знание истории развития соответствующей цивилизации, её исконных и современных традиций, норм, особенностей правосознания, хода эволюции политико-правовых институтов, актуального состояния этих институтов и цивилизации в целом, и т.д. Однако современная политическая и правовая реальность определяется не изолированным и автономным бытием отдельных национальных политических и правовых систем, она носит глобальный характер, т.е. охватывает процессы, институты, нормы и отношения в масштабах всего мира. Политика, торговля, производство, распределение, информационные обмены, трудовая мобильность – все эти проявления общественной жизни давно носят без преувеличения глобальный характер. Развитие отдельных обществ настолько сильно связано с динамикой мировой экономики, геополитической обстановкой и тенденциями мировой культуры, что происходящее в одной точке земного шара практически с неизбежностью откликается в самых разных и, казалось бы, отдалённых регионах.

Термин «глобализация» является, пожалуй, одним из самых популярных современных понятий, используемых в научной литературе и публицистике. Не обошла тенденция рассматривать социальные явления с точки зрения глобализационных процессов и правоведение. В последние годы всё настойчивее среди учёных-юристов провозглашаются идеи о существовании так называемого «глобального права», и хотя в подавляющем большинстве случаев эти идеи носят откровенно утопический, несбыточный характер, характеризуются склонностью приукрашивать действительность², сама постановка вопроса выражает

---

¹ На самом деле, чрезвычайно трудно, но принципиально возможно.

² К пионерам идеи «глобального права» можно отнести, например, редакцию гамбургского журнала *“Global Constitutionalism”* и ряд авторов, предсказывающих скорое появление «глобальной демократии», «глобальной федерации», институтов «глобального управления», отраслей «глобального права», «глобальной правовой системы» и т.п. Особенностью таких предсказаний является их излишний оптимизм относительно того, что несёт с собой становление наднациональных нормативных систем и управленческих институтов. См., например: *Brousseau E. et al. Delegation without borders: On individual rights, constitutions and the global order // Global Constitutionalism. 2012. Vol. 1. Issue 3. P. 455–484; Goodin R. E. Global democracy: in the beginning // International Theory. 2010. Vol. 2. Issue 2. P. 175–209;*

лишь несколько запоздалое и наивное признание свершившегося факта: право уже не является исключительно лишь внутринациональным явлением либо инструментом, позволяющим организовывать общение между отдельными народами (международное право, *jus inter gentes*), глобальная (т.е. уже не *меж-*, а *наднациональная, транснациональная*) правовая система существует – независимо от того, нравится это кому-то или нет.

Проблема заключается в том, что на глобальном уровне отыскать структуры, подобные онтоисторическим базисам национальных правовых систем, практически невозможно – по крайней мере, в настоящее время глобальные институты и нормы представляют собой явления, слабо связанные с конкретным бытием отдельных обществ; они, скорее, отдаляют осуществление власти и складывающуюся в результате такого осуществления нормативность от общественного бытия в его непосредственности и преемственности с традицией. При этом, так или иначе, *вновь возникающие наднациональные политико-правовые структуры являются вызовом для национальных правовых систем, вольно или невольно трансформируя последние, детерминируя тенденции их развития*. Вместе с расширением влияния глобальных институтов ускоряются процессы конвергенции национальных правовых систем. На структуры ОИБПС при этом не может не оказываться разрушительное воздействие: новые нормы, институты и отношения с неизбежностью вступают в противоречие с тем постоянным, что характеризует политико-правовое бытие отдельных народов.

Следует ещё раз уточнить, что на данном этапе мы не делаем вывода о том, что процессы деформации онтоисторических основ национальных правовых систем являются непосредственной причиной некоего глубокого кризиса правопорядка, однако мы с уверенностью можем констатировать, что эти процессы *сопровождают* кризисные состояния правопорядка – т.е. можно предположить наличие общих предпосылок для того и другого явления. Мы должны учесть напряжение между современными наднациональными нормами и институтами управления, с одной стороны, и нормами и институтами отдельных национальных политико-правовых систем, между формирующими-

ся структурами глобального (наднационального) порядка и порядками национальными. И наконец, мы вновь должны вернуться к тезису о том, что динамика правовой сферы связана отнюдь не только с динамикой в сфере экономики, что сводить право к «надстройке» над экономикой нельзя и что право по самой своей природе неразрывно связано с мышлением и особенностями бытия соответствующих цивилизаций. Иными словами, в основу анализа кризисных состояний правопорядка должны быть положены не только экономические факторы, но и факторы гораздо более обширного плана. Мы должны видеть правопорядок не просто в качестве системы определённых общественных отношений, ядром которых являются отношения экономические, – нам следует видеть в правопорядке и в праве вообще очень сложное, многоаспектное явление, рассматривать его в контексте широчайшего круга социальных явлений, ибо сам правопорядок составляет квинтэссенцию общественного, выступает ядром социального устройства.

В конце предыдущего параграфа мы задались вопросом о том, когда наступает предельное состояние кризиса правопорядка и можно ли вообще такое состояние помыслить. Разобравшись в том, какое значение играют для права не замечаемые подчас внеэкономические факторы и сколь большую роль для правовой сферы играют бытийные основы жизни того или иного общества, мы должны констатировать, что даже смены экономического уклада, изменения в системе экономических отношений вплоть до перемены признаваемых и господствующих в обществе форм собственности отнюдь не всегда ведут к поистине *фундаментальным* потрясениям в правовой сфере. Конечно, любая столь существенная перемена не может не влечь за собой перестройки законодательства и структуры государственного аппарата, сдвигов в массовом правосознании и т.п. Однако *определённые фундаментальные структуры правовой сферы, включая особенности правового мышления того или иного общества, а также логику развития правовых и политических институтов, зачастую способны сохранять преемственность даже несмотря на революционные процессы, протекающие в обществе.* Любая революция – удар по правопорядку, так или иначе влекущий за собой его изменение; в то же время далеко не всякая революция перечеркивает правовой порядок начисто, и *логика правопорядка сменяется на противоположную лишь в редких случаях*

коренной смены социальных парадигм, когда вслед за трансформацией общественных отношений и социальных институтов меняются и лежащие в основании правопорядка базовые его понятия, языковые / логико-семантические структуры, когда «царства» и «полисы» древности перестают быть «царствами» и «полисами», становясь «национальными государствами» Вестфальской системы международных отношений, когда сами слова «закон» и «право» начинают означать нечто кардинально отличное от прежних своих значений¹, когда коренным образом изменяются представления общества о нормальном и запретном.

Столь фундаментальных трансформаций было не так-то много в известной нам истории человечества. С определённой долей условности, не претендуя на составление исчерпывающего перечня, мы можем отнести к ним: возникновение первых древневосточных «государств» (Вавилон, Египет); придание христианству статуса официальной религии в Западной Европе и последовавшее за этим образование порядка христианских государств; открытие и начало освоения Нового света; установление Вестфальского мира; победа первых буржуазных революций в Англии и Франции; окончание Холодной войны с утверждением либерально-капиталистической политической модели в качестве универсального норматива для всего земного шара («конец Истории»). Каждая из этих трансформаций знаменовала собой качественную перемену в модели общества, начало совершенно новой эпохи, принципиальную перестройку не только правовых, но и экономических, политических, культурных институций. Практически каждой из этих трансформаций предшествовал глубокий кризис исторически более раннего порядка.

Возможно, сегодня мы вновь становимся свидетелями некоего грандиозного переворота в политико-правовом бытии: формирующиеся глобальные структуры уже заявили о себе, вбив клин в онтоисторические базисы национальных правовых систем и необратимо повливав на развитие национальных правопорядков; тем не менее, пока архитек-

---

¹ Пожалуй, не случайна присутствующая во многих языках многозначность этих терминов, наблюдающаяся и по сей день (напр., «право» / «Recht» / «ret» / «droit» / «diritto» / «derecho» как регулятивная система и как мера возможного поведения субъекта; английское “law” как система правовых норм и как закон, и т.д.).

тура нового (глобального) порядка не ясна, и национальные системы продолжают самостоятельное развитие, которое уже не может не учитывать развития наднациональных институтов; при этом существенным образом меняется значение давно знакомых нам политико-правовых понятий, конструируется новое политико-правовое мышление с выстраиванием новых представлений о норме и долженствовании, тогда как многие традиционные представления оказываются перед вызовом. Что это, если не кризис в самом буквальном смысле этого слова¹?

В последующих главах настоящего исследования мы попытаемся разобраться, *непосредственно* с чем всё-таки связан этот кризис, что именно он из себя представляет и можно ли действительно о сегодняшнем состоянии общества говорить как о кризисе, с чего это всё началось и каковы свидетельства наступления этого состояния, как рассматриваемый нами кризис протекает, что он несёт за собой, какие риски с ним связаны, может ли этот кризис быть преодолён хотя бы частично и что приходит на смену прежних онтоисторических базисов национальных правовых систем. Выводы, сделанные нами к настоящему моменту, будут использованы при дальнейшем углублённом анализе политико-правовой действительности.

---

¹ Не будем забывать буквальное значение греческого слова *κρίσις* – решение, поворотный пункт, исход.

ГЛАВА II. ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС КАК НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ

---

*...большая часть бедствий человека – дело его
собственных рук.*

Жан-Жак Руссо, «О естественном состоянии»

2.1. ВСЕГО ЛИШЬ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС?

Процессы смены парадигм общественного развития всегда сначала не замечаются, недооцениваются, затем воспринимаются как нечто катастрофическое, рвущее привычный уклад и систему представлений, а в результате – ведут к новому облику социального порядка, воспринимаемому как естественный, единственно возможный и едва ли не как существовавший в таком виде всегда. Сегодня нам приходится очень часто сталкиваться с употреблением слова «кризис» применительно к самым разным сторонам жизни общества, и наиболее активное его использование, пожалуй, началось в 2008 году. Именно тогда в обиход стремительно вошло понятие *«мировой экономической кризис»*, и именно с той поры нам очень часто приходится характеризовать как кризисные ситуации в хозяйственной, политической и культурной сферах. Возможно, ключ к исследуемой нами проблеме лежит именно в экономическом кризисе 2008 года? Так это или нет, ответ на этот вопрос невозможно дать, не прояснив для себя, чем был этот «кризис» и сколь серьёзно его влияние на современное состояние дел в мире.

Проблема-2008

Причины, последствия, особенности протекания мирового финансово-экономического кризиса 2008 года уже много раз и довольно-таки подробно рассматривались в научной и публицистической литературе последних лет, поэтому нет смысла углубляться в эти вопросы на страницах данной книги. Считается, что начало цепной реакции паде-

ния финансовых, а затем и товарных рынков по всему миру положили обвал рынка ипотечного кредитования в США в августе 2007 года, последовавшие за этим проблемы в банковском секторе США и Европы, прекращение деятельности крупнейших американских инвестиционных банков Bear Stearns, Lehman Brothers и Merrill Lynch. Уже к концу 2008 года обнаружались массовые проблемы в сбыте товаров, кризис охватил сферу производства и сектор услуг, в это время можно было наблюдать массовые увольнения работников и сокращения заработной платы¹. Уменьшение доходов у населения привело к резкому сокращению платежеспособного спроса и, как следствие, к затяжной рецессии, длящейся до сих пор.

Не нужно быть гуру в экономической теории, чтобы понять: описанная цепь событий представляет собой лишь верхушку айсберга, видимую часть некоей совокупности гораздо более глубоких и сложных проблем. Если задаться вопросом «Что стало причиной экономического кризиса 2008 года?» и дать наиболее простой ответ на него: «Непосредственной причиной, его запустившей, стало падение ипотечного рынка в США», – следующим вопросом должен стать вопрос о причинах кризиса рынка ипотеки, и так далее... Разматывая этот клубок, мы увидим, что проблемы, ставшие зримыми в 2007-2008 годах, зрели в течение весьма продолжительного времени и были подготовлены самой структурой экономических отношений, сформировавшейся после окончания Второй мировой войны.

Пользуясь материалами исследований современных экономистов, мы можем отметить, что начиная с 1980-х годов финансовый сектор экономики всё в большей степени отрывался от производства и торговли, становясь ареной самовозрастания фиктивного капитала². Сре-

---

¹ Хронология развития мирового финансового кризиса. Справка // РИА Новости. 01.12.2008. URL: <https://ria.ru/20081201/156202392.html> (дата обращения: 27.02.2020); Афанасьева А. Н., Лунин И. А. Экономический кризис 2008 г. и его последствия в экономике России // Материалы V Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/196/2163> (дата обращения: 27.02.2020).

² Подробнее см.: Gowan P. Crisis in the Heartland: Consequences of the New Wall Street System // *New Left Review*. 2009. No. 55. P. 5–29; Husson M. Le capitalisme toxique // *Inprecor*. No. 541–542. URL: <http://hussonet.free.fr/toxicap.pdf> (дата обращения: 27.02.2020).

ди наиболее вероятных причин такого рода процессов указывают на вялотекущий кризис перепроизводства, наблюдавшийся с 70-х годов XX века и ставший следствием достижения пределов роста, открытых послевоенным экономическим бумом, а также на более конкретные проявления этого кризиса – сокращение нормы прибыли и замедление темпов роста мирового валового внутреннего продукта¹. Так или иначе, неблагоприятная рыночная конъюнктура заставила владельцев капитала сокращать издержки за счёт работников своих предприятий² (что само собой влекло ограничение платежеспособного спроса, а значит и проблемы с реализацией произведённых товаров) или искать для своих инвестиций новые точки приложения и новые области, которые могли бы дать большую прибыль с меньшими издержками. Так произошёл масштабный отток капиталов из сферы производства. Ослабление промышленного сектора экономики в большинстве регионов мира начало оборачиваться полномасштабной деиндустриализацией³.

Новой сферой инвестиций, обещавшей высокие доходы, была избрана финансовая сфера и прежде всего – рынок ценных бумаг. Прибыль стала обеспечиваться в значительной мере за счёт биржевых спекуляций. Вложения в материальные активы, обладающие реальной и, как правило, вполне исчислимой социальной ценностью, уступили своё почётное место биржевым играм с ценными бумагами, зачастую выражающими не действительную стоимость того или иного предприятия, а мнения и ожидания участников рынка⁴. Следующим шагом был переход от спекуляций с ценными бумагами, непосредственно связан-

---

¹ Вилонов Н. Социализм как историческая возможность // Левая политика. 2010. № 13 (14). С. 8–12.

² Помимо сокращения зарплат здесь уместно назвать переход к прекарным (т.е. нестандартным, неформальным) формам занятости, а также закрытие предприятий и их перенос в регионы с более дешёвой рабочей силой (оффшоризация).

³ Подробные данные см. в: *Dasgupta S., Singh A. Manufacturing, Services and Premature De-Industrialisation in Developing Countries: A Kaldorian Empirical Analysis* // Center for Business Research, University of Cambridge. Working Paper No. 327. June 2006. URL: https://www.academia.edu/4504400/Manufacturing_Services_and_Premature_De-Industrialisation_in_Developing_Countries_A_Kaldorian_Empirical_Analysis (дата обращения: 27.02.2020).

⁴ См. об этом: *Мануйлов К. Е. Спекулятивные операции на финансовом рынке* // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 6 (33). С. 141–148.

ными с активами предприятий и выражающими долю участия держателей этих бумаг в капиталах компаний, к спекуляциям с так называемыми финансовыми деривативами, или производными финансовыми инструментами (фьючерсами, форвардными контрактами, валютными свопами, внебиржевыми опционами, различного рода индексными деривативами и т.д.), ничем и никак не обеспеченными. Имея функцию извлечения сверхприбылей посредством спекулятивных операций, деривативы сделали финансовый рынок неуправляемым, непредсказуемым и неустойчивым. Место реального заняло виртуальное.

Видимо, вполне можно согласиться с эмоциональным мнением одного российского мыслителя, писавшего:

«После 45-го года окончательно победила спекулятивная виртуальная экономика, которая базируется основную часть производимого продукта на чисто информационном базисе. Это фьючерсные сделки, это торговля ценными бумагами, это создание хай-тек компаний, что выпускают акции на несколько миллиардов долларов, а затем лопаются, потому что за ними ничего не стоит. И все эти сделки фактически проели реальные активы»¹.

Так или иначе, виртуализация капитала, его перетекание из промышленности в финансовый сектор, а также широко развивающиеся процессы деиндустриализации к 2000-м годам превратили кризис перепроизводства в структурный экономический кризис. В 2008 году пузырь инвестиционных ожиданий наконец лопнул, сделав зримыми многие проблемы мировой финансово-экономической системы. По некоторым оценкам, «на данном этапе развития экономики в глобальном хозяйстве сложилась ситуация, когда возможности рынков практически исчерпаны; производство ещё можно наращивать, средств на это у корпораций вполне достаточно, но получать прибыль становится всё сложнее»².

---

¹ Джемаль Г. Д. Дауд vs Джалут (Давид против Голиафа). М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2010. С. 14.

² Афанасьева А. Н., Лукин И. А. Экономический кризис 2008 г. и его последствия в экономике России // Материалы V Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/196/2163> (дата обращения: 27.02.2020).

Но всё же почему так произошло? Был ли данный кризис неизбежен или он был вызван чьими-то неверными субъективными оценками и ошибочными действиями? Можно ли рассматривать кризис 2008 года в качестве одного из бесконечной череды экономических кризисов, которые время от времени потрясают мировую экономику, сменяясь новыми периодами роста и в конечном счёте укрепляя ее, т.е. был ли он всего лишь проявлением цикличности экономического развития? Вероятно, на эти вопросы лучше ответят экономисты. Нам же следует отметить нечто принципиально важное – быть может, дающее ключ к пониманию тех процессов, которые разворачиваются сегодня у нас на глазах. Этот принципиально важный момент – *деструкция*, сопровождающая хозяйственную, внешнеполитическую и даже культурную сферы и фактически превратившаяся за два последних десятилетия в осознанную стратегию влиятельнейших в мире правящих кругов, сосредотачивающих в своих руках капитал и власть.

Пределы индустриального общества

Это может показаться странным, но именно деструкция может считаться сегодня своеобразным принципом управления общественными процессами в глобальном масштабе¹, сопровождающим деятельность отдельных государств на международной арене, коммерческих корпораций в сфере бизнеса и даже пронизывающим собой современную философскую мысль. Она проявляет себя всюду – от кричащего эпатажа современного акционистского псевдоискусства, безумия взбесившихся одиночек до тщательно планируемых правительственных мероприятий.

---

¹ Любопытно, что схожий вывод – правда, обусловленный иными методологическими посылками, – сделали авторы «Империи» (“Empire”), нашумевшего в своё время неомарксистского исследования современного миропорядка. Характеризуя феномен имперского суверенитета (т.е., по терминологии авторов, новой логики управления и подчинения, присущей эпохе постмодерна), Майкл Хардт и Антонио Негри указывают, что «имперское правление функционирует за счет разрушения», причём «разложение не является аберрацией имперского суверенитета, но самой его сущностью и *modus operandi*». Отмечается, в частности, что именно посредством разложения действует глобальная экономика постмодерна «и иначе действовать не может». См.: Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 192.

Достаточно яркие иллюстрации применения деструкции в качестве управленческого принципа содержатся в исследовании канадской журналистки Наоми Кляйн (Naomi Klein). В своей книге «Доктрина шока»¹ она характеризует современную систему неолиберального капитализма как «*капитализм катастроф*», приводя многочисленные примеры перехода корпораций и отдельных связанных с ними государств (прежде всего, США) к использованию разрушения инфраструктуры, созданной предыдущими поколениями, в качестве средства наживы. Основной упор в данном исследовании делается на разоблачении паразитической природы определённой политико-экономической идеологии – идеологии свободного, ничем не стеснённого рынка. Среди приводимых Кляйн иллюстраций применения деструкции в управленческой практике и воплощения в жизнь «доктрины шока» – развал Советского Союза и гайдаровская программа приватизации в России в начале 1990-х годов, военное вторжение 2003 года в Ирак с последующим разрушением хозяйственной инфраструктуры этой страны и масштабным перераспределением госсобственности в пользу нескольких транснациональных компаний (далее также – *ТНК*), использование наводнения в Новом Орлеане (США, 2006 год) для замены системы муниципальных общедоступных школ частными школами и цунами на Шри-Ланке (2005 год) для расчистки побережья Аругам-Бей под строительство отелей.

Позволим себе процитировать фрагмент из исследования Н. Кляйн, достаточно верно, на наш взгляд, выражающий суть нынешней деструктивной управленческой парадигмы применительно к хозяйственной сфере:

«Движение, которое в 1950-х создал Милтон Фридман, лучше рассматривать как стремление международного капитала завоевать приносящие огромный доход новые территории, на которых не действуют законы, чем восхищался Адам Смит, предтеча сегодняшних неолибералов. Изменилось только одно. Это не путешествие к “диким и варварским народам”, как называл их Смит, у которых отсутствуют западные законы (эта возможность уже закрыта), а системный демонтаж суще-

---

¹ Кляйн Н. Доктрина шока. М.: «Добрая книга», 2011.

ствующих законов и правил, чтобы восстановить первоначальное беззаконие. Колонизаторы прошлого получали неслыханные прибыли, приобретая, как называл их Смит, “бесхозные земли” за “безделушки”, тогда как *сегодняшние транснациональные корпорации рассматривают правительственные программы, народные богатства и все, что еще не продано, как территорию, которую надо завоевать и освоить* (курсив наш. – Р. Р.): почты, национальные парки, школы, систему социального обеспечения, службу борьбы с последствиями катастроф и все прочее, находящееся в руках государства. <...> То, что мы пережили за последние три десятилетия, – это капитализм, открывающий новые фронтиры с каждым новым кризисом, как только закон дает сбой»¹.

По логике Н. Кляйн, деструкция являет собой следствие определённой целенаправленной политической программы, вдохновляемой ложной неолиберальной утопией свободного рынка: таким образом, можем мы сделать вывод, в изрядной мере она может быть охарактеризована как плод заблуждения, ошибки, которым, однако, успешно пользуются отдельные корыстолюбцы. Кляйн во многом верно указывает на то, что демонтаж существующих законов и правил делает удобным обогащение немногих, однако не ставит вопроса о том, исчерпывается ли такая практика демонтажем норм и не возводится ли на месте этих норм принципиально новой и при этом достаточно устойчивой нормативной системы. На наш же взгляд, описываемые канадской журналисткой примеры сознательного использования разрушения (не важно – вызванного деятельностью человека или природной стихией) раскрывают гораздо более широкую тенденцию, значение которой не сводится к порочности одного определённого политэкономического учения. Скорее, эти примеры наглядно показывают *тупик развития капитализма* как особой исторической системы хозяйства и вместе с ним... *тупик модели индустриального общества* со всеми присущими ему характерными особенностями, важнейшей из которых, по справедливому мнению ряда исследователей, является то, что его движущими силами или императивами развития всегда (с самого начала его форми-

---

¹ Там же. С. 316–317.

рования, т.е. с XVIII века) выступали перманентное накопление производственных активов и рост объёмов производства, а также стремление к постоянной максимизации прибыли¹.

Итак, *современный кризис есть кризис индустриальной модели общества*, но – повторим ещё раз – его нельзя рассматривать исклю-

---

¹ Описывая специфичность индустриального общества, французский историк Фернан Бродель отмечал, что экономики доиндустриальной эпохи производили значительную массу валового капитала, но капитал этот был недолговечен, в некоторых секторах «он таял, как снег на солнце» – т.е. имел место существенный разрыв между капиталом валовым и капиталом чистым: «Здесь присутствовала природная хрупкость, недолговечность объектов приложения труда – отсюда и нехватки, которые приходилось восполнять дополнительным количеством тяжелого труда» (*Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. С. 237*). Только с переходом к индустриальной экономике стало возможным не только производство, но и постоянно растущее накопление капитала. Деньги ростовщиков пришли в промышленный сектор. Развитие технологий сделало возможным наращивание объёмов производства, что гарантировало постоянное увеличение прибыли тех, кто вкладывал в это производство свои деньги. *Но для этого было необходимо также постоянное расширение рынков. С исчерпанием возможностей для пространственного расширения возникла потребность в создании новых рынков товаров* (отсюда, кстати, периодически лопающиеся «пузыри» Интернет-компаний). *Именно поэтому разрушение ранее созданной инфраструктуры и паразитирование на ней позволяет вновь и вновь приносить прибыль немногим заинтересованным в этом – это, по сути, единственный сегодня обширный источник дохода, широкое поле возможностей.*

Здесь также уместно вспомнить слова французского философа Алена де Бенуа, писавшего: «Понятие постоянного экономического роста, которое сегодня кажется вполне естественным, на самом деле является современной идеей. На протяжении большей части истории оно было неизвестно человеческим обществам, которых заботило лишь собственное выживание, для чего они воспроизводили свои социальные структуры, незначительно улучшая при этом свои условия жизни. Сегодня же оно стало своеобразной догмой». В современном индустриальном обществе, замечает Бенуа, рост никогда не ставится под вопрос, напротив – он навязывается в качестве очевидной необходимости. Он является краеугольным камнем всех основных политико-философских концепций модерна, и прежде всего либерализма, где он связывается с ростом прибыли, поскольку, как справедливо замечает философ, «цель всякого предприятия – бесконечно повышать свою прибыль» (*Бенуа А. де. Вперед, к прекращению роста! Эколого-философский трактат. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. С. 58–59*).

чительно с экономической точки зрения, так же как нельзя видеть в характерном для этого кризиса использовании деструкции принцип, относящийся исключительно к управлению хозяйственными процессами. И сам описываемый нами кризис, в который, похоже, зашёл весь мир, и сопутствующие ему деструктивные практики, с одной стороны, имеют проявления в самых различных сферах жизни общества, а с другой стороны, их возникновение в тех или иных областях вовсе не обязательно имеет причины экономического характера. Общество – это всегда нечто целое. Политические институты, правопорядок, культура, господствующие морально-нравственные представления – всё это, безусловно, взаимосвязано и во всем этом отражаются особенности существующей системы хозяйства. Однако проблемы в экономической сфере точно так же обусловлены кризисными состояниями в политике и культуре. Зачастую невозможно доподлинно, не прибегая к упрощениям и аппроксимациям, установить причинные связи подобного рода. А то, что состояние кризиса и присущая ему деструкция, распространились практически во всех условно выделяемых нами секторах современного социума, несомненно. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно лишь беглого взгляда.

2.2. КОНЕЦ ЗНАКОМОГО МИРА: ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС И ЕГО СТРУКТУРА

В уже упомянутой в предисловии работе американского социолога И. Валлерстайна «Конец знакомого мира» (1999) приводится интересное провидческое замечание её автора относительно того времени, в которое мы сейчас живем.

«Мне представляется, – пишет Валлерстайн, – что [социум] первой половины XXI века по своей сложности, неустойчивости и вместе с тем открытости намного превзойдет все, виденное нами в веке XX-м»¹. По мнению ученого, современная миро-система (т.е. современная модель общества, современный социальный порядок) «вступила в стадию завершающего кризиса и вряд ли будет существовать через пятьдесят лет». «...переходный период, – рассуждает Валлерстайн, –

---

¹ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 5.

будет грозным временем потрясений, поскольку цена перехода крайне высока, его перспективы предельно неясны, а потенциал воздействия небольших изменений на итоговый результат исключительно велик»¹. Маркерами, указывающими на состояние подступающего (или уже наступившего?) кризиса для Валлерстайна являются крах прежних идеологий, утрата доверия общества к ранее существовавшим экономическим моделям, подрыв легитимности современных государств в массовом сознании, а также кризис господствовавшей в XIX–XX веках научной картины мира и самой науки как организованного знания, но первый – и быть может, наиболее значимый – вывод, который делает учёный, состоит в том, что «прогресс, вопреки всем наставлениям Провсвещения, вовсе не неизбежен».

«...я ожидаю серьезных потрясений, сопоставимых с теми, свидетелями которых мы были в 90-е годы, распространяющихся от босний и руанд нашего мира до более богатых (и, предположительно, более стабильных) регионов мира будущего (таких, как Соединенные Штаты)»²,

– это более чем серьёзный диагноз нашего времени, исходящий из уст одного из наиболее уважаемых и востребованных сегодня мыслителей, из уст человека, которого вряд ли можно обвинить в пессимизме и фатализме.

Мы действительно оказались в очень непростом временном промежутке. Становится всё очевиднее, что жить, как прежде, как привыкли, более невозможно, но всё ещё нет никакой ясности относительно того, в каком направлении идёт развитие, к чему движется мир. Такая неопределённость позволяет одним продолжать делать вид, что ничего существенно нового не происходит (хотя это даётся им всё труднее), других же, напротив, погружает в фаталистические и едва ли не апокалиптические мысли о конце времен. Но если «знакомый мир» меняется или уже изменился, значит, эти изменения могут быть как-то описаны, зафиксированы.

Каковы же симптомы нынешних тяжёлых времен? Действительно ли положение дел в отдельных странах и в мире в целом может быть

---

¹ Там же. С. 5–6.

² Там же. С. 6.

охарактеризовано как кризис? И если это кризис, то каковы его масштабы? Ниже мы попытаемся составить схематичный (и с неизбежностью – упрощённый) набросок к описанию структуры кризисного состояния современного общества.

Война

Если, как мы уже предположили выше, нынешний кризис выступает как кризис модели индустриального общества, а его характерной чертой является повсеместное использование деструктивных практик для управления социальными процессами, получения прибыли и даже для духовно-интеллектуального осмысления современного положения, то первым симптомом (элементом структуры) этого кризиса, безусловно, является *распространение войны по всему земному шару*. Конечно, вооружённые конфликты преследуют человечество на всём протяжении его истории, и прошлый век в этом отношении является едва ли не рекордсменом: потери среди солдат и мирного населения в двух мировых войнах пока значительно превосходят данные по числу жертв современных конфликтов. Другое дело, что изменились сами войны: они более не сводятся к противостоянию регулярных армий, а предполагают использование самого широкого арсенала средств – от террористических актов против мирного населения до распространения в обществе панических настроений и кибератак на компьютерные сети.

География современной войны обширна. Только за последние годы вооружённые конфликты расплозились по большей части мусульманского мира и даже затронули сравнительно благополучную Европу, имеется несколько очагов напряжённости в Азии. Если сгруппировать страны, в которых с начала 2000-х годов так или иначе имели место акты вооружённого противостояния, относящиеся к современным войнам, по регионам, картина будет выглядеть примерно следующим образом:

в Азии: **Афганистан** (перманентно), **Бангладеш** (2009, 2015), **Бутан** (2003-2004), **Индонезия** (перманентно с низкой интенсивностью с 2016 г.), **Киргизстан** (2010), **Китай** (перманентная напряжённость с низкой интенсивностью столкновений в Синьцзян-Уйгурском и Ти-

бетском автономных районах), **Мьянма** (до 2012 г.), **Непал** (до 2006), **Пакистан** (2004 – н.в. на северо-западе страны), **Таджикистан** (2010–2015), **Таиланд** (2004 – н.в., юг страны), **Филиппины** (перманентно);

в Европе: Азербайджан (перманентно с низкой или средней интенсивностью по поводу спорных территорий Нагорного Карабаха), **Армения** (перманентно с низкой или средней интенсивностью по поводу спорных территорий), **Бельгия** (эпизодические террористические атаки), **Германия** (эпизодические террористические атаки, в т.ч. со значительным числом жертв), **Грузия** (2008), **Великобритания** (эпизодические террористические атаки, в т.ч. со значительным числом жертв), **Испания** (эпизодические террористические атаки, в т.ч. со значительным числом жертв), **Македония** (2001), **Россия** (перманентно – противостояние терроризму, в открытой форме: 2008, 2014 – н.в.), **Турция** (2012 – н.в.), **Украина** (2014 – н.в.), **Франция** (эпизодические террористические атаки, в т.ч. со значительным числом жертв);

на Ближнем Востоке и в Магрибе: Алжир (перманентно – противостояние между официальными властями и салафитскими группировками), **Бахрейн** (2014 – н.в.), **Египет** (2011 – н.в.), **Израиль** (перманентно), **Ирак** (2003 – н.в.), **Иран** (2004 – н.в.), **Йемен** (2015 – н.в.), **Ливан** (2007, 2008, 2014 – н.в., эпизодический характер), **Ливия** (2011 – н.в.), **Саудовская Аравия** (2011, 2015 – н.в.), **Сирия** (2011 – н.в.), **Тунис** (с 2012 г. противостояние салафитским группировкам с низкой и средней интенсивностью);

в Чёрной Африке: Буркина-Фасо (с 2010 г. перманентное противостояние салафитским группировкам), **Бурунди** (до 2005 г.), **Джибути** (2008), **Камерун** (2006–2009, 2017 – н.в.), **Кения** (2011–2012), **Конго** (до 2002, 2004–2008, 2012–2013, 2013 – н.в.), **Кот-д’Ивуар** (2002–2007, 2011), **Мавритания** (с 2010 г. перманентное противостояние салафитским группировкам), **Мали** (2012 – н.в.), **Мозамбик** (2013 – н.в.) **Нигер** (с 2010 г. противостояние салафитским группировкам), **Нигерия** (2011 – н.в., эпизодически), **Руанда** (2000), **Сенегал** (с 2010 г. противостояние салафитским группировкам), **Сомали** (2006 – н.в.), **Союз Коморских Островов** (2008), **Судан** (2003 – н.в.), **Центральноафриканская республика** (2012 – н.в.), **Уганда** (2000, 2016), **Чад** (2005–2010, 2012 – н.в.), **Эритрея** (2008), **Южный Судан** (2012, 2013 – н.в.);

на Американском континенте: **Колумбия** (до 2016 – война с партизанами FARC-EP), **Мексика** (2006 – н.в.), **Парагвай** (2005 – н.в., с низкой интенсивностью), **Соединённые Штаты Америки** (2001 – н.в., низкая интенсивность¹).

Безусловно, имеются различия в характере, продолжительности и интенсивности актов вооружённого противостояния в указанных странах. В некоторых из них осуществляются крупномасштабные войсковые операции, сопровождающиеся артиллерийскими обстрелами, захватом населённых пунктов, авиационными бомбардировками территории – такие операции зачастую требуют всеобщей военной мобилизации. В некоторых же имеют место лишь отдельные атаки, отдельные акты вооружённой борьбы. Большинство вооружённых конфликтов последних лет – войны, вырастающие из внутренних конфликтов, хотя сегодня ни один из них не ограничивается лишь рамками одного государства, вовлекая в поле противостояния множество государств и негосударственных акторов. Как отмечают М. Хардт и А. Негри, современные войны «разворачиваются внутри глобальной системы, ею обусловлены и, в свою очередь, на нее воздействуют», следовательно, «ни одну локальную войну нельзя рассматривать изолированно, нужно видеть в ней часть грандиозного сочетания обстоятельств, в той или иной степени связанную и с другими зонами боевых действий, и с районами, где в данное время они не ведутся»².

Новые войны, которые мы можем наблюдать, более не ведутся по формам; цель в них преобладает над выбором оптимальных средств. Особенностью большинства таких конфликтов является широкое участие в них негосударственных организаций: различных оппозиционных движений, религиозных и политических организаций, криминальных группировок. Война более не имеет чётких пространственных границ. Она может вестись в пределах одного государства, а затем распространиться на территории соседних государств. Удары могут наноситься отовсюду, кем угодно и по кому угодно: все чаще непосредственными

---

¹ США участвуют во многих современных вооружённых конфликтах, но делают это преимущественно на чужой территории: в Афганистане, Ираке, Сирии и т.д.

² Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 14.

объектами атак становятся мирные жители, вообще не имеющие отношения к сути противостояния. Ещё в начале 90-х годов XX столетия израильский военный историк Мартин ван Кревельд (Martin van Creveld) предсказывал, что в новой войне, свидетелями которой мы сегодня становимся, стирается различие между вооружёнными силами и гражданским населением, а государство лишается своей монополии на вооружённое насилие в пользу организаций иного типа¹.

Не будет преувеличением сказать, что современная война² – это гражданская война в мировых масштабах; война, от которой всё сложнее укрыться, и её следствием является состояние всеобщей и перманентной незащищенности, постоянного риска. Таким образом, война в том или ином виде, либо непосредственная опасность вооружённого кровопролития в наши дни являются реальностью практически для любой страны. Сама мирная жизнь, будучи наполнена страхом, постоянным ожиданием угрозы, чрезвычайными мерами на случай атаки изнутри и извне, становится всё менее отличимой от военного времени.

Экологические тупики

Следующая составная часть структуры современного глобального кризиса – *экологический кризис*.

Мы часто не задумываемся над тем, сколь многим обязаны природе, дающей нам комфортную среду для жизни, пищу, энергию и сырьё для создания всего того, что окружает нас. Без пахотных земель, пастбищ, лесов, водных ресурсов человечество было бы поставлено на грань вымирания. Сегодня экологи обоснованно бьют тревогу, указывая на масштабные загрязнения воздуха отходами производства³,

---

¹ ван Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 290, 291.

² Более подробно данной темы мы коснёмся в последующих главах.

³ Как отмечается в отчёте международной некоммерческой организации “Global Footprint Network” за 2010 год, человечество живёт, не заботясь о ресурсных возможностях планеты. Так, в 2007 году общий экологический след всего человечества составил 18 млрд глобальных гектаров (гга), при этом биологическая продуктивность составила всего 11,9 млрд гга. (Global Footprint Atlas 2010. P. 18. // Global Footprint Network. URL: http://www.footprintnetwork.org/images/uploads/Ecological_Footprint_Atlas_2010.pdf).

сокращение пахотных земель и лесных угодий, растущие в ряде регионов проблемы с дефицитом воды¹. На земном шаре проживает уже более 7,5 млрд человек², и всё это население нуждается в среде обитания, способной удовлетворять по крайней мере основные естественные потребности человека. В не меньшей степени современное человечество нуждается в энергоресурсах, способных обеспечивать нужды производственной, торговой и бытовой инфраструктур, существование городов. Без этих ресурсов встанут промышленность, транспорт, произойдёт резкое подорожание товаров, а люди окажутся в буквальном смысле впотьмах, без горячей воды и обогрева своих жилищ. Пока не наступил глобальный кризис рынка энергоресурсов, такая картина жизни может восприниматься как кошмар из голливудского фильма-катастрофы, однако, как отмечают эксперты, проблема вовсе не так далека, как нам хотелось бы.

Так, в последние годы учёные активно обсуждают предложенную в своё время геофизиком Мэрионом Кингом Хаббертом (Marion King Hubbert) концепцию «пика» нефти, которая методологически может быть применена и к другим полезным ископаемым (в первую очередь – к природному газу).

«...сколько нефти и газа осталось в мире?»

– задаётся риторическим вопросом группа исследователей из Государственного университета Нью-Йорка (США). –

Ответ: много. Хотя, пожалуй, не так уж и много, учитывая наши растущие нужды, и, может быть, совсем не-

---

¹ «Вероятно, все большее количество людей будет испытывать острую нехватку воды из-за повышенного спроса в дополнение к изменению модели выпадения осадков, связанных с изменением климата», – сообщается в пятом оценочном докладе программы ООН по окружающей среде «Глобальная экологическая перспектива» (GEO5: Global Environment Outlook. С. 132 // UNEP. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/8021/-The%20fifth%20Global%20Environment%20Outlook%202c%20GEO-5-2012GEO5_report_Russian-low-res.pdf?sequence=7&isAllowed=y).

² The World Factbook // Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html> (примерные данные по состоянию на 2018 год).

много того, что мы можем использовать с достаточной финансовой и, в особенности, энергетической выгодой. <...> Вопрос состоит в том, будет ли у нас что-то наподобие того количества [нефти и газа], которое мы используем сейчас по ценам, делающим возможным то, к чему мы привыкли»¹.

Согласно некоторым современным научным данным, США уже пережили пик добычи нефти на рубеже 1960–1970 годов². По отдельным оценкам, в 2005–2006 годах был достигнут и мировой пик нефтедобычи³, но даже если это не так, перспектива его достижения в ближайшие годы более чем вероятна. При этом на настоящий момент отсутствуют достаточно дешёвые, доступные и, что самое важное, возобновляемые альтернативные источники энергии, которые бы смогли безболезненно заменить углеводородное топливо. Как отмечается в докладе Международного энергетического агентства “World Energy Outlook” за 2012 год, ископаемые виды топлива (нефть, уголь и природный газ) при любых сценариях по крайней мере до 2035 года будут обеспечивать подавляющую долю энергетических нужд населения планеты⁴.

Нехватка энергоресурсов, усложнение и, как следствие, удорожание их добычи, сокращение открытий новых месторождений ставят на повестку дня целый ряд вопросов: существенное снижение уровня потребления, рост экономического неравенства, актуализацию борьбы за сохранившиеся источники энергоресурсов. В конечном счёте, энергетический кризис с неизбежностью ведёт к новым войнам (войнам за

---

¹ Hall Ch. A. S., Powers R., Schoenberg W. Peak oil, EROI, Investments, and the Economy in an uncertain future // Biofuels, Solar and Wind as Renewable Energy Systems: Benefits and Risks / ed. by D. Pimentel. Springer, 2008. P. 112; Mohr S. H., Evans G. M. Peak Oil: Testing Hubbert’s Curve via Theoretical Modeling // Natural Resources Research. 2008. Vol. 17, no. 1. P. 1–11.

² Hall Ch. A. S. et al. Op. cit. P. 116. См. график “Annual rates of total drilling for and production of oil and gas in the US, 1949–2005”.

³ См.: Patzek T. W. Exponential growth, energetic Hubbert cycles, and the advancement of technology // Archive of Mining Sciences. 2008. Vol. 53. No. 2. P. 131–159.

⁴ World Energy Outlook 2012. Paris: International Energy Agency, 2012. P. 51 // URL: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/WEO2012_free.pdf (дата обращения: 27.02.2020).

ресурсы), деградации и разрушению отдельных государств, росту напряжённости внутри современных обществ.

Все против всех

Третьим важным симптомом, который, безусловно, должен быть отмечен при описании переживаемого сегодня кризиса, является *усложнение социальной структуры*, а вместе с этим – конец прежней социально-классовой дифференциации, которая определяла основные политические паттерны и сценарии в прошлом веке.

Пожалуй, сегодня можно с уверенностью утверждать, что та классовая структура, которая была характерна для XIX–XX столетий и определялась противостоянием относительно легко поддающихся идентификации социальных групп, теперь заметно усложнена и размыта. Тогда как классовая борьба, ещё полвека назад выступавшая одним из главных нарративов истории и понимавшаяся, прежде всего, как противостояние двух основных социальных групп – наёмных работников и капиталистов, перестала быть определяющим фактором политического процесса, а сама возможность институционализации рабочего класса как «класса для себя»¹ всё чаще ставится под сомнение², социальные антагонизмы и сопутствующая им вражда никуда не делись.

Современный социум, характеризующийся крайней разобщённостью, представляет собой переплетение интересов и связей множества довольно узких и нередко случайно сформировавшихся (вернее, сформировавшихся на основе иллюзии общности интересов) объединений людей. При этом социальные противоречия, присущие прежней классовой структуре, не исчезли – напротив, они умножились пропорционально фрагментации общества, они всё так же непримиримы и в любой момент способны вылиться в физические столкновения. Сегодня не ясно, что представляет собой так называемое «гражданское общество» – нечто, объединённое определёнными интересами и ценностями, или же множество локальных сообществ (верующих, Интер-

¹ См.: *Маркс К.* Ницета философии. М.: Мир книги, 2007. С. 404.

² См., например: *Gorz A.* Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. L.: Pluto Press, 1982.

нет-пользователей, мигрантов, коренных жителей и т.д.), отстаивающих лишь свои узкогрупповые интересы и в любой момент, вполне в духе Гоббса с его «*homo hominī lupus est*»¹, готовых вступить в схватку друг с другом. В этой связи нельзя не согласиться с наблюдением председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина, подметившего, что «чаще и чаще население ведет себя не как единое общество, пронизанное мощными связями, а как совокупность разорванных социальных сред»².

Современное общество представляет собой гетерогенный комплекс недружественных друг другу групп, разделённых по национальному, расовому, конфессиональному, имущественному признаку, по признаку принадлежности к коренному населению соответствующего региона или к приезжим, по признаку проживания в центре страны или на её периферии и т.п. В каком-то смысле эта картина не является новой, поскольку такого рода деления имели место всегда, и ни одно общество, за исключением разве что первобытного, не является полностью однородным. Дело, однако, состоит в том, что ещё в прошлом веке существовали вполне ясные перспективы объединения и реформирования общества вокруг той или иной устойчивой социальной общности (класса, нации) и на основе присущей этой общности идеологии, тогда как в современных сложно организованных обществах ни одна социальная группа не способна претендовать на подлинную идейную гегемонию и выступать в качестве субъекта, интегрирующего социальное пространство. Пролетариат (наёмные работники, трудящиеся), не исчезнув как социальная функция, исчез как организованный класс, осознающий себя в качестве такового, причём значимую роль в этом сыграли специфически современные формы организации трудовых отношений (заёмный труд, неформальная занятость, аутсорсинг, широкое привлечение работодателями низкооплачиваемых трудовых мигрантов и т.п.). Так называемый «средний класс», всегда являвшийся воображаемым явлением, идеальным представлением, закончился, так и не начавшись: кризисные явления в экономике сделали его положе-

---

¹ Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 271.

² Зорькин В. Д. В хаосе нет морали // Российская газета. 2012. № 5958 (285).

ние предельно зыбким, уравнив с потерявшим голос и лицо пролетариатом. Крупный капитал, безусловно, существует – это, пожалуй, едва ли не единственный сегодня *класс-для-себя*, однако он по определению не способен выступать интегрирующим звеном в системе социальных отношений, создавать позитивную повестку для всего общества, ибо живёт за счёт манипулирования другими: желаемая его задача – оставаться незаметным, невидимым, быть в тени, выставляя перед собой (и подставляя) государственную бюрократию или собственников помельче, обращая на них гнев и недовольство низов. Нация, по большому счёту, также является понятием вчерашнего дня: сегодня возможны разве что дешёвые спекуляции на тему национальной идентичности, тогда как для большинства современных народов (и это в первую очередь касается народов Европы) национальность и этничность отныне являются не объединяющими, а разъединяющими факторами, инструментами разрушения существующих государств и распространения вражды. Время учреждения и конструирования наций прошло. Народы Востока строят свою идентичность, скорее, вокруг религии, европейские же нации более не способны даже эффективно отстаивать своё существование в качестве таковых. Исламская религия, в своих наиболее радикальных фундаменталистских формах заявляющая претензию на позитивный проект объединения народов, на деле также является не более чем инструментом дезинтеграции и сеяния вражды.

Современное общество столь фрагментарно, что оно способно лишь умножать свою фрагментарность¹: любая новая идентичность здесь выливается в новые противоречия, взаимную ненависть и борьбу всех со всеми. Поскольку в XXI веке социальные противоречия уже невозможно втиснуть в старую схему противостояния наёмных работников и их хозяев, труда и капитала, не может существовать и позитивных моделей их разрешения. Таким образом, эти противоречия могут только накапливаться, выливаясь уже не в классовую войну и не в борьбу за утверждение нации – так или иначе нацеленные на позитивный исход, т.е. на перестройку общества на основе той или иной конструктивной повестки, – а в войну всех против всех, в войну

---

¹ Ср.: «Для Империи характерно тесное сосуществование совершенно разных типов населения, рождающее ситуацию постоянной социальной угрозы...» (Хардт М., Негри А. Империя. С. 313).

бесконечную. Это признак того, что современный социум не просто переживает кризис, но и *воспроизводит* его.

Россия является в этом отношении одним из наиболее проблемных мест. В ней проживают представители более чем полутора сотен национальностей¹, относящиеся к различным религиозным конфессиям и приверженные различным культурным традициям, показатели имущественного расслоения – одни из самых высоких на планете (так, по данным швейцарской финансовой группы “Credit Suisse”, в нашей стране 10% наиболее состоятельных граждан владеют 82% всего национального богатства²), значительно различается образ жизни жителей Москвы и образ жизни жителей других уголков страны, трудовая миграция – не только из соседних неблагополучных государств (преимущественно, государств Средней Азии), но также и внутри страны, из одних, менее благополучных регионов, в другие, более благополучные – обостряет давно тлевшие социально-экономические и межкультурные противоречия. Пока правительству удаётся поддерживать приемлемый уровень жизни для большинства населения, канализировать вспышки социального недовольства и сглаживать конфликты, ситуация в обществе остаётся под контролем, однако стоит допустить резкое усугубление социально-экономических проблем, снижение уровня жизни и углубление неравенства различных категорий населения, как status quo взорвётся.

Духовный релятивизм

Во многом раздробленности современных обществ на многочисленные фракции, состоящие в отношениях взаимной неприязни друг к другу, способствует отсутствие общих, единых для всех или хотя бы для большинства ценностей и социальных норм. В этом нет ничего удивительного, поскольку наше время характеризуется небывалой

---

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав населения // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 27.02.2020).

² Global Wealth Report 2018 / Credit Suisse Research Institute. October 2018. P. 43. <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-report-2018-en.pdf> (дата обращения: 27.02.2020).

степени *духовно-культурным релятивизмом*, под которым следует понимать, прежде всего, размывание существовавших ранее морально-нравственных, этических и эстетических норм без формирования устойчивых новых, фактическое признание права любой социальной группы, сообщества на формирование собственных правил и ценностей, не менее значимых, чем нормы и ценности, разделяемые большинством (хотя понятие «большинство» само собой теряет смысл в таких условиях).

Мы живём в удивительное время. Традиционные системы морали, этики, эстетики обанкротились ещё в прошлом веке. Индустриальная модель развития и модернизм в культуре переварили социальные нормы предшествующих эпох, сделав рационализм основным принципом организации духовно-культурной жизни. С философской точки зрения, это было время строгих идеологий, конкретных целей и чётко противопоставляемых друг другу *партий* (в широком смысле этого слова). Новый век, духовно-историческое состояние которого вполне внятно репрезентует постмодернистская философия, готовится покончить и с этим, отказываясь от попыток объективного описания и объяснения мира, достижения какой-либо истины и преобладания каких-либо идей, норм и ценностей. Например, если для представителей традиционных обществ прошлого вопрос о существовании Бога (богов) выглядел бы неуместным в силу той огромной роли, которую религия играла в социальной регуляции, а модернистское мышление индустриальной эпохи, напротив, было настроено на отрицание всего трансцендентного, в сегодняшних духовно-культурных условиях на данный вопрос не может быть ответа, он совершенно бесполезен, ведь можно согласиться с существованием всего, что желает субъект и во что он верит. Просвещение вкупе с произошедшими от него модернистскими концепциями заявляло о смерти Бога, мышление эпохи постмодерна готово поставить на его место Микки Мауса, искусственный интеллект или инопланетян – боги и действующие лица фантастических киносюжетов уравниваются в своей ничтожности.

В эпоху «торжества Запада, западной идеи» субъективное подчиняет себе всё. Больше не может быть ничего обязательного для всех, кроме обязанности признавать окружающих в качестве полно- и равноправных субъектов (каковыми бы они при этом ни были). Любая

фантазия, причуда, любое попрание норм, ценностей и чувств большинства выставляется в качестве допустимого средства самовыражения, поскольку сами эти нормы, ценности и чувства отныне мало что значат. Как мы помним, ещё советский философ М. А. Лифшиц, угадывая магистральное направление культурного развития современных обществ, писал:

«Нынешний мещанин не верит больше в нетленную красоту Венеры Милосской и Аполлона Бельведерского. Он повторяет банальности ходячего релятивизма, утверждающего, что нет никакой объективной истины, <...> что безобразное имеет даже преимущество перед прекрасным, как более “провоцирующее”...»¹.

Если бы он знал, как верны будут эти слова в начале третьего тысячелетия!

Новая система социальной регуляции строится на отсутствии иерархии ценностей; вследствие этого границы между понятиями «добро» и «зло», «справедливость» и «несправедливость», «моральное» и «аморальное» становятся чрезвычайно зыбкими: оценка поведения человека зависит теперь всё больше от субъективных интерпретаций. Отсутствие иерархии, разумеется, не означает отсутствия каких-либо ценностей и норм, но представляет собой ситуацию, при которой любые, в том числе искусственно сформулированные, понятия о допустимом и запретном, полезном и вредном имеют примерно равные шансы, и значимость тех или иных из их числа определяется не их действительной социальной ценностью, а той силой, которой обладают в обществе формулирующие их социальные группы, той энергией убеждения и принуждения, которой эти группы располагают.

В целом же любая последовательная социально-нормативная регуляция, основывающаяся на обязывании как методе воздействия на общественные отношения и поведение субъектов, в современном постиндустриальном мире воспринимается, скорее, как репрессивная. Прежние, привычные, веками формировавшиеся этические и нравственные принципы и правила постепенно опровергаются, меняют

---

¹ *Лифшиц М.* Почему я не модернист? М.: Издательство «Искусство – XXI век», 2009. С. 133.

свои значения и смысловое наполнение – иными словами, разлагаются в специфически новых условиях современного мира. То, что считалось безнравственным, аморальным, недопустимым прежде, становится возможным, допустимым, нормальным. Социальные практики, считавшиеся ранее кощунственными и табуированными, превращаются в «заслуживающие понимающего отношения», презентуются перед массовым сознанием как правомерные способы самовыражения, не требующие осуждения действия и т.д. Характерным примером таких социальных практик можно считать кричащие эпатажные акции, рядящиеся в одежды современного искусства: оригинальный перформанс группы «Pussy Riot» в Храме Христа Спасителя, изображение гениталий на Литейном мосту в Санкт-Петербурге их коллегами из арт-группы «Война», балансирующие между эпатажем и нарушением закона акции «художника» Петра Павленского и т.п. Такие действия, безусловно, по-прежнему осуждаются большей частью общества, но в то же время всё большая – притом, активная – часть общества находит им оправдание¹. На наших глазах доводится до логического конца, до абсурда духовно-культурная программа модерна.

Впрочем, описанное не означает, что современное общество живёт по принципу «Всё дозволено!». Хотя эрозия норм могла бы предполагать повышение толерантности к несоблюдению тех или иных строгих морально-нравственных императивов, которые были присущи прежним, более традиционным системам регуляции, в современном фрагментированном социуме, отягченном грузом множества нерешённых проблем и противоречий, любое мало-мальски значимое сообщество, напротив, склонно выставлять свои ценности и правила в качестве всеобщих обязательных (если не самых главных), требующих признания и уважения. Здесь верующие с нетерпимостью инквизиции могут требовать от других соблюдения определённых религиозных запретов и ограничений, а представители сообщества сексуальных меньшинств – заявлять государству свои претензии на легализацию нетрадиционных брачных отношений и официальное признание так называемого

---

¹ См. результаты социологического опроса, проведённого «Левада-Центром» в 2012 году: <http://www.levada.ru/31-07-2012/rossiyane-o-dele-pussy-riot> (дата обращения: 27.02.2020).

«третьего пола» (*third gender*). Здесь коренные жители того или иного региона всё больше склоняются к риторике защиты «исконной» этнической культуры от чуждых влияний, тогда как иностранные мигранты (например, мигранты из мусульманских стран в Европе) пытаются отстоять для себя право жить по собственным правилам в принимающей их стране. Здесь прозападная интеллигенция либеральных и левых взглядов претендует на то, чтобы ей разрешили не уважать ничьи нормы и ценности, в том числе нормы и ценности государства, а сторонники правоконсервативных идей в ответ призывают не уважать интересы и ценности этой интеллигенции.

Как и на основании чего управлять всем этим муравейником, не имеющим определённых и разделяемых большинством норм поведения и ценностей? На чём строить осуществление власти? В эпоху «конца идеологий», о котором говорят философы¹, у властных институтов государства остаётся не такое уж большое поле возможностей. Это поле возможностей в целом можно свести к следующему ряду управленческих стратегий: а) прямое принуждение, опирающееся на позитивно установленные нормы (по сути – стратегия принудительной и искусственной гомогенизации общества, которая может рассматриваться со стороны исключительно как диктатура); б) управление различиями, предполагающее поддержание определённого баланса социальных сил и определённого уровня социальной вражды, время от времени сознательно направляемой в нужное русло; в) уход действующих властных институтов (государства) из сферы управления общественными процессами, предоставление существующим социальным силам возможности в полной мере реализовать собственные социальные программы и руководствоваться собственными социальными нормами, бороться друг с другом любыми доступными средствами и способами (допущение анархии в целях кардинального обновления политического ландшафта, устранения определённых одиозных групп, введения новых правил игры и возвращения в социальное пространство на новых условиях; фактически – перезагрузка всего общества, наиболее авантюрная и опасная стратегия).

---

¹ См., например: Дугин А. Г. Четвертый Путь. Введение в Четвертую Политическую Теорию. М.: Академический проект, 2014. С. 28.

Войны, экономические проблемы и экологические пределы развития, социальная вражда и духовно-культурный релятивизм – лишь наиболее зримая часть тех кризисных явлений, которые уже сделались отличительными приметами нашего времени. К перечню этих негативных явлений можно было бы добавить появление новых (свиного и птичьего гриппа, лихорадки Эбола, коронавирусной инфекции) и возвращение забытых, казалось, смертоносных болезней, распространяющихся в считанные дни по всей планете невзирая на государственные границы и карантинные барьеры, вырождение современных политических элит, исчезновение «больших нарративов» в науке и философии и т.д. Впрочем, нет смысла в ещё большем сгущении красок, ведь описанная картина современности и без того до боли напоминает мрачные предсказания европейских мыслителей конца XIX – начала XX веков: Фридриха Ницше, Освальда Шпенглера, Питирима Сорокина, Мартина Хайдеггера и других. Так, например, П. Сорокин указывал на неминуемый и, как тогда казалось, скорый кризис западного общества и его культуры:

«Чувственные ценности будут становиться все более относительными и атомарными. Лишенные какого бы то ни было признания и действенной силы, они наконец покроются слоем пыли. Граница между истиной и ложью, справедливым и несправедливым, прекрасным и безобразным, между положительными и отрицательными ценностями начнет неуклонно стираться, пока не наступит царство умственной, моральной, эстетической и социальной анархии.

<...> Когда все ценности атомизируются, исчезнут авторитетное “общественное мнение” и “мировое сознание”. Их место займут многочисленные, противоречащие друг другу “мнения” беспринципных фракций и “псевдосознания” различных групп давления.

<...> Договоры и соглашения утратят остатки своей обязывающей власти. Построенный западным человеком за предыдущие столетия величественный договорный социокультурный дом рухнет. Его падение сметет договорную демократию, договорный капитализм вкупе с частной собственностью и договорное общество свободных людей.

<...> Грубая сила и циничный обман окажутся единственными атрибутами всех межличностных и межгрупповых отношений. Сила станет правом. В результате разразятся войны, революции, мятежи, общество захлестнут волнения и зверства. Поднимет голову *bellum omnium contra omnes*: человек пойдет на человека, класс – на класс, нация – на нацию, вера – на веру, раса – на расу.

<...> Свобода для большинства превратится в миф, зато господствующее меньшинство будет пользоваться ею с необузданной распущенностью. Перестанут существовать неотъемлемые права, Декларации прав или тоже отменят, или начнут использовать как красивые ширмы для неприкрытого насилия.

<...> Дряхлые, бесчеловечные и тиранические правительства вместо хлеба будут давать народам бомбы, вместо свободы – нести смерть, вместо закона – насилие, вместо созидания – разрушение. Их нахождение у власти будет, как правило, краткосрочным и неустойчивым, их будут все чаще свергать.

<...> уменьшится безопасность жизни и имущества, а, значит, покой в душе и счастье станут редкостью. Самоубийства, психические расстройства и преступления начнут расти. Скука поразит все более широкие слои населения»¹.

Признавая, что отдельные симптомы кризиса современного (т.е. западного по преимуществу) общества имели место более столетия назад, а вероятно, и ещё раньше, на заре формирования индустриальной цивилизации и капиталистического хозяйства², мы всё же не должны погружаться в метафизический фатализм, препятствующий понима-

---

¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 880–883.

² М. Хардт и А. Негри и вовсе характеризуют весь период модерна (начиная с эпохи Возрождения) как один большой кризис, порождённый непрекращающимся конфликтом между имманентными обществу созидательными силами и структурами стоящей над обществом власти. Завершение модерна, с точки зрения авторов «Империи», не завершает кризис, а лишь усугубляет его: «Конец кризиса современности дал толчок распространению не имеющих широкого охвата и определенной природы кризисов, или, как нам представляется более предпочтительным говорить, всеобщему кризису». См.: Хардт М., Негри А. Империя. С. 81–84, 181.

нию той уникальной специфической ситуации, которая характеризует именно сегодняшнее, находящееся на рубеже второго и третьего тысячелетий, состояние миропорядка. Пожалуй, мы вполне можем в первом приближении именовать это состояние миропорядка *глобальным кризисом*, однако одного лишь указания на относящиеся к этому кризису составные части, по нашему мнению, явно недостаточно. Затрагивая вопрос об облике общества в период (или эпоху) глобального кризиса, мы никак не можем обойти стороной юридическую характеристику этого общества, т.е. описание его государственных и правовых институтов, их трансформаций и тенденций развития в новых, кризисных условиях. Как указывалось в Предисловии и первой главе настоящего исследования, данная проблематика является для нас центральной.

Однако, чтобы описывать сложившееся кризисное состояние и состояние прогнозируемое с правовой точки зрения, чтобы лучше понимать трансформации современного правопорядка, нам необходимо сперва отыскать подходящий концепт или концепты, через которые такое описание и объяснение будут возможны. Нам нужно сформировать матрицу нашего политико-правового анализа, попытаться увидеть происходящие перемены в социальной сфере через политико-юридическую призму. На этом пути, возможно, нас ждет немало сюрпризов, заставляющих по-иному взглянуть на некоторые, казалось бы, привычные категории из учебников истории политико-правовой мысли.

2.3. МЕЖДУ ПРАВОПОРЯДКОМ И ЕСТЕСТВЕННЫМ СОСТОЯНИЕМ

На наш взгляд, наиболее подходящими политико-правовыми концептами, иллюстрирующими складывающееся состояние глобального кризиса миропорядка, являются концепты *естественного состояния* и *войны всех против всех*. Оба названных концепта мы находим в сочинениях европейских мыслителей XVII–XVIII столетий. Оба названных концепта, как это ни парадоксально, считаются своего рода метафорами, средствами придания образности описанию текущих социальных процессов, происходящими из увлекательной, хотя и малоактуальной сегодня истории политической и правовой философии. На этих стра-

ницах мы попытаемся доказать обратное: указанные понятия не только не устарели и не являются всего лишь метафорами – они применимы для осмысления того правового и социального порядка, который ещё не наступил, но который уже стоит на нашем пороге, стучится в наши двери. Попутно мы затронем философско-правовые понятия, подходящие для характеристики сегодняшнего, уже сложившегося состояния правопорядка.

Начать, однако, всё же придётся с истории употребления концептов естественного состояния и войны всех против всех, демонстрирующей параллели между прошлым, настоящим и будущим, а также делающей явной ту объяснительную силу, которой отдельные понятия и идеи могут обладать вне временных рамок, заданных их авторами и провозвестниками.

Концепт естественного состояния встречается в трудах целого ряда европейских мыслителей Нового времени, а его утверждение в истории политико-правовой мысли относится к XVII веку и связано, прежде всего, с именами Томаса Гоббса, Джона Локка и Жан-Жака Руссо.

Гоббс: *bellum omnium contra omnes*

По словам Лео Штрауса, немецкого философа прошлого столетия, «естественное состояние стало неотъемлемым предметом политической философии только при Гоббсе, который ещё почти извинялся за употребление этого термина»¹. До Гоббса словосочетание «естественное состояние» употреблялось в основном в рамках христианской богословской литературы. Л. Штраус указывает:

«Естественное состояние отличалось по преимуществу от состояния благодати и подразделялось на состояние непорочного естества и состояние падшего естества. Гоббс отбросил это разделение и заменил состояние благодати состоянием гражданского общества»².

Что было новым, так это то, каким образом Гоббс воспользовался концептом естественного состояния и для каких целей он это сделал.

---

¹ Штраус Л. Естественное право и история. М.: Водолей Publishers, 2007. С. 176.

² Там же.

Основной целью английского мыслителя, судя по всему, было обоснование потребности в учреждении сильной государственной власти. Своей основой теория Гоббса имела непростые процессы формирования в европейском пространстве модели территориального суверенного государства – оригинальной политико-юридической конструкции, впоследствии дополненной национальной составляющей и уже в качестве модели государства-нации (*nation-state*) сделавшейся своего рода международным стандартом социальной организации¹. Не вдаваясь в подробный пересказ всей теории Гоббса², отметим, что в своих трудах английский мыслитель фактически отождествляет понятие естественного состояния с понятием войны всех против всех. Так, в трактате «О гражданине» («*De Cive*», 1642 год) мы находим следующие строки:

«...естественным состоянием людей до объединения в общество была война, и не просто война, а война всех против всех»³.

Что представляет собой Гоббсова война всех против всех? Как следует из содержания наиболее известной работы Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651), в состоянии такой войны

«нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, <...> ремесла, литературы, нет общества, а что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна»⁴.

Иными словами, в условиях описанного Гоббсом состояния общества отсутствует какая-либо стабильность, при которой было бы возможным поступательное развитие человеческого общества.

¹ Подробнее о переходе от суверенитета патримониального феодального государства к суверенитету национального государства см. в следующем параграфе.

² Более подробное изложение теории Гоббса в том же проблемном контексте см. в: Рувинский Р. З. Дилеммы государственности и новая война всех против всех // *Полития*. 2013. № 2 (69). С. 107–118.

³ Гоббс Т. О гражданине // *Гоббс Т. Сочинения* в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 291.

⁴ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Гоббс Т. Сочинения* в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 96.

На первый взгляд, если действительно рассматривать её в узком смысле, лишь как гипотезу происхождения государства, концепция перехода от естественного состояния к состоянию гражданскому, изложенная Т. Гоббсом, может показаться современному человеку несколько наивной. С высоты накопленных к настоящему времени знаний мы могли бы охарактеризовать такую теорию как антиисторическую. Впрочем, не следует всё упрощать, ибо в самом тексте «Левиафана» можно найти ряд моментов, вступающих в противоречие с таким некритичным толкованием идей Гоббса о естественном состоянии.

«Может быть, кто-нибудь подумает, что такого времени и такой войны, как изображенные мной, никогда не было; да я и не думаю, чтобы они когда-либо существовали как общее правило по всему миру»¹,

– с этого фрагмента текста «Левиафана» всякая однозначность в понимании излагаемой Гоббсом концепции теряется. Далее мы знакомимся с не вполне удачным историческим примером общества, находящегося в естественном состоянии. Гоббс ссылается здесь на образ жизни коренного населения Америки, но, по всей видимости, осознавая слабую убедительность такой эмпирики, делает крайне важное замечание:

«Во всяком случае, какова была бы жизнь людей при отсутствии общей власти, внушающей страх, можно видеть из того образа жизни, до которого люди, *жившие раньше под властью мирного правительства* (курсив наш. – Р. Р.), обыкновенно опускаются во время гражданской войны»².

Пожалуй, именно в этом фрагменте раскрывается истинное предназначение всей концепции Гоббса. *Картина естественного состояния всеобщей войны всех против всех – это в первую очередь предостережение современникам и, вероятно, потомкам мыслителя из Мальмсбери, сделанное в достаточно непростое для Англии время.*

---

¹ Там же. С. 97.

² Там же. Данный фрагмент очевидным образом связан с ранее появившимся в тексте «Левиафана» замечанием: «...пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех» (Гоббс Т. Левиафан. С. 95).

При таком подходе категории естественного состояния и войны всех против всех приобретают значение категорий, описывающих не прошлое, но настоящее и *вероятное будущее*. Нам же следует со всей серьёзностью отнестись к такому толкованию рассматриваемых понятий, тем более что сами эти понятия встречаются в трудах позднейших мыслителей. Не имея цели проводить подробный обзор использования категории естественного состояния в работах философов Нового времени, мы, тем не менее, не можем обойти стороной её употребление в сочинениях Ж.-Ж. Руссо.

Концепт естественного состояния в творчестве Ж.-Ж. Руссо

В наиболее развёрнутой форме теория Руссо о естественном состоянии изложена в его «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755), хотя само это понятие также неоднократно встречается в знаменитой работе «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762).

В отличие от Гоббса, Руссо не отождествляет понятий «естественное состояние» и «состояние войны всех против всех», хотя и логически связывает их друг с другом в своей трактовке предыстории человеческого общества. До сих пор на этом не делалось акцента, однако в «Рассуждении о происхождении неравенства между людьми» мы встречаем описание не одной, а целых четырёх форм (этапов, периодов) естественного состояния и как минимум двух разновидностей войны всех против всех.

Прежде всего, Руссо говорит о естественном состоянии как об *изначальном состоянии* человеческого рода, состоянии первобытной дикости, при котором человек практически не выделялся из животного мира и образ жизни которого в силу этого мало чем отличался от образа жизни диких животных. В русле своей антипрогрессистской риторики Руссо рисует идиллическую картину первобытного рая, в котором люди не знали собственности, зависимости друг от друга, войн и многих распространённых теперь болезней¹ – в этом аспекте

¹ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре: Трактаты. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 76–79, 102–104 и т.д.

его концепция, безусловно, противостоит учению Гоббса. Постепенно, согласно гипотезе Руссо, человеку пришлось усовершенствовать свои орудия труда: «он столкнулся с трудностями; нужно было научиться их преодолевать»¹. Вместе с усложнением технологий усложнялись и общественные отношения, начали формироваться определённые социальные нормы, складываться представления о морали. Этот период, лежащий «между безразличием изначального состояния» и современным гражданским обществом Руссо определяет как «эпоху самую счастливую и самую продолжительную», а состояние общества, относящееся к данному периоду (мы могли бы назвать его *зрелым* естественным состоянием, поскольку оно очевидным образом отличается от изначальной первобытной дикости), – как менее всего подверженное переворотам, как «юность мира»².

Дальнейшее развитие человечества, согласно Руссо, в действительности представляет собой процесс его одряхления, в ходе которого появляется собственность, труд становится необходимостью, а на место естественного (физического) неравенства приходят неравенство социальное, рабство и нищета, следствием чего оказывается растущее соперничество людей друг с другом.

«Начались постоянные столкновения права сильного с правом того, кто пришел первым, которые могли заканчиваться лишь сражениями и убийствами. Нарождающееся общество пришло в состояние самой страшной войны»³,

– в этих строках из «Рассуждения о происхождении неравенства» со всей ясностью можно увидеть Гоббсово *bellum omnium contra omnes*, и, хотя Руссо не говорит об этом прямо, представляется правомерным определить указанную войну как *третью, завершающую форму естественного состояния*, период его упадка. Это этап, предшествующий переходу к состоянию гражданскому, государственному.

Состояние всеобщей войны с сопутствующими ему грабежами и насилием в концепции Руссо, так же как и в концепции Гоббса, выступает отправным пунктом для объяснения происхождения государственности. Как рассуждает Руссо,

¹ Там же. С. 107.

² Там же. С. 113–114.

³ Там же. С. 119.

«люди не могли в конце концов не задуматься над этим столь бедственным положением и над несчастиями, на них обрушившимися»¹.

Особенно же невыгодным состояние войны должно было, по мысли Руссо, представляться богатым, заинтересованным в узаконении своих захватов и в закреплении своего статуса. Так, по инициативе богатых люди объединяются в государство, устанавливаются гражданские законы.

Казалось бы, на описании перехода к гражданскому состоянию и образованию «политических организмов» (так Руссо именует государства) история естественного состояния должна завершаться. Конечно, как и у Гоббса, мы ещё встречаем указание на то, что в таком состоянии остаются отношения между самими «политическими организмами». Однако Руссо идёт дальше, указывая на возможность возникновения («перехода к..?» / «возврата к..?») – здесь обнаруживается трудность подбора корректной формулировки) естественного состояния уже *после* образования государства. Мысль, которая в не вполне чётко артикулированной форме присутствует уже в творчестве Т. Гоббса, в «Рассуждении о происхождении неравенства» доводится до предельного напряжения.

Как Руссо приходит к этой позиции? Создание государства и появление законов, выгодных, прежде всего, богатым, по мысли философа, «безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства, превратили ловкую узурпацию в незыблемое право»². Но констатация такого положения и признание его незыблемым – не одно и то же. Существуют факторы, при определённых обстоятельствах способные вылиться в ситуацию, которая уничтожит установившееся однажды гражданское состояние.

Государственная организация общественной жизни с неизбежностью предполагает наличие аппарата управления обществом, иными словами – наличие специальных должностных лиц, наделённых соответствующими властными полномочиями. Руссо называет таких лиц магистратами. По его версии, первоначально занятие государственных

---

¹ Там же. С. 120.

² Там же. С. 121.

должностей осуществлялось на выборной основе, с учетом имущественного положения, достоинств и возраста кандидатов. Такое положение дел рано или поздно должно было привести к возникновению конфликтов:

«Чем чаще выбор падал на мужей преклонного возраста, тем чаще должны были происходить выборы и тем больше ощущались связанные с проведением выборов затруднения: появляются интриги, образуются группировки, ожесточается борьба партий, вспыхивают гражданские войны, кровь граждан начинают приносить в жертву так называемому счастью Государства, и остается сделать еще один только шаг, чтобы *впасть в анархию предшествующей эпохи* (курсив наш. — Р. Р.)»¹.

Как видно из процитированного фрагмента, уже здесь Руссо допускает возможность возвратиться из гражданского состояния к состоянию естественному.

Период непрекращающегося соперничества и борьбы за власть, согласно концепции Руссо, завершился стабилизацией, достигнутой благодаря «превращению власти, основанной на законах, во власть неограниченную»². Но именно это превращение, означающее не что иное как переход к деспотизму, по мнению философа, может сыграть роковую роль в истории человеческого общества, коль скоро социальное и политическое неравенство государственного состояния будет усугублено деспотичным правлением, отдалением рядовых граждан от возможности принятия значимых для общества решений. Некогда установленные законы превращаются в ничто, право оборачивается своей противоположностью, голым насилием, и государственный организм погибает:

«...пожирая все, что увидит он [деспотизм] хорошего во всех частях Государства, в конце концов, он начнет попирать ногами и законы, и народ утвердится на развалинах Республики. Времена, предшествующие этой последней перемене, бу-

---

¹ Там же. С. 131–132.

² Там же. С. 132.

дут временами смут и бедствий, но, в конце концов, чудовище поглотит все, и у народов больше не будет ни правителей, ни законов, но одни только тираны»¹.

В этой части рассуждений женевого мыслителя ощущается максимальный полемический накал. Стоит отметить, что здесь Руссо уже не излагает своего варианта истории прошлого, но обращается к вероятному *будущему*. Этот фрагмент наполнен эсхатологией и мрачными апокалиптическими предчувствиями. Описав своё видение истории развития человеческого общества от первобытной дикости до появления государственности, Руссо вновь возвращается к естественному состоянию. Впрочем, это уже не то естественное состояние, о котором упоминалось в начале:

«Это – последний предел неравенства и крайняя точка, которая замыкает круг и смыкается с нашею отправною точкою. Здесь отдельные лица вновь становятся равными, ибо они суть ничто; <...> здесь все сводится к одному только закону более сильного и следовательно к *новому естественному состоянию* (курсив наш. – Р. Р.), отличающемуся от того состояния, с которого мы начали, тем, что первое было естественным состоянием в его чистом виде, а это последнее – плод крайнего разложения»².

Естественное состояние в XXI веке?

Как видим, и у Гоббса, и у Руссо концепт естественного состояния используется не только для описания некоего далёкого прошлого, предшествовавшего формированию государственности, но и для изображения ситуации вероятного разрушения правового порядка. В творчестве Руссо такое естественное состояние *после* правопорядка разительно отличается от изначальной и зрелой форм естественного состояния догосударственной эпохи, по описанию оказываясь неотличимым от войны всех против всех Гоббса.

---

¹ Там же. С. 136.

² Там же.

Анализ теорий естественного состояния у Гоббса и Руссо способен подтолкнуть нас к чрезвычайно важной гипотезе. Если рассматривать употребление рассматриваемых концептов в творчестве указанных мыслителей всерьёз, в актуальном контексте современных кризисных явлений, описанных в предыдущем параграфе, можно предположить, что безгосударственное состояние и всеобщая гражданская война вполне вероятны в будущем, в случае предельного развёртывания такого рода негативных явлений. *Отсутствие правопорядка принципиально возможно.* Правовой порядок, как указывалось в предыдущей главе, способен переживать глубокие структурные трансформации, в том числе затрагивающие элементы онтоисторических базисов существующих в мире правовых систем, но он может также и полностью распасться. Тотальное разрушение всякого правопорядка имеет определённую вероятность – мы должны постоянно держать в голове эту мысль, осознавая, что в какой-то момент поразившие правовой и политический порядок системные кризисы могут не найти какого-либо позитивного разрешения. В этом случае регулярность социальных взаимоотношений на основе более или менее устойчивых норм, о которой мы рассуждали в § 1.1, делается крайне проблематичной, а на место плохих законов, коррумпированных институтов власти и неадекватного (неадекватно жёсткого, неадекватно мягкого, просто не адекватного обстановке) управления приходит ничем не опосредованное (не опосредованное ни легальными средствами, ни моральной легитимностью) насилие одиночек, племенных и мафиозных кланов, религиозных и политических сект, каких угодно временных или относительно постоянных, ситуативных или обусловленных некой стратегией объединений. С этого момента единственной реальной властью становится пистолет, который разбойник из рассуждений Руссо держит в руке¹.

---

¹ «Подчиняйтесь властям. Если это означает – уступайте силе, то заповедь хороша, но излишня; я ручаюсь, что она никогда не будет нарушена. <...> Если на меня в лесу нападет разбойник, значит, мало того, что я должен, подчиняясь силе, отдать ему свой кошелек; но даже будь я в состоянии его спрятать, то разве я не обязан по совести отдать ему этот кошелек? Ибо, в конце концов, пистолет, который он держит в руке, – это тоже власть» (Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права. С. 201).

Вопрос о том, сколь долговременным может быть *состояние отсутствия правопорядка (естественное состояние, безгосударственное состояние, состояние анархии, состояние беспорядка, состояние коллапса государственности* – каждый из этих терминологических вариантов имеет свои достоинства и недостатки, отличаясь от других тонкими смысловыми оттенками, на которых мы не будем здесь останавливаться), является вторичным и в рамках настоящего исследования не имеет существенного значения¹, зато куда более интересным представляется определение наиболее значимых факторов, делающих возможной такую ситуацию в третьем тысячелетии от Рождества Христова.

Представляется, что в наши дни естественное состояние может быть результатом сочетания ряда негативных моментов, среди которых в первую очередь должны быть названы:

1) *предельная фрагментация общества*, делающая затруднительным любой проект его реинтеграции;

2) *разрушение существующих институтов власти и форм суверенитета*, дополненное невозможностью в имеющихся социальных условиях сформировать новые устойчивые властные институты и перейти к новым формам суверенитета, снимающим наиболее опасные из возникших в обществе конфликтов и противоречий;

3) *тотальное обесценивание правовых, а затем и любых иных устойчивых социальных норм*, исходящих от потерявших силу и легитимность институтов общественной власти;

4) *переход к принципу примата физической силы* в решении любых социальных вопросов.

Здесь мы должны внести ясность и уточнить, что говорим о естественном состоянии в предельно широком смысле, т.е. о естественном состоянии вообще. Оно может быть локальным, но может иметь и глобальные масштабы. Так же, как и кризисы правопорядка, состояние разрушенного (разложившегося) правопорядка, иными словами – социальный *бес-порядок*, – может быть всеобщим, либо охватывать собой значительное территориальное пространство и значительную

---

¹ На наш взгляд, такое состояние в любом случае является временным; другое дело, что характеристика любого явления как временного весьма относительна: как говорится, нет ничего более постоянного, чем временное.

часть человечества. В этом случае, разумеется, разрушение правовых порядков в отдельных пространственных зонах (в отдельных странах, регионах) будет являться необходимым условием и предпосылкой глобального естественного состояния: такое состояние должно будет сначала затронуть наиболее уязвимые, с точки зрения экономического и социального благополучия, легитимности власти и устойчивости политико-правовых институтов, территориальные образования, затем распространиться в некогда более благополучных странах, после чего охватить весь мир.

Следует подчеркнуть, что ещё никогда в истории естественное состояние *после* правопорядка (т.е. ситуация разрушения некогда существовавшего правопорядка) не только не распространялось по всей планете, но и не подчиняло себе сколь-либо значительных в пространственном и демографическом отношении регионов¹. До сих пор наиболее подходящие примеры разрушения структур правопорядка исчерпываются территориальными образованиями, довольно-таки ограниченными в географическом плане и в плане своей политико-экономической значимости. Наиболее ярким, почти эталонным примером рассматриваемой нами ситуации является картина разрушения правопорядка в Сомали в результате кровопролитной гражданской войны, начавшейся в 1988 году²: распад некогда единого и относительно дееспособного государства на не признающие друг друга части (Сомалиленд, Пунтленд, Авдаленд, Галмудуг, Юго-Западное Сомали и др.), отсутствие легитимных управленческих структур, непрекращающаяся

---

¹ Возражением к данному тезису могло бы быть указание на период так называемых «тёмных веков», последовавший за крушением Западной Римской империи. В то же время такие факты, как сохранение на обширных территориях Западной Европы значимых элементов римской правовой культуры, существование в данном пространстве единой христианской общности (*populus christianus*), начало процессов строительства самостоятельных политико-территориальных образований народами, ранее населявшими Римскую империю, и кодификация «варварских» обычаев, не позволяют с однозначностью охарактеризовать данный период как «естественное состояние». Подробнее см., например: *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 62–92.

² Подробнее об истории разрушения сомалийской государственности см.: *Lalos D.* Between Statehood and Somalia: Reflections of Somaliland Statehood // *Washington University Global Studies Law Review.* 2011. 10 (4). P. 789–812.

чехарда борьбы за власть, насилие автономных вооружённых групп¹ как определяющий фактор социальных процессов.

Перечисленные выше факторы (фрагментация общества, разрушение институтов власти и т.д.) указывают на наличие реальной возможности (но всего лишь возможности, ещё не ставшей действительностью!) перехода от правопорядка к естественному состоянию. Пример Сомали позволяет подойти к выявлению характерных признаков естественного состояния эпохи ядерного оружия и Интернета, позволяющих отличать его от состояния правопорядка, переживающего упадок, т.е. правопорядка кризисного периода. Сделать это довольно непросто. Во-первых, весьма условны различия между состоянием уже свершившегося разрушения правопорядка и состоянием глубокого кризиса правопорядка, при котором разрушение всё ещё имеет место, является продолжающимся и неоконченным процессом. Само естественное состояние – это тоже кризис, но кризис, дошедший до своего финала: очевидно, он тоже имеет свою процессуальность, однако в данном случае уже уместно говорить о переходе отдельных негативных для правопорядка изменений в новое качество². Во-вторых, на данный момент мы имеем лишь весьма ограниченные по пространственному, да и временному охвату локальные примеры, близкие к нашему пониманию естественного состояния. Для описания возможного естественного состояния более широких масштабов (в пределе – глобального естественного состояния) нам придётся додумать то, чего, к счастью, ещё не существует в реальности, и, следовательно, любой набор выделенных нами признаков будет являться весьма расплывчатым и неточным. В то же время в этом предприятии мы можем опираться не только на материалы истории разрушения прочных властно-политических институтов (которые не исчерпываются примером Сомали), но и на богатую философскую традицию, задающуюся вопросами о по-

---

¹ О роли автономных вооружённых групп в странах, переживших разрушение государственности, см.: *Vinci A. Anarchy, Failed States, and Armed Groups: Reconsidering Conventional Analysis // International Studies Quarterly. 2008. 52 (2). P. 295–314.*

² По-видимому, будущим исследователям ещё предстоит разработать более детальную диалектику деградации правопорядка и его перехода в качественно новое состояние – состояние войны всех против всех.

следствиях разложения государственности и права, об угрозах анархии и путях восстановления порядка и социального мира.

Осознавая во многом умозрительный и приблизительный характер подобных выкладок, не претендуя на полноту и абсолютную точность, мы могли бы составить следующий перечень признаков глобального естественного состояния войны всех против всех:

– ситуация отсутствия какого-либо определённого, признаваемого участниками общественных отношений (в том числе на уровне международных отношений) права (на глобальном уровне – ситуация распада системы международного права, т.е. фактическое неисполнение формально установленных норм участниками международных отношений при несформированности альтернативной и действенной системы права, регламентирующей поведение соответствующих акторов);

– отсутствие каких-либо действенных источников власти (на международном уровне, а также на уровне отдельных стран), обладающих способностью производить общезначимые нормы и обеспечивать их исполнение в масштабах всего общества / всей системы международных отношений;

– примат физической силы в решении любых социальных (в том числе международных) вопросов, приоритет вооружённого насилия над любыми иными формами разрешения противоречий и конфликтов в обществе;

– перманентный характер вооружённых столкновений, не имеющих определённо внешнего или определённо внутреннего характера (по сути – состояние *глобальной гражданской войны*);

– подвижность и зыбкость любых границ (административных, межгосударственных и т.п.);

– негарантированность даже основных прав и свобод индивидов и их коллективов, их практически ничтожный характер.

Несмотря на то, что отдельные симптомы естественного состояния, безусловно, распознаются в вышеописанных нами кризисных явлениях современности, мы далеки от того, чтобы характеризовать реальность сегодняшнего как естественное состояние.

Сегодня, пожалуй, следует говорить об историческом этапе жизни общества, располагающемся *между* правопорядком и естественным состоянием. Это состояние вырождения и эрозии прежних, господ-

ствовавших до недавнего времени политико-правовых форм. К этому состоянию как нельзя лучше подходит дефиниция, данная Карлом Шмиттом в предисловии к одной из его ранних работ. Шмитт писал о «динамике развития, в ходе которого чрезвычайные и кризисные ситуации стали интегрирующими или дезинтегрирующими компонентами *аномального промежуточного состояния* между войной и миром»¹.

Дефиниция «аномальное промежуточное состояние», на наш взгляд, как нельзя лучше подходит к качеству современного порядка, при котором старые, вырождающиеся социальные структуры начинают работать в прежде не свойственном им режиме, а на арену истории выходят институты и отношения, давно, казалось бы, оставшиеся в прошлом. Обстоятельный теоретико-правовой анализ этих – старых вырождающихся и новых трансформированных институтов – является настоятельной необходимостью. Именно ему посвящены две последующие главы этой книги. По этой причине рассмотрение современного кризиса глобального и национальных правопорядков будет вестись с двух точек зрения – с точки зрения их приближения (близости) к потенциальному «естественному состоянию», а также в аспекте сопровождающих этот кризис трансформаций структур, составляющих онтоисторические базисы правовых систем.

---

¹ Шмитт К. Диктатура. С. 5.

ГЛАВА III. МУТАЦИИ ЛЕВИАФАНА

...возведению понятия государства во всеобщее нормативное понятие о форме политической организации всех времен и народов, возможно, скоро придет конец вместе с периодом государственности.

Карл Шмитт, «Государство как конкретное понятие, связанное с определенной исторической эпохой»

Государство, которое гибнет, если не грабит и не убивает, должно погибнуть.

Бертольт Брехт, «Ме-ти. Книга перемен»

3.1. УПАДОК СУВЕРЕНИТЕТА

Безусловно, наиболее заметным и значимым институтом, который так или иначе затрагивают протекающие сегодня кризисные процессы и социальные трансформации, является государство. Пожалуй, ещё ни один мыслитель, касавшийся в своих трудах политико-правовой проблематики, не обошёл стороной рассмотрение данного института, его признаков, функционирования, его преимуществ и его болезней. Для современного человека государство находится в самом центре его социального бытия, выступает своего рода ядром общества, главным двигателем общественных процессов. Зачастую мы даже не задумываемся о том, что наши ожидания и расчёты на будущее связаны с государством, а те или иные акты нашего поведения опять-таки предопределены фактом его существования. Хотя научные данные свидетельствуют о том, что государственности как таковой не существовало на протяжении наиболее продолжительного периода истории человечества, сегодня нам трудно в это поверить и представить себе отсутствие государства, ведь сама наша жизнь – это жизнь в государстве, а не вне его.

Глубокие социальные трансформации, периоды кризисов, подобных тому, который мы наблюдаем, с неизбежностью затрагивают

государство как центр управления обществом или «управленческий штаб», если пользоваться понятиями веберовской социологии. Однако для того, чтобы осознать, как кризис повлиял на институт государства, необходимо разъяснить для самих себя, о каком государстве идёт речь, что понимается под этим словом и какова история такого понимания государства. В противном случае (поскольку простой констатацией кризиса в государственной сфере данное исследование исчерпываться не может) мы рискуем упустить из виду значимые перемены, происходящие с государственностью и господствующими представлениями о ней.

«Государство» как исторически обусловленное понятие

Для начала стоит отметить, что само понятие «государство» имеет непростую историю. По большому счёту, когда современные учёные говорят о государстве, они могут иметь в виду несколько совершенно различных форм организации власти. То, что «государствами» в юридической литературе зачастую именуют аппараты политического господства, существовавшие на Древнем Востоке, в античных Греции и Риме, в феодальной Европе и т.д., является серьёзным упрощением, оправдываемым соображениями некоторого терминологического удобства, но в то же время способным вводить в заблуждение по поводу сущности всех этих образований.

Как отмечал немецкий правовед Георг Еллинек, у греков государство называлось *πόλις* и было, таким образом, тождественно с городом. Римляне использовали понятия *civitas*, т.е. гражданская община – понятие, тождественное греческому *πόλις*, *res publica* – т.е. «общее всему народу», и, наконец, *imperium* – понятие, отождествившее военно-политическую власть императора с римским государством. В германском мире широкое распространение получило понятие *Reich*, происходящее от латинского *regnum* и обозначающее княжеское господство, царство. Для средневекового политического мышления характерным являлось обозначение государства названием *земля – terre, terra*¹.

---

¹ См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. С. 149–151.

Долгое время не существовало единого, обнимающего все государственные образования термина. Потребность в таком обобщающем термине впервые получила удовлетворение в Италии, где ранее всего стало употребляться понятие *stato*, т.е. «статус», «состояние» (отсюда, по всей видимости, английское *state*, немецкое *Staat*, французское *état*, испанское *estado* и т.д.). Еллинек объясняет, что

«к разнообразным итальянским государствам не подходили названия *regno*, *imperio*, *terra*, как и слово *città* (город) не передавало государственного характера Венеции, Флоренции, Генуи, Пизы»¹.

По-видимому, хотя на этот счёт до сих пор нет единодушия среди историков², первые случаи употребления слова *stato* в значении *государства вообще* относятся к XVI веку. В этом смысле показательно, что Макиавелли начинает свой знаменитый трактат «Государь» («Il Principe», 1513 год) словами

«Tutti li stati, tutti e' dominii che hanno avuto et hanno imperio sopra li uomini, sono stati e sono o repubbliche o principati» («Все государства, все правительства, когда-либо главенствовавшие над людьми, подразделяются на республики и принципаты»)³,

а чуть позже французский юрист Шарль Луазо употребляет слово «l'estat» в столь же широком значении, как и его итальянский предшественник⁴.

Впрочем, наивным было бы думать, что появление такого обобщающего термина являлось случайностью и следовало лишь из многообразия итальянских государственных образований; более того, наивно полагать, что обобщающая теоретическая конструкция, каковой

¹ Там же. С. 151.

² Подробнее см.: *Rubinstein N. Notes on the Word Stato in Florence Before Machiavelli* //

³ *Machiavelli N. Il Principe*. Torino: Einaudi, 1961. P. 3. URL: http://www.letteraturaitaliana.net/pdf/Volume_4/t324.pdf (дата обращения: 03.03.2020). Русский перевод приводится по изданию: *Макиавелли Н. Государь. Искусство стратегии*. М.: Эксмо, СПб.: Мидгард, 2007. С. 19.

⁴ См.: *Loyseau Ch. Traite des seigneuries*. Paris: Abel L'Angelier, 1610. Pp. 15–16, 28–29 etc.

является понятие государства, представляет собой плод уникальности положения Италии и не могла возникнуть в других регионах Европы.

Античный греческий «полис», римская «республика», германский «рейх» и т.д., равно как и, казалось бы, обобщающее «государство» (stato) – понятия, не только не случайно сформировавшиеся, но указывающие на историческую специфику и социальную сущность описываемых ими властно-политических образований. Так, греческий полис представлял собой ограниченную по своему пространственному охвату (ограниченную пределами одного города) гражданскую общину, основанную в значительной мере на принципах прямого народовластия, самоуправления и равенства полноправных членов данной общины. Государство не противопоставлялось тому, что сейчас мы назвали бы гражданским обществом. Как отмечал Еллинек, публично-правовое положение индивида при полисном устройстве никогда не обуславливалось его принадлежностью к стране, а всегда только принадлежностью к гражданской общине или зависимостью от нее¹. Римская республика также, исходя из этимологии этого термина (res publica – «общая вещь», «общее дело»), являла собой политическое образование, сущностью которого был определённый *внутренний* порядок управления, а именно – особое, привилегированное положение римских граждан, их участие в делах, касавшихся римского народа как целого (Populus Romanus), особый режим народовластия. Империя Рима, это непревзойдённое изобретение римлян, хотя и представляла собой развитую централизованную управленческую машину, противопоставлявшую себя всем иным политическим образованиям тогдашней ойкумены, на деле немислима без своего сакрального элемента. Справедливым, на наш взгляд, является утверждение, согласно которому империя представляет свой порядок как постоянный, извечный и необходимый, репрезентует его как мир и гарантию справедливости для всех народов². Империя – это, потенциально, весь мир, или, по крайней уж мере, его

---

¹ Еллинек Г. Указ. соч. С. 149.

² Хардт М., Негри А. Империя. С. 25-26. См. на эту тему также: Гатагова Л. С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: АИРО-XX, 1996. С. 338; Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. С. 30–43.

центр, его смысл, его лучшая часть; она несёт народам определённые идеи, ценности, нормы, иными словами – это по своей природе экспансивное образование, ставящее себя вне времени и каких-либо пространственных пределов. Наконец, разнообразные княжества, королевства, царства, рейхи эпохи Средневековья, будучи неразрывно связанными с феодальным хозяйственным укладом, представляли собой не столько публичные образования, сколько частную собственность, домены (*domaine* – «владение») соответствующих монархических правителей, власть которых обожествлялась и являлась трансцендентной по отношению к подданным. Все эти исторические формы политико-территориальных образований, которые мы сегодня ошибочно зовём одним словом, не обладали признаками юридического лица, корпорации, и не располагали бюрократией в современном понимании этого термина, т.е. обезличенным слоем состоящих на государственной службе людей. Большинство из них, исключая, пожалуй, античные полисы и Римскую империю, не знали разделения власти и собственности, а потому рассматривались в значительной мере как собственность своих правителей¹.

Сказать, что все перечисленные властно-политические образования обладают единым набором признаков, значит, проявить непростительную близорукость, потому что в действительности современное государство (*state, l'état...*), преобладающее в наших представлениях, есть плод более поздней эпохи. Хотя, разумеется, оно состоит в генетическом родстве с предшествующими ему формами политического господства, каковыми являлись древневосточные деспотии, античные полисы, римские республика и империя, княжества и королевства Средневековья, и в этой связи обладает рядом схожих черт с ними, всё же более правильным, на наш взгляд, будет выделять его в качестве совершенно самостоятельной формы и образа политической власти над обществом. Следует согласиться с Карлом Шмиттом, считавшим, что

«"государство" вовсе не является подходящим для всех времен и народов обобщающим понятием, но скорее конкретно-историческим, конкретным понятием, и было бы ошиб-

---

¹ Подробнее см.: *ван Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016.

кой – если не подлогом – проецировать типичные представления эпохи государственности на другие исторические эпохи и ситуации»¹.

Мы постоянно должны держать в уме мысль о том, что заключает в себе общепринятое в последние столетия понятие государства и чему оно обязано своим появлением.

Современные представления о государственности находятся во взаимосвязи с такими историческими вехами европейской истории, как открытие земель в Новом свете, которое кардинальным образом изменило существовавший пространственный порядок, и Ренессанс, в ходе которого европейский человек осознал себя в качестве творца своего общества и своей истории². Однако напрямую они происходят из ада межконфессиональных гражданских войн в Европе XVI–XVII веков, запущенных процессами религиозной реформации и сделавших крайне нестабильной жизнь народов и власть правителей. Из этого ада был необходим выход, который был найден в идее суверенитета. По большому счёту, именно провозглашение этой идеи и постепенный переход к её реализации в практике осуществления политической власти над обществом и практике международных сношений ознаменовали возникновение представлений о государственности, по инерции считающихся ныне современными.

Истоки и расцвет идеи суверенитета

Как известно, впервые понятие суверенитета (*souveraineté*) было сформулировано французским юристом Жаном Боденом в его работе

---

¹ Шмитт К. Государство как конкретное понятие, связанное с определённой исторической эпохой // Логос. 2012. № 5 (89). С. 213.

² М. Хардт и А. Негри называют эту перемену в сознании европейского человека открытием «революционного плана имманенции», противопоставляя тем самым новое европейское сознание, видящее в самом человеке и его разуме источник преобразования общества и природы, сознанию трансцендентному, полагавшемуся на авторитет и силу божественного, неземного как в определении социального порядка, так и в познании природы: «силы созидания, прежде отданные в исключительное распоряжение небес, были возвращены на землю» (см. Хардт М., Негри А. Империя. С. 78–81).

«Шесть книг о государстве» («Les six livres de la République», 1576). Боден определил суверенитет как абсолютную и постоянную власть государства¹. Абсолютный характер суверенной государственной власти подразумевал отсутствие для нее каких-либо ограничений, что автоматически предполагало ничтожность претензий на власть со стороны каких-либо иных социальных сил. Среди отличительных признаков суверенитета были определены право на издание общеобязательных законов, решение вопросов войны и мира, а также действие в качестве суда последней инстанции. Таким образом, согласно революционной концепции Бодена, государство как организация политического господства должно было сделаться монополистом в вопросах управления обществом и единственным законным представителем общества в отношениях с другими странами, т.е. единственно признаваемым субъектом международных отношений.

Работа Жана Бодена была важным теоретическим предвосхищением перехода Европы к новому правовому порядку – порядку территориально обособленных суверенных государств. Юридическим же закреплением этого перехода считается подписание в 1648 году Вестфальских мирных соглашений (в Мюнстере и Оснабрюке), окончивших Тридцатилетнюю войну. Вестфальский мир фактически утвердил принцип суверенитета в ведении международных дел, что означало полновластие государства внутри собственных границ, монополию государства на принятие общезначимых решений в рамках своих территориальных пределов. Отныне именно территориально замкнутая государственность сделалась мечтой и целью многих народов, полем разрешения разнообразных внутрисоциальных конфликтов и противоречий и пространством, в котором могла постепенно совершенствоваться жизнь людей.

Новое понимание государства, основанное на идее суверенитета, позволило преодолеть феодально-сословную неразбериху Средневековья и межконфессиональную вражду. Государство стало пониматься как территориально замкнутое единство, отделённое от других подобных образований чётко очерченными границами и реализующее в

---

¹ *Bodin J.* Les six livres de la République. URL: http://classiques.uqac.ca/classiques/bodin_jean/six_livres_republique/bodin_six_livres_republique.pdf (дата обращения: 03.03.2020).

пределах своих границ определённый правовой режим. Сверхтерриториальные партии, каковыми являлись религиозные организации и сословные объединения, были устранены. Отныне конфессиональные и сословные противоречия должны были разрешаться при помощи государственно-полицейских решений на всей территории государства и по праву государства¹.

Суверенное государство как единый центр власти в период, когда ещё свежа была память европейцев о кровопролитной и нескончаемой гражданской войне, *войне всех против всех*, выступило в роли спасителя человечества от этой войны, гарантом реализации главного требования масс – требования мира. Государь нёс подданным страх, но одновременно и спасение от «вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу»². В облике суверена воплотились те черты, которыми в более древние времена было принято наделять силы потусторонние, божественные, не поддающиеся человеческому предвидению. В точности по Гоббсу, государство сделалось своего рода земным, «*смертным богом*»³, трансцендентным политическим аппаратом, поглощающим единичные воли отдельных индивидов; и если в древности у многих народов было принято напрямую обожествлять носителей власти, если царям и императорам поклонялись как подлинным богам, то отныне, несмотря на затронувшие Европу процессы секуляризации, божеством – но уже светским, ненастоящим, искусственным – стала обезличенная властная машина. Вернее, это была властная машина, олицетворяемая в большинстве случаев фигурой абсолютного монарха.

Такое отношение к государственному суверенитету оставалось возможным до тех пор, пока под вопрос не было поставлено существование патримониальной абсолютистской монархической власти, выступавшей в качестве гаранта общественного мира и единства, и пока процессы первичного накопления капитала и укрепления европейской буржуазии не вылились в социальные революции, ищущие новых политических альтернатив. В результате этих революций, важнейшей из

---

¹ См.: Шмитт К. Номос Земли в международном праве *jus publicum europaeum*. С. 166.

² См.: Гоббс Т. Левиафан. С. 132.

³ Там же. С. 133.

которых можно по праву считать Французскую революцию 1789 года, абсолютистские монархии не устояли, но устояло абстрактное, обезличенное (т.е. не привязанное к личности конкретного правителя) суверенное государство как основа правового порядка. На этот раз, однако, оно было дополнено ещё одним значимым атрибутом – нацией.

«Духовная идентичность нации, а не божественное тело короля теперь олицетворяла территорию и население в качестве идеальной абстракции. Вернее, реальные территории и народы теперь считались продолжением трансцендентной сущности нации»¹,

– указывают М. Хардт и А. Негри.

Отныне в качестве носителя суверенитета, т.е. наиболее полной и постоянной власти в рамках конкретного общества, стали видеть не монарха и даже не коллегиальный управленческий орган, который Гоббс называл «советом», а народ, нацию. Государственный властный аппарат сделался представителем и олицетворением нации – определённой культурно-языковой общности, проживающей на одной территории и подчиняющейся одному и тому же правовому режиму. Процесс строительства национальных государств, или государств-наций, начавшись с таких стран, как Франция, Англия и Швеция, со временем охватил всю Европу, Америку, а уже в XX веке, благодаря национально-освободительной борьбе колонизированных народов, распространился в Азии, Африке, по всему миру. Суверенное национальное государство сделалось эталонной величиной, основным субъектом новой – так называемой «вестфальской» – системы международных отношений. «Государство» как понятие превратилось в господствующее парадигмальное представление, которое отныне было принято распространять на все эпохи и народы. В XX веке идея государственного суверенитета получила конкретизацию в ряде международно-правовых документов, важнейшим из которых к настоящему времени является Устав ООН, пункт 7 статьи 2 которого закрепляет принцип невмешательства во внутренние дела государства.

---

¹ Хардт М., Негри А. Империя. С. 98.

Конец эры суверенитета

Как справедливо отмечал профессор С. В. Кортунов, расцветом вестфальской системы был XX век, который одновременно стал началом её упадка¹. К концу прошлого столетия идея суверенитета национального государства стала носить всё более проблемный характер. Накапливались противоречия, практика международных отношений всё чаще стала сталкиваться с отступлением от принципа невмешательства, либо толковать его расширительно. На доктринальном уровне зазвучали авторитетные голоса, призывающие пересмотреть сложившееся понимание суверенных прав государства. Так или иначе, хотя сегодня государственный суверенитет по-прежнему остаётся одним из ключевых понятий дипломатии и теории международных отношений, к нему по-прежнему обращаются официальные лица международных организаций и главы государств, мы должны констатировать глубочайший кризис представлений о суверенитете, а вместе с ним и кризис самого национального государства как господствовавшей до сих пор модели властной организации.

Пытаясь объяснить сложившуюся к настоящему моменту ситуацию упадка государственного суверенитета, мы должны иметь в виду, что уже с появлением развитых межгосударственных организаций и усложнением системы международного права, накладывавшего определённые обязательства и рамки на деятельность национальных государств, суверенитет как выражение наиболее полной и постоянной власти в пределах определённой территории перестал быть в полном смысле этого слова абсолютным понятием. Так, ещё Версальский договор 1919 года, учредивший Лигу Наций, существенно ограничил возможности государств по распоряжению своим правом на войну, юридически закрепил аннексию отдельных территорий Германии и лишение её всех колоний². После Второй мировой войны, как следствие заключённых странами-победителями соглашений, начало скла-

---

¹ Кортунов С. В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка // Клуб мировой политической экономики. URL: <http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm> (дата обращения: 03.03.2020).

² См.: Версальский мирный договор / под ред. Ю. В. Ключникова. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925. С. 7-176.

дываться биполярное устройство мирового порядка: существующие и вновь создаваемые национальные государства с неизбежностью оказывались перед необходимостью сделать выбор между капиталистическим и социалистическим идейными лагерями и, соответственно, войти в орбиту одной из утвердившихся на мировой арене сверхдержав – США или СССР. В то же время, несмотря на политическое и экономическое влияние названных государств на другие страны, на доктринальном уровне ключевые свойства и принципы государственного суверенитета оставались практически нетронутыми: суверенитет по-прежнему означал верховенство государственной власти по отношению к иным источникам власти внутри общества, обязательный для граждан соответствующего государства характер актов государственной власти и независимость государства в определении своей внешней политики (по крайней мере – на уровне выбора геополитического ориентира и той или иной магистральной линии в международных отношениях); судебные органы государства по-прежнему обеспечивали для граждан правосудие, в том числе в качестве высшей инстанции, за исключением случаев добровольного принятия государством наднациональной юрисдикции над собой¹.

Одним из первых предвестников своеобразного «коперниканского переворота» в представлениях о суверенных правах национальных государств, пожалуй, можно считать выход в 1987 году книги дипломата Бернара Кушнера (Bernard Kouchner) и специалиста в области теории международных отношений Марио Беттати (Mario Bettati), в которой доказывалась обязанность западных демократий защищать права человека по всему миру не взирая на национальный суверенитет других государств².

Спустя всего несколько лет, сразу после окончания «холодной войны», эти идеи получили практическое воплощение в ходе миротворческой операции ООН в Сомали (1992-1993 годы). Однако окончательный переход к практике пренебрежения принципами государственного

---

¹ Единственным наднациональным судебным органом, рассматривавшим дела с участием граждан, вплоть до 1993 года оставался Европейский суд по правам человека, образованный в 1959 году.

² Bettati M., Kouchner B. Le Devoir d'ingérence: peut-on les laisser mourir? Paris: Denoël, 1987.

суверенитета ознаменовали вторжение сил НАТО в Югославию для участия в вооружённом конфликте на стороне косовских албанцев в 1999 году и последующее парадоксальное признание Международной комиссией по Косово данной интервенции в качестве «незаконной, но легитимной»:

«Комиссия заключает, что военная интервенция НАТО являлась незаконной, но легитимной. Она была незаконна, поскольку не получила предварительного одобрения Советом Безопасности ООН. Тем не менее, Комиссия считает, что вмешательство было оправданным, потому что все дипломатические средства были исчерпаны, и интервенция привела к освобождению большинства населения Косова от длительного периода притеснений под властью Сербии»¹.

В 2005 году по суверенитету национального государства был нанесён ещё один сокрушительный удар, когда Генеральная ассамблея ООН установила новую международно-правовую норму (или, вернее, институт, поскольку речь идёт о целой группе однородных норм), получившую известность под названием «*Responsibility to Protect*» («*Обязанность защищать*») или «*Ответственность по защите*», *R2P*). Общий её смысл сводится к тому, что суверенитет не является гарантией, спасающей государство от иностранной интервенции, напротив – *суверенитет является бременем государства*, он накладывает на государство ответственность, и это ответственность не столько перед своими гражданами, сколько перед международным сообществом. Так, пункт 138 итогового документа Всемирного саммита Генассамблеи ООН 2005 года гласит:

«Каждое государство обязано защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. Эта обязанность влечет за собой необходимость предотвращения таких преступлений, в том числе подстрекательств к ним, путем принятия соответ-

---

¹ The Kosovo Report: Conflict, International Response, Lessons Learned // The Independent International Commission on Kosovo. – N.Y.: Oxford University Press, 2000. P. 4.

ствующих и необходимых мер. <...> Международное сообщество должно принять соответствующие меры для того, чтобы содействовать и помогать государствам в выполнении этой обязанности, и должно поддерживать усилия Организации Объединенных Наций по созданию возможностей раннего предупреждения».

Следующий пункт данного документа даёт понимание того, каким образом предполагается обеспечивать исполнение государствами своих обязанностей по защите населения:

«Международное сообщество, действуя через Организацию Объединенных Наций, обязано также использовать соответствующие дипломатические, гуманитарные и другие мирные средства в соответствии с главами VI и VIII Устава для того, чтобы содействовать защите населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. В этой связи *мы готовы предпринять коллективные действия, своевременным и решительным образом, через Совет Безопасности, в соответствии с Уставом, в том числе на основании главы VII, с учетом конкретных обстоятельств и в сотрудничестве с соответствующими региональными организациями, в случае необходимости, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности*¹.

Глава VII Устава ООН содержит нормы, определяющие порядок действий Объединённых Наций в отношении угрозы мира, нарушений мира и актов агрессии, в том числе порядок использования международным сообществом военной силы. Таким образом, резолюция Генассамблеи ООН при определённых обстоятельствах может выступать в качестве правового основания военного вторжения некоей коалиции государств в территориальные пределы того или иного государства,

---

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16 сентября 2005 года № A/RES/60/1 // United Nations. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/60/1> (дата обращения: 20.09.2019).

национальные органы власти которого «недостаточно хорошо» справляются со своими обязанностями по защите населения¹. Поскольку текст пунктов 138 и 139 указанного выше документа изложен эзоповым языком международной дипломатии, об интервенции в целях смещения неугодных «международному сообществу»² (т.е. чересчур самостоятельных) режимов напрямую ничего не сказано, однако изложенные положения предоставляют возможность их широчайшего толкования. После демонтажа режима Муаммара Каддафи в Ливии в

---

¹ Некоторые специалисты отмечают, что норма об «обязанности защищать» носит рекомендательный характер, относясь к так называемому «мягкому праву» (soft law). В частности, отмечается, что общие формулировки итогового документа Всемирного саммита Генассамблеи ООН лишь «очерчивают круг возможных средств, но не обязывают их применять» (см.: *Любашенко В. И.* О концепции «обязанности защищать» в международном праве // *Российский юридический журнал*. 2015. № 2. С. 39–47). Хотя в сущности это действительно так, авторы подобных оценок сознательно или неосознанно оставляют за пределами своего внимания тот факт, что данный документ создаёт возможность для государств и организаций, участвующих в интервенции во внутренние дела той или иной страны, ссылаться на правило, закреплённое на уровне ООН. Это значит, что новая международно-правовая норма и вправду никого не обязывает «содействовать» защите населения иностранного государства от преступлений против человечности, но зато является превосходным юридическим основанием, легитимирующим вторжение с использованием в том числе военных средств. R2P – это *justa causa* современных «справедливых войн», таран для демонтажа государственных суверенитетов.

² Сам термин «международное сообщество» вряд ли может считаться нейтральным. Как показывает практика, это понятие, скорее, является выражением определённого консенсуса совокупности государств, в тот или иной исторический момент располагающих большим политическим, военным и экономическим потенциалом, нежели любое отдельно взятое государство или группа государств. Эта господствующая на международной арене совокупность государств выстраивается вокруг так называемых «великих держав» (*great powers*) или «сверхдержав» (*superpowers*), а в рамках однополярной системы международных отношений – вокруг единственной сверхдержавы. Нетрудно догадаться, что так называемое «международное сообщество» на самом деле никогда не объединяет все нации. В отрыве от международных противоречий и конфликтов это словосочетание бессмысленно; в конфликтных же ситуациях оно указывает лишь на сложившуюся международно-политическую конъюнктуру, с моральной точки зрения ставя в положение изгоев те государства, действия которых идут вразрез интересам «великих держав», вокруг которых сформирован консенсус.

2011 году¹ и попыток части мирового сообщества повторить ливийский сценарий интервенции на территории Сирии ни у кого не должно оставаться иллюзий насчёт истинного значения подобных инноваций в международном гуманитарном праве.

Совершенно ясно, что установление международно-правовой нормы «Responsibility to Protect» имело задачу легитимации уже сформировавшейся на тот момент империалистической по своей сути практики международных гуманитарных и военных интервенций, использующейся отдельными державами, такими как США, Великобритания и Франция. Разумеется, это так, однако политико-правовое значение данного акта гораздо шире и глубже, чем это может показаться на первый взгляд. Новые нормы – это больше, чем просто подходящее юридическое средство для прикрытия чьих-то не вполне честных действий. На самом деле речь нужно вести о юридическом закреплении *нового понимания государственного суверенитета* – понимания, выворачивающего данное понятие наизнанку, лишаящего его всякого положительного смысла.

Как уже говорились чуть выше, отныне суверенитет понимается не только и не столько как право, сколько как обязанность, ответственность, бремя государства. По сути, признаётся, что ни одно государство сегодня – и это относится отнюдь не только к государствам из так называемого «третьего мира», но ко всем, даже самым влиятельным – не может считаться настолько эффективным, самостоятельным и самодостаточным, чтобы иметь возможности по разрешению любых внутренних конфликтов и противоречий собственными средствами и по собственным правилам. Национальное государство сведено к *одной*

---

¹ Ливийская трагедия, по сути, является первым применением R2P как международно-правового института, т.к. его основные концептуальные положения были имплементированы в Резолюцию Совета Безопасности ООН № 1973 2011 года (URL: <https://undocs.org/ru/S/RES/1973%282011%29>). Напомним, данная резолюция, ссылаясь на «грубые и систематические нарушения прав человека» законными ливийскими властями, предусматривала введение так называемой «бесполётной зоны» (т.е. запрета на все полёты над территорией страны для ливийской авиации) и замораживание активов, контролируемых ливийским руководством (в том числе активов Центрального банка Ливийской Джамахирии); последствиями введения этих мер стали сначала существенное ослабление правительственных сил, а затем демонтаж действующего государственного режима.

из множества действующих на глобальной политической арене организаций, функции которой по большей части исчерпываются предоставлением определённых публичных услуг населению, проживающему на соответствующей территории, и... обеспечением управляемости социальными процессами на своём участке¹. Иными словами, национальные государства по-прежнему сосредотачивают в своих руках определённые властные полномочия, но ни о каком постоянстве и верховенстве этих властных полномочий говорить уже нельзя, поскольку сущностно территориальное государство теперь не сильно отличается от различных негосударственных организаций, активных в глобальной политике.

Тщетные поиски суверена

Как видим, за последние годы конструкция государственного суверенитета была серьёзным образом подточена. Однако – следует задаться вопросом – быть может, теперь нужно искать суверенитет на каком-то ином уровне? Если государство утрачивает свои суверенные полномочия, кто становится новым сувереном? На этот счёт в современной науке нет однозначного мнения.

Так, Павел Франковски (Paweł Frankowski) считает, что в переживаемую нами эпоху постмодерна суверенитет, утрачиваемый государствами, «не исчезает, а переносится от одной организации к другой»; «власть, наиболее важный элемент в понятии суверенитета, начинает утекать от государства»². П. Франковски называет данный феномен «текущим суверенитетом» (*liquid sovereignty*), отмечая, что суверенитет может перетекать от национального государства к различного рода

---

¹ О «суверенитете как ответственности», требующем от государства обеспечивать надлежащий уровень политических благ и услуг, заботясь о защите и благосостоянии граждан, см., например: *Potter D. W. State Responsibility, Sovereignty, and Failed States // Refereed paper presented to the Australasian Political Studies Association Conference, University of Adelaide, 29 September – 1 October 2004. URL: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/media/pressrel/WS1F6/upload_binary/ws1f64.pdf* (дата обращения: 20.09.2019).

² *Frankowski P. Liquid Sovereignty in the post-modern world order // Paper prepared for the Sixth Pan-European Conference Standing Group on International Relations. Torino, September 12–15, 2007.*

наднациональным образованиям (например, ЕС), от национального государства к субнациональным образованиям (например, от Испании к её провинции Каталонии), наконец – от государства к государству.

Фил Хауисон (Phil Howison) указывает, что государства теряют свой суверенитет в пользу транснациональных акторов, к каковым он относит прежде всего межправительственные организации, международные неправительственные организации, ТНК, а также в пользу субнациональных акторов, т.е. различных организаций, действующих преимущественно внутри той или иной страны¹.

По мнению Канишки Джаясурийи (Kanishka Jayasuriya) из Университета Мёрдока (Австралия), концепт суверенного государства как образования, имеющего исключительную власть над своей территорией, требует переосмысления². В своём исследовании учёный констатирует формирование новых структур глобального управления и регулирования, не привязанных к тому или иному государству и не зависящих от строгих формальных правил традиционных международно-правовых договоров. Прежде всего, данные управленческие структуры обнаруживаются в сфере регулирования экономических процессов на глобальном уровне (Базельский комитет по банковскому надзору, Международная организация комиссий по ценным бумагам и др.). Вывод, который делает Джаясурийя, предполагает разрыв с привычной вестфальской логикой понимания правопорядка:

«Происходит реконфигурация суверенитета в том смысле, что он больше не реализуется в рамках монистической правовой структуры и системы принятия решений, вместо этого он рассеивается среди множества правительственных и неправительственных источников власти»³.

В целом нужно отметить, что многие авторы вполне удовлетворены протекающими ныне процессами утраты монополии государства

---

¹ *Howison Ph.* The Decline of the Nation-State // Pacific Empire. October 16th, 2006. URL: <http://pacificempire.org.nz/wp-content/uploads/TheDeclineOfTheNationState.pdf> (дата обращения: 22.11.2012).

² *Jayasuriya K.* Globalization, Law and the Transformation of Sovereignty: The Emergence of Global Regulatory Governance // Indiana Journal of Global Legal Studies. 1999. 6 (2). P. 426.

³ *Ibid.* P. 444.

на суверенитет. Логично, ведь за эрозией, «разжижением», «диффузией» или реконfigurацией суверенитета при большом желании можно разглядеть формирование нового, более совершенного, справедливого и демократичного порядка, в рамках которого имеет место конкуренция за власть со стороны весьма широкого круга субъектов – от национальных государств до специфически современных институтов глобального управления, международных негосударственных организаций, транснациональных корпораций и т.д. Плюрализм складывающегося в мировом масштабе правопорядка должен, по идее, идти на пользу рядовым гражданам, пользующимся, казалось бы, всё большей свободой в рамках существующих территориальных образований, а по сути – испытывающих от них всё меньшую и меньшую зависимость. Также он должен обеспечивать бóльшую устойчивость самой системы международных отношений, ибо в рамках последней наконец-то нашлось место институтам и процедурным механизмам, выступающим в качестве барьеров для злоупотреблений отдельными государствами своими властными полномочиями. Наконец-то можно будет позабыть ужасные оруэлловские картины людоедской тоталитарной государственности, дошедшей до предела в своём презрении к отдельному индивиду во имя отупляющей репрессивной идеологии!.. Впору объявлять пришествие «дивного нового мира» или, на худой конец, всерьёз говорить о формировании системы, как минимум не уступающей вестфальской в своём потенциале сдерживания внутренних и внешних конфликтов¹. Впрочем, прежде чем раздавать складывающемуся порядку моральные авансы и представлять его естественным, а потому прогрессивным следствием общественного развития, стоит всё-таки

---

¹ Любопытно мнение исландской исследовательницы Алены Ингварсдоттир (Alena Ingvarsdóttir), которой кажется, что с вестфальской системой международных отношений не произошло *вообще* ничего серьёзного, а «вестфальское» понимание суверенитета оказалось способным адаптироваться к происходящим в мире переменам. Довольно циничное и близорукое, на наш взгляд, отношение к тем «тектоническим сдвигам», которые наблюдаются в международном правопорядке в последние десятилетия, ёмко выражено в словесной формуле: «*Что произошло с суверенитетом?*» – «*ничего существенного*» (Ingvarsdóttir A. The Fall of Westphalia? Sovereignty of States Post Globalisation // Lokaverkefni í Hug- og Félagsvísindadeild. 2009. URL: <https://skemman.is/bitstream/1946/3088/1/BA%20Thesis%20AI.pdf> (дата обращения: 20.09.2019)).

шире раскрыть глаза и подумать о том, что за система материализуется на наших глазах.

В своём исследовании М. Хардт и А. Негри выдвинули гипотезу, согласно которой вместо систем власти на уровне национальных государств конституируется система власти на наднациональном уровне. По мнению учёных, элементы новой системы глобального устройства рассредоточены в широком спектре институтов, среди которых могут быть названы национальные государства, объединения государств и международные организации; все они разделяются по своим функциям и содержанию. Хардт и Негри рисуют пирамидальную структуру власти в глобальном масштабе:

«На вершине пирамиды находится единственная сверхдержава, США, удерживающая гегемонию в использовании силы в глобальном масштабе <...> На втором уровне, составляющем все еще первый ярус постепенно расширяющейся пирамиды, несколько национальных государств контролируют важнейшие рычаги мировой финансовой системы и имеют, таким образом, возможность управлять процессами глобального обмена»,

– и так далее¹... Подобный взгляд на современный миропорядок представлен и в работе мексиканского ученого Хуана Хосе Паласиоса (Juan José Palacios) из Университета Гвадалахары, считающего, что мир после терактов 11 сентября 2001 года представляет собой сложное соединение подчас несогласованных друг с другом государственных и негосударственных акторов, действующих на различных уровнях².

Данная гипотеза в целом не противоречит позиции тех учёных, которые считают скорее позитивным явлением размывание / распыление суверенитета и пытаются рассуждать о формировании новой, «поствестфальской» архитектуры миропорядка. Для М. Хардта и А. Негри эта новая архитектура отнюдь не является идеалом; впрочем, не ностальгируют авторы и по прежнему устройству. Сходство в мыш-

---

¹ См.: Хардт М., Негри А. Империя. С. 289–294.

² Palacios J. J. L. El orden mundial a inicios del siglo XXI: orígenes, caracterización y perspectivas futuras // *Espiral, Estudios sobre Estado y Sociedad*. 2011. Vol. XVIII. No. 52. P. 242.

лении и тех, и других состоит в том, что и оптимисты «глобального порядка», и относящиеся к этому порядку критически видят за закатом эпохи суверенитета национального государства систему, не менее чётко структурированную, имеющую последовательную иерархию, создающуюся целенаправленно, непротиворечивую и достаточно стабильную. На наш же взгляд, это, скорее, попытка выдать желаемое за действительное.

Быть может, действительно формируется или уже имеет место нечто наподобие пирамидальной иерархии власти в мировых масштабах? Сегодня такого рода предположения при всей их правдоподобности могут оставаться лишь на уровне предположений, сильно смахивающих к тому же на определённую разновидность теорий заговора. Так это или иначе, на данный момент невозможно судить с достаточной определённой. Конечно, нетрудно представить, что это правда и что какая-то чрезвычайно влиятельная группа людей в мире пытается, используя свои властные полномочия и финансовые ресурсы, сконструировать нечто наподобие пирамидальной структуры мирового политического устройства, отдельные элементы которой займут предназначенные им места и будут действовать в соответствии с заданной для них логикой. Однако будет ли столь сложная, охватывающая весь мир, система работать надлежащим образом, учитывая, что каждый её элемент так или иначе является относительно самостоятельным субъектом, актором на международной арене? Вряд ли.

Представляется, что складывающаяся на наших глазах картина глобального устройства в действительности обусловлена целым комплексом причин, среди которых как факторы объективного характера, не зависящие от чьей-либо воли, так и субъективные факторы. Мировой порядок меняется – в том числе и, наверное, в первую очередь вследствие того тупика, в которое зашла существующая модель общественного развития (см. предыдущую главу). Эти изменения в целом носят негативный, нежелательный для большинства характер, поскольку требуют адаптации к ним. Естественно, что в рамках такой адаптации каждый субъект стремится занять наиболее подходящее и удобное для него место в новой, формирующейся иерархии, с учетом собственных возможностей по отношению к иным акторам. Следствием данного положения является обострение противоречий между все-

ми элементами международного правопорядка, эскалация застарелых конфликтов, рост планетарной напряжённости. Более сильные в экономическом и военном плане диктуют свои ценности и нормативы поведения тем, кто с очевидностью уступает им, сталкиваются последними друг с другом. Равные упорно и, чаще всего, тщетно пытаются доказать друг другу своё превосходство. Новые глобальные негосударственные институты тяжёлыми оковами своих норм и бизнес-решений опутывают национальные государства, по-прежнему стремящиеся казаться суверенными, паразитируют на них. *Нет более ни строгих правил, ни ясности в действующих лицах.* Это не что иное как *хаос*, в котором одни агонизируют, а другие пока не в состоянии обойтись без первых. Размытая картина смутного времени в серо-коричневых тонах. Но что, впрочем, является вполне зримым фактом, так это упадок государственности в том виде, в каком мы её знали, – упадок, влекущий за собой ряд крайне тревожных последствий.

Одним из наиболее важных последствий упадка государственного суверенитета является, как это ни парадоксально, *закат демократии*, поскольку с ослабеванием полномочий национальных органов власти и с возникновением легальных возможностей влиять на государственные решения извне обесценились и существовавшие прежде средства участия граждан в определении государственной политики изнутри. Если политика правительства той или иной страны теперь определяется на каком-то ином, более отдалённом от рядового гражданина, уровне, если национальные власти теперь не в состоянии вести развитие страны тем курсом, который определяется интересами избравшего их населения, но зато вынуждены согласовывать более или менее значимые свои шаги с другими державами, международными организациями, транснациональными корпорациями и т.д., существующие на национальном уровне институты народовластия делаются бессмысленными, ни на что не влияющими, превращаются в иллюзию волеизъявления. В этом плане весьма показателен пример Греции, «левое» правительство которой в июле 2015 года было вынуждено согласиться с требованиями «большой тройки» кредиторов (Международного валютного фонда, Европейского центрбанка и Еврокомиссии) по проведению неолиберальных экономических реформ, предусматривающих значительное сокращение бюджетных расходов,

увеличение налогов и приватизацию госимущества. Избиратели, голосовавшие на парламентских выборах за леворадикальный блок «СИРИЗА» (ΣΥΡΙΖΑ), получили совершенно не то, на что рассчитывали. В связи с этим нечего удивляться тому, что выборы в большинстве стран мира давно уже выродились из политического инструмента в шоу и всё чаще не предполагают никакой альтернативы существующему status quo. По этой же причине малореальными и практически бесполезными сделались и политические революции, подобные тем, что бушевали на земном шаре ещё в прошлом столетии и предполагали переустройство жизни на основе неких конструктивных принципов, разрывающих с прежними, менее совершенными формами общественного устройства. Сегодняшние «революции» не несут за собой ничего, кроме разрушения, и используются лишь в деструктивных целях – не столько для смены политического курса развития страны, сколько для превращения относительно дееспособных государств в государства провалившиеся (*failed states*), для расширения пространства войны всех против всех.

Вторым следствием протекающих в наши дни процессов трансформации суверенитета является углубление кризисов в экономической и социальной сфере, т.к. десоверенизация национальных государств, сама по себе являющаяся кризисным феноменом, делает затруднительной эффективную реализацию каких бы то ни было антикризисных стратегий на национальном уровне. Понятно, что сами современные кризисы имеют во многом глобальный характер, однако имеющаяся на данный момент система глобального управления, если о ней вообще позволительно говорить как о системе, слишком аморфна и при этом неповоротлива для того, чтобы предпринимать какие-либо меры оперативно, добиваясь запланированных результатов. *Граждане по-прежнему именно от государств ожидают решения своих проблем и борьбы со специфически современными угрозами, однако сегодняшнее их историческое положение является препятствием для решения такого рода задач.*

В конечном счёте, упадок государственного суверенитета логически влечёт за собой шаткость вообще каких-либо структур власти, любой власти, а следовательно – кризис легитимности, нормативный релятивизм и желание людей опираться только на собственные силы,

не связывая себя обязывающими предписаниями существующих легальных институтов.

Наконец, ещё раз подчеркнем, что протекающие в наши дни процессы трансформации суверенитета влекут за собой возникновение неразберихи в международных отношениях, а именно – конец государствоцентричного международного порядка, начало эры анархии разнообразных акторов, плохо поддающихся контролю и не связанных какими-либо конвенциями.

Сегодня мы вынуждены констатировать смерть суверенитета как действительного юридического феномена. Вернее, впрочем, будет сказать, что он ещё не умер, а находится при смерти, в состоянии «клинической смерти», при котором официальные лица отдельных государств и межгосударственных организаций продолжают оперировать его категориями для достижения сиюминутных политических целей, тогда как в реальности эти категории могут противоположным образом пониматься разными сторонами. Конец суверенитета знаменует собой и окончание той исторической эпохи, которая пришла на место хаотической неразберихи сословных и межконфессиональных противоречий. В каком-то смысле это означает возврат на начальную точку, предшествующую формулированию концепта суверенитета: отрицание государства как эталонной величины международного правопорядка; возвращение плюрализма акторов, действующих на международной арене и внутри территориальных границ; размывание понятий «внутреннего» и «внешнего», «внутринационального» и «международного»; упразднение чётких правовых дефиниций в пользу ситуативных моральных ярлыков, и т.д.

Упадок суверенитета – это упадок государства в том виде, каким мы его знали, однако это ещё не конец государства как такового. Мы можем наблюдать глубокие трансформации современной государственности, зафиксировать признаки государства эпохи глобального кризиса, и, пожалуй, одним из таких значимых признаков является постепенное смешение государства и коммерческой корпорации.

3.2. ГОСУДАРСТВА-КОРПОРАЦИИ И КОРПОРАЦИИ-ГОСУДАРСТВА

Несмотря на неизбежность констатации упадка государственности, списывать государство со счетов пока рано. Вряд ли можно согласиться с точкой зрения японского учёного Кеньичи Омаэ (Kenichi Ohmae), считающего, что «в терминах глобальной экономики национальные государства стали значить чуть больше, чем эпизодические актёры», сделавшись «в высшей степени неэффективными машинами распределения благ»¹. Вероятно, такие выводы имеют под собой определённые основания, однако на сегодняшний день мировое хозяйство (равно как и мировая политика) немыслимо без государств – даже несмотря на то, что государства эти всё труднее признать полностью самостоятельными и суверенными участниками международных отношений. Как ни парадоксально звучит, но государства жизненно необходимы транснациональным корпорациям, по-прежнему необходимы. В этом плане мало что изменилось с тех пор, когда Карл Маркс охарактеризовал государственную власть как «комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии»². Но наиболее интересным для нас является то, как трансформируются, с одной стороны, национальное суверенное территориальное государство, а с другой стороны, коммерческая корпорация в условиях глобального кризиса. Эти трансформации позволяют говорить о возникновении принципиально нового типа государственности, сочетающего в себе черты публичного политического образования и коммерческой компании, движимой соображениями извлечения денежной прибыли.

После национального государства

Сразу оговоримся, что, конечно же, любое современное государство (state) само по себе является *корпорацией*, т.е. юридическим лицом, способным выступать в правовых отношениях в качестве отдель-

---

¹ Ohmae K. The End of the Nation State: the Rise of Regional Economies. L.: HarperCollinsPublishers, 1995. P. 12.

² Маркс К. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 3. М.: Политиздат, 1985. С. 144.

ного субъекта, реализовывать права и обязанности и при этом не быть отождествляемым с личностью того или иного правителя. Отличием государства как юридического лица от коммерческой корпорации, также являющейся юридическим лицом, по идее, является его публично-политический характер. К какому бы подходу к объяснению сущности государства мы ни склонялись, необходимо признать, что одной из его основных (если не первой) функций является осуществление управления в масштабах всего общества. В этом смысле государство, так или иначе, является квинтэссенцией публичного, общественного – даже служа интересам отдельных узких фракций общества (а это всегда именно так), оно полностью не сводится к отражению этих узких интересов. Будучи порождением общества и гарантом определённого правового порядка в этом обществе, государство отражает исторически достигнутый обществом уровень развития и являет собой непрерывно дрейфующую точку баланса социальных сил. Иными словами, государство – это, прежде всего, политическое, а не экономическое образование, и не сугубо бухгалтерские соображения извлечения прибыли должны выступать определяющим императивом его деятельности. Напротив, для коммерческой корпорации именно мотивы извлечения прибыли стоят на первом месте, и именно они определяют содержание деятельности корпорации, даже если корпорация эта вторгается в политическую сферу или, например, занимается благотворительностью в пользу малоимущих.

Однако мы живём в постмодерне, и к этому пора бы привыкнуть. Некогда самостоятельные явления, имеющие своё характерное описание, тяготеют к гибридности. Старые формы сливаются друг с другом, так что мы уже не в состоянии отличить одно от другого. По-видимому, этим можно объяснить тот факт, что сегодня в исследовательской среде всё чаще раздаются голоса, заявляющие о приближении государства к модели коммерческой компании. Так, А.И. Фурсовым в научный оборот введён термин «*корпорация-государство*»¹. Согласно автор-

---

¹ На наш взгляд, более подходящим для обозначения данного феномена является термин «*государство-корпорация*», с вынесением «государства» на первое место, т.к. это, прежде всего, именно государство – государство, ставшее схожим с корпорацией. Собственно «*корпорация-государство*» (т.е. корпорация, приобретающая ряд черт государства) – явление, которое также заслуживает рассмотрения;

скому определению, это «такая форма государственного устройства, цели функционирования которой имеют прежде всего экономический характер»¹. Описывая данную форму, А. И. Фурсов выделяет следующие ее характерные признаки:

- оставаясь формально госаппаратом, играет самостоятельную и определяющую роль в стране в качестве политической (властной) корпорации;
- ставит политико-экономические национальные интересы соответствующей страны в зависимость от экономических аппаратно-ведомственных (корпорационных), либо рассматривает первые сквозь призму вторых;
- приватизировало в своих интересах характерные для государства как для института властные функции и в то же время отказывается от выполнения большей части характерных для государства социальных обязательств и функций (или резко сокращает их)².

По мнению автора рассматриваемого понятия, «корпорация-государство» представляет собой «рыночно-репрессивное государство», которое в ходе дальнейшей эволюции неизбежно *должно будет сбросить с себя государственные характеристики*, «в результате чего перестанет быть государством и превратится в жестко иерархизированную патримонию на клановой основе»³.

При всей своей мрачности такое описание – хотя бы в качестве распознанного тренда – выглядит достаточно правдоподобным, если держать в уме повсеместно протекающие процессы свёртывания программ социального государства (*welfare state*), десоверенизацию национальных государств и их всё большую зависимость от крупных коммерческих компаний, действующих как внутри страны, так и за её пределами. Действительно, современные государства, даже наиболее

его анализ в настоящей главе следует за анализом государственности, деформированной в узкокорпоративных интересах. Далее по тексту мы придерживаемся именно этого понимания словосочетаний «государство-корпорация» и «корпорация-государство».

¹ Фурсов А. Мир, который мы покидаем, Мир, в который мы вступаем, и Мир между ними: Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью? // *De futuro*, или История будущего. М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008. С. 279.

² Там же. С. 280–281.

³ Там же. С. 281.

развитые и состоятельные, всё в меньшей степени и всё менее эффективно заняты реализацией социальных функций, всё в большей мере посвящая себя функциям полицейским (т.е. обеспечением контроля над массами в пределах соответствующих территориальных границ), а также выполнению роли своеобразного страховщика для крупного корпоративного капитала.

Не государство для людей, а люди для государства

Пожалуй, одним из наиболее удивительных симптомов происходящей в мировом масштабе трансформации государственности является то, что отныне граждане почти ничего не решают в своих государствах. Конечно, это не означает, что куда-то исчезли все институты представительства, что граждане больше не вправе избирать депутатов в законодательные органы власти и голосовать на президентских выборах. Всё это осталось, однако реальных возможностей по изменению курса развития той или иной страны у её населения больше нет. Конечные решения парламентов и правительств, от которых зависит субъектность государства на международной арене, в значительной мере определяются или контролируются институтами наднационального регулирования и управления, прочие же – принимаются под влиянием крупных компаний, *сросшихся* с госаппаратом и с пользой для своих бенефициаров на нём паразитирующих.

Причастие «сросшийся» – ключевое слово, на которое следует обратить особое внимание.

Совершенно естественно, что бизнес всегда интересовался проводимой государством политикой и пытался тем или иным образом оказывать на неё влияние. Ничто не может отменить и справедливость марксистского тезиса о выражении любым государством в первую очередь воли и интересов экономически господствующей части общества. Хотя такая характеристика, на наш взгляд, не является исчерпывающей или главной характеристикой государства, любое государственное образование, безусловно, представляет собой властный аппарат, действующий инструментально в интересах, как правило, наиболее влиятельных в хозяйственном и политическом отношении социальных групп. Не вызывает сомнений и то, что государство всегда использо-

валось как мощный инструмент подавления и подчинения классовых противников тех слоёв, в чьих руках находилась политическая власть. Таким образом, если бы мы взялись утверждать, что современные государства (государства периода глобального кризиса) действуют по воле и в интересах наиболее экономически влиятельных социальных фракций, или, иными словами – в большей мере выражают интересы сверхбогатых, нежели интересы среднего класса и бедняков, из такого утверждения не следовало бы ничего нового, чего бы мы и так не знали о государстве вообще.

Особенность новой государственности, государственности начала XXI века, состоит вовсе не в её классовом характере (вернее, вовсе не в наличии у государства классовой природы). Специфика лежит, скорее, в структуре такой государственности.

Если бы какому-нибудь художнику вздумалось в наглядной форме изобразить государство эпохи глобального кризиса, ему бы пришлось нарисовать на своем холсте подобие следующей картины: великан с тяжёлой дубиной топчет пшеничное поле, наступает на крестьянские домики, утаскивает из хлебов скотину, а на его плечах сидит с десяток чертей, что-то шепчущих ему на ухо и собирающих то, что великан отнял у возделывающих поле крестьян. Это могла бы быть даже не одна, а целая серия картин, в последней из которых черти должны были бы прикончить великана (как вариант – великан бы сам падал замертво от поразивших его голода и болезней). Одна из картин этой серии могла бы изображать сюжет, в котором великан выступал бы в качестве защитника крестьян от них самих и от других великанов, вершил бы суд и наказывал смутьянов.

Возвращаясь от метафор к теории, необходимо подчеркнуть: государственность в ее нынешней форме просто невозможно представить без корпоративных элементов. Структура такой государственности включает не только государственные органы и специфические государственные организации, нацеленные на содействие органам государства в реализации их функций и, как правило, не преследующие извлечение прибыли в качестве основной своей цели, но и сугубо коммерческие организации, для которых получение прибыли как раз таки является ведущим императивом деятельности. Некоторые из таких коммерческих компаний могут находиться под формальным (скорее всего, лишь

частичным) контролем госаппарата, другие же – целиком относиться к частному сектору¹. Объединяет и тех, и других глубокая вовлечённость в масштабные (а следовательно, дорогостоящие) государственные проекты и значительное влияние, которое они оказывают на проведение политики государства, в том числе внешней политики. Современный бюрократический новояз именуется такие компании «системообразующими», «инфраструктурными» и т.д. В английском языке для их обозначения существует совершенно замечательный термин – *«too big to*

---

¹ Познавательным документом, позволяющим получить общее представление о связях госаппарата Российской Федерации с корпоративными кругами, является так называемый «Кремлевский доклад», частично обнародованный Минфином США в ночь с 29 на 30 января 2018 года. Доклад, подготовленный во исполнение Акта Конгресса США о противостоянии противникам Америки посредством санкций от 8 февраля 2017 года, содержит список из 210 фамилий чиновников и бизнесменов (так называемых «олигархов»), близких к российскому руководству. В список вошло 96 бизнесменов, тесно связанных с высшими должностными лицами Российского государства и владеющих состоянием, оцениваемым в 1 млрд долл. США и более. Среди них известный предприниматель Роман Абрамович, генеральный директор производственного объединения «Когалымнефтегаз» Вагит Алекперов, глава «Русской медной компании» Игорь Алтушкин, президент и владелец компании «Crocus Group» Араз Агаларов, совладелец консорциума «Альфа-Групп» Михаил Фридман, совладелец инвестиционного холдинга «Нафта Москва» Сулейман Керимов, бенефициарный владелец компании «Базовый элемент» и президент ОК РУСАЛ Олег Дерипаска, вице-президент ПАО «ЛУКОЙЛ» и основной акционер ФК «Спартак» Леонид Федун, главный акционер Промышленно-финансовой группы САФМАР Михаил Гучериев, председатель совета директоров банка «Россия» Юрий Ковальчук, владелец Новолипецкого металлургического комбината и логистического холдинга Universal Cargo Logistics Holding Владимир Лисин, владелец и президент управляющей компании «Интеррос» и гендиректор ГМК «Норильский никель» Владимир Потанин, основной владелец группы «ОНЭКСИМ» Михаил Прохоров, бывший совладелец международной энергетической группы Gunvor и учредитель инвестиционной компании Volga Group Геннадий Тимченко, совладельцы «СМП-Банка» Аркадий и Борис Ротенберги, гендиректор ОАО «Татавтодор» Айрат Шаймиев и его брат, совладелец крупного нефтехимического холдинга «ТАИФ», Радик, основатель «Тинькофф Банка» Олег Тиньков, владелец крупного горно-металлургического холдинга USM Holdings Ltd. Алишер Усманов, президент фонда «Сколково» и председатель совета директоров группы компаний «Ренова» Виктор Вексельберг, крупнейший акционер инвестиционной компании АФК «Система» Владимир Евтушенков и другие (полный список см.: <https://assets.bwbx.io/documents/users/iqjWHBFDfxIU/rJRW6xrdtLJE/v0>, дата обращения: 03.03.2020).

fail», т.е., буквально, «слишком крупные, чтобы потерпеть крах». Господствующая сегодня неолиберальная экономическая теория исходит из идеи, согласно которой эти компании столь важны для страны, что их банкротство неминуемо приведёт к потрясению всей экономической системы¹. Из этого тезиса следует требование помогать соответствующим компаниям во что бы то ни стало, предусматривая для них более благоприятные правовые режимы и предоставляя для их нужд бюджетные средства. Совершенно ясно, что такого рода компании являются собой нечто гораздо большее, чем просто бизнес, и никто в здравом уме не поставит их на одну ступень со *всего лишь* коммерческими организациями, образующимися, банкротящимися, прекращающими свою деятельность здесь и там, ежедневно.

Конечно, так называемые «системообразующие» компании, сросшиеся с госаппаратом, являются источником значительных поступлений в государственный бюджет. С другой стороны, большую часть своей прибыли они получают постольку, поскольку являются вовлечёнными в масштабные государственные проекты. Сам же бюджет государства становится подобием резервного (страхового) фонда, кассы взаимопомощи для владельцев таких предприятий. В этой связи даже сменяющие друг друга волны приватизации государственных компаний и национализации частного сектора нельзя считать чем-то принципиально важным: в таких случаях меняется лишь формальный статус принадлежности соответствующего имущества и юридические механизмы распоряжения им, однако само это имущество в любом случае остаётся бесконечно далёким от рядовых граждан, продолжая приносить реальную выгоду, как правило, одним и тем же группам заинтересованных лиц.

Не важно, достаточно ли средств государство выделяет на развитие образования и науки, сколь действенны меры, предпринимаемые госаппаратом для поддержания наименее социально защищённых слоёв населения: хотя политики могут демагогически указывать на первостепенную важность решения такого рода проблем, по-настоящему первостепенные задачи государств эпохи глобального кризиса лежат в

---

¹ Подробнее см., например: *Labonte M. Systemically Important or “Too Big to Fail” Financial Institutions // Congressional Research Service Report. June 30, 2015. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/misc/R42150.pdf> (дата обращения: 29.07.2019).*

области гарантирования прибыльной деятельности ряда крупнейших коммерческих корпораций. Вспомним, как, например, в 2009–2010 годах Правительство России спасало Открытое акционерное общество «АвтоВАЗ», Объединенную компанию «Русал», X5 Retail Group и другие частные компании¹. Хотя предоставление многомиллиардной финансовой помощи и беспроцентных займов обосновывалось необходимостью сохранения действующей инфраструктуры и рабочих мест, наибольшая выгода была принесена собственникам указанных предприятий, а бремя расходов было фактически распределено между налогоплательщиками. Как отмечается в исследовании Е. Н. Жаворонковой, анализ расходов федерального бюджета России по финансированию первоочередных антикризисных мер в 2010 году свидетельствует о высокой доле расходов бюджета на поддержку как отдельных предприятий (22% от общих расходов на финансирование антикризисных мер), так и группы системообразующих предприятий (21% от общих расходов на финансирование антикризисных мер), тогда как на финансирование мероприятий по поддержке рынка труда и по развитию монопрофильных городов планировалось направить лишь по 5% от общих расходов на финансирование антикризисных мер². По оценкам автора, получение государственной помощи зачастую являлось результатом лоббизма со стороны отдельных компаний и/или регионов, принятие же антикризисных решений и их реализации осуществлялись непрозрачно.

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 01.06.2009 № 745-р «О направлении бюджетных ассигнований на осуществление имущественного взноса Российской Федерации в Государственную корпорацию «Ростехнологии» для оказания финансовой поддержки открытому акционерному обществу «АВТОВАЗ»; Перечень системообразующих организаций, дополненный на заседании Правительственной Комиссии по повышению устойчивости развития российской экономики 12 мая 2009 года // URL: <http://economy.gov.ru/minrec/press/doc1242311886548> (дата обращения: 20.09.2019); Доклад об экономике России // Всемирный банк / 2009. № 18. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/rer18rus.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

² Жаворонкова Е.Н. Государственная поддержка крупного бизнеса в условиях финансово-экономической нестабильности // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 27. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2011/vipusk_27_1jun_2011_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/javoronkova.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

Тогда как реализуемая современным государством неолиберальная концепция «системообразующих компаний», которые «слишком велики, чтобы позволить им обанкротиться», традиционно позволяет паразитирующим на государстве корпорациям запускать руку в бюджет и компенсировать свои убытки путём равномерного распределения их среди налогоплательщиков, в последние годы в практику в отдельных странах начало входить прямое обязывание граждан к уплате новых, выдуманных дополнительно к уже существующим, сборов в пользу отдельных компаний. Механика такой «инновационной» политики довольно проста: государство посредством своих спикеров заявляет о назревшей проблеме, требующей выделения дополнительных средств; затем в законодательство вносятся новеллы, предписывающие гражданам и организациям обязанности по уплате новых денежных сборов, по регистрации каких-либо прав или имущества (ранее не требовавших регистрации); правительством либо иными органами исполнительной власти определяется компания (компании), уполномоченная на обеспечение приёма денежных средств, регистрацию прав или документов и т.п., с ней заключается концессионное соглашение с условиями, не выгодными для государства, но очень выгодными для этой компании, и денежные средства бурным потоком льются на банковские счета соответствующей корпорации.

В качестве примера можно привести внедрение в России системы взимания платы с грузовых фур за движение по дорогам федерального значения – так называемой *системы «Платон»*. Сначала федеральным законом¹ была установлена обязанность внесения платы «в счёт возмещения вреда, причинённого автомобильным дорогам» транспортными средствами с разрешённой максимальной массой свыше 12 тонн, а также предусмотрены меры административной ответственности за движение таких транспортных средств по дорогам федерального значения без оплаты. Затем Правительство Российской Федерации приняло постановление², определяющее размер и порядок взимания платы.

---

¹ О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 68-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2041.

² О взимании платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами,

Согласно постановлению, полномочия по обеспечению функционирования системы взимания платы с вышеуказанных транспортных средств возлагаются на оператора, являющегося индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом. Наконец, на основе сформированной законодательной базы Правительство приняло распоряжение¹ о заключении концессионного соглашения в отношении взимания платы с компанией ООО «РТ-Инвест Транспортные Системы», активы которой принадлежали Игорю Ротенбергу, сыну друга и партнёра Владимира Путина по занятиям дзюдо Аркадия Ротенберга.

Концессионер был избран без проведения конкурса, решение о выборе именно этой компании принималось абсолютно непрозрачно. Названным правительственным распоряжением были утверждены основные условия концессионного соглашения, однако текст самого концессионного соглашения официально опубликован не был. На запрос, исходящий от одной российской газеты, Федеральным дорожным агентством, определённым Правительством РФ в качестве концедента по данному соглашению, был дан ответ, согласно которому стороны концессионного соглашения договорились о конфиденциальном характере его текста² (*Рис. 1, 2*). Наиболее любопытным в концессионном соглашении, заключённом между Федеральным дорожным агентством и ООО «РТ-Инвест Транспортные Системы», являются положения, устанавливающие обязанности концедента (государства в лице Федерального дорожного агентства) выплачивать вознаграждение концессионеру (вышеназванной частной компании). Если верить тексту концессионного соглашения, всё-таки появившемуся неофици-

---

имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн: постановление Правительства Российской Федерации от 14 июня 2013 года № 504 // СЗ РФ. 2013. № 25. Ст. 3165.

¹ О концессионном соглашении в отношении объектов, предназначенных для взимания платы, используемых в целях обеспечения функционирования системы взимания платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 августа 2014 года № 1662-р // СЗ РФ. 2014. № 36. Ст. 4887.

² ФБК публикует секретное концессионное соглашение по «Платону» // Навальный. URL: <https://navalny.com/p/4651/> (дата обращения: 03.03.2020).

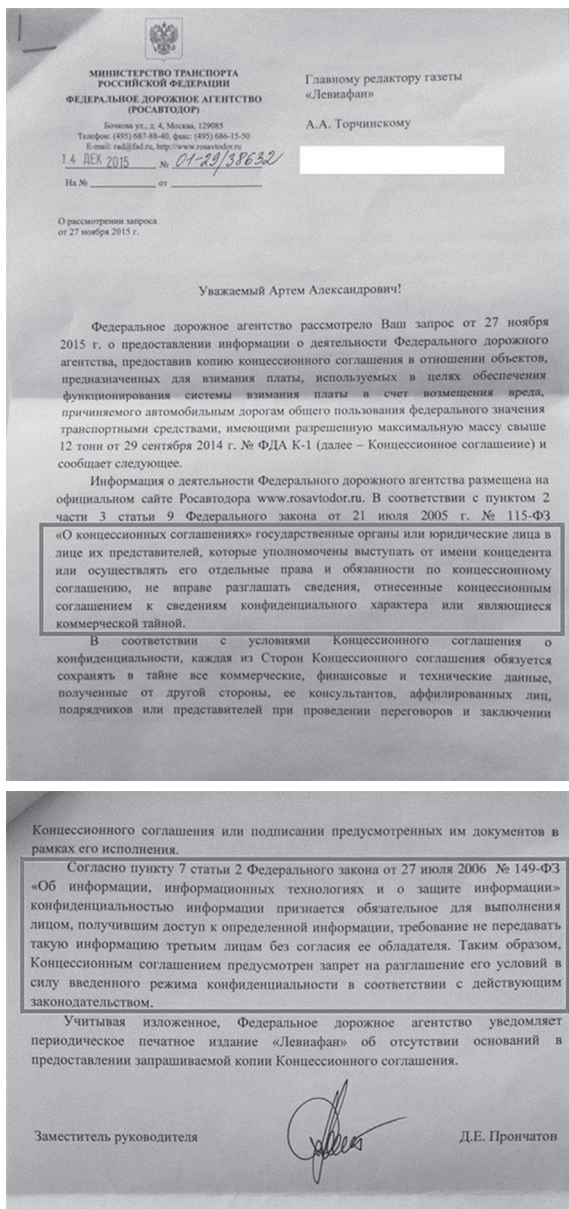

Рис. 1, 2. Официальный ответ Росавтодора на запрос независимого СМИ

циально в сети Интернет, концессионная плата соглашением не предусматривается, а базовый размер платы концедента концессионеру составляет 10 610 млн руб. в год, без учёта налога на добавленную стоимость¹.

Положения законодательства, обязывающие владельцев крупногабаритных транспортных средств уплачивать сбор за пользование дорогами федерального значения, вступили в силу с 15 ноября 2015 года, фактически система «Платон» начала работать с 2016 года, и, по данным, опубликованным на её официальном сайте (Рис. 3), по состоянию на 15 сентября 2018 года, т.е. спустя почти 3 года с момента её запуска, через неё в федеральный бюджет было перечислено 54 786,9 млн руб. Если опираться на базовый размер платы концедента, указанный в концессионном соглашении, получается, что за этот же период оператор системы заработал 31 830 млн. руб., а следовательно, доходы федерального бюджета (разница между собранными с грузоперевозчиков денежными средствами и уплаченным Росавтодором вознаграждением концессионеру) оказываются значительно ниже доходов частной компании, зарабатывающей на неясным образом доставшемся ей государственном подряде. И, кстати, не следует забывать, что введение сбора за пользование дорогами федерального значения автомобилями с разрешённой максимальной массой свыше 12 тонн дополнительно к уже существовавшему транспортному налогу не могло не сказаться на розничной стоимости товаров, такими автомобилями перевозимыми, и косвенным образом, следовательно, также было возложено на всё население России. К этому можно добавить и то, что изъятые в форме данного платежа (до 2020 года не являющегося ни налогом, ни сбором в соответствии с Налоговым кодексом) денежные средства компаний и индивидуальных предпринимателей, занимающихся перевозками, не

---

¹ П.п. 8.1, 8.2 Концессионного соглашения в отношении объектов, предназначенных для взимания платы, используемых в целях обеспечения функционирования системы взимания платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн, между Российской Федерацией и Обществом с ограниченной ответственностью «РТ-Инвест Транспортные Системы» от 29 сентября 2014 г., Приложение № 9 к Соглашению // URL: <https://drive.google.com/file/d/0B1aDPPXj9SDOeGlhcWNDS1JYTVk/view> (дата обращения: 03.03.2020).

Рис. 3. Инфографика с официального сайта системы «Платон». Загружена 17.09.2018.

могли не уменьшить налогооблагаемую базу по налогу на прибыль: таким образом, получая доходы в бюджет в форме поступлений, перечисляемых в рамках системы «Платон», государство не дополучает часть средств по другим статьям бюджетных доходов.

Государственная политика превратилась в «*продолжение бизнеса другими средствами*», если перефразировать знаменитое изречение прусского военного теоретика Карла Клаузевица. Наиболее заметные симптомы этого превращения можно наблюдать в периферийных и полупериферийных странах, к которым относится и Россия: здесь непрозрачность работы государственных органов, отсутствие у населения реальных рычагов влияния на принимаемые государственные решения, а также низкий, как правило, уровень политической и правовой сознательности граждан позволяют с лёгкостью выдавать политику в интересах корпораций за политику в интересах всего общества. Впрочем, не надо думать, что сращивание государства с корпорациями имеет место лишь в не слишком благополучных и не слишком развитых странах. Политика Соединённых Штатов – и в первую очередь их внешняя политика – демонстрирует нам яркий пример деятельности государственного аппарата в интересах, а порой и по указке крупных компаний¹. Схожий феномен можно наблюдать и в странах Европейского Союза. Где-то корпоративизация государства маскируется более тщательно, где-то – менее, однако отмеченная тенденция может считаться общей.

Выше уже говорилось о том, что государству эпохи модерна (т.е. именно тому, что мы *rag excellence* привыкли опознавать в качестве государства) присуще выражение публичного; о том, что государство – это, прежде всего, политическое, а не экономическое образование. Поэтому чрезвычайно важно при анализе трансформаций современных правовых порядков подчеркнуть постепенное и всё более уверенное

---

¹ О влиянии корпоративного лоббизма на участие США в военных операциях на Ближнем Востоке см.: *Turley J.* Big money behind war: the military-industrial complex // Aljazeera. Jan. 11, 2014. URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2014/01/big-money-behind-war-military-industrial-complex-20141473026736533.html> (дата обращения: 20.09.2019). Об интересах таких американских компаний, как Halliburton, BearingPoint, Bechtel и DynCorp, во вторжении США в Ирак см.: *Кляйн Н.* Доктрина шока. С. 445–470.

замещение публичного, *общего*, общественного как сферы действия и неотъемлемого признака государственности частным, *партикулярным*. Общественный интерес подменяется частным интересом, общее благо – личной выгодой. То, что для многих мыслителей прошлого являлось в государстве само собой разумеющимся, всё более и более проблематизируется, вымывается. Государство XXI века давно уже не является социальным государством: рудименты welfare state, чудом сохранившиеся в отдельных наиболее благополучных странах, медленно, но верно удаляются скальпелем работающей в корпоративных интересах бюрократии. Оно всё менее похоже на защитника гражданина, и даже малые «войны всех против всех», в качестве каковых могут быть признаны многочисленные повседневные разборки криминальных и полукриминальных сообществ в трущобах Нью-Йорка, Рио-де-Жанейро или Парижа, не сильно заботят действующие правительства. Наконец, полной утопией можно считать сегодня гегелевские сентенции о государстве как выражении нравственного целого, основанного на власти разума¹.

Пожалуй, сегодняшнее государство есть не столько политическая организация, сколько технический полицейский аппарат, обеспечивающий контроль над обществом в рамках корпоративной бизнес-стратегии, проводимой в интересах узкой прослойки бенефициаров. Политика предполагает столкновение мнений, идей, интересов различных социальных групп. Ныне она по большей части сведена к администрированию. В обществе государство-корпорация видит, с одной стороны, полезный ресурс, а с другой стороны – достаточно опасную среду, которая требует постоянного сдерживания и направления в заданную сторону. Человек рассматривается таким государством не как гражданин, а как часть электората – манипулируемой массы, дающей срощемя с бюрократией крупному капиталу формальное право выступать от имени народа. Как справедливо отмечал немецкий философ Эрнст Юнгер, «избирателю предоставляется возможность своим бюллетенем поучаствовать в жертвенном акте одобрения»². Само собой раз-

¹ См.: Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. С. 279, 283, 284.

² Юнгер Э. *Уход в Лес* / пер. с нем. А. Климентова // URL: http://www.geopolitica.ru/sites/default/files/ernst_yunger_-_ukhod_v_les.pdf (дата обращения: 20.09.2019). В оригинале: *Jünger E. Der Waldgang*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1980. S. 7.

умеющим в этой связи является то, что самостоятельность и инициативность граждан здесь не приветствуются. Постепенно институты гражданского общества, представительной демократии и местного самоуправления государство-корпорация подменяет симулякрами, которые на деле ничего или практически ничего не решают, создавая лишь видимость низовой гражданской активности и позволяя обществу время от времени выпускать накопившийся «пар». Государство-корпорация осуществляет свою деятельность не для населения, которое по идее должно представлять, – *само население предназначено для того, чтобы государство-корпорация могло продолжать своё существование и приносить выгоду паразитирующим на нем.*

В пропагандистских целях правительство современного кризисного государства (государства-корпорации), как правило, продолжает апеллировать к великой истории национальной государственности, патриотическим подвигам народа, взывать к сохранению «исконных» духовных ценностей и основ конституционного строя, однако в действительности такое государство существует лишь до тех пор, пока в нём есть необходимость у использующей его паразитической группировки, представленной в высших слоях бюрократии и крупном бизнесе.

Как уже говорилось в § 2.2, сегодня одним из основных принципов или модусов управления социальными процессами в глобальном масштабе является деструкция. В условиях кризиса самой модели индустриального общества, рассчитанной на постоянное накопление капитала и максимизацию прибыли капиталиста, разрушение социальной инфраструктуры и паразитирование на ранее сформированных общественных институтах и богатствах являются фактически единственными средствами обеспечить рост доходов для узкой прослойки людей, оказавшейся на вершине общественной иерархии. Часть представителей этой прослойки тесно связана с наиболее крупными коммерческими компаниями, действующими преимущественно в отдельных странах, т.е. преимущественно на национальном уровне. Их бизнес в наибольшей мере нуждается в относительно дееспособном, «сильном» – если так можно выразиться – государстве. Они будут как можно дольше откладывать окончательное разрушение государства, что не является следствием какого-либо патриотизма или социальной ответственности, а имеет совершенно прагматическое объяснение. Другая

часть мирового паразитического истеблишмента получает основной доход от деятельности компаний, жёстко не привязанных к той или иной отдельной стране и действующих одинаково эффективно сразу в нескольких (зачастую – во многих) странах и регионах планеты¹. Для представителей этого слоя паразитического капитала значение национальных государств ещё ничтожнее: стремительная их деградация не является угрозой их прибыли, поскольку бизнес, и без того транснациональный, в любой момент может быть перенесён из одной точки мира в другую. Так или иначе, и те, и другие видят в государственности не цель, а лишь средство.

Государство-корпорация, вероятно, является финальной стадией развития национального государства в том виде, в каком мы его знали. Такое состояние государства можно, пожалуй, рассматривать в качестве *извращенной формы самого nation-state*, в качестве разновидности национального государства, переживающего глубокое нездоровье. Это именно нездоровье, даже если мы возьмёмся рассматривать государства, кажущиеся влиятельными и благополучными, такие как, например, США. Не воля широких масс довлеет над политикой государства-корпорации, не реализацией конкретно-исторических целей той общности, которая именуется народом, занято оно, но лишь краткосрочные интересы бизнеса узкой группы людей, сугубо бухгалтерские по своим масштабам соображения движут им. В сущности, не развитием государственности заняты сегодня власть имущие, но разрушением: это разрушение соседних, наименее устойчивых государственных

---

¹ Двум названным разновидностям паразитического истеблишмента, по всей видимости, должны соответствовать две разновидности государств-корпораций, выделенные А. Н. Хариним – *внешние*, возникающие в результате подчинения транснациональной корпорацией территории государства, и *внутренние*, которые могут стать следствием подчинения государства интересам собственной ТНК (см.: Харин А. Н. Корпорация-государство как альтернатива современному государству // Власть. 2012. № 9. С. 76). Хотя приведённая классификация государств-корпораций имеет определённую объяснительную ценность, лучше позволяя понять описываемый феномен, она, на наш взгляд, страдает излишним схематизмом, поскольку существенным образом упрощает реальную картину. На самом деле – и здесь достаточно привести в пример хотя бы путинскую Россию – многие государства (а равно их бюрократии) испытывают на себе влияние одновременно как зарубежных, так и «отечественных» ТНК.

общностей, и это также саморазрушение, т.е. разрушение собственно-го государства. Те, кто стоит у руля государств, имеющих наибольший экономический и военный потенциал, имеют возможность решать свои меркантильные задачи за счёт других, более слабых государств. На сегодняшний день такой возможностью в полной мере обладают правящие и корпоративные элиты США. Обоснованные претензии на реализацию подобной стратегии выказывает также руководство КНР. Власть имущие в других странах вынуждены действовать в более узком поле возможностей, полагаясь в основном на ресурсы «своих» государств (т.е. тех государственных организмов, на которых они паразитирует), а в ряде случаев – также на ресурсы соседних политико-территориальных образований. Именно так выглядит современный империалистический порядок, представляющий собой нестабильную иерархию деструктивных, хищнических, в значительной мере асоциальных сил, прикрывающихся словами о защите национальных интересов.

Публичная политика, какая бы то ни было, становится отныне бесполезной. В условиях размытого, подорванного в своих основах суверенитета всякая победившая на выборах партия, всякое выборное должностное лицо оказывается в рамках строго заданной логики решений и действий, и горе тому, кто этой логике дерзнёт не подчиниться: спектр возможных мер принуждения достаточно широк, от привлечения отдельных высокопоставленных должностных лиц к персональной ответственности (посредством ареста имущества за рубежом или даже путём физического устранения) до организации государственных переворотов, развязывания гражданской войны и объявления государства государством-изгоем (*rogue state*).

В 1988 году радикальный французский мыслитель Ги Дебор сделал совершенно верное и весьма прозорливое для своего времени замечание:

«Во всех странах всё явственней намечается окончательное слияние экономики и государства; именно оно и является в последнее время главной причиной столь больших достижений в области экономики. Две эти силы, экономика и государство, заключили между собой и оборонительный, и на-

ступательный союз, что дало им небывалое преимущество: о каждой из них можно сказать, что ей владеет другая сторона, хотя в любом случае, было бы абсурдом как-либо противопоставлять их друг другу или различать их намерения»¹.

За тридцать лет после написания этих слов социальный порядок далеко шагнул в направлении подчинения всего и вся потребностям экономики, «развивающейся ради себя самой»². Сегодня очевидно, что экономика, вернее – интересы крупного транснационального капитала, окончательно подчинила себе национальное государство как управленческую модель. Управление обществом свелось к обеспечению экономических интересов определённых узких социальных слоёв. Государство больше не то, чем оно, по идее, должно было бы быть, либо, напротив, наконец-то оно стало тем, чем всегда стремилось стать. В любом случае какие бы то ни было концепции, рассматривающие его с положительной стороны, можно смело отправлять на свалку.

В целом же можно констатировать, что, дрейфуя в сторону модели государства-корпорации, сливаясь с корпоративными структурами и выдвигая на первый план функции полицейско-репрессивного плана, современные государственные образования всё больше и больше теряют себя в качестве государств. В то же время, однако, отдельные коммерческие корпорации движутся в противоположном направлении, принимая на себя всё новые функции, ранее считавшиеся не отделимыми от реализации государственной власти. Но если государство перестаёт быть государством, постепенно превращаясь в корпорацию, то почему бы коммерческой корпорации не почувствовать себя государством?

Корпорации вместо государств?

Согласно отчёту экспертной организации Strategy Dynamics Global SA, в 2012 году из 100 наиболее крупных экономических образований в

---

¹ Дебор Г. Комментарии к «Обществу спектакля» // Дебор Г. Общество спектакля: сборник. М.: Опустошитель, 2017. С. 158-159.

² См. тезис № 16 «Общества спектакля»: Дебор Г. Общество спектакля // Дебор Г. Указ. соч. С. 29.

мире 40 приходилось на корпорации¹. Внушительные цифры, которые, однако, лишь косвенно указывают на значимость коммерческих компаний в современном миропорядке. Действительно, размеры капитала, годовой прибыли компаний и т.п. финансовые параметры представляют для нашего анализа куда меньшую ценность, чем их реальные возможности в сфере управления социальными процессами и функции, фактически реализуемые ими в различных областях общественной жизни. Часть этих функций, как правило, рассматривается, скорее, в качестве прерогатив государства, нежели частных компаний. Среди них – обеспечение безопасности, проведение военных операций, выработка стандартов в области охраны природы и т.д.

Корпорации наподобие американской *Academi* не только осуществляют обеспечение безопасности своих клиентов и охраняют общественный порядок на вверенных им участках, но и принимают участие в ведении полноценных боевых действий. Так, осенью 2015 года средства массовой информации сообщали об использовании коалицией, возглавляемой Саудовской Аравией, нескольких сотен колумбийских наёмников в борьбе против йеменских шиитских повстанцев – хуситов². Ранее также сообщалось об участии американских наёмников в вооружённом конфликте в Донбассе на стороне украинской армии³. Судя по всему, на сегодняшний день практически ни одно серьёзное военное столкновение не обходится без того или иного использования частных военных компаний.

---

¹ *Keys T. S., Malnight Th. W., Stoklund Ch. K. Corporate Clout 2013: Time for Responsible Capitalism // Global Trends. URL: <http://www.globaltrends.com/wp-content/uploads/2013/06/corporate%20clout%202013.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).* P. 2.

² *Donaghy R. Hundreds of Colombian mercenaries to fight for Saudi-led coalition in Yemen // Middle East Eye. Oct. 27, 2015. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/hundreds-colombian-mercenaries-fight-saudi-led-coalition-yemen> (дата обращения: 20.09.2019).* *Hager E. B., Mazzetti M. Emirates Secretly Sends Colombian Mercenaries to Yemen Fight // The New York Times. Nov. 25, 2015. URL: http://www.nytimes.com/2015/11/26/world/middleeast/emirates-secretly-sends-colombian-mercenaries-to-fight-in-yemen.html?_r=0 (дата обращения: 20.09.2019).*

³ См., например: *Ukrainische Armee bekommt offenbar Unterstützung von US-Söldnern // Spiegel Online. 11.05.2014. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/ukraine-krise-400-us-soeldner-von-academi-kaempfen-gegen-separatisten-a-968745.html> (дата обращения: 29.07.2019).*

Как отмечает М. ван Кревельд, ассортимент услуг, предлагаемых компаниями, специализирующимися на вопросах безопасности, весьма широк. В него входят разработка и усовершенствование как оружия, так и сценариев действий, вербовка, обучение и проверка персонала, продажа, аренда или лизинг оборудования, проверка персонала на благонадёжность, выявление мошенничества, проведение тестов на детекторе лжи и прослушивание телефонных разговоров, разработка и управление системами безопасности всех видов, изгнание вторгшихся на частную территорию, помощь корпорациям в общении с забастовщиками и добывание улик по любому вопросу – от коррупции до супружеской неверности¹.

Помимо собственно частных военных компаний, не стоит забывать о наличии у отдельных крупных корпораций столь внушительного и хорошо вооружённого штата сотрудников, обеспечивающих безопасность, что в отдельных районах их силы вполне могут конкурировать с официальными государственными правоохранительными органами. В России, например, нормативная основа для формирования вооружённых охранных подразделений предприятиями топливно-энергетического комплекса была создана в 2014 году, когда был принят Федеральный закон № 75-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу создания ведомственной охраны для обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»². Закон предоставил организациям – собственникам Единой системы газоснабжения, а также стратегическим акционерным обществам, осуществляющим управление системой магистральных нефтепроводов, либо ведущим деятельность по добыче и переработке углеводородного сырья, право самостоятельно осуществлять охрану объектов ТЭК. На самом деле данный законодательный акт лишь легализовал фактически существовавшую практику самостоятельного обеспечения нефтегазовыми корпорациями

---

¹ ван Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. С. 495.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу создания ведомственной охраны для обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: федеральный закон от 20 апреля 2014 года № 75-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 16. Ст. 1832.

(такими, как «Газпром» и «Транснефть») безопасности своих объектов с применением вооружённых и имеющих специальную подготовку сотрудников. В удалённых от райцентров участках местности эти вооружённые группы, подчиняющиеся руководству соответствующих компаний, уже давно олицетворяют собой реальную власть, пресекая хищения и препятствуя экологическим активистам в сборе информации о загрязнении данными компаниями окружающей среды. Что касается официальных правоохранительных органов государства, то они нередко действуют в связке с охраной частных компаний нефтегазовой отрасли, однако нет никаких сомнений в том, что в случае сколь-либо серьёзного кризиса, сопряжённого с ослаблением государственной власти, вооружённые структуры частного бизнеса могут составить им серьёзную конкуренцию и по арсеналу имеющихся в распоряжении средств, и по подготовленности бойцов, и по степени их мотивированности.

Конфликты конфликтами, но можно ли представить ситуацию, при которой коммерческая корпорация примет на себя административные функции? Нет ничего невозможно, ведь истории известны примеры, когда частные коммерческие структуры брали в свои руки управление целыми регионами. Наиболее ярким примером такого рода, безусловно, является управление британскими колониями в Индии со стороны Британской Ост-Индской Компании, которое длилось в период с 1765 по 1858 годы¹. Нацеленная на получение прибыли как предприятием, так и Британской империей, колониальная администрация Ост-индской компании занималась по преимуществу прямым грабежом попавшей в колониальную зависимость страны. Начав свою деятельность с организации сбора земельного налога², на протяжении всей истории своего существования она нисколько не заботилась о потребностях и нуждах местного колонизованного населения. О том, каков был размах грабежа, свидетельствуют данные, приводимые одним из современных

---

¹ Подробнее см.: *Фурсов К. А.* Держава-купец: отношения английской ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006.

² См.: *Рувинский Р. З.* Правовая идеология европейского либерализма и британский колониальный правопорядок в XVIII-XIX веках // Дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. С. 151–156.

историков. Согласно этим данным, размер налоговых поступлений от одной только Бенгалии равнялся приблизительно четверти всех налоговых поступлений Британии в целом, а с 1830-х по 1850-е годы размер поступлений от налогов, собиравшихся Британской Ост-индской компанией, был равен примерно половине всех государственных доходов метрополии¹. Компания представляла собой не что иное, как государство в государстве, и лишь централизация власти в Британской империи, народное восстание 1857 года и громкие коррупционные скандалы, связанные с деятельностью должностных лиц Компании, привели в конечном счёте к её отстранению от управления индийскими землями.

При том, что коммерческие корпорации вполне могут осуществлять административную деятельность, управляя не только материальными ресурсами и территориями, но и людьми, работающими на эти корпорации и проживающими на контролируемых ими территориях, пожалуй, ещё нигде корпорациям не удавалось разрушить монополию государства на производство общезначимых правил поведения. Впрочем, на национальном уровне проблема недостаточности нормотворческих полномочий обычно компенсируется лоббистскими возможностями корпоративного бизнеса и тесной близостью собственников и топ-менеджеров так называемых «стратегических» компаний к высшим должностным лицам государства. Учитывая, что само государство всё в большей мере становится похожим на «кормовую базу» для крупного корпоративного капитала, его нормотворческие функции всё чаще используются корпорациями для узаконения необходимого им положения дел. Преимуществом данной схемы является то, что правотворческие органы государства берут на себя всю ответственность за содержание принимаемых ими нормативных правовых актов, и это ответственность как перед гражданами (ответственность за понесённые ими издержки и неудобства), так и перед корпорациями (ответственность за эффективную реализацию издаваемых актов и контроль за их исполнением). *Корпорации в таком случае оказываются как бы в тени решений, принимаемых государственными органами, даже если эти решения преследуют исключительно корпоративные интересы.* Возможное народное недовольство направляется против государствен-

---

¹ Marshall P. J. British Society in India under the East India P. Company. // Modern Asian Studies. 1997. Vol. 31, No. 1. P. 91.

ных чиновников, а не против коммерческих структур, и при удачном стечении обстоятельств дискредитировавшие себя должностные лица государства могут быть заменены без ущерба для проводимой в интересах капитала политики: получается, что жертва принесена, народ умиротворён, а прибыль продолжает поступать. Недостатком же описанной схемы является то, что всегда существует риск выхода руководства государства из-под контроля корпоративных структур, смены политического курса и подчинения коммерческих компаний государству. Государство, даже больное, ослабленное приросшими к нему паразитическими элементами, никогда не перестаёт быть потенциальной угрозой коммерческим аппетитам крупного бизнеса.

Деликатным решением проблемы недостаточности нормотворческих полномочий коммерческих корпораций на национальном уровне является обретение ими таких полномочий на уровне наднациональном. В то время как решения государственных органов и должностных лиц действительны лишь в границах того или иного государства, транснациональные корпорации не связаны тесными территориальными рамками национальной государственности и – потенциально – посредством механизмов глобального регулирования способны ещё сильнее подчинить себе национальные правительства.

На сегодняшний день в административной, равно как и в нормотворческой деятельности коммерческих корпораций нет никакой фантастики, хотя и эту ношу корпорации предпочитают нести не в одиночку, а вместе с иными негосударственными институтами. Как отмечает Филипп Пэттберг (Philipp Pattberg) в исследовании, посвящённом возрастающей роли организаций частного сектора в глобальной политике охраны окружающей среды, «во многих областях, от лесного хозяйства до сохранения морского биоразнообразия, мы наблюдаем появление частных институций – систем норм, правил и обязательств, – которые являются результатами тесной кооперации между различными частными акторами»¹.

«Транснациональные корпорации, некоммерческие организации, бизнес-ассоциации и исследовательские центры всё

---

¹ *Pattberg Ph. The Institutionalisation of Private Governance: Conceptualizing an Emerging Trend in Global Environmental Policy //Global Governance Working Paper. 2004. No. 9.*

чаще принимают соглашения по различным формам регулирования, включая общие кодексы поведения, управленческие стандарты и стандарты маркировки продукции, подлежащей сертификации»¹.

Отдельные авторы называют такое положение дел «*правлением без правительства*» (“*governance without government*”), отмечая, что оно приобретает всё большую институционализацию в мировой политике².

Хотя, по идее, распределение нормотворческих функций между государством и негосударственными акторами должно вести к более разностороннему учету потребностей и интересов самого широкого круга участников общественных отношений, институционализация наднационального регулирования имеет ряд сомнительных по своей благоприятности последствий для рядовых граждан. По сути, мы становимся свидетелями резкого и необратимого снижения ответственности перед гражданами в управлении и нормотворчестве. Транснациональные компании, равно как и иные наднациональные негосударственные акторы (бизнес-ассоциации, международные некоммерческие организации и др.) часто находятся в более благоприятном положении, чем государства. Как было подмечено М. ван Кревельдом, в отличие от государств, у транснациональных корпораций никогда «не было граждан, которых надо было бы защищать, социальных пособий, которые требовалось бы выплачивать, границ, чтобы их охранять, или суверенной территории, чтобы ее контролировать»³. Коммерческие корпорации, всё в большей степени вовлечённые в управление общественными процессами, управляющие целыми регионами с населяющими их людьми, не спешат брать на себя ответственность за благосостояние тех, чьи судьбы затрагивает проводимая ими административная и нормотворческая деятельность. Не заботясь ни об обеспечении населения социально значимыми услугами, ни о гарантировании социально-экономических прав и свобод граждан, корпорации оставляют реализацию затратных социальных функций национальным государствам. Как отмечается в

¹ Ibid.

² Ibid.; *Governance Without Government: Order and Change in World Politics* // ed. by J. N. Rosenau, E. O. Czempiel. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

³ ван Кревельд М. Расцвет и упадок государства. С. 477.

одной из работ, посвящённых правовому положению современных транснациональных корпораций, на сегодняшний день публичные обязанности и ответственность ТНК не имеют должного нормативно-правового закрепления на международном уровне. Немногочисленные международные конвенции, касающиеся публично-правовых обязанностей и ответственности коммерческих компаний, носят рекомендательный характер, иными словами – их исполнение осуществляется на добровольной основе¹. В то время как государства, хотя бы в качестве принципа, признают наличие у них обязанностей по отношению к индивидам, включая закреплённую в статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах обязанность гарантировать право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, корпорации до сих пор не приняли на себя обязательств такого рода.

Вторгаясь в области регулирования, традиционно считавшиеся принадлежащими национальным государствам, наднациональные институты (среди которых транснациональные корпорации занимают, быть может, не самое заметное место, зато уж точно действуют целенаправленнее всех остальных) не оставляют государствам иного выбора, кроме как считаться с формулируемыми ими нормами, имплементируя их во внутреннее национальное законодательство. Хотя в пределах национальных границ формальным верховенством по-прежнему обладает именно государство и создаваемое им право, обеспечить это верховенство в реальной жизни становится всё труднее, ведь сегодняшнюю экономику невозможно представить ограниченной рамками отдельных государств. В этой связи совершенно бесполезными и беззубыми можно считать положения принятой Генассамблеей ООН в 1974 году Хартии экономических прав и обязанностей государств, пункт b статьи 2 которой предусматривает, что каждое государство имеет право:

«регулировать и контролировать деятельность транснациональных корпораций в пределах действия своей национальной юрисдикции и принимать меры по обеспечению того, чтобы такая деятельность не противоречила его законам, нор-

---

¹ *Westra L. The Surpanational Corporation: Beyond the Multinationals. Leiden, Boston: Brill, 2013. P. 65-66.*

мам и постановлениям и соответствовала его экономической и социальной политике. Транснациональные корпорации не должны вмешиваться во внутренние дела принимающего государства»¹.

Уже давно не 1974 год, относящийся ещё к прежней, докризисной эпохе, к периоду её заката. Положение дел в мире сильно изменилось, а значит многие документы, формально продолжая действовать, более не имеют реальной силы. Впрочем, не намного более конкретны и действительны и Нормы, касающиеся обязанностей транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека, утверждённые резолюцией подкомиссии ООН по поощрению и защите прав человека 13 августа 2003 года². Первый же пункт этого документа перекладывает «главную ответственность в деле поощрения, гарантии осуществления, уважения, обеспечения соблюдения и защиты прав человека, признанных как в международном, так и во внутреннем праве, в том числе обеспечения уважения прав человека транснациональными корпорациями и другими предприятиями» на... государства. Обязанности, возлагаемые на ТНК, сформулированы весьма абстрактно, при этом эти обязанности в конечном счёте сводятся к обязанности соблюдать те нормы, которые и так установлены на внутригосударственном уровне. Пункт, посвящённый обязательствам ТНК в области охраны окружающей среды, является вершиной искусства формулировать бесполезные и недействующие нормы:

«Транснациональные корпорации и другие предприятия осуществляют свою деятельность в соответствии с национальным законодательством, правовыми актами, административными процедурами и политикой в области охраны окружающей среды стран, в которых они производят свои операции, и с соблюдением соответствующих международных соглашений,

---

¹ Хартия экономических прав и обязанностей государств / Принята резолюцией 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1974 года // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rights_and_duties.shtml (дата обращения: 29.07.2019).

² URL: https://digitallibrary.un.org/record/501576/files/E_CN.4_Sub.2_2003_12_Rev.2-RU.pdf (дата обращения: 29.07.2019).

принципов, целей, мер ответственности и норм, касающихся окружающей среды, а также прав человека, биоэтики и принципа предосторожности. В целом они осуществляют свою деятельность таким образом, чтобы содействовать осуществлению более широких целей устойчивого развития»¹.

О том, что ТНК активно воздействуют на национальное законодательство и административные процедуры государств, в которых они производят свои операции, авторы документа, очевидно, не имели никакого представления. Видимо, не имели они представления и о том, что зачастую ТНК специально избирают для осуществления своей деятельности страны с наиболее низкими стандартами в области охраны труда и окружающей среды, переносят туда производство, выкачивают оттуда ресурсы и прибыль, оставляя после себя лишь экологические и социальные проблемы². Логика проста: коль скоро международное право направлено на регулирование отношений между государствами, то и требовать что-то более или менее конкретное в рамках системы международного права можно только от государств; государства отвечают за всё, в том числе за действия ТНК, в то время как сами ТНК фактически выводятся из зоны ответственности.

Очевидно, что, несмотря на расширение административных и нормотворческих правомочий, коммерческие компании всё же не спешат занять место национальных государств и не претендуют на обретение монополии в вопросах управления общественными процессами. В общем-то, им это совершенно не нужно, ведь их основной целью всегда было и по сей день остаётся получение прибыли. Для реализации этой цели компании повсюду стремятся разрушать законодательные барьеры, создаваемые правительствами. Корпорации заинтересованы в зависящих от них, сверяющих с ними свои решения государствах, но вовсе не заинтересованы в полном устранении последних, ведь *именно государства обеспечивают контроль за миллиардами живущих на Земле людей, отвечают перед своими гражданами за неблагоприят-*

¹ Там же. § G, п. 14.

² В качестве примера деструктивной деятельности ТНК в так называемых «развивающихся странах» см., например, анализ воздействий корпораций на экономику Нигерии: *Eluka J. et al. Multinational Corporations and Their Effects on Nigerian Economy // European Journal of Business and Management. 2016. Vol. 8. No. 9. P. 59-67.*

ные последствия экономической активности корпораций, создают условия для эффективной хозяйственной деятельности ТНК, выступают своего рода страховщиками и «резервными фондами» для терпящих убытки «стратегических» компаний и всегда могут принять на себя роль арбитров в конфликтах между отдельными представителями крупного бизнеса – иными словами, гарантируют стабильность и незыблемость порядка, в котором интересы корпоративного капитала поставлены на первое место. Порой, однако, решения и действия государственных органов вступают в противоречие с интересами корпораций, и тогда последние добиваются их отмены, признания неправомерными. В сущности, нахождение правосудия в руках государств до сих пор являлось единственной по-настоящему серьезной проблемой для корпоративного капитала.

Сегодня, буквально на наших глазах, ситуация в этой области меняется, поскольку всё более возрастает роль современных механизмов урегулирования инвестиционных споров между иностранными инвесторами и государствами (*investor-state dispute settlement*). По данным Конференции ООН по торговле и развитию, всего с 1987 года до настоящего времени к производству международных арбитражных трибуналов было принято 983 дела по искам иностранных инвесторов к принимающим государствам, из них 332 спора (т.е. около трети от общего количества) рассматривается в настоящее время¹. Как отмечают специалисты в области международного инвестиционного права, в основе стремительно растущей востребованности международного коммерческого арбитража лежит увеличение числа двусторонних инвестиционных соглашений между государствами и частными иностранными компаниями². Впрочем, такого рода соглашения, заключаемые правительствами и представителями бизнеса на равных, сами по себе не создают перекоса в сторону более широких прав коммерческих корпораций и более широких обязанностей принимающих инвестиции государств. Куда более серьезная роль в утверждении юрис-

---

¹ Информация по состоянию на 31.07.2019. См.: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-dispute-settlement> (дата обращения: 03.03.2020).

² Гребельский А. В. Конец эпохи? Судьба инвестиционного арбитража в свете попыток создания системы Инвестиционного суда ЕС // В. А. Кабатов, С. Н. Лебедев: In Меморіам. Сборник воспоминаний, статей, иных материалов / Науч. ред., сост. А. И. Муранов. М.: Статут, 2017. С. 476-477.

дикционного преимущества коммерческих компаний над формально суверенными государствами принадлежит ряду крупных международных торговых и инвестиционных договоров, таких как Североамериканское соглашение о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA), соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве (Trans-Pacific Partnership, TPP), Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение (Comprehensive Economic and Trade Agreement, СЕТА) и Договор к Энергетической хартии. Так, СЕТА прямо предусматривает создание специальных судебных органов (Трибунала и Апелляционного трибунала), уполномоченных рассматривать иски коммерческих компаний к правительствам государств – участников соглашения (Канада и члены ЕС)¹. Одним из поводов к арбитражному разбирательству в соответствии с текстом соглашения может быть ситуация, когда, по мнению компании-инвестора, ей были причинены убытки в результате применения пограничных мер (в т.ч. мер тарифного регулирования к импортируемым товарам). Правительства национальных государств загоняются подобными соглашениями в тупик, не позволяющий им в дальнейшем свободно определять собственную таможенную, тарифную и налоговую политику. Любое самостоятельное решение во внешнеторговой сфере грозит государству серьёзными санкциями, ведь теперь над ним постоянно висит дамоклов меч международного арбитража.

Итак, общесоциальная составляющая функционала современного государства стремительно размывается, а на первый план выходят функции, диктуемые партикулярными интересами отдельных общественных фракций и транснационального корпоративного капитала. Государство окончательно превращается в послушный инструмент в руках паразитирующих на его теле бизнес-структур, вдобавок ко всему использующих его для того, чтобы самим держаться в тени, сбрасывая на него ответственность за все свои действия и весь причиняемый обществу вред. Субъектность государства в мировом масштабе ещё никогда с начала эпохи Нового времени не была столь хрупка.

---

¹ Comprehensive Economic and Trade Agreement between Canada, of the one part, and the European Union and its Member States, of the other part // Council of the European Union. 14 September 2016. 10973/16. URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10973-2016-INIT/en/pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

3.3. УМИРАЮЩИЙ ЛЕВИАФАН И ДРУГИЕ ЧУДОВИЩА

Как следует из вышеприведённого анализа, государственность в привычном её, «вестфальском», понимании, тесно связанная, с одной стороны, с представлениями о верховенстве власти в пределах соответствующих территориальных границ, а с другой стороны, являющаяся своего рода квинтэссенцией публичного, переживает в настоящее время тяжелейший кризис, меняющий её характеристики и сущностные свойства. Хотя в целом мы должны признать, что пока рано полностью списывать со счетов национальное государство как особую форму социальной организации и модель осуществления управления, необходимо иметь в виду, что во всём мире эта форма всё сильнее деградирует. Всё более широкие территории оказываются *de facto* в состоянии, близком к хаосу, тогда как даже наиболее дееспособные государства испытывают утрату легитимности, которая при определённых условиях (условиях, которые, кажется, уже на лицо) может стать необратимой. На первый план здесь и там выходят новые, негосударственные организации, конкурирующие с государством в вопросе обладания властью над обществом. Некоторые из этих организаций, добейся они реальной власти, могут стать настоящим кошмаром для миллионов людей, привыкших к определённому уровню личной свободы и безопасности.

Левиафан, пораженный смертельными болезнями, уже не имеет той силы, которая была у него прежде. Иные чудовища заявляют свои претензии на обладание океаном и сушей.

Failed states: Африка, Ближний Восток... далее везде!

Пожалуй, наиболее зримым признаком деградации государственности в мировом масштабе является распространение на земном шаре провалившихся или коллапсирующих государств. В научном обиходе за такими несостоявшимися, скатывающимися к анархии государствами давно и прочно закрепился термин “*failed states*”¹. Первые употре-

¹ Отдельные исследователи используют наряду с данным термином понятие коллапсирующего государства (*collapsed state*), выступающего в качестве экстремальной версии failed state. Подробнее см.: Rotberg R. I. The Failure and Collapse of Nation-States: Breakdown, Prevention and Repair // When States Fail: Causes and Consequences / ed. by R. Rotberg. Princeton: Princeton University Press, 2004. P. 1–49.

бления данного концепта относятся к 1993-1995 годам, что, по всей видимости, связано с хаосом в Сомали и Руанде, а также с крушением в 1991 году двухполярной системы международных отношений, предполагавшей включение большинства государств в орбиту влияния США либо СССР, в обмен на следование тому или иному политическому курсу старавшихся поддерживать наименее развитых своих сателлитов на плаву¹. К настоящему времени проблема провалившихся государств стала столь зримой, что её просто невозможно не замечать.

Хотя существует множество различных подходов к определению провалившегося / коллапсирующего государства, в соответствии с наиболее распространённым пониманием данного явления считается, что такого рода государства испытывают глубокие проблемы в способности реализовывать свои социальные функции, обеспечивать безопасность и правопорядок на соответствующей территории, а вместе с этим испытывают серьёзные проблемы с легитимностью власти². Провалившееся государство – это государство недееспособное, оказавшееся не в состоянии решать наиболее значимые задачи, встающие перед ним. Оно не способно ни на обеспечение населения самыми необходимыми социальными благами, такими как медицинская помощь, ни даже на гарантирование безопасности человека и сохранности его имущества. Оно не готово защитить себя от вторжения извне, потому что не имеет боеспособной армии или не контролирует её в достаточной мере. Его органы не в силах утвердить свою власть в качестве главной власти в обществе, и потому реальная власть принадлежит не государству, а тем организациям и сообществам, которые располагают большими финансовыми, людскими и военными ресурсами, отличаются лучшей внутренней дисциплиной и имеют более последовательную программу действий. Провалившееся государство не в состоянии обеспечивать нерушимость своих границ, территориальную целостность и единство

---

¹ Аналогичное объяснение см. в: *Gros J.-G. Towards a taxonomy of failed states in the New World Order: decaying Somalia, Liberia, Rwanda and Haiti // Third World Quarterly. 1996. Vol. 17, No. 3. P. 455.*

² См.: *Grävingsholt J., Ziaja S., Kreibaum M. State fragility: towards a multi-dimensional empirical typology / Discussion Paper. No. 3. Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik, 2012. P. 5–6. URL: https://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_3.2012.pdf (дата обращения: 20.09.2019).*

правового режима по всей стране, оно не контролирует всей своей территорией и не располагает монополией на применение насилия и принуждения. Нормативные и правоприменительные акты его органов либо не исполняются вовсе, либо исполняются лишь отдельными, лояльными режиму фракциями общества.

Причины коллапса государственности могут быть самыми разными, хотя в большинстве случаев кульминационная точка кризиса государственных институтов совпадает с вооружённым столкновением того или иного рода (нападением на государство извне, гражданской войной, восстанием, государственным переворотом и т.п.). Зачастую в разряд *failed states* попадают те страны, которые не имели прочных и давних традиций государственности, не успели эти традиции сформировать. Мы должны помнить, что значительная часть существующих сегодня государств возникла лишь в XX веке, на обломках европейских колониальных империй, оставивших своим бывшим колониям груз нерешённых проблем, территориальные споры, межэтническую и межконфессиональную напряжённость. Многие из этих стран и в доколониальный период своего существования не имели сколь-либо развитых властно-политических институтов. В этом плане ряд случаев скатывания государств к состоянию коллапса может рассматриваться как неудачный опыт самостоятельного государственного строительства, не имевшего для этого достаточных материальных ресурсов и/или политических предпосылок. Оказавшись в свободном плавании и не располагая ни внятной, объединяющей общество идеологией, ни деньгами, ни технологиями, ни тем, из чего можно было бы извлечь прибыль, новые независимые «государства» наподобие Бурунди, Нигера и Гаити были обречены на постепенное саморазрушение и переход от цивилизованных экономических форм к открытому бандитизму. Даже располагающие ценными полезными ископаемыми страны вследствие катастрофически низкого уровня технологического развития были вынуждены пустить к себе крупные коммерческие компании из более благополучных регионов: львиная доля прибыли от добычи нефти, угля, урана, бокситов, алмазов поступает в карманы богатых «инвесторов», минуя государственную казну и кошельки местного населения. Такова судьба Анголы, Чада, Демократической Республики Конго и ряда других государств. Всё это страны одного и того же региона,

расположенные по соседству друг с другом. Неудивительно, что на составленной американской неправительственной организацией “Fund for Peace” карте стран с хрупкой государственностью ярко-красным и тёмно-коричневым цветами по большей части закрашен Африканский континент¹. И хотя излюбленным предметом для исследователей провалившихся государств, своего рода классическим и наиболее ярким примером failed state является Сомали, пример этой страны не показателен, хотя и любопытен, поскольку сомалийский случай является первым и очень близким приближением государства к «естественному состоянию», к войне всех против всех в новейшей истории.

Гораздо важнее, на наш взгляд, примеры разрушения государственности в тех странах, где она была, где имелся довольно значительный опыт государственной организации общества. Это страны, потерявшие (или теряющие) государственность, скатившиеся (или скатывающиеся) к состоянию войны всех со всеми не столько по причине своей технологической, экономической, цивилизационной отсталости, сколько по причинам иного плана. Вскрыть эти причины необходимо, коль скоро за ними могут скрываться закономерности разрушения практически любых, даже самых совершенных государственных институтов. Нащупав эти механизмы, мы, быть может, обретём ключ к пониманию процессов, происходящих с государственностью в мировых масштабах.

Среди наиболее драматичных примеров разрушения или существенной деградации государственности, на наш взгляд, следует назвать примеры Ирака, Ливийской Народной Джамахирии, Сирийской Арабской Республики и Украины. Коротко рассмотрим их.

Ирак при Саддаме Хусейне был значимой региональной державой, с которой приходилось считаться соседям. До 1990 года, когда против Ирака были введены международные экономические санкции, страна считалась наиболее процветающей из стран арабского мира, отличаась крепкой прослойкой среднего класса, значительным технологическим развитием, широкой (по региональным меркам) вовлечённостью женщин в образование и экономику, достаточно высокими стандар-

---

¹ Fragile States Index Annual Report 2019 / Fund for Peace. Washington DC, 2019. P. 4–5. URL: <http://fundforpeace.org/wp-content/uploads/2019/04/9511904-fragilestatesindex.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

тами всеобщего образования и здравоохранения¹. Хотя после введения режима санкций ситуация в экономической и социальной сферах стала меняться в худшую сторону, к моменту военной интервенции 2003 года иракское правительство было в состоянии обеспечивать население необходимым минимумом социальных благ. Иракская армия вполне могла конкурировать с армиями соседних государств, в т.ч. с армией Ирана – одного из основных конкурентов баасистского режима в регионе. Несмотря на достаточно жёсткий политический климат внутри страны, иракским властям удавалось удерживать разнородное по своему этническому и конфессиональному составу население от столкновений. Как только в результате вторжения сил НАТО режим Хусейна рухнул, страна погрузилась в кровопролитную междоусобную борьбу шиитов, суннитов и курдов. Нефтедобывающие предприятия, принадлежавшие государству, были в спешном порядке приватизированы в пользу иностранных ТНК, таких как ExxonMobil и BP². В результате на сегодняшний день Ирак является крупным поставщиком добровольцев для участия в различных радикальных исламистских организациях, его правительство не контролирует до трети территории страны (территории находятся под контролем исламистов и курдских повстанцев), а его армия по причине низкой боеспособности не в состоянии самостоятельно справляться с угрозами, возникающими на государственных рубежах. Любопытно, что наиболее опасная на сегодня исламистская террористическая организация «Исламское государство Ирака и Леванта» (так называемое «ИГИЛ» или просто «Исламское государство») является порождением разрушенной иракской государственности: изначально ключевые военные посты в ней занимали выходцы из армии Саддама Хусейна.

Ливийская Арабская Джамахирия – своеобразное по форме государство, основанное харизматичным полковником Муаммаром Каддафи, – во многих отношениях представляло собой очаг благополучия и стабильности в Северной Африке. Страна занимала 53-е место в индексе развития человеческого потенциала, обгоняя в рейтинге та-

---

¹ Iraq's Economy: Past, Present, Future / Coord. J. E. Sanford. Report for Congress. June 3, 2003. P. 5. URL: http://www.globalsecurity.org/military/library/report/crs/crs_iraq_economy.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

² См.: Кляйн Н. Указ. соч. С. 452–470.

кие страны, как Саудовская Аравия, Россия, Иран, Тунис и Турция¹. Доход на душу населения (14,2 тыс. долл. США в 2010 году) был самым высоким в североафриканском регионе². Серьёзной проблемой, впрочем, была безработица, достигавшая 20%³. Располагая богатыми месторождениями нефти и имея сравнительно небольшое население, около 6,3 млн человек⁴, ливийское государство щедро распределяло нефтяные доходы среди своих граждан, выплачивая последним дотации, социальные пособия, предоставляя беспроцентные кредиты на приобретение жилья и автомобилей. До так называемой «арабской весны» многие молодые ливийцы за счёт государственных средств могли обучаться в зарубежных университетах. Гражданская война 2011 года, проходившая по линии межплеменного противостояния, ввергла страну в хаос. Единое государство, объединявшее более сотни племен, распалось на несколько частей, каждая из которых в отдельности не имеет перспектив состояться в качестве самостоятельного государства. Так, в сентябре 2013 года юго-западный регион Ливии Феццан заявил о своем автономном статусе⁵, а год спустя радикальная группировка «Ансар аль-Шариа» объявила о создании в Киренаике (восточный регион Ливии) так называемого «Исламского эмирата Бенгази»⁶. И на момент, когда пишутся эти строки, в стране сохраняется крайне беспокойная

---

¹ Human Development Report 2010. 20th Anniversary Edition. The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development // UN Development Programme. P. 203. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/270/hdr_2010_en_complete_reprint.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

² Подцероб А. Б. Ливийская трагедия – причины и последствия // Институт Ближнего Востока. 30 сентября 2011 г. URL: <http://www.iimes.ru/?p=13368> (дата обращения: 30.07.2019).

³ Libya's jobless rate at 20.7 percent: report // Reuters. Mar. 2, 2009. URL: <http://af.reuters.com/article/investingNews/idAFJJOE52106820090302> (дата обращения: 20.09.2019).

⁴ World DataBank. Overview per country: Libya. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=LY> (дата обращения: 20.09.2019)

⁵ Libya's southern Fezzan region declares autonomy // Al-Arabiya. Sept., 26, 2013. URL: <http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2013/09/26/-Libya-s-southern-Fezzan-province-declares-autonomy.html> (дата обращения: 20.09.2019).

⁶ Benghazi declared 'Islamic emirate' by militants // Al-Arabiya. July, 31, 2014. URL: <http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2014/07/31/Libya-s-Ansar-al-Sharia-declares-Islamic-state-in-Benghazi.html> (дата обращения: 20.09.2019).

обстановка, при которой многочисленные вооружённые группировки, опирающиеся на различные силы за рубежом, сражаются за контроль над нефтяными месторождениями.

Так же, как и Ливия, Сирийская Арабская Республика сильно пострадала от движения так называемой «Арабской весны». Хотя состояние дел в социальной и политической сферах нельзя было назвать беспроблемным, Сирийское государство являлось вполне дееспособным, достаточно эффективно реализуя свои функции. Сирию до 2005 года отдельные западные исследователи характеризуют как страну, общественная жизнь в которой находилась под достаточно жёстким контролем со стороны государства. При этом само это государство характеризуется как забюрократизированное, неэффективное и коррумпированное¹ – само собой, по меркам США и Евросоюза, а не относительно ближневосточного региона. В качестве одного из доказательств неэффективности публичного сектора Сирии востоковед Рана Халаф (Rana Khalaf) приводит данные, согласно которым около половины населения страны жило за счёт средств, выплачиваемых государством². Это действительно может косвенно свидетельствовать об определённом несовершенстве экономической системы, если применять к ее оценке рыночные понятия, однако говорит, скорее, не о слабости и недееспособности, но, напротив, о достаточно устойчивом функционировании государственной машины и, возможно, избыточном государственном регулировании.

В 2005 году в Сирии стартовал процесс реформ, в более значительной степени направленных на модернизацию экономики и развитие частного сектора, нежели на либерализацию политической системы, по-прежнему остававшейся под жёстким контролем исполнительной власти и правящей партии Баас. Судя по всему, именно отсутствие в рамках системы легальных каналов, с помощью которых различные слои сирийского общества могли бы выражать свои интересы, монополия одного социально-религиозного клана на власть в стране, а также отсутствие у правительства должной обратной связи с широкими слоями населения привели к взрыву недовольства политикой президента

---

¹ Khalaf R. Governance without Government in Syria: Civil Society and State Building during Conflict // Syria Studies. 2015. Vol. 7. No. 3. P. 43.

² Ibid. P. 44.

Сирии Башара Асада. Тлевшие на протяжении долгого времени противоречия вышли наружу и, подпитываемые квазидемократической риторикой таких стран, как США, Великобритания, Франция и Турция, послужили почвой для масштабного вооружённого конфликта.

До сравнительно недавнего времени нефтегазовые ресурсы Сирии не привлекали серьёзного внимания крупных игроков рынка энергоносителей, по оценкам экспертов, серьёзно уступая углеводородным ресурсам Саудовской Аравии и ОАЭ. В 2005 году норвежская компания Inseis, проведя геологоразведку, обнаружила на территории Сирии тринадцать не известных ранее нефтяных бассейнов. По оценкам экспертов, общий объём обнаруженных месторождений составляет примерно 30 млрд баррелей. При этом, как сообщалось информационным агентством Al-Monitor, нефтяные запасы четырёх из тринадцати обнаруженных месторождений, расположенных в приморской зоне и простирающихся от ливанской границы до города Банияса, по своим объёмам соответствуют всем имеющимся нефтяным резервам Кувейта¹. Одни только эти месторождения способны обеспечить добычу 1,6 млрд баррелей нефти в день.

Сегодня всё ещё сложно с однозначной уверенностью говорить о том, что именно послужило ключевой предпосылкой к началу сирийской войны. С уверенностью можно лишь утверждать, что внутривнутриполитические проблемы Сирии сыграли здесь важную, но не единственную, не основную роль. Возникнув как исключительно внутренний конфликт, подпитываемый недовольством политикой правящего клана Асадов, восстание оппозиции вряд ли могло бы превратиться в полномасштабную войну с участием множества иностранных государств и негосударственных акторов, если бы у развязавших и развивавших его сил не было более далеко идущих интересов. В сирийском кошмаре усталость местного населения от несменяемости верхов и внутрисламские религиозные противоречия соединились с планами иностранных и транснациональных компаний урвать сирийские нефтяные месторождения, желанием владельцев американских оборонных пред-

---

¹ Syria's Oil Sector Suffers Major Losses // Al-Monitor. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/culture/2013/03/syrian-oil-losses.html> (дата обращения: 30.07.2019).

приятый подзаработать на изготовлении новых вооружений, надеждами турецкого, катарского и саудовского правящих классов расширить своё влияние в регионе, а также с иными факторами, среди которых чаще всего доминируют алчность и корысть.

Наконец, если говорить об Украине, располагавшей довольно развитой научно-промышленной инфраструктурой, доставшейся ей в наследство от советской эпохи, и в теории способной стать крепким восточноевропейским государством, экономическим и культурным мостиком между Россией и Евросоюзом, необходимо иметь в виду, что её несостоятельность как государства является прямым следствием переворота, произошедшего в 1991 году, когда отдельными представителями партийно-государственного руководства трёх союзных республик был осуществлен раздел СССР на несколько формально суверенных государств, а в бывших советских республиках началась реставрация капитализма. Дальнейшее развитие Украины определялось динамикой соотношения сил в соперничестве местных чиновничье-олигархических кланов за обладание объектами собственности. «Худой мир», скреплённый некоей формой консенсуса этих кланов и характеризовавшийся обеспечением более или менее стабильного порядка в стране, был перечеркнут, когда часть украинской компрадорской буржуазии предприняла действия, направленные на отстранение от власти господствовавшей криминально-олигархической группировки, в руках которой долгое время находилась страна. Внутренний политический конфликт, опиравшийся на недовольство населения коррумпированным руководством страны, а на деле преследовавший цель очередного перераспределения власти и собственности, вылился в:

- сознательное разрушение действовавшего государственного аппарата с последующим заполнением реанимированного госаппарата некомпетентными должностными лицами с откровенно криминальным прошлым;
- отторжение от территории государства целой автономной республики (Крыма) и её переход под юрисдикцию соседнего государства – Российской Федерации;
- провозглашение двумя областями (Донецкой и Луганской) государственной независимости;
- кровопролитную гражданскую войну в Донбассе;

- разрушение промышленности и ранее существовавших экономических связей.

В отличие от Ирака и особенно Ливии, далёких от восстановления функциональности своих государственных институтов, государственный аппарат Украины примерно через год – полтора после свержения президента Януковича пришёл в состояние относительной нормализации. Процессы дезинтеграции государства приостановлены, в том числе с помощью применения силовых средств, однако потенциальная возможность отделения Харьковской области – на востоке, Одесской – на юге, Волынской, Закарпатской и Черновицкой областей – на западе по-прежнему сохраняется. Донецкая и Луганская области, похоже, навсегда или на очень продолжительный срок выпали из-под контроля украинского правительства, оказавшись в положении регионов с перманентно дефектной государственностью. Действующие в них органы власти фактически несамостоятельны в принятии решений и полностью зависят от российского руководства. Так называемая «Новороссия», начинавшаяся как воплощающий чаяния широких масс проект народного социального государства на базе русской культуры, с законами не в интересах олигархов и прямой политической мобилизацией населения, выродилась в настоящий криминальный заповедник с чёрным рынком оружия, наркотиков, угля и эрзацем политической системы, воспроизводящим самые уродливые черты российской политической реальности. Минимально дееспособного государства на этой территории теперь не будет очень долго – скорее всего, его не будет здесь уже никогда, тем более что и материнская держава, от которой откололись «народные республики», являет собой крайне печальное зрелище, да и у Российского государства, в орбиту которого вошли Донецк и Луганск и которое всегда будет держать их на расстоянии вытянутой руки, внутренние проблемы с каждым годом только растут.

Теперь пришло время обобщить наблюдения. При всём своеобразии иракского, ливийского, сирийского и украинского сценариев деградации государственности объединяет их то, что главной их и непосредственной причиной нигде и никогда не было лишь накопление внутренних противоречий. Во всех описанных случаях слом государственных институтов осуществлялся с прямым или косвенным участи-

ем иностранных государств, а также аффилированных с иностранными государствами (т.е. получающих от иностранных государств финансовую, материальную, техническую и иную помощь) организаций. Во всех описанных случаях доступ к богатствам страны выступал либо в качестве первоочередной цели, либо в качестве дополнительной цели, хотя бы частично решающей для «спонсоров» смены режимов проблем финансовых издержек.

Приведённые примеры, на наш взгляд, вполне убедительно подтверждают ранее выдвинутую гипотезу о том, что деструкция стала сегодня своеобразным принципом управления общественными процессами в глобальном масштабе, единственным по-настоящему эффективным и работающим на долгосрочную перспективу средством максимизации прибыли для корпоративных гигантов. Косвенно подтверждают они и предположение об аморфной иерархии акторов нынешнего глобального мироустройства, в рамках которой одни государства пытаются решать свои экономические и политические проблемы за счёт других, создавая зоны и очаги нестабильности, втягивая конкурентов в продолжительные и кровопролитные военные действия, меняя политическую географию мира в своих интересах. *Новообразованные failed states, свергнутые в состояние перманентной войны, сегодня представляют собой не просто печальные примеры неудавшейся государственности, но играют роль одного из значимых элементов действующего в мировых масштабах правового порядка. Это – пространства, юридически делающие возможным самый широкий спектр действий со стороны более успешных держав и крупнейших транснациональных компаний; пространства, элиминирующие всякие конвенции, международно-правовые нормы и гражданские права и... в то же время парадоксальным образом позволяющие создавать новые нормы, новые конвенции, перетолковывать права международно-правовых акторов в какую угодно сторону.* Наконец, сегодняшние failed states – это своего рода экспериментальные лаборатории по обкатке формы социальной жизни, которая вот-вот должна стать или, быть может, уже становится основной для подавляющего числа людей на Земле.

Хотя описанные выше случаи разрушения относительно дееспособных государственных институтов особенно драматичны, полностью исключать из рассмотрения иные примеры провалившейся

государственности нельзя. В целом нужно признать, что по своему территориальному охвату failed states и государства, приближающиеся к такому состоянию, вполне уже могут конкурировать с устойчивыми национальными правовыми порядками. В конце концов, государств с дефектами легитимности и плохо работающими институтами значительно больше, чем провалившихся государств, полностью соответствующих определению данного термина. Так, к приближающимся к состоянию failed state (балансирующим у края провалившейся государственности) можно отнести Ливан, Северную Македонию, Молдавию и Мьянму, а к государствам, находящимся в последние годы в крайне неблагоприятном, политически нестабильном положении, – Бразилию, Венесуэлу, Гватемалу, Египет, Колумбию, Румынию. Ряд современных политико-территориальных образований, относящихся к так называемым «непризнанным» государствам, также характеризуются дефектностью и хрупкостью государственных институтов. Наименее стабильные из них – уже упомянутые Донецкая и Луганская народные республики, Республика Абхазия, Республика Косово.

Разумеется, обилие дефектной, неустойчивой государственности в мировых масштабах связано отнюдь не только с некими специфически современными (кризисными) явлениями в экономике, политической и социальной сферах. Не стоит забывать, что сама государственность в её современном, парадигматическом понимании является плодом европейской истории, т.е. сугубо европейским феноменом. Распространение национального государства как господствующей и единственной модели управления обществом – исторически довольно поздний процесс. По этим причинам не должно вызывать удивления то, что подавляющее большинство государств, получивших формальную независимость и признание в XX веке вследствие крушения колониальной системы, в качестве государств не состоялись.

В то же время современная ситуация мало чем напоминает политическую карту мира времён колониализма. Коренным отличием сегодняшнего положения дел в мире от колониальной эпохи является то, что значительные территории с находящимся на них населением не имеют вообще какого-либо адекватного управления. На смену чужеродному, иностранному правлению в своё время пришло правление своё, но «плохое», т.к. неудачно пытались копировать институты госу-

дарств-метрополий. Теперь, по всей видимости, «плохое» правление сменяется отсутствием какого-либо правления вообще, отсутствием каких-либо субъектов, имеющих официальный статус и способных нести ответственность за результаты своих решений.

Что же касается случаев демонтажа государственных режимов в XXI веке под влиянием событий, представляемых в прессе в качестве «революций», «народных восстаний» и т.п., необходимо признать, что они имеют поверхностное сходство с революциями прошлого, однако это сходство обманчиво, ведь на самом деле между этими процессами нет ничего общего, кроме внешней формы. Революции XVII–XX веков в краткосрочной перспективе действительно нередко приводили к ослаблению государственных институтов, к болезненной перестройке государственных аппаратов и рекрутированию в них неопытных, не всегда хорошо обученных кадров. Однако в долгосрочном плане такая перестройка, как правило, повышала эффективность реализации государственных функций. Правопорядок, пройдя период революционного хаоса, переутверждался на новых, жизнеспособных принципах. Французская революция 1789 года, покончив с монаршим абсолютизмом, стала отправной точкой в созидании буржуазного республиканского государства-нации, одного из первых поистине *современных* государств (*les états*) в мире. Революционные события 1917 года в России на место теряющей эффективность полуфеодальной империи поставили сильно централизованное советское государство, пронизанное единой идеологией и наилучшим образом приспособленное для реализации в стране программы хозяйственной индустриализации. Аналогичным образом национально-освободительная борьба 1919–1923 годов под руководством Мустафы Кемала Ататюрка, вылившаяся в ликвидацию Турецкого султаната и провозглашение республики, сделала Турцию современным государством-нацией и выдвинула её в один ряд с ведущими европейскими державами. Таким образом, до XX века включительно революции в большинстве своём, если, конечно, они удавались, приводили к укреплению национальных государств как территориально замкнутых политических образований. То было время апогея в развитии данной модели государственности. Сегодняшние же «революции» нацелены лишь на разрушение государственности как таковой – именно разрушение, а не реформирование и усовершенствование.

Они не предполагают никакого развития территории и социальных институтов, но выражаются в «доламывании» того, что ещё способно функционировать.

Справедливо замечание Н. А. Комлевой, относящееся к характеристике событий так называемой «Арабской весны»: они

«являются, прежде всего, технологией ресурсного передела мира и поощряются, главным образом, глобальными корпорациями. Данная технология позволяет закрепить за конкретными акторами ресурсы целых громадных регионов (Большой Ближний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, Арктика и Антарктика и т.п.). В то же время дворцовые и государственные перевороты, совершенные в форме «народных революций», могут явиться средством сдерживания развития потенциального конкурента с целью сохранения его в статусе ресурсной базы для развитых стран».¹

В то время как всё новые и новые государства пополняют список государств провалившихся, а территории, формально им принадлежащие, но фактически уже вышедшие из-под их контроля, окрашиваются красным и чёрным цветами войны, социальной неустроенности и аномии, образовавшийся управленческий вакуум заполняется организациями нового типа. Это организации, называющие себя государствами, но до сих пор не признанные в таком качестве никем; организации, имеющие мало общего с государствами-нациями эпохи модерна, однако включающие в сферу своего влияния пространства и народонаселение, численно способные составить конкуренцию развитым государствам Запада.

Анализ трансформаций глобального правового порядка не может обойтись без рассмотрения феномена, ещё не получившего в науке единого общеупотребительного наименования.

---

¹ *Комлева Н.* Сирийский кризис: нефтегазовые причины и следствия // Геополитика. 7 января 2014 г. URL: <http://www.geopolitics.ru/2014/01/sirijskij-krizis-neftegazovye-prichiny-i-sledstviya> (дата обращения: 20.09.2019).

Государство головорезов как реальная альтернатива

Организациям, о которых зашла речь, пожалуй, ещё предстоит обрести своих кропотливых и объективных исследователей. До 2014 года рассматриваемый феномен если и существовал, то, по крайней мере, не привлекал к себе такого внимания, которое, благодаря известным событиям, привлекает сегодня. Безусловно, и прежде в различных уголках земного шара существовали организации, по своей сплочённости, материальной обеспеченности и дерзости замыслов способные конкурировать даже с государственными структурами. Отдельным из таких организаций, обычно рассматриваемых правительствами официально признанных государств в качестве террористических, на протяжении достаточно длительного времени даже удавалось контролировать относительно обширные участки территории, числящиеся за тем или иным национальным государством. В то же время практически ни одна из таких организаций не объявляла саму себя государством; их цели, как правило, исчерпывались завоеванием власти в той или иной стране, оказанием давления на государственную власть, обособлением того или иного региона от уже существующего государства и т.п. Очевидно, что деятельность таких объединений, к которым, например, принадлежат Революционные вооружённые силы Колумбии (FARC-EP) и Сапатистская армия национального освобождения (EZLN), всецело соответствует понятию партизанского движения, но не понятию государственного или государствовоподобного образования¹.

---

¹ В данном фрагменте исследования мы намеренно не касаемся опыта ливанской «Хезболлы», которая в течение достаточно продолжительного времени фактически выполняла государственные функции, не реализуемые официальным правительством (подробнее см.: *Беренкова Н. А.* Феномен шиитского активизма в Ливане и его влияние на международные отношения Ближнего Востока (1967–2013 гг.) // Дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2015.). На наш взгляд, «Хезболла», приближаясь к радикальным движениям – государствам и имея потенциальную возможность когда-нибудь сделаться таким субъектом, всё же не может рассматриваться в одном ряду с «Исламским Государством» и подобными ему организациями. Основным отличием является то, что «Хезболла» не выстраивает собственного государства, не пытается вытеснить или разрушить структуры государства-нации, а действует всего лишь как весьма влиятельная, обеспеченная материальными ресурсами и вооружённой силой политическая партия, трансфор-

Всё изменилось в июне 2014 года, когда существовавшая с 2006 года в качестве одной из многочисленных ближневосточных джихадистских организаций группировка под названием «Исламское государство Ирака и Леванта» («аль-Дауля аль-Исламия», араб. دولة الإسلامية، далее по тексту – ИГИЛ, ИГ, «Исламское Государство») громко заявила о себе масштабным вооружённым вторжением в северные и западные районы Ирака, а также северной Сирии с захватом обширных областей и крупных городов, среди которых – Мосул, Эль-Фалуджа, Эр-Рамади, Эр-Ракка и другие.

Хотя средства массовой информации и высокопоставленные правительственные функционеры официально признанных государств склонны представлять ИГИЛ в качестве всего лишь одной из множества террористических организаций, пусть и наиболее опасной на данный момент, феномен «Исламского Государства» гораздо сложнее. По мнению кипрского исследователя Зенона Циарраса (Zenon Tziarras), ИГИЛ не просто очередная террористическая организация. Как отмечает З. Циаррас, «Исламское Государство» не просто бросает вызов суверенитетам Сирии, Ирака и других государств ближневосточного региона, но и само реализует определённую форму суверенитета¹.

Скудные данные о запрещённой во многих юрисдикциях (в т.ч. на территории Российской Федерации) организации, действующей в условиях кровопролитной войны, затрудняют однозначные суждения, однако и этих данных достаточно для того, чтобы признать наличие у «Исламского Государства» ряда признаков, роднящих его с обыкновенными государствами.

Во-первых, ИГИЛ располагает организованным аппаратом управления, возглавляет который халиф – высший политический и религиозный лидер самопровозглашенного Халифата, «блюститель божествен-

---

мирующая ливанское общество в соответствии с интересами определённой религиозно-этнической группы – арабов-шиитов. То же самое касается и таких организаций, как ФАТХ и ХАМАС, по своей сути являющихся политическими партиями, нацеленными на реализацию определённой политической программы внутри Государства Палестины.

¹ Tziarras Z. Islamic Caliphate: A Quasi-State, a Global Security Threat // Journal of Applied Security Research. 2017. Vol. 12. No.1. P. 100–101.

ного права»¹. Как отмечает американская исследовательница Мара Ревкин (Mara Revkin), Исламское Государство обладает теми же тремя институтами, которые присущи любой современной правовой системе: полицией, судами и тюрьмами². По данным исследования, проводившегося в рамках проекта Брукингского института по изучению взаимоотношений США со странами исламского мира, ИГИЛ обеспечивает реализацию своих порядков на контролируемых территориях с помощью тайного «аппарата безопасности» и двух полицейских подразделений, одно из которых отвечает за охрану текущего общественного порядка (организация проверок на блокпостах, назначение штрафов за нарушение правил дорожного движения), а другое надзирает за соблюдением жителями «Халифата» религиозных предписаний и расследует факты нарушений норм шариата. Суды «Исламского Государства» были учреждены в Сирии, Ираке и Ливии, отдельные попытки создания судебных органов имели место также на севере Синайского полуострова и в пограничных районах Ливана³. При этом, как отмечается в исследовании М. Ревкин, «Исламское Государство» регулирует функционирование собственной судебной системы посредством бюрократической вертикали, во главе которой находится особый управленческий орган – *шариатский совет*, возглавляемый самим халифом⁴. Высшим законосовещательным органом, обладающим правом избирать и отстранять от власти халифа, является *шурá* – совет, в который среди прочих избранных членов входит сам халиф⁵.

¹ См.: *Günther C., Kaden T.* The Authority of the Islamic State // Max Planck Institute for Social Anthropology Working Papers. 2016. No. 169. P. 4, 9–12 etc.; *March A. F., Revkin M.* Caliphate of Law // Foreign Affairs. April 15, 2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2015-04-15/caliphate-law> (дата обращения: 20.09.2019).

² *Revkin M.* The legal foundations of the Islamic State // The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World. Analysis Paper. 2016. No. 3. P. 25.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.* P. 26.

⁵ См.: *Glenn C.* Al Qaeda v ISIS: Leaders & Structure // Wilson Center. Sep. 28, 2015. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/al-qaeda-v-isis-leaders-structure> (дата обращения: 20.09.2019); *Mezzofiore G.* Isis leadership: Who's who in 'fluid' Islamic State structure of power // International Business Times. URL: <http://www.ibtimes.co.uk/isis-leadership-whos-who-fluid-islamic-state-structure-power-1509014> (дата обращения: 20.09.2019).

Во-вторых, ИГИЛ осуществляет контроль над завоеванными территориями, определённым образом организуя управление ими. На пике экспансии группировка контролировала территорию площадью примерно в 100 тыс. кв. км с населением более 11 млн человек¹. Это сопоставимо с размерами таких государств, как Венгрия (93 тыс. кв. км, 9,9 млн. человек), Болгария (110,9 тыс. кв. км, 7,4 млн. человек) и Республика Куба (109,8 тыс. кв. км, 11,2 млн человек)². Территория, занимаемая в Ираке и Сирии ИГИЛ, была поделена на административно-территориальные образования – *вилаяты* (провинции), числом порядка двадцати³, возглавляемые *вали* (наместниками). Помимо сирийских и иракских провинций, пропагандистские службы ИГИЛ заявляли о наличии вилаятов организации в Ливии, в северном Синае, на Аравийском полуострове, в Афганистане, Пакистане, странах Магриба, в чёрной Африке и даже на Кавказе⁴. Разумеется, подавляющая часть вилаятов, расположенных за пределами Ирака и Сирии, даже в лучший для ИГИЛ период времени отражала, скорее, территориальные амбиции «Исламского Государства», нежели реальный факт контроля над соответствующими территориями, однако сирийские, иракские и ливийские земли действительно достаточно продолжительное время находились под прямым управлением структур ИГИЛ, а некоторые из них находятся под контролем ИГИЛ и на момент написания данного текста.

Наличие специального аппарата публичной политической власти и контроль над территорией дополняются обеспечиваемой «Ислам-

¹ Jones S. . *et al.* Rolling Back the Islamic State. // RAND Corporation. 2017. P. XI. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1912.html (дата обращения: 20.09.2019).

² Table 3. Population by sex, annual rate of population increase, surface area and density // Demographic Yearbook 2012. / United Nations Statistics Division. URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic/products/dyb/dyb2012/Table03.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

³ Lavoix H. Understanding the Islamic State's System – Structure and Wilayat // The Red (Team) Analysis Society. May 4, 2015. URL: <https://www.redanalysis.org/2015/05/04/understanding-the-islamic-states-system-structure-and-wilayat/> (дата обращения: 20.09.2019).

⁴ См., в частности: Gambhir H. ISIS declares governorate in Russia's North Caucasus region // Institute for the Study of War. June 23, 2015. URL: <http://www.understandingwar.org/backgroundunder/isis-declares-governorate-russia%e2%80%99s-north-caucasus-region> (дата обращения: 20.09.2019).

ским Государством» монополией на принуждение и производство общеобязательных правил поведения. Отрицая юридическую силу норм позитивного права, установленных легальными органами власти Сирии, Ирака и каких-либо иных государств, ИГИЛ опирается на авторитет шариата. Организация восприняла доктрину «*сийяса шарийя*» (*siyāsa shar'iyā*), изобретенную средневековыми ваххабитскими богословами Ибн Таймийей и Ибн аль-Каййимом и предоставляющую халифу широкие полномочия по созданию законов на основе авторитета божественного права¹. Пользуясь данной доктриной, «Исламское Государство» произвело на свет целый комплекс предписаний, регулирующих ситуации, не описанные в Коране. Эти предписания предназначены для соблюдения и исполнения местным населением подконтрольных «Исламскому Государству» районов, должностными лицами и бойцами самого ИГИЛ. Население территорий, взятых под контроль бойцами ИГИЛ, вынуждено исполнять их под страхом применения к нарушителям суровейших наказаний, среди которых – обезглавливание, забивание камнями, отрубание рук и т.п.²

Принципиально важным моментом является то, что «Исламское Государство» не признаёт каких-либо государственных границ в мусульманском мире, справедливо считая их порождением европейского колониального владычества. Если присовокупить к этому вышеотмеченное отрицание юридической силы позитивно-правовых норм государств мусульманского мира, становится понятным, что ИГИЛ самым радикальным образом отрицает суверенитет национальных государств Ближнего Востока и Магриба, претендуя тем самым на утверждение собственного – более правильного, с точки зрения джихадистов – суверенитета, основывающегося исключительно на определённом образом истолковываемых положениях шариатского права.

При этом нельзя забывать, что амбиции джихадистов выходят далеко за рамки того, что принято считать Ближним Востоком, арабским или мусульманским миром. В перспективе пропагандистская машина «Исламского Государства» видит непрекращающееся расширение

---

¹ Подробнее см.: *Vogel F. E. Islamic Law and Legal System: Studies of Saudi Arabia*. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2000. P. 173-174.

² *Revkin M.* Op. cit. P. 17.

«халифата», охватывающего уже не только Ближний Восток и Магриб, но также чёрную Африку, Азию и Европу. Таким образом, «Исламское Государство», начавшись с идеи построения халифата на территории исторического Леванта, сделалось поистине интернациональным экспансионистским проектом. Этот факт требует глубокого осмысления, поскольку вышеприведённая информация может ввести читателя в заблуждение относительно сущности религиозно-политического проекта, которым является ИГИЛ. Несмотря на схожесть по ряду признаков с обыкновенными, официально признанными суверенными территориальными государствами эпохи модерна, «Исламское Государство» нельзя свести ни к разновидности таких государств, ни даже к организации, ставящей перед собой цель построения более или менее обширного территориального государства-нации (каковую, например, ставит перед собой повстанческое движение турецких, иракских и сирийских курдов).

Пожалуй, принципиальное отличие проекта под названием «Исламское Государство» от современных национальных государств состоит в отсутствии у первого жёсткой территориальной привязки. Хотя ИГ с самого начала и пыталось закрепиться на территориях Ирака, Сирии и Ливии, проект всегда оставался экстерриториальным. Руководствуясь пророческими идеями построения всемирного халифата и приведения всех народов к исповеданию «подлинного» ислама (т.е. той его версии, которую исповедуют идеологи ИГИЛ), «Исламское Государство» никогда бы не удовлетворилось контролем над той или иной территорией, даже если бы эта территория оказалась очень велика по размеру. Идея халифата всегда шире любых территориальных границ, и именно поэтому она означает войну без конца. Для «Исламского Государства» существующие государственные границы ничтожны не просто потому, что они обозначают суверенные права государств на территории, на которые претендует само ИГ. Границы ничтожны потому, что халифат не мыслит для себя никаких рамок, а любые территориальные очаги, на которых удаётся закрепиться ИГ, временны и выражают лишь тактическую потребность джихадистов в выживании и распространении своего влияния. Именно в этом смысле нужно понимать заявление, содержащееся в журнале “Dabiq”, официальном пропагандистском рупоре группировки:

«Исламское Государство здесь [в Ираке и Шаме. – Р. Р.] для того, чтобы остаться, даже если все христиане, евреи, язычники и вероотступники относятся к этому с презрением. И оно продолжит распространение во все уголки Земли...»¹

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что «Исламское Государство» – это безумный, утопический проект новой государственности, или, вернее, *постгосударственности*, выражающей претензии на власть, не замыкающуюся в каких-либо территориальных пределах. Чем-то он напоминает средневековую идею вечной христианской Империи, но это империя, не оставляющая в себе никаких иных политических образований, кроме самой себя. Проект «Исламского Государства» – это в действительности проект тотального разрушения любых государственных, религиозных, социальных институций во имя унифицирующего всех и вся фундаменталистского правового порядка, опирающегося на нормы шариата. Там, куда пришёл «халифат» эпохи Интернета, должна остаться только выжженная пустыня, в которой не найдётся места ничему, кроме шариатского буквализма в изложении салафитских проповедников. Свобода в рамках такого, насаждаемого исламистскими боевиками правопорядка есть только свобода выбора – подчиняться или погибнуть; всякая иная свобода должна быть заменена на исполнение индивидом множества обязывающих предписаний и соблюдение многочисленных запретов, в мельчайших подробностях регламентирующих повседневную жизнь человека – от участия в общественных делах до проведения досуга, от отправления религиозного культа до интимной сферы межполового общения.

Хотя «Исламское Государство Ирака и Леванта» заслуженно может считаться наиболее ярким и интересным феноменом, оно является не единственной организацией, выстраивающей сегодня собственную политико-территориальную модель реализации власти, которая бы конкурировала с господствующей до сих пор моделью национального государства и при этом опиралась бы на ту или иную идеократическую концепцию. На том же поле, что и ИГИЛ, сегодня играют и другие радикальные организации, каждая из которых имеет свой собственный образ будущего и свои особенные методы реализации власти. Прежде

---

¹ Remaining and Expanding // Dabiq. 1436 (2015). No. 5. P. 33.

всего, в этом ряду следует назвать фронт *Джебхат ан-Нусра* (с июля 2016 года – *Джебхат Фатх аш-Шам*) – организацию, аффилированную с международным террористическим движением «Аль-Каида» и, подобно ИГИЛ, заявляющую свои претензии на власть в Сирии.

Ан-Нусра исповедует во многом схожую фундаменталистскую версию ислама и, как и иные подобные ей террористические организации, использует физическое насилие не только против вооружённого неприятеля, но и по отношению к мирным гражданам. Тем не менее, некоторые отличия в реализации власти, похоже, всё-таки имеются.

Как отмечается в одном из исследований, «Джебхат ан-Нусра проводит тонко продуманную стратегию государственного строительства в Сирии, нацеленную на установление в постассадитском государстве шариатского правопорядка на долгосрочную перспективу»¹. Организация активно продвигает создание в Сирии шариатских судов, приветствуя участие и иных сирийских повстанческих группировок в этом процессе. Такой подход связан с желанием руководства ан-Нусры втянуть в орбиту своего влияния более широкий круг оппозиционно настроенных повстанческих отрядов. Налаживая связи с небольшими разрозненными группами джихадистов, ан-Нусра вовлекает их в собственную систему правления, предоставляя им осуществление власти на локальном уровне. Таким образом, движение выстраивает модель непрямого правления, опирающегося на военную демократию местных вооружённых общин, решающих свои разногласия через шариатский суд. Конечной целью своей деятельности ан-Нусра, так же как и ИГ, провозглашает установление халифата, однако эта цель решается постепенно. Согласно планам идеологов движения, первоочередной задачей джихадистов является коренная перестройка сирийской государственности, создание в Сирии исламского эмирата и введение в действие шариатского права с привлечением к судопроизводству и управлению на местах широкого круга исламистских общин (джамаатов).

Возьмём на себя смелость процитировать отрывок из интервью с россиянином – бойцом фронта ан-Нусра, в марте 2017 года напечатанного российской газетой “The New Times”:

---

¹ *Cafarella J. Jabhat Al-Nusra in Syria: An Islamic Emirate for Al-Qaeda // Middle East Security Report. 2014. No. 25. P. 37.*

«В Сирии нет центрального правительства. Все на самоуправлении. В каждом городе есть совет и шариатский суд. Работают коммунальные службы, ведется дорожное строительство. Нет ни полицейских, ни какого-то чиновничества. Любая группа людей может приехать сюда и организовать свою общину без каких-либо проблем при условии, что она является исламской и стоит на антиасадитской позиции. Чем-то напоминает анархистскую утопию с ее самоуправляющимися коммунами. Это своеобразная исламская многопартийность. <...> На одной территории уживаются десятки джамаатов численностью от нескольких десятков бойцов до десятка тысяч, абсолютно разных идеологически. Каждый волен выбирать, к кому примкнуть. Эти джамааты активно сотрудничают, а любые проблемы между ними разрешаются в шариатском суде»¹.

Судя по изложенному выше, фронт ан-Нусра имеет отличия по сравнению с «Исламским Государством», и эти отличия не исчерпываются методологией достижения власти. Насколько можно судить исходя из имеющейся информации, ан-Нусра в большей степени тяготеет к территориальной замкнутости, ставя перед собой достаточно приземлённую задачу замены светского режима Башара Асада в Сирии на исламский эмират с шариатскими судами и законами. В то же время нельзя забывать о том, что данная организация является частью гораздо более широкого джихадистского «интернационала», Аль-Каиды, а значит замыслы её создателей выходят за пределы националь-

---

¹ Никулин П. Из Калуги – с джихадом // The New Times. № 8 от 13 марта 2017 г. URL: <http://zapretno.info/statya-iz-kalugi-s-dzhihadom-v-zhurnale-the-new-times/> (дата обращения: 17.07.2017). В связи с публикацией данной статьи Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций изданию было вынесено предупреждение. По сообщениям СМИ, ведомство нашло в статье «признаки оправдания терроризма». Хотя остаётся не вполне ясным, в чём именно были усмотрены признаки названного правонарушения, отметим, что фрагмент из данного источника публикуется исключительно в научных целях, а не с целью пропаганды фронта «Ан-Нусра» или придания действиям террористов положительного образа. То же самое касается содержащихся в настоящей монографии фрагментов из иных запрещённых / заблокированных в России или где-либо источников, использование которых представляется необходимым для решения стоящих перед автором исследовательских задач.

но-государственных рамок одной страны. При этом политическое устройство, которое уже сегодня навязывается бойцами ан-Нусры, достаточно специфично: по сути, речь идёт не о создании государства в общепринятом смысле, а об определённой форме самоуправляющейся федерации общин, объединённых исламистской идеологией. Впрочем, быть может, это временное явление, обусловленное тактикой текущей борьбы, а вовсе не политический идеал и конечная цель руководства группировки.

Так или иначе, объединяет «Исламское Государство» и фронт «ан-Нусра» идеократический характер того социального устройства, которое они пытаются насадить, претензии на самостоятельное управление обширными территориями и на обладание международной правосубъектностью. По факту они уже сейчас выступают в качестве значимых участников мировой политической арены – участников, которые, впрочем, не имеют никаких шансов на официальное признание в рамках ныне существующего правопорядка, а потому ещё более активно работают на его разрушение. Коль скоро всемирному исламскому Халифату, да и сирийскому шариатскому эмирату нет места среди формально равноправных национальных государств и созданных этими государствами международных организаций, суверенные права, законы и границы таких государств, а равно конвенциональные нормы международного права (в т.ч. закрепляющие правила ведения войны) для джихадистов представляются совершенно ничтожными.

Конечно, трудно представить себе, чтобы когда-нибудь навязываемое радикальными исламистами общественное устройство смогло восторжествовать в глобальном масштабе, стать парадигмальной моделью организации социальной жизни. Однако дело здесь вовсе не в том, что идеи политического ислама разделяет лишь довольно-таки значительная, но всё-таки *часть* современного человечества, ведь феномен ИГ-подобных организаций может рассматриваться как базовая социально-политическая модель, наполнять которую при желании можно почти любым идейным содержанием. Дело, скорее, в том, что *«государства головорезов»*, выстраиваемые на базе радикальных политических и религиозных движений, несут в себе чрезмерный деструктивный заряд. Каждая из таких государствовподобных организаций нацелена на выстраивание своей собственной версии будущего общества

и ревностно относится к любым попыткам утвердить иные, конкурирующие социально-политические сценарии (кровавая вражда ИГИЛ с ан-Нусрой, салафитского конгломерата «Хайят Тахрир аш-Шам» с другим салафитским союзом под названием «Ахрар аш-Шам» наглядно это подтверждают). Таким образом, какой-либо единый порядок с едиными общими нормами, которые бы соблюдали все «государства головорезов» или хотя бы большинство из них, практически невозможен.

Тогда как суверенное национальное государство в своё время смогло стать универсальной единицей именно по причине признания национальными государствами формального равенства между собой и равных обязательств друг перед другом, *радикальные движения – государства XXI века* такой универсальной единицей стать не способны. Соседство друг с другом хотя бы двух радикальных движений-государств неминуемо ведёт к их взаимной вражде, следовательно, любое подобие мирового порядка движений-государств станет синонимом перманентного глобального беспорядка, нескончаемой войны всех против всех. Вряд ли такое положение дел нужно кому-нибудь, кроме самих адептов обозначенных радикальных движений. Вряд ли те социальные круги, которые держат сегодня в своих руках подавляющую часть мировых богатств, заинтересованы в том, чтобы по воле фанатиков потерять всё. Как уже говорилось выше, деструкция стала глобальной управленческой парадигмой, но она всегда служит лишь *инструментом* – инструментом для извлечения сверхдоходов в исторических условиях замкнутости рынков; эта управленческая парадигма не должна привести к уничтожению вообще всего, иначе невозможно будет воспользоваться её плодами. Необходимо лишь контролируемое и частичное разрушение, и для этой цели «государства головорезов» прекрасно подходят, но подходят только в том случае, если их власть имеет ограниченные (региональные) масштабы распространения, если сами эти организации служат для дестабилизации отдельных национальных государств и кластеризации глобального порядка.

С научной точки зрения, сегодняшние радикальные движения – государства представляют собой интереснейшее явление. Рождённые из пламени гражданских войн, они – плоть от плоти переживаемой нами эпохи глобального кризиса. Используемые отдельными нацио-

нальными государствами для ослабления конкурентов на мировой арене, отдельными социальными группами для укрепления и продления своей власти, для сохранения и умножения своих богатств, они пытаются обрести независимость, сделаться подлинными субъектами нынешнего нестабильного аномального порядка между войной и миром. Задуманные в качестве послушных инструментов, способны выйти из-под контроля. Они – открытый ящик Пандоры, и их опасность состоит в том, что, не видя для себя достойного места в рамках существующего правопорядка, эти движения готовы снести его до основания. Поскольку модель уже задана, ростки подобных организаций будут прорастать везде, где по тем или иным причинам нормальная, легальная государственность обанкротилась, где общество оказалось ввергнутым в состояние тотальной войны, где законы растоптаны, и только голая сила заставляя с собой считаться.

Не стоит надеяться, что всё это – болезни, преследующие только неблагополучный Ближний Восток или, шире, так называемый «третий мир». Сегодня даже в тех странах, где царит относительное спокойствие, а правительства вполне работоспособны, тело государственности пожирается изнутри. Глубокий кризис легитимности государственных институтов и нарастающая конкуренция со стороны иных источников власти внутри общества – вот вызовы, на которые правящие круги национальных государств должны дать ответ как можно скорее.

Продолжающаяся делегитимация государства и новые акторы

Да, для тех государств, которые ещё непосредственно не затронула война, которые пока не переживают драматичный развал вследствие катастрофического положения дел в экономике и не испытывают проблем с признанием в качестве субъектов международных отношений, основной опасностью была и остаётся опасность кризиса легитимности. Легитимности в глазах собственных граждан, а не в глазах иностранных «партнёров». Легитимности – той эфемерной, как порой кажется, категории, которая вбирает в себя отношение общества абсолютно ко всему, чем занимается или должно заниматься государство в лице своих органов и должностных лиц.

При всём многообразии подходов к определению категории «*легитимность*», пожалуй, не будет ошибкой, во-первых, свести её к описанию определённой качественной характеристики властных институтов, а во-вторых, понимать её как *признание* такого рода институтов, а также их решений и действий со стороны участников общественных отношений, т.е., в первую очередь, со стороны граждан. В определённом смысле легитимность как качество власти противостоит *легальности*, т.е. законности осуществления власти. Тогда как понятие легальности отсылает нас к замкнутой нормативной системе, создаваемой преимущественно теми самыми институтами, качество которых данные категории и описывают, легитимность вовсе не сводится к формальной законности учреждения и функционирования того или иного института, либо же порядка в целом. В целом легитимность – в значительной мере категория моральная, а не юридическая. Представления о легитимности власти динамичны, они выступают частью сознания масс, а не тем, что о себе думают сами власть имущие.

Безусловно, можно согласиться с формулировкой Карла Ясперса, писавшего, что «легитимность подобна кудеснику, беспрестанно создающему необходимый порядок с помощью доверия»¹, ведь без легитимности никакой социальный порядок немислим: при возникновении проблем с легитимностью порядок проблематизируется и, в крайней точке делегитимации, распадается.

Пожалуй, именно доверие масс к государственным институтам в последние годы оказалось серьёзным образом подорвано, и речь в данном случае вовсе не о драматичных сценах восстаний, «цветных революций» и народных волнений, которые периодически разворачиваются в различных частях света, выражая крайнее недовольство граждан той моделью, в соответствии с которой организовано управление общественными делами. Сегодня мы можем наблюдать растущий дефицит доверия граждан к самым, казалось бы, основным, конституционным институтам современной государственности, включая институты выборов, парламентского представительства, судебной системы и президентской власти. Любопытно, что вместе с доверием к институтам государственности снижается доверие общества к системе обра-

---

¹ *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 172.

зования, медицинским учреждениям, средствам массовой информации (которые могут быть государственными, но в большинстве своем всё же принадлежат частным лицам) и банковской системе, т.е. к тем институтам, которые напрямую не связаны с функциями осуществления власти и управления, однако встроены в существующий социальный порядок в качестве значимых его элементов и в этом плане достаточно тесно связаны с государственными институтами (встроены в механизм государства в качестве вспомогательных элементов и способствуют реализации государственной политики, либо формально независимы, но зато крепко связаны решениями регулирующих и контрольно-надзорных органов государства). Самое удивительное, что снижается доверие и к Церкви, что, вероятно, связано не столько со стремлением людей мыслить более рационально и преобладанием убеждённых атеистов над верующими, сколько с тем, что институты организованной религии так же, как и государственные институты, всё менее отвечают запросам общества, всё менее способны служить инструментом разрешения кризиса современности. Не будем забывать и о том, что крупные религиозные организации зачастую даже в светских государствах выступают в связке с представителями высших органов государственной власти, освящая или оправдывая подчас сомнительные решения и действия последних.

Показательными, на наш взгляд, являются данные агентства Gallup об изменении уровня доверия американских граждан по отношению к ряду государственных и общественных институтов с 1973 года по настоящее время¹. Согласно приведённым показателям, доверие американцев к Конгрессу США, президентской власти, системе здравоохранения, банкам, публичным школам, газетам и теленовостям в последние десятилетия снижалось.

Так, уровень поддержки президентской власти в 1975 году составлял 52%, в 1990-е годы колебался в диапазоне от 72% (февраль 1991 года) до 38% (в среднем 48,7%), в 2000-е – от 52% до 25% (в среднем 43,4%), а с 2010 по 2019 годы составляет в среднем 34,9% (колеблется в диапазоне от 29% до 38%). Иными словами, за два с поло-

---

¹ Confidence in Institutions // GALLUP News. URL: <http://news.gallup.com/poll/1597/confidence-institutions.aspx> (дата обращения: 20.09.2019).

виной десятилетия поддержка президентской власти среди населения США упала примерно на 14%, что вполне существенно, учитывая, что за этими цифрами, по идее, стоят миллионы реальных людей, чьи настроения фиксирует статистика социологических опросов.

Аналогичные данные касаются уровня доверия американцев к Верховному Суду США. Если в 1980-е средний уровень поддержки высшего органа судебной власти составлял 50,4%, в 1990-е он был равен уже только 45,7%, в 2000-е снизился до 42,6%, а с 2010 по 2019 годы составил лишь 35,7%.

Данные касательно доверия граждан США к высшему законодательному органу, Конгрессу, если рассчитывать средние арифметические показатели за каждое десятилетие, выглядят следующим образом: 1980-е – 33,3%, 1990-е – 22,5%, 2000-е – 22,2%, 2010–2019 годы – 10,4%. Потрясающее падение!

Общая картина, представленная Gallup, в целом подтверждаются результатами опросов, проведённых другой организацией, агентством Marist Poll, в январе 2018 года. Согласно отчёту Marist Poll¹, сформированному на основе опроса 1350 совершеннолетних граждан США в период с 8 по 10 января 2018 года, американским судам в значительной степени доверяют 16% граждан, в основном доверяют 35%, не очень доверяют 33%, вовсе не доверяют 12%, затруднились с ответом 4%. Конгрессу США однозначно доверяет лишь 8% американцев, в основном доверяет 17%, доверяет в незначительной степени 49%, вовсе не доверят 22%. Президентской власти однозначно доверяет 19%, в основном доверяет 24%, доверяет в незначительной степени 28%, не доверяет вовсе 26%.

По информации аналитического центра Юрия Левады, деятельность Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по состоянию на июль 2019 года одобряло 37%, не одобряло 60% россиян. В целом рейтинг доверия к нижней палате российского парламента в 2010-е годы (июль 2011 – июль 2019) составлял 41,6%, а с октября 2016 (начало полномочий депутатов наиболее позднего,

---

¹ NPR/PBS NewsHour/Marist Poll Results January 2018 // Marist Poll. URL: <http://maristpoll.marist.edu/nprpbs-newshourmarist-poll-results-january-2018/> (дата обращения: 20.09.2019).

VII созыва) по июль 2019 года – 39,25%¹. В этих цифрах, вроде бы, нет ничего пугающего. Если принять во внимание показатели поддержки населением России президента Владимира Путина (порядка 68% на начало 2020 года), то получается весьма оптимистичная картина, а если сопоставить эти цифры с рейтингами институтов власти США, то можно сделать вывод, будто бы российская государственность гораздо стабильнее и прочнее американской, однако не нужно обманывать самих себя. Если даже отрешиться от возможной подтасовки статистических данных по заказу высших должностных лиц государства или в угоду им, важно понимать, что социологические опросы и иные распространённые способы исследования общественных настроений в современных условиях не могут считаться достаточно объективными инструментами. Во-первых, они интерпретируют высказывания граждан в понятиях, лежащих целиком в русле определённой, в основе своей устаревшей парадигмы представлений о власти и управлении, т.е. располагают ответы респондентов в заранее заданной и навязанной респондентам системе координат. Во-вторых, нужно иметь в виду, что граждане в подавляющем большинстве случаев не обладают знаниями об альтернативах тем властным институтам, в отношении которых их опрашивают, а потому в значительной массе склонны выражать этим институтам своё одобрение, ведь иные варианты не просматриваются на горизонте². Таким образом, ответы о доверии или недоверии правительству, президенту, парламенту, судам и т.п. в любом случае носят достаточно амбивалентный, условный характер. Если бы граждане имели опыт какой-то иной социальной организации или знали о возможности таковой достаточно подробно, вероятно, их ответы отличались бы от тех ответов, которые составляют статистику социологических опросов.

В любом случае, даже при всей своей относительности подобные статистические данные представляют безусловный интерес, особен-

---

¹ Одобрение органов власти // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (дата обращения: 03.03.2020).

² Распространённым среди российских обывателей объяснением поддержки представителей действующей власти, кстати, является указание на то, что, дескать, «других, более адекватных [политических лидеров, политических сил, политических программ] всё равно нет».

но если речь идёт не о показателях, относящихся к какой-то отдельной стране, а о таких показателях, которые позволяют... нет, не сравнить данные по разным странам и регионам земного шара, а получить общие представления о мировых тенденциях развития государственности и сдвигах в массовом сознании (такие показатели тоже искажаются под влиянием политической конъюнктуры, но их ценность состоит в возможности охватить беглым взглядом картину в мире в целом).

Одним из ценных свидетельств современного состояния государственных институтов в его глобальном измерении является сводный отчёт об удовлетворенности граждан национальными правительствами и институтами демократического представительства своих стран, опубликованный в октябре 2017 года американским исследовательским институтом Pew Research Center¹. Согласно отчёту, население большинства стран мира в целом неудовлетворительно оценивает функционирование национальных политических систем. 52% опрошенных из тридцати шести государств не довольны своими демократическими институтами. Медианный показатель доли граждан тридцати семи государств, высоко оценивающих работу своих правительств, составляет 14%; медианный показатель доли граждан, в целом одобряющих работу своих правительств, составляет 45,8%, т.е. менее половины. При этом, как ни странно, критическая оценка деятельности органов власти свойственна отнюдь не только населению отсталых и неблагополучных стран. Так, доля граждан Италии, поддерживающих работу своего национального правительства, составляет лишь 26%; во Франции этот показатель равен лишь 20%, в Испании – 17%, а в Греции – только 13%. В Венгрии, Франции, Италии, Испании, Греции, США, Южной Корее, Аргентине, Бразилии, Мексике (а всё это достаточно успешные, состоявшиеся государства с развитыми экономиками) и др. странах более половины населения в целом не удовлетворены состоянием национальных демократических институтов.

Вряд ли такие показатели являются случайностью. Кажущийся парадокс, состоящий в том, что в довольно-таки благополучных странах,

---

¹ *Wike R. et al. Globally, Broad Support for Representative and Direct Democracy // Pew Research Center: Global Attitudes & Trends. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2017/10/16/many-unhappy-with-current-political-system/> (дата обращения: 20.09.2019).*

при отсутствии народных волнений и жёсткой конфронтации гражданского общества с государственными институтами этим самым институтам не доверяет большинство граждан, на самом деле никаким парадоксом не является. Объяснение столь удивительной, на первый взгляд, картины, вероятно, кроется в том, что граждане, рассчитывающие на определённый уровень благосостояния и качество управленческих институтов, сегодня, в разгар кризисных процессов в экономике, культуре и иных сферах общественной жизни, всё в меньшей и меньшей степени склонны рассматривать государственные органы в качестве инстанций, по-настоящему способных разрешать встающие в масштабах общества проблемы и вызовы.

Государство, избавленное от суверенитета как права и обременённое «суверенитетом» как обязанностью, перестав быть основной величиной системы международных отношений, отныне ограничено в своих действиях и решениях наднациональными институтами, вынуждено идти за ними, в большей мере реализуя интересы крупных корпораций, нежели общества. В свою очередь, наднациональные управленческие институты и механизмы реализации власти для рядовых граждан абсолютно непрозрачны, непонятны и неблизки, на них практически невозможно повлиять, а оказывать влияние на государственные решения всё менее целесообразно. Какие бы вызовы ни вставали перед обществом – массовая миграция из-за рубежа, международный терроризм, повальное банкротство предприятий и скачкообразный рост безработицы, либо что-то ещё – в конечном счёте именно государственные инстанции оказываются в ответе за всё, хотя не все осознают, что далеко не всё в действительности находится в их руках.

Подстегиваемые кризисными процессами в хозяйственной сфере, национальные правительства всё чаще вынуждены обращаться к непопулярным мерам по сворачиванию социальных программ, ликвидации институтов социального государства, повышению пенсионного возраста и т.п. мерам, находящимся в прямой связи с требованиями крупного капитала.

Пытаясь решать финансовые проблемы своих ближайших бенефициаров, отдельные современные государства, в том числе Российская Федерация, ввязываются во всевозможные рискованные авантюры на международной арене. Цель этих авантур двойка – во-первых, дать

возможность национальной элите (руководству страны, а также связанным с ним корпоративным элементам) занять более высокое место в сегодняшней глобальной иерархии, характеризующейся перманентной борьбой всех со всеми; во-вторых, получить новые источники доходов для связанных с госаппаратом корпораций (контроль над источниками сырья и рынками сбыта). Именно в таком ключе, на наш взгляд, необходимо понимать операции российских военных (как прикрепленных официально к Вооружённым силам, так и проходящих службу в составе аффилированных с государством частных военных компаний) в Сирии, Ливии, Центральноафриканской республике.

Разумеется, всевозможные военные авантюры довольно редко прибавляют авторитета государственным органам. Общественность желает державных побед, более активной роли своего государства в мировых делах, но не желает за эту активность платить жизнями военных и гражданских лиц, первые из которых погибают на чужой земле, а вторые – дома в, казалось бы, мирное время в результате террористических актов возмездия.

Говоря о способностях современного государства решать встающие перед обществом проблемы или, решая одни проблемы, создавать ему и себе новые, не стоит забывать и о том, что некоторые специфически современные вызовы, отмечающие собой своего рода кризисный *Zeitgeist*, дух эпохи, в принципе не могут быть разрешены имеющимися в арсенале государства средствами. К таким специфически современным вызовам можно отнести, например, проблему свободы слова в сети Интернет: хотя законодательства современных государств в большинстве своём предусматривают юридическую ответственность за распространение определённого резонансного контента, а соответствующие ведомства предпринимают меры, направленные на блокировку нежелательных материалов, полностью и – что важнее всего, ментально – заблокировать распространение информации сегодня вряд ли возможно (о том, какими последствиями чревато размещение в глобальной сети неоднозначных, с точки зрения отдельных групп общества, материалов, красноречиво свидетельствует случай с публикацией в Интернете в июле 2012 года антиисламского фильма “*The Innocence of Muslims*” и последующей за этим чередой яростных протестов мусульман по всему миру).

Наконец, делегитимации государства способствует *стерилизация политической жизни*. Выше уже говорилось (см. § 3.1) о том, что система современного народовластия выродилась, а её институты утратили свой изначальный смысл и лишь создают иллюзию участия масс в управлении общественными делами. Это действительно так. Выборы, парламентское представительство, политические партии, референдумы, предвыборные дебаты и т.п. – всё это сегодня не более чем симулякры, сбивающие обывателя с толку. Хотя ещё несколько десятилетий назад перечисленные институты могли быть достаточно действенными механизмами вовлечения граждан в управление делами государства, оказания гражданским обществом давления на принимаемые госаппаратом решения, теперь они по большей части сводятся к более или менее увлекательному шоу. Политика больше не творится публично – она, подобно бухгалтерским операциям коммерческого предприятия или тактическим операциям генерального штаба армии, делается негласно и зачастую вовсе не теми персонажами, которые, мелькая на телевизионных экранах, представляются в качестве политических деятелей. Политика сведена к администрированию, а потому гражданам нет в ней места.

Необходимо отметить, что даже в тех странах (относящихся к странам с так называемым демократическим типом политического режима), где низовая политическая инициатива не подавляется на корню, легально действующие политические силы не способны предложить никакой стоящей программы, которая могла бы хотя бы в перспективе послужить альтернативой существующему status quo. Поскольку современная политическая жизнь в основном сводится к склокам и альянсам внутри границ национального государства, она всё больше напоминает неряшливый любительский театр, ведь у нынешних государств нет никаких шансов слезть с крючка той глобальной системы, частью которой они являются и которая оказалась в глубочайшем тупике¹.

Здесь стоит оговориться, что некоторое разнообразие в политическую жизнь в последние годы вносят политики, обращающиеся

---

¹ Более развёрнутое изложение данного тезиса см. в: *Рувинский Р.* Государство и революция: сто лет спустя // Кризис: критическая теория XXI века. 28.11.2017. URL: http://crisis-state.com/2017/11/state_and_revolution_centenary/ (дата обращения: 20.09.2019).

к яркой популистской риторике, национализму и сепаратизму. Особенно нужно выделить в этом ряду такие движения, как движение в поддержку Brexit, добивавшееся выхода Великобритании из состава Евросоюза, и движение за независимость Каталонии от Испании. Пытаясь разрешить кризис легитимности своих государств достаточно радикальными, на первый взгляд, мерами, предполагающими разрыв с союзными наднациональными образованиями или даже с материнским национальным государством, ориентирующимися (по крайней мере, на словах) на выстраивание собственной, самостоятельной национальной государственности, эти движения на деле ведут лишь к усугублению кризиса государств-наций, увеличивая энтропию там, где беспорядка и нестабильности и без того достаточно. Конечно, в краткосрочной перспективе популистские, изоляционистские и сепаратистские лозунги и правда способны сплотить вокруг себя граждан, добавив авторитета тем национальным институтам, от лица которых такого рода лозунги излагаются. Однако следует понимать, что грипп не лечится простудой, и разрешить проблемы, ставшие в своей совокупности причинами кризиса модели суверенного национального государства, обращением к неким формам «очищенной» национальной государственности, невозможно. Пока массы участвуют в борьбе за приход к власти политических партий с более радикальной, чем у нынешнего истеблишмента, риторикой, за регионализацию, автономизацию, прибавление формального суверенитета и т.п., они чувствуют свою значимость и верят в перемены к лучшему. Вера в положительные перемены неотделима от вовлечённости масс в движение. Тогда же, когда требования движения обретают плоть и воплощаются в жизнь, вера начинает испаряться, потому что становится ясной тщетность и иллюзорность реализуемых мер. Краткосрочное упрочение легитимности отдельных национально-государственных институтов неизбежным образом сменится разочарованием масс и упадком доверия граждан к этим институтам. Впрочем, верно и то, что порой важным является хотя бы выиграть время, отсрочить неумолимое приближение той точки, за которой прапорядок переходит в свою противоположность...

В условиях, когда государство вместе с окружающими его политическими институтами испытывает кризис легитимности, на арену постепенно выходят (или, так или иначе, будут выходить) иные акторы.

Скорее всего, мы ещё не в состоянии различить их на, казалось бы, размытой панораме современного общества. Или, быть может, мы видим их, но не склонны придавать этому должного значения. Возможно, мы до конца не представляем себе, сколь витальны они на самом деле, ведь мы привыкли мыслить категориями прошлого столетия, индустриальной эпохи, для которой основной негосударственной политической единицей являлась партия. Сегодня мы смело можем забыть о политических партиях. К новым акторам, которые в перспективе способны стать серьёзной угрозой государственности в её современном изводе, они не относятся, хотя всего лишь столетие назад именно партии представляли собой серьёзную угрозу для существовавшего тогда политического и правового порядка; именно партии разрушали государственные режимы изнутри и, приходя к власти, выстраивали государства по собственным соображениям; наконец, именно партии в отдельных государствах фактически срослись с государственными аппаратами, принявшись осуществлять управление в масштабах всего общества и издавать общезначимые предписания. Однако сегодня, видимо, пора констатировать, что время партий прошло, и связано это, скорее всего, с тем, что партия находится в неразрывном диалектическом единстве с государством: её конечной целью всегда является не что иное как государственная власть, она может находиться в легальном поле и играть по установленным государством правилам игры, а может быть экстремистской и противопоставлять себя существующей системе законности, но даже в последнем случае она ведёт борьбу именно за влияние на государство, за то, чтобы слиться с ним, стать его ядром, и в этом смысле она, равно как и само государство, является национальным явлением¹.

Но если политические партии не относятся к тем акторам, которые в перспективе могут сделаться серьёзными конкурентами нынешних государств и всего государствоцентричного порядка, то кто же относится к их числу? Очевидно, что не Церковь. Вернее, не те традици-

---

¹ Даже социал-демократические и коммунистические партии, будучи встроенными в определённые международные объединения (II и III Интернационалы), сохраняли национальную, национально-государственную ориентацию, что прекрасно видно и по их наименованиям (*Российская социал-демократическая партия*, *Коммунистическая партия Китая* и т.д.), и по их структуре.

онные, официально действующие религиозные организации, которые, с одной стороны, заявляют о своих претензиях на представительство миллионов верующих, а с другой стороны, фактически не имеют какой-либо значимой социально-политической повестки, отличной от той, которая навязывается государственным аппаратом. В отличие от этих официальных религиозных организаций, религиозно-политические организации и движения нетрадиционного, радикального толка, напротив, имеют все шансы для быстрого подъёма. Возможность роста их влияния в обществе – обратная сторона падения доверия населения к государству и иным социальным институтам, включенным в рамки существующей системы легальности. Насколько неубедительными, жалкими или даже вредными в глазах масс выглядят действия и решения представителей госаппарата, легальных политических партий и официальных религиозных организаций, настолько здоровыми и убедительными должны казаться призывы радикальных движений наподобие «Исламского государства», фронта «ан-Нусра» или «Братьев-мусульман». В условиях кризиса перспективы субъектов такого рода наиболее благоприятны.

Как отмечалось выше, радикальные политико-религиозные организации в отдельных регионах планеты уже сегодня заявляют о своей готовности заменить шаткие государственные режимы, вписанные в Вестфальскую систему международных отношений. С углублением глобального кризиса пространственный охват провалившихся и коллапсирующих государств будет расширяться, а вместе с этим будет расширяться и зона распространения радикальных движений – государств, «государств головорезов». Ростки таких организаций, готовых в нужный момент встать во весь рост, с избытком имеются уже сейчас, причём не только в неблагополучных, но и во вполне развитых современных государствах: до поры это явление остаётся маргинальным, но только до поры.

Впрочем, было бы неправильным направлять всё свое внимание лишь на фундаменталистские религиозно-политические объединения. Это вовсе не единственные, хотя, как кажется, по крайней мере, в данный момент, наиболее опасные, лучше всего организованные акторы, соперничающие с Левиафаном и готовые в день «Д» бросить ему свой вызов. Как минимум не стоит забывать о существовании в любом об-

ществе многочисленных групп интересов, спаянных определёнными представлениями о собственной идентичности... Разнообразные аффиинити-группы (affinity groups), этнические общности, землячества, диаспоры, офицерские и ветеранские союзы, конечно, вряд ли способны встать на место госаппарата, но вполне действительны в разрушении национального правопорядка, растаскивании его по частям, дестабилизации государственного режима. В конце концов, никто не гарантирует, что взамен государствоцентричного национального порядка должна прийти некая аналогичная монистическая система управления обществом, исходящая из национально-территориальных представлений. Всё может быть гораздо сложнее, страшнее и интереснее.

Ещё более серьёзна перспектива замещения государственных институтов социальными сообществами доиндустриальной эпохи, казалось бы, давно оставшимися в премодерне. Это родовые, клановые структуры, в течение XX века получившие достаточно убедительную маскировку за фасадом государственности, однако далеко не во всех странах полностью изжившие себя. Сильнее всего они там, где нормативно-институциональная система модерна надстраивалась на нормы и институты доиндустриальных незападных обществ, где государство-нация западноевропейского образца наслаивалось на родоплеменные структуры бывших колоний, в большинстве из которых не было даже того феодализма, который имел место в Европе. С упадком государственности эти родоплеменные структуры могут отвоевать себе устойчивое положение, сделаться той самой моделью общественного развития, которая должна будет прийти на смену разложившемуся порядку. Отдельные проявления этой тенденции можно, как ни странно, наблюдать уже сегодня. Такова ситуация в Ливии, где распад Джамахирии под руководством Муаммара Каддафи открыл дорогу многочисленным племенам, прежде сосуществовавшим в рамках своеобразного, но всё же единого порядка, а после свержения Каддафи сделавшимся основной социально-политической единицей.

Достаточно серьёзную роль родоплеменные структуры играют и на российском Северном Кавказе. Так, например, в Чечне ключевые должности в республиканском госаппарате по сей день занимают представители крупного тейпа Бенной, к которому относятся харизматичный глава республики Рамзан Кадыров, его ближайший соратник, депутат

Госдумы трёх последних созывов (с 2007 года) Адам Делимханов, мэр Грозного Якуб Закриев и другие высокопоставленные лица¹. Тогда как на словах и, тем более, в официальном дискурсе родовые связи не играют какой-то серьёзной роли в выстраивании системы управления современным обществом, на деле они уже сейчас могут являться значимым ориентиром для назначения кандидатов на те или иные ответственные государственные посты. Что уж говорить о потенциальной ситуации, при которой государство перестанет существовать, потеряет остатки легитимности или подвергнется распаду на мелкие части! Племена, кланы, роды сделаются теми институтами, зацепившись за которые можно будет сохранить хотя бы какое-то подобие порядка. Впрочем, порядок этот будет уже принципиально иным, не тем, к которому мы привыкли.

---

¹ Подробнее о так называемом «клане Кадырова» см.: Кадыровский клан // Кавказ.Реалии. 20 октября 2016 г. URL: <https://www.kavkazr.com/a/kadyrovskiy-klan/28064975.html> (дата обращения: 20.09.2019).

ГЛАВА IV. ЭРОЗИЯ ПРАВА

...Что помогут тебе твои законы, если им никто не следует, что значат твои приказания, когда никто не позволяет приказывать себе?

Макс Штирнер,
«Единственный и его собственность»

4.1. «ВЗБЕСИВШИЕСЯ ПРИНТЕРЫ» ЗА РАБОТОЙ

Государство как организация управления обществом осуществляет свою деятельность на основе определённых правил, именуемых правом. Имея фактическую монополию на установление правовых норм и решение вопроса о том, что может, а что не может считаться правом, государство реализует свои функции посредством нормотворчества и последующего властного применения установленных им же юридических предписаний. Право – это именно та рабочая среда, в которой существует государство. Все или, по крайней мере, большинство операций, осуществляемых государственными органами и должностными лицами, именно в праве находят свое обоснование, свой порядок, определение своих целей. При этом само право в эпоху модерна, которая подошла ныне к концу, исчерпала себя и как раз таки выливается в переживаемый нами глобальный кризис, традиционно ассоциируется с деятельностью государства; в рамках модерна всё право фактически принадлежит государству, создаётся им непосредственно или становится *правом* в собственном смысле лишь благодаря официальной санкции со стороны государственных органов. Таким образом, вполне логично, что в условиях глобального кризиса трансформациям подвергается отнюдь не только государственная организация, но и само право в мозаике его элементов. В конечном счёте, фиксация изменений, происходящих одновременно в государственной организации общественной жизни и в праве как регулятивной, операционной среде, даёт нам представление о том, в какую сторону меняется современный правопорядок.

В рамках данной главы мы постараемся проанализировать, как деградация современной модели государственности и превращение государства в паразитическую бизнес-корпорацию отражается на правовой системе, что происходит с позитивным правом современного государства. Второй момент, который, на наш взгляд, совершенно необходимо затронуть в контексте исследования трансформаций правопорядка в условиях глобального кризиса – расширение пространства аномии, фактического беззакония или, напротив, особого режима законности, при котором основополагающие правовые принципы и гарантии прав граждан перестают действовать, как на уровне отдельных национальных правопорядков, так и в мировых масштабах. Третьим пунктом в нашем исследовательском маршруте должны стать изменения, происходящие в международном праве, соотношение системы международного межгосударственного права с формирующимися комплексами транснациональных (глобальных) норм и долгосрочные тенденции в правовом регулировании международных / трансграничных отношений. Наконец, мы должны попытаться представить себе облик права наступающего будущего, хотя бы схематично очертить средне- и долгосрочные тенденции развития права в современном мире.

Исключительное нормотворчество

Проблемы и вызовы, встающие перед современными государствами, обычно выливаются в форсирование государственной правотворческой политики. Меняющиеся условия жизни требуют соответствующего изменения нормативных начал деятельности государства, граждан и организаций. Поскольку состояние любого кризиса никогда не является запланированным и означает для государства внезапно обнаружившуюся невозможность или затруднённую жизнь по прежним, докризисным правилам, антикризисная правотворческая политика осуществляется зачастую в ускоренном темпе и в ограниченные сроки. Результатом такой политики является принятие законов, которые могут быть охарактеризованы как *исключительные*.

Термином «*исключительное законотворчество*» (шире – нормотворчество) можно описать особого рода правотворческую политику государства, обусловленную острыми внутри- или внешнеполити-

ческими противоречиями или неблагоприятными обстоятельствами в социальной и политической сферах, нередко осуществляемую в авральном порядке и выливающуюся, как правило, в наложении на отдельные категории субъектов права различных правоограничений, которые в иных условиях на них не были бы возложены. Данное определение, разумеется, не идеально и требует уточнений, но, полагаем, на первых порах может использоваться в качестве рабочего.

Попытаемся обозначить основные признаки исключительных нормативно-правовых актов.

Как уже было отмечено, к принятию таких нормативных актов правотворческие органы государства подталкивают определённые неблагоприятные обстоятельства (в том числе рост в обществе недовольства государственной политикой, распространение подрывных идей и настроений, вовлечённость в острый конфликт с иностранным государством, и т.п.), что свидетельствует о вынужденном характере такого нормотворчества. Исключительность нормотворческой деятельности и самих нормативных актов, следовательно, лежит не столько в процедурной области (хотя и правотворческий процесс зачастую претерпевает влияние кризисных обстоятельств, о чём будет сказано ниже), сколько в содержании правового регулирования: закон не был бы принят или был бы принят в совершенно ином виде, если бы не состояние кризиса; нормы закона, даже если он облечен в обычную конституционно-правовую форму, как бы выходят из ряда вон.

Например, нашумевший в своё время Федеральный закон от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», озаглавленный прессой как «закон Димы Яковлева»¹ в память о ребенке из России, усыновлённом американской семьёй и погибшем в США (кстати, вопросу защиты детей, передаваемых на усыновление, в нём посвящена только одна статья), возможно, никогда не был бы принят, если бы ему не предшествовало издание в США так называемого «акта Магнитского»², предусматри-

---

¹ О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7597.

² Russia and Moldova Jackson-Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012, Pub. L. No. 112-208, 126 Stat. 1496 (2012).

вающего санкции в отношении отдельных должностных лиц Российской Федерации.

Содержанием исключительных законодательных актов, как правило, предусматриваются меры, ограничивающие прежние права и свободы отдельных категорий субъектов, возлагающие на субъектов новые публично-правовые обязанности, вводящие или ужесточающие юридическую ответственность.

Исключительные законы могут вводить для отдельных категорий лиц особые правовые режимы, определяя для них специальное правовое регулирование. Так, Федеральный закон от 20 июля 2012 года № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента»¹ ввёл новые формы контроля за деятельностью российских некоммерческих организаций, получающих денежные средства и иное имущество от иностранных источников, а уже упомянутый выше «закон Димы Яковлева» предусмотрел положения, ограничивающие на территории России правовой статус граждан США по сравнению с иными иностранными гражданами.

Зачастую принимаемые исключительные законы могут содержать дискриминационные положения, выделяющие отдельные категории субъектов из общей массы участников соответствующих общественных отношений и предусматривающие для них специальные правовые режимы с повышенными обязанностями и ответственностью.

Нередко исключительные по своему содержанию нормативно-правовые акты носят непродуманный характер: их положения не считаются с реальными условиями, в которых они должны применяться, противоречат практике, уже сложившейся в той или иной сфере общественной жизни, игнорируют возможности конечных адресатов устанавливаемых правовых норм и затраты, связанные с воплощением их в жизнь. Характерной иллюстрацией к данному тезису является факт принятия Государственной Думой Федерального Собрания Рос-

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: федеральный закон от 20 июля 2012 года № 121-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 4172.

сийской Федерации так называемого «пакета Яровой» (по имени депутата, выступившего инициатором его принятия) – двух федеральных законов, расширяющих полномочия правоохранительных органов и вводящих повышенные требования к операторам связи¹. Наибольший общественный резонанс вызвали положения статьи 13 Федерального закона № 374-ФЗ, налагающие на операторов связи обязанность хранить информацию о фактах приёма, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи в течение трёх лет с момента окончания осуществления таких действий, а сами текстовые сообщения, голосовую информацию, изображения, звуки, видео- и иные сообщения пользователей услугами связи – до шести месяцев с момента окончания их приёма, передачи, доставки и (или) обработки. О том, каких затрат будет стоить хранение такого объёма информации компаниям – операторам мобильной связи и Интернет, насколько возрастет стоимость услуг связи для конечных пользователей и насколько замедлится совершенствование телекоммуникационных каналов в стране, законодатели подумать не потрудились.

Создавая всё новые правоограничения и налагая на субъектов всё новые запреты, т.е. в целом сужая пространство индивидуальной свободы частных лиц, акты исключительного нормотворчества, как правило, расширяют полномочия государственных органов. Как следствие, компетенция отдельных государственных ведомств расширяется, увеличивается их финансирование из бюджета, при этом бюджетные средства выделяются в ущерб направлению их на решение соответствующих социальных проблем (например, повышение качества образования, решение жилищного вопроса малоимущих граждан, капитальный ремонт зданий и сооружений и пр.): эта ситуация, кста-

---

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федеральный закон от 06 июля 2016 года № 374-ФЗ // «Российская газета», № 149, 08.07.2016; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федеральный закон от 06 июля 2016 года № 375-ФЗ // «Российская газета», № 150, 11.07.2016.

ти, вполне наглядно доказывает паразитический характер современной модели государства-корпорации, в рамках которой население страны рассматривается правящими кругами как ресурс, за счёт которого можно какое-то время наращивать прибыль сравнительно узкой прослойки приближённых к кормилу власти. Так или иначе, в результате перераспределения бюджетных средств и приоритетов государственной политики стоящие перед обществом и государством проблемы, как то: неконкурентоспособность образования, упадок науки, промышленное отставание от других стран, рост преступности, увеличение смертности и т.д. – только растут, что, опять же, вызывает необходимость в принятии срочных правовых мер.

Рост нагрузки на государственные органы, расширение полномочий и штата сотрудников, помимо всего прочего, также сказываются на эффективности их работы и адекватности управления. Всё более громоздкая и всё менее справляющаяся со своими задачами государственная машина, сбрасывающая с себя обязательства в социальной сфере и предстающая перед рядовым гражданином в облике сурового контролера с дубинкой в руках, вряд ли может восприниматься этим самым гражданином в положительном свете. В итоге система замыкается на самой себе, теряя драгоценный ресурс внутренней легитимности.

Из отмеченного вытекает то, что исключительные законы содержат в себе значительный конфликтный потенциал, который обусловлен как предпосылками их принятия, так и тем, что нормы исключительного законодательства зачастую поляризуют общество. Противоречия, определяющие необходимость исключительных законодательных мер, не снимаются, а, напротив, доводятся до максимального напряжения.

Когда государство приходит к необходимости принятия одного, двух, трёх исключительных законов, по своему содержанию носящих в целом правоограничительный характер, оно уже никогда не отказывается от практики такого законодательства. Со временем количество исключительных законов только растёт, они постепенно изменяют и подменяют собой всю систему законодательства, которое ранее не носило исключительного характера и не отличалось доминированием обываний и запретов. Вместе с усугублением внутри- и внешнеполитических проблем государству приходится обращаться к исключительному законодательству всё чаще. Так, спустя несколько лет после

принятия закона о некоммерческих организациях – иностранных агентах принимается закон, позволяющий признавать иностранными агентами средства массовой информации¹, а вскоре после этого – закон, позволяющий признавать средствами массовой информации, выполняющими функции иностранных агентов, уже граждан (например, владельцев YouTube-каналов или страниц на Facebook, если они получают прибыль от своей деятельности из иностранных источников)². Сначала принимается «пакет Яровой», а затем Правительство РФ устанавливает обязанность организаторов сервисов обмена мгновенными сообщениями (мессенджеров) идентифицировать всех пользователей³. Наконец, принимается закон, направленный на обеспечение централизованного государственного контроля за сетью Интернет (так называемый «закон о суверенном Интернете»).⁴ Шутка про «Интернет по талонам» перестаёт быть шуткой, становясь унылой действительностью.

Постепенно исключительное законотворчество превращается в единственную, по сути, управленческую парадигму, которой следует руководство государства. Доля фактически чрезвычайных установлений среди общенормативных правил доводится до абсурда, так что становится затруднительным отличать обычный правовой режим от чрезвычайных режимов. С помощью исключительных законов в условиях кризисного состояния в экономике, социальной сфере и международных отношениях руководство государства пытается спасти своё положение, законсервировать, «подморозить» страну, теряя связь с

---

¹ «О внесении изменений в статьи 10.4 и 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 6 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: федеральный закон от 25 ноября 2017 года № 327-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 48. Ст. 7051.

² О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федеральный закон от 2 декабря 2019 года № 426-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 49. Ст. 6985.

³ Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-коммуникационной сети «Интернет» организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями: постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2018 г. № 1279 // СЗ РФ. 2018. № 46. Ст. 7043.

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федеральный закон от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 18. Ст. 2214.

объективной действительностью и ведя себя и государство к неизбежной катастрофе. По крайней мере, ничем, кроме как утратой понимания происходящего и полным переключением управленческой логики на использование методов запретов, обязываний и ограничений, нельзя объяснить принятие российским парламентом и подписание президентом закона, предусматривающего возможность привлечения граждан к административной ответственности за «распространение в информационных сетях информации, выражающей в неприличной форме явное неуважение к <...> органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации»¹. Когда госаппарат проводит политику в интересах довольно узкой прослойки людей, в интересах сросшихся с ним корпораций, откровенным образом попирая интересы большинства общества, когда вследствие этого в обществе нарастает недовольство такой политикой, а легитимность власти падает, не остаётся ничего другого, кроме как затыкать рты и наказывать за «оскорбление величества».

Исключительное законотворчество нередко бывает связано также с пренебрежением формальными правилами законодательного процесса, либо, напротив, со сведением законодательного процесса к чистой формальности. Исключительные законы, как и любые другие законы, принимаются большинством депутатов законодательного органа власти, однако здесь это всегда ещё и правящее большинство, позволяющее себе, проигнорировав позицию парламентского меньшинства (если таковое имеется по конкретному, вынесенному на обсуждение вопросу), решить судьбу законопроекта без обстоятельного рассмотрения.

Поскольку конкретными жизненными поводами для принятия подобных законов практически всегда выступают определённые кризисные обстоятельства или накопившиеся противоречия, процесс их принятия нередко носит авральный, поспешный характер. Авральный характер исключительного законотворчества, в свою очередь, может приводить к нарушению конституционно установленных законодательных процедур.

---

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 18 марта 2019 года № 28-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1218.

Яркой иллюстрацией исключительного законотворчества, выходящего за рамки легальной процессуальной формы, является, пожалуй, история принятия российскими парламентариями Федерального закона от 8 июня 2012 года № 65-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”»¹, ужесточившего порядок проведения массовых мероприятий и ответственность за его нарушение. Внесённый в Государственную Думу 10 мая 2012 года, уже 22 мая проект данного закона был принят в первом чтении, буквально в считанные дни получил все необходимые заключения, а 5 июня был принят сразу во втором и третьем чтениях, после чего на следующий же день был одобрен Советом Федерации ФС РФ и 8 июня подписан Президентом². Принятие его в течение одного пленарного заседания Государственной Думы сразу во втором и третьем чтениях тем более любопытно, что ко второму чтению депутатами от оппозиции с целью затянуть принятие закона было подготовлено более четырёхсот поправок, которые в итоге, по настоянию представителей парламентского большинства, были рассмотрены формально, «оптом», без обсуждения по существу. Пленарное заседание Государственной Думы длилось почти до полуночи³. Впоследствии на основании обращений граждан была проведена проверка конституционности принятого закона, в результате которой, хотя закон и был признан не противоречащим Конституции, трое судей Конституционного Суда РФ (Ю. М. Данилов, С. М. Князев и В. Г. Ярославцев) отозвались особыми мнениями, в которых подвергли резкой критике некоторые особенности российского законотворче-

---

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»: федеральный закон от 8 июня 2012 года № 65-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 24. Ст. 3082.

² См.: Паспорт проекта Федерального закона № 70631-6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях” [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».

³ Историческое заседание Госдумы // Интерфакс, 5 июня 2012 г. URL: <http://www.interfax.ru/russia/249030> (дата обращения: 20.09.2019).

ского процесса последних лет. В частности, в особом мнении судьи В. Г. Ярославцева отмечается:

«Принесение на жертвенный алтарь Государственной Думы Российской Федерации конституционного права на свободу собраний в угоду сиюминутных желаний по “скоростному” принятию закона, конечно же, не красит Государственную Думу Российской Федерации, не добавляет ей авторитета, ведь по определению она должна являть собой образец соблюдения всех норм законотворческого процесса»¹.

Принятие исключительных законов обычно бывает связано со специфическим позитивистским мышлением, согласно которому любая социальная проблема может быть устранена посредством правотворчества, через принятие нового закона. Именно в силу этого нередко такие законы на самом деле могут быть оценены как излишние, поспешные или несвоевременные – устанавливающие довольно-таки жёсткие меры, не требующиеся в имеющихся условиях; создающие видимость борьбы с проблемой без возможности решения данной проблемы сугубо нормотворческим путём. В отдельных случаях принятие поспешного исключительного закона вообще не требуется, т.к. уже действующее законодательство предусматривает возможность, не принимая новых нормативно-правовых актов, реализовывать меры, требуемые в тот или иной кризисный момент.

С другой стороны, обращение к исключительному законотворчеству, наоборот, может иметь *запоздалый* характер, когда лечение застарелой социальной болезни требует уже не установления, изменения или отмены юридических норм, а конкретных фактических действий, единственно способных защитить конституционный порядок. В подобной ситуации, вызвавшей уже не к нормотворчеству, а к жёстким фактическим мерам по исполнению действующего законодательства,

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 года № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э. В. Савенко”» // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 868.

к январю 2014 года оказалась администрация президента Украины В. Ф. Януковича. Тогда, вместо решительных и согласованных действий политического руководства страны и так называемых «силовых» ведомств, в нарушение действовавших процедурных правил (без обсуждения во втором чтении¹, в отсутствие заключений со стороны профильных парламентских комитетов²) был принят пакет законов³, на реализацию положений которых у президента и правительства не хватило воли.

Безусловно, следует иметь в виду, что перечисленные признаки не представляют собой исчерпывающей характеристики описываемого явления, более того – в различных ситуациях они могут комбинироваться различными способами. Сам термин «исключительные законы» весьма условен – он призван лишь отразить тенденцию, которой в последние годы всё чаще следуют законодатели и субъекты права законодательной инициативы в различных точках земного шара: попытка ускоренного решения текущих, пусть и действительно острых, задач, стоящих перед государственным аппаратом, за счёт законотворчества;

¹ «...стая законопроектов пролетела сквозь сессионный зал Рады за считанные минуты. Мало того, что без обсуждения и второго чтения, так еще и с беспрецедентным нарушением регламентных процедур. Поскольку оппозиция блокировала президиум, трибуну и не без потасовки попыталась отнять у региональной часть карточек для голосования, первый вице-спикер, коммунист Игорь Калетник объявил волеизъявление “в ручном режиме”. Никто толком не успевал считать голоса “за”, да и необходимости не возникало: на табло то и дело загорались зеленым цветом нужные показатели: “249”, “235”...» (*Мусафурова О.* Закон о диктатуре // Новая газета. 2014. № 5. С. 9).

² Картка законопроекту «Проект Закону про внесення змін до Закону України «Про судоустрій і статус суддів» та процесуальних законів щодо додаткових заходів захисту безпеки громадян» // Верховна Рада України. Офіційний веб-портал. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=49483 (дата обращения: 20.09.2019); Картка законопроекту «Проект Закону про внесення змін до Кримінального процесуального кодексу України (щодо заочного кримінального провадження)» // Верховна Рада України. Офіційний веб-портал. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=49023 (дата обращения: 31.07.2019); Картка законопроекту «Проект Закону про внесення змін до Регламенту Верховної Ради України» (щодо особистого голосування за допомогою електронної системи) // Верховна Рада України. Офіційний веб-портал. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=44910 (дата обращения: 31.07.2019).

³ См. примечание на с. 46.

ставка на радикальные меры, императивный метод правового регулирования, ограничение отдельных прав и свобод, введение юридических запретов, возложение новых публично-правовых обязанностей и ужесточение юридической ответственности.

С недавних пор «исключительные законы» выполняют роль инструментов давления на внешнеполитических конкурентов в международных конфликтах.

Так, 3 апреля 2014 года президентом США Бараком Обамой был подписан и введён в действие Закон о разработке международных программ для Украины и соседних регионов¹, направленный на развитие и финансирование средств массовой информации, ориентированных на русско-, татаро- и украиноязычную аудитории и распространяющих антироссийскую пропаганду. Пункт а.1 данного акта гласит:

«Российское правительство преднамеренно заблокировало украинским гражданам доступ к нецензурируемым источникам информации и предоставляет им альтернативные новости и информацию, которые одновременно некорректны и носят разжигающий вражду характер»².

Закон предусматривал принятие мер, направленных на усиление антироссийской контрпропаганды, увеличение количества репортеров американских СМИ в восточной Украине и Крыму, разработку и производство специальных программ теле- и радиовещания, предназначенных для украинской и молдавской аудиторий, а также для этнических и языковых меньшинств в составе Российской Федерации. Размер бюджетных средств, выделенных США для этих целей дополнительно к уже существовавшим фондам, составил 10 млн долл. США.

2 августа 2017 года президент США Дональд Трамп подписал Акт о противодействии противникам Америки посредством санкций³,

---

¹ United States International Programming to Ukraine and Neighboring Regions Act, Pub. L. No. 113-96, 128 Stat. 1098 (2014).

² «The Russian Government has deliberately blocked the Ukrainian people's access to uncensored sources of information and has provided alternative news and information that is both inaccurate and inflammatory» (Ibid.).

³ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, Pub. L. No. 115-44, H.R. 3364 (2017).

направленный в отношении Ирана, России и КНДР и предусматривающий такие меры, как наложение ареста на имущество должностных и иных аффилированных с указанными государствами лиц, блокирование финансовых операций, отказ в предоставлении американской въездной визы и выдворение из США. Российские власти отреагировали симметрично: 4 июня 2018 года президентом Владимиром Путиным был подписан федеральный закон «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», предусматривающий возможность прекращения или приостановления международного сотрудничества Российской Федерации и российских юридических лиц с недружественными иностранными государствами и организациями, запрет или ограничение на ввоз в Российскую Федерацию продукции и сырья из недружественных государств и т.п.¹

Помимо того, что названные законы обладают всеми признаками исключительности, они ещё и имеют ярко выраженный провокационный характер, являя собой идеальные примеры использования права в качестве инструмента политической борьбы.

Отчётливо исключительный характер, связанный с глубочайшим политическим кризисом, носит и Закон Украины от 14 августа 2014 года № 1644-VII «О санкциях», предоставивший Совету национальной безопасности и обороны страны широкий спектр полномочий по ограничению деятельности субъектов хозяйственной деятельности, средств массовой информации и отдельных иностранных граждан, в том числе полномочия по «ограничению, частичному и полному прекращению транзита ресурсов, полетов и перевозок через территорию Украины» (п. 5 ч. 1 ст. 4, ч. 2 ст. 5)². Не требуется больших аналитических усилий для того, чтобы понять: реализация предусмотренных в данном законе мер существенным образом подрывает экономику самой Украины.

---

¹ О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств: федеральный закон от 4 июня 2018 года № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 23. Ст. 3394.

² Про санкції: закон України від 14 серпня 2014 року № 1644-VII // Верховна Рада України. URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1644-18> (дата обращения: 24.09.2014).

Так или иначе, практика исключительного законотворчества, в тот или иной кризисный момент способная в кратчайшие сроки противопоставить назревшей проблеме попытку решения, может грозить серьёзными рисками, которые, к сожалению, не всегда с должной ответственностью осознаются законодателями и инициаторами принятия соответствующих законов. Во-первых, такая практика в конечном счёте ведёт к разрушению изнутри законодательной процедуры, поскольку ставит законность, демократизм и иные основополагающие принципы законотворческого процесса в подчинение голый эффективности, подчас понимаемой весьма превратно. Во-вторых, в ходе исключительного законотворчества нередко ломаются давно сложившиеся и устоявшиеся традиции юридической техники, а именно – техники изложения содержания нормативно-правовых актов: так, даже беглый взгляд на упоминавшийся выше Федеральный закон от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» вызывает ассоциации, скорее, со стилистикой изложения нормативных правовых актов в США и ряде других зарубежных стран (в основном, принадлежащих к правовой семье общего права), нежели со стилем, в котором изложено большинство российских законов¹.

Главная же проблема состоит в том, что постепенно исключительное, экстренное законотворчество начинает восприниматься как

---

¹ Здесь следует указать на недостаточно абстрактный характер содержащихся в законе положений и казуальность правового регулирования, предполагающего введение определённых ограничений и запретов конкретно для граждан США, но допускающего те же действия для граждан других иностранных государств. Наиболее ярко отмеченные особенности проявляются в изложении п. 1 ст. 4 Закона: *«Запрещается передача детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, а также осуществление на территории Российской Федерации деятельности органов и организаций в целях подбора и передачи детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, желающим усыновить (удочерить) указанных детей»* (О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7597).

нормальное, а законодательство в целом приобретает чрезвычайный характер, иными словами – исключительное нормотворчество планомерно вытесняет нормотворчество обычное, ординарное, меняя тем самым и весь правовой порядок. На место прежних, сравнительно небольших штрафов в законодательство об административных правонарушениях вводятся санкции с многотысячными, а то и миллионными штрафами, превышающими размеры санкций даже по многим составам преступлений, закреплённым в Уголовном кодексе. Общедозволительный тип правового регулирования вытесняется запретительно-обязывающим. Общественные отношения, опосредуемые нормами такого законодательства, сами приобретают чрезвычайный, конфликтный элемент, даже если речь идёт об обычной нормальной деятельности субъектов. В итоге исключительный, экстренный характер законотворческой деятельности и исключительное содержание законодательных актов, вслед за которыми принимаются не менее исключительные подзаконные нормативные правовые акты и правоприменительные акты, приводят к возникновению в общественной жизни значительного напряжения, способного даже усугубить имеющееся кризисное состояние или вызвать новый кризис. Жёсткие законодательные меры, носящие спорадический, бессистемный характер, но выдвигаемые государственным аппаратом на первый план раз за разом, постоянно, обостряют общественные настроения, тем самым приближая открытые конфликты. Таким образом, вызванные кризисами, социальными и политическими противоречиями законодательные меры сами вполне могут становиться причинами кризисов.

Впрочем, дабы вышеизложенные рассуждения не выглядели односторонне, несколько слов необходимо сказать и в оправдание практики исключительного законотворчества. Как принято говорить, чрезвычайные времена требуют чрезвычайных решений, и проблема состоит уже в том, что без такого, исключительного нормотворчества и исключительного же правоприменения в современном мире обходиться становится всё труднее. Вполне уместно, между прочим, в этой связи вспомнить слова итальянского философа Джорджо Агамбена о том, что «чрезвычайное положение все более и более стремится стать доминирующей управленческой парадигмой современной политики»¹:

---

¹ Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. С. 9.

это замечание было сделано полтора десятилетия назад, и сегодня не требуется глубоких философских прозрений для того, чтобы ощутить, насколько оно оказалось верным.

В эпоху глобального кризиса антикризисные меры вынуждены воспроизводить сами себя: чем глубже кризис, чем затруднительнее положение в отдельных областях общественной жизни, чем тупиковее перспективы развития государственных институтов, тем больше поспешных экстраординарных мер применяется для сглаживания кризисных явлений, и чем больше применяется таких мер, тем серьёзнее усугубляются кризисные явления в обществе. Инструменты, имеющиеся в распоряжении современного государства (прежде всего, нормотворчество, а также правоприменение в различных, в т.ч. силовых, его формах), практически бессильны в столкновении со специфически современными проблемами и противоречиями, ведь эти инструменты, равно как и сама государственность, к которой они относятся, являются порождениями того порядка, который переживает постепенное разложение и трансформацию. Прежняя логика национального государства, логика позитивистского производства общеобязательных норм, логика государственных наставлений и централизованных мероприятий, всеобщих запретов и обязываний – это, при всех её достоинствах и сильных сторонах, логика эпохи модерна, логика индустриальной парадигмы развития. А модерн и индустриальная модель развития достигли своих пределов. Так быть может, и вправду пора говорить о грядущем конце Истории?

Избыточное регулирование

Нормотворчество (или *правотворчество*, как ещё принято писать в юридической литературе, отождествляя тем самым право с «командой суверена», государственным установлением) – это, по большому счёту, то небольшое, на что способно современное государство, столкнувшееся с вызовами кризисной эпохи. При этом всё более частое обращение правящих к принятию исключительных законодательных актов не является единственной особенностью нынешнего времени. Тесно связанным с данной проблемой, более общим по отношению к ней случаем является феномен *избыточного нормативного регулирования*.

Избыточное нормативное регулирование можно определить как особое рода правовую политику государства, при которой:

а) уполномоченными органами принимается чересчур большое количество нормативно-правовых актов, которое при следовании разумной правотворческой стратегии можно было бы значительно сократить (например, отказавшись от спорадического, хаотичного внесения изменений в одни и те же нормативные правовые акты);

б) в сферу государственного правового регулирования включаются общественные отношения, которые просто нецелесообразно регламентировать таким образом (отношения, традиционно регламентировавшиеся нормами морали, обычаев и т.д.).

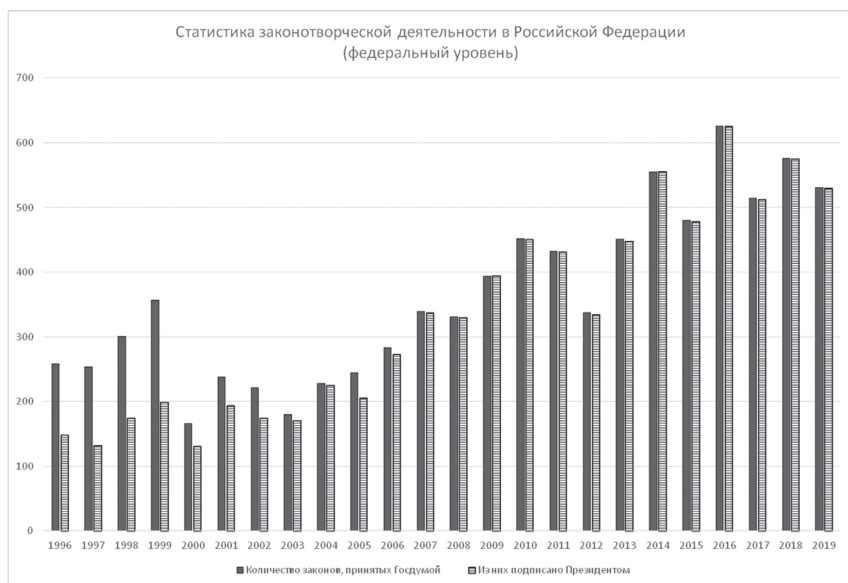
О количестве принимаемых нормативно-правовых актов не писал уже разве что только ленивый. Цифры, способные напугать обывателя и в то же время вызывающие своего рода почтенную гордость у государственных мужей, действительно примечательны. Так, если в течение работы III созыва (2000–2003 годы) высшим законодательным органом России – Государственной Думой Федерального Собрания – был принят 781 федеральный закон (т.е. в среднем в год принималось по 195 законов), то за IV созыв (2004–2007) это количество возросло до 1087 (приблизительно 272 закона в год), а в V созыве (2008–2011) увеличилось до 1608 (в среднем 402 закона в год); Госдума VI созыва (2012–2016 гг.) приняла 2200 федеральных законов (в среднем по 440 законов в год); наконец продолжающийся в настоящее время VII созыв Государственной Думы с октября 2016 года по конец 2019 года успел принять 1763 федеральных закона (в среднем примерно 540 законов в год)¹.

Примерно аналогичны статистические данные о результатах законодательной деятельности в субъектах Российской Федерации: в Республике Саха (Якутия) в 2013 году было принято 38 законов, в 2014 году – уже 143, в 2015 – 166, в 2016 году это количество выросло до 222 и лишь в 2017 году было отмечено снижение до показателей предыдущего года – 162 закона²; Думой Ставропольского края в пе-

---

¹ См.: Статистика законодательного процесса // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://www.gosduma.net/legislative/statistics/> (дата обращения: 27.02.2020).

² Статистика законотворческой деятельности Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) V созыва // Государственное Собра-

риод с 1994 по 1997 годы (I созыв) принималось от 13 до 47 законов в год, в период с 1998 по 2001 годы (II созыв) – от 34 до 69 законов в год, в 2002–2006 годах (III созыв) – от 49 до 123 законов в год, в 2007–2011 годах (IV созыв) – от 89 до 121 закона в год, в V созыве (2012–2016 годы) – от 124 до 153 законов в год, в 2017 году (VI созыв) было принято 145 законов, в 2018 году – 116¹.

В целом, несмотря на отдельные имевшие место снижения количества принимаемых законов, заметно, что это количество росло и продолжает расти в арифметической прогрессии. Ещё более впечатляющими должны быть данные о количестве подзаконных актов, ежегодно принимаемых органами государственной власти и местного самоуправления (по ним, к сожалению, достаточно трудно обобщить статистику). Одних только постановлений Правительства РФ в год при-

ние (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). URL: http://portal.iltumen.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=56&Itemid=237 (дата обращения: 27.06.2018).

¹ Статистика законодательной деятельности // Дума Ставропольского края. Официальный сайт. URL: <http://www.dumask.ru/law/zakonodatelnaya-deyatelnost/statistika-zakonodatelnoj-deyatelnosti.html> (дата обращения: 31.07.2019).

нимается более тысячи¹. Это колоссальные цифры, но, если вдуматься, они лишь маскируют решение многочисленных социальных проблем, выход из которых требует отнюдь не одного лишь нормотворчества, но и соответствующего правоприменения, а также разнообразной – и, что важно, качественной! – фактической деятельности государственных органов и организаций. Когда же депутаты и чиновники отчитываются о своей работе растущими показателями количества принимаемых нормативных актов, якобы само собой устраняющих соответствующие социальные проблемы, это является характернейшим примером юридического фетишизма. Удивительно, но даже некоторые учёные-правоведы, отмечаящие в своих исследованиях такие явления, как избыточное законодательство и агрессивность правового регулирования, в качестве основных рецептов борьбы с данными пороками современной правовой системы предлагают не что иное как... принятие новых нормативно-правовых актов, упорядочивающих деятельность правотворческих органов²!

Всё это, как представляется, следствия позитивистской логики, нормопозитивистского юридического мышления, воспринимающего право не иначе как в виде массива нормативных актов и выдвигающего в качестве едва ли не единственного способа решения социальных проблем стратегию государственной апроприации и нормативного государственного урегулирования общественных отношений, внутри которых эти проблемы проявляются. Иными словами, если государство в лице его чиновников, уполномоченных на принятие соответствующих решений, обнаруживает, что те или иные социальные отношения между субъектами могут представлять для этого государства угрозу в широком смысле этого слова, либо рассматриваются как не поддающиеся в достаточной мере контролю и прогнозированию, данные отношения

---

¹ По данным СПС «Консультант плюс».

² См., например: *Власенко Н. А.* Проблема достаточности и агрессивности правового регулирования // *Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2018. № 1 (41). С. 46 (автор предлагает принятие федерального закона о нормативных правовых актах в Российской Федерации, или «закона законов», а также разработку и принятие федерального закона «О Федеральном Собрании Российской Федерации» с целью упорядочения деятельности российского парламента).

включаются в так называемое «*правовое поле*», т.е. становятся предметом законодательного регулирования. Контроль – это вообще своего рода принцип и религия государственной корпорации; не поддающиеся контролю ставится вне закона, потому что так проще. Левиафан пытается поглотить всё, хотя его возможности далеко не безграничны.

Так мы обнаруживаем, что государство посредством нормативно-регулирующего удивительно легко вторгается во всё новые области социальных отношений, расширяя границы пресловутого «правового поля» и делая ничтожными все остальные виды социальной регуляции.

Рассмотрим несколько достаточно показательных примеров.

29 июня 2013 года президент России Владимир Путин подписал федеральный закон, криминализовавший так называемое «оскорбление религиозных чувств верующих»¹. Статья 148 Уголовного кодекса РФ, в более ранней редакции предусматривавшая ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов, пополнилась указанием на такие уголовно наказуемые деяния, как «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершённые в целях оскорбления религиозных чувств верующих». Происхождение данной законодательной новеллы очевидно: она была сформулирована как реакция государства на в общем-то безобидную акцию постмодернистской группы «Pussy Riot» в храме Христа Спасителя, проведённую в феврале 2012 года и благодаря нелепым действиям властей и раскрутке в СМИ получившую колоссальный общественный резонанс. Тогда так называемый «панк-молебен» стремящихся скандально прославиться девушек-участниц «Pussy Riot» с пением слов «Богородица, Путина прогони» и выкрикиванием претензий сомнительной связности в адрес патриарха Русской православной церкви Кирилла (Владимира Гундяева) стал поводом к острой дискуссии о близости Московской патриархии к высшим должностным лицам Российского государства, о границах допустимой свободы выражения взглядов в отношении религиозных учреждений, а также о целесообразности примене-

---

¹ О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: федеральный закон от 29 июня 2013 года № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3209.

ния уголовных санкций за деяния, подобные совершённой группой “Pussy Riot”.

Высокопоставленные чиновники из Администрации Президента РФ и Министерства внутренних дел, депутаты Госдумы и члены Совета Федерации, разрабатывавшие проект закона об уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих и голосовавшие за него, как будто бы убеждены в том, что религиозные чувства – эту достаточно эфемерную категорию – необходимо защищать от посягательств со стороны третьих лиц средствами государственного принуждения. При этом никто не ставит вопроса о том, действительно ли чьи-то религиозные чувства нуждаются в том, чтобы их защищали таким образом, и неужели данную миссию не способны взять на себя сами религиозные организации и их прихожане. Не стоит забывать, что верующие определённой конфессии – это не просто граждане государства, отличающиеся от других определёнными симпатиями и привязанностями, но целое сообщество, скрепленное едиными ценностями и нормами поведения. Православные христиане, мусульмане, иудеи, буддисты, христиане-католики и лютеране – крупнейшие религиозные конфессии в России – вполне в состоянии охранять порядок на территории соответствующих культовых учреждений и выпроваживать оттуда тех, кто не соблюдает нормы поведения в культовых и священных местах. Для всего этого совершенно нет необходимости во вмешательстве государства. Для таких же деяний, как нападение на священнослужителей и прихожан с причинением вреда их здоровью и жизни по мотивам религиозной ненависти, уничтожение и порча храмового имущества, призывы к расправе над людьми по признаку их принадлежности к той или иной конфессии и т.п., в законодательстве любой страны существует достаточно запретительных норм, предусматривающих уголовную ответственность. Убийство, причинение вреда здоровью гражданина, посягательство на права собственности, призывы к осуществлению террора, дискриминация по религиозному признаку – деяния, признающиеся правонарушениями практически любым современным законодательством.

Стоит отметить, что за свою акцию в храме Христа Спасителя участницы “Pussy Riot” были привлечены к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 213 УК РФ «Хулиганство», когда закон об оскор-

блени чувств верующих ещё не был принят. У следственных органов не возникло каких-либо проблем с юридической квалификацией «панк-молебна», и отсутствие в Уголовном кодексе отдельной статьи, описывающей действия по оскорблению чувств верующих, не стало ни поводом для отказа в возбуждении уголовного дела в отношении Надежды Толоконниковой, Марии Алёхиной и Екатерины Самуцевич, ни основанием для оправдательного приговора суда. Таким образом, введения в уголовный закон отдельного состава преступления не требовалось.

Уголовно-правовая охрана религиозных чувств граждан является более чем спорным феноменом, однако не менее проблематичным является нормотворческая деятельность государства, направленная на регулирование сексуальных отношений, отношений в семье и воспитания детей.

Здесь достаточно любопытным является закон, подписанный президентом России в один день с законом об оскорблении чувств верующих и вводящий в законодательство весьма расплывчатый термин *«нетрадиционные сексуальные отношения»*¹. *Центральным положением данного законодательного акта является введение административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, а именно – «распространение информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям»*. Хотя ни в новом законодательном акте, ни в каком-либо ином нормативном документе, являющемся частью российского законодательства, не даётся легального определения понятия «нетрадиционные сексуальные отношения», очевидно, что данное словосочетание сред-

---

¹ О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей: федеральный закон от 29 июня 2013 года № 135-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3208.

ствами формалистско-бюрократического новояза стыдливо указывает на гомосексуальные отношения. Очевидно, что у законодателя не хватило смелости назвать подразумеваемые в законе явления своими именами, ведь в противном случае было бы не избежать обвинений из-за рубежа в восстановлении сталинского законодательства, как известно, каравшего за мужеложство. При этом стоит отметить, что сама формулировка принятого закона столь неопределённая, что при желании её можно было бы направить и против гетеросексуальных пар, занимающихся сексом неким «неподобающим» или «нетрадиционным» (допустим, осуждаемым Церковью) способом: со временем толкование законодательства в этой части может измениться, и все мы с удивлением для себя окажемся в мире, в котором недопустима «пропаганда» добрачных и внебрачных половых отношений, а демонстрирование в кинематографе и произведениях искусства сексуальных сцен должно следовать определённым установленным канонам. Сейчас это может показаться фантастикой, но ведь и в самом деле шизофренически выглядит ситуация, при которой, с одной стороны, государство новыми запретительными актами пытается защитить общественную нравственность и обеспечить здоровое развитие молодежи, а с другой стороны, на принадлежащих этому же государству телеканалах с утра до вечера транслируется кинопродукция и ток-шоу, смакующие пикантные подробности адюльтеров, семейных дрязг, изнасилований и т.п. Возникает подозрение, что вовсе не заботой о семье и детстве вызвана такого рода законотворческая активность, что это лишь очередное средство контроля государственной организации над населением, инструмент биополитики¹, а ещё – ставшая уже привычной попытка бесполезной нормотворческой деятельностью замаскировать решение острых социальных проблем, среди которых действительно могут быть названы проблемы нравственности, понимания современной семьи и должного воспитания детей, проблема определения границ нормального и табуированного. Если для государств периода расцвета индустриальной парадигмы (первая половина XX века) были свойственны попытки залезть к гражданам в постель и контролировать их моральное поведение, и тогда это было обусловлено исторически

---

¹ См.: Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.

конкретными задачами форсированного развития промышленного производства, всеобщей мобилизации населения перед грядущими мировыми войнами, обеспечения высокой рождаемости для пополнения заводских цехов и солдатских казарм, то сегодня складывается ощущение, что мы имеем дело лишь с некими рудиментами той, ушедшей в прошлое политики – политики модерна, в которую уже не верят и государственные деятели, но которая в сегодняшних условиях глобального кризиса индустриальной цивилизации может использоваться в целях маскировки нерешённых социальных проблем, отвлечения внимания от более серьёзных и острых противоречий, контроля за массами и выборочного наказания отдельных неугодных лиц.

Оставляя за скобками вопрос о том, насколько допустимы и допустимы ли так называемые «нетрадиционные сексуальные отношения», можно ли и нужно ли о них говорить, насколько открытой должна быть эта тема для молодежи, необходимо признать, что современное государство (не только Российское) считает вопросы семьи, половых отношений и воспитания детей своей безусловной вотчиной. Возможность определения судьбы несовершеннолетних детей, пожалуй, интересует «государевых мужей» в наибольшей мере, и здесь невозможно не упомянуть законодательные нормы, позволяющие отбирать у родителей их детей без лишения первых родительских прав, в том числе во внесудебном порядке (статьи 73-75, 77 Семейного кодекса РФ)¹.

Примеров вторжения государственного регулирования в те сферы, которые, вероятно, вполне могли бы без него обойтись, можно найти с избытком. Так, весной 2014 года Федеральным собранием Российской Федерации был принят закон², направленный на регулирование деятельности популярных блогеров. Закон предусмотрел создание реестра Интернет-сайтов и страниц (блогов) с аудиторией, превышающей 3 тыс. пользователей в сутки, поручив ведение этого реестра Федераль-

---

¹ Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16 (ред. от 03.08.2018).

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: федеральный закон от 5 мая 2014 года № 97-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2302.

ной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и возложив ряд обязанностей и правоограничений на владельцев таких сайтов и страниц. В соответствии с законом владелец блога должен был не только соблюдать нормы действующего законодательства при опубликовании общедоступной информации, но и обеспечивать соблюдение законодательства об информации пользователями своего ресурса, т.е. третьими лицами, комментирующими сообщения в блоге. В июле 2017 года данный нормативно-правовой акт фактически утратил силу в связи с принятием нового федерального закона¹, по-новому регламентирующего те же общественные отношения. Абсурдность регулирования деятельности владельцев Интернет-блогов и проблематичность обеспечения надлежащего контроля за выполнением предъявляемых к ним требований сделались очевидными даже для российских законодателей.²

Примером необдуманного, избыточного и, очевидно, бесполезного законотворчества может служить также принятие Федерального закона от 30.12.2015 № 462-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации в части использования беспилотных воздушных судов»³, закрепившего, в частности, обязательную государственную регистрацию беспилотных летательных аппаратов с максимальной взлётной массой более 0,25 кг и, таким образом, распространяющего свое действие даже на игрушечные вертолеты и квадрокоптеры. Такие законодательные акты перегружают не только нормативную систему, но и органы исполнительной власти, возлагая на последних излишнюю, бесполезную, но значительную по своему объему работу. Как нередко случается при необдуманной и поспешной законотворческой работе, принятый закон так и не стал работающим,

---

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федеральный закон от 29 июля 2017 года № 276-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4825.

² О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 3 июля 2016 года № 291-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть I). Ст. 4224.

³ О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации в части использования беспилотных воздушных судов: федеральный закон от 30 декабря 2015 года № 462-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 82.

и уже через полгода был принят ещё один федеральный закон, освободивший от государственной регистрации беспилотники весом до 30 кг. Разум с запозданием, но восторжествовал. Бюджетные средства, затраченные на принятие и доведение до соответствующих адресатов фактически отмененного федерального закона, растворились в воздухе, словно пар.

Если и закон о распространении блогерами общедоступной информации, и закон об использовании беспилотных летательных аппаратов были направлены на регулирование сфер социальной жизни, в отношении которых в верхах государственного аппарата ещё не сложилось внятного представления, как их можно контролировать, то другой закон, принятый летом 2013 года, затрагивает более осязаемую, а главное доходную, область общественных отношений – профессиональный спорт. Законом № 198-ФЗ от 23 июля 2013 года в законодательство было введено понятие *«противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований»*¹. Данный законодательный акт дополнил Уголовный кодекс и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях соответствующими составами правонарушений и в очередной раз подтвердил, что большой спорт по-прежнему выступает для государства значимым пропагандистским и мобилизующим инструментом и не относится к сферам, в которых признаётся достаточным саморегулирование со стороны соответствующих институтов гражданского общества. Государство намерено сохранять свою монополию и преобладающее влияние в области, в которой циркулируют фантастических размеров денежные средства болельщиков и рекламодателей, а потому оно считает необходимым устанавливать здесь собственные правила и вводить запреты. Стоит заметить, что российское законодательство, запрещающее оказание противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований, всего лишь движется в направлении, заданном

---

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований: федеральный закон от 23 июля 2013 года № 198-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 30 (часть I). Ст. 4031.

законодательствами «развитых стран Запада»¹, даже несколько отставая² от них. Это доказывает, что проблема избыточного правового регулирования является не столько следствием авторитарного характера государственного режима, сложившегося в последние десятилетия в России, или недостаточной компетентности российских управленцев, пытающихся бороться со специфически современными вызовами запретительно-ограничительными мерами, сколько проявлением более широкой и общей тенденции, охватившей весь мир и, действительно, в наиболее ярких формах проявляющейся в странах с менее развитыми гражданскими институтами.

Вторжение государством в те сферы общественных отношений, которые ранее не регулировались и, пожалуй, не должны регулироваться позитивно-правовыми нормами, ведёт к утрате правом своей гибкости. Установившийся же юридический монизм становится мной замедленного действия под зданием существующего правопорядка. Вполне справедливым, пожалуй, в этой связи является замечание итальянского историка права Паоло Проуди:

«...в тот момент, когда позитивное право начинает полностью регулировать социальную жизнь, проникая во все аспекты жизни человека, которые до сих пор основывались на разноплановых нормах, общество костенеет и начинает саморазрушаться, потому что лишается возможности дышать, необходимой для его выживания»³.

---

¹ См.: *Masters A. Corruption in sport: From the playing field to the field of policy // Policy and Society. 2015. Vol. 34. No. 2. P. 111-123; Match-fixing in sport: A mapping of criminal law provisions in EU 27 // Brussels: KEA European Affairs, 2012. URL: http://ec.europa.eu/assets/eac/sport/library/studies/study-sports-fraud-final-version_en.pdf (дата обращения: 20.09.2019).*

² См. показательную оценку данного закона как давно назревшего и направленного на приведение государственного регулирования в этой области к европейским и общемировым стандартам: *Yurlov S. Russia's attempts to tackle unlawful influence over sport results // The Sports Integrity Initiative. 4Th December 2015. URL: <https://www.sportsintegrityinitiative.com/russias-attempts-to-tackle-unlawful-influence-over-sport-results/> (дата обращения: 20.09.2019).*

³ *Проуди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 10.*

Если взглянуть на приведённые выше примеры, коими, разумеется, избыточное правотворчество не исчерпывается, становится ясным, что общество уже давно перестало «дышать», т.е. жить свободно от государственного регулирования и вездесущего контроля, нелепых запретов и обременительных обязываний со стороны многочисленных «компетентных» органов. То, что по привычке именуется термином «гражданское общество» и, в соответствии с традиционным пониманием¹ представляет собой сферу общественных взаимоотношений, независимых от государства, уже давно и настолько сильно опутано разнообразными публично-правовыми ограничениями и императивными предписаниями, что говорить об этом как о «гражданском обществе» всерьёз становится всё менее возможным. При этом феномен, который в России в среде оппозиционно настроенных граждан получил удачное и ёмкое наименование – «*взбесившийся принтер*» (по отношению к Государственной Думе), на деле не является каким-то локальным, специфически российским явлением, а в большей или меньшей степени характеризует состояние дел во всём мире. Не только законодательные, но и исполнительные органы государственной власти в России, Франции, США, Израиле, в других странах превратились во «взбесившиеся принтеры», которые ежедневно штампуют десятки нормативных актов без понимания их предназначения, взаимосвязи друг с другом и, банально, необходимости! При этом никто по отдельности не сошёл с ума, просто сложившаяся система или модель общественной организации не предусматривает иных сценариев. То есть сошла с ума система, а бюрократии ничего другого не остаётся, как печатать и печатать новые законы, указы и постановления снова и снова, снова и снова. Причина в том, что на возникающие социальные вызовы требуется давать ответы, предлагать решения, пытаться разрешать возникающие конфликты и снимать нарастающие противоречия: для этого необходимы определённые инструменты, но *de facto* в наличии имеется только один серьёзный инструмент – это позитивное право, в результате успешного развития государства сделавшееся вездесущим и

---

¹ См., например: Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М.: Инфра-М, 2000. С. 132; *Scruton R. The Palgrave Macmillian Dictionary of Political Thought / 3rd edition. Basingstoke: Palgrave Macmillian, 2007. P. 100;*

автореферентным, превратившееся в буквальном смысле в сознание и *raison d'être* чиновничества, которое, в свою очередь, вследствие определённых объективных причин, в процессе утверждения институтов, которые мы привыкли относить к институтам эпохи модерна, опутало собой, поставило под свой контроль все сколь-либо значимые области общественной жизни.

Ещё раз обратимся к словам П. Проди, поскольку в них выражена вся суть описываемой проблемы:

«Автореферентность создала иллюзию, что любая проблема или любой конфликт может быть решен при помощи позитивного права»¹.

Иллюзия, в которую охотно верит бюрократия, на деле дополняется безальтернативностью обращения к позитивному праву, т.к. иные средства социальной регуляции сделались крайне маргинальными, а там, где они действительно способны хотя бы частично заменить систему позитивного права с соответствующей ей системой юрисдикционных органов, они рассматриваются госаппаратом в качестве враждебных себе (и зачастую действительно являются таковыми).

Во всём этом кроется ужасный смысл. *Во-первых*, право перестаёт быть живой коммуникативной средой, позитивно-правовые нормы окончательно утрачивают связь с онтоисторическим базисом правовой системы, в рамках которой они действуют. То, что вызревало уже в эпоху модерна, сегодня встаёт зримо и в полный рост: если ещё в XX веке структуры, составляющие онтоисторические базисы правовых систем, использовались в качестве искаженных идеологических симулякров в руках обретавших тоталитарные черты государств, стремившихся заполнить собой всё и на деле добивавшихся этого, монополизировавших нормотворческие полномочия и лишивших обычай какой-либо реальной силы, то XXI век дожёвывает остатки. Уже не остаётся места даже для идеологической, подменяющей реальные понятия и ценности, симуляции связи производимых государством правовых норм с бытом и духом народа. Остаётся одна лишь пародия. Право превращается в абсолютно искусственный, нежизнеспособный

---

¹ Проди П. Указ. соч. С. 12.

конструкт – голем, поддерживаемый заклинаниями государственного аппарата, зиждящийся почти на одном лишь государственном принуждении. Юриспруденция оказывается пустой, бездушной техникой, а юридическая норма – всего лишь властной указкой, инструкцией. Этот голем чрезвычайно хрупок. Пока ещё он опирается на авторитет и силу государства, но он рассыплется в прах, когда государству станет недоставать силы и авторитета: тогда зарегулированность общественной жизни сменится беспрецедентной по своим размахам аномией, и сквозь повсеместный государственный контроль прорвутся людская вседозволенность и беззаконие.

Во-вторых, избыточное позитивно-правовое регулирование и вездесущий государственный контроль не оставляют места для каких-либо иных, находящихся за рамками функционирования госаппарата, систем регуляции. Право современного государства в ряде случаев напрямую подменяет собой мораль и этику¹. Вопросы, связанные с воспитанием детей в семье, сексуальных отношений, участия в спортивных соревнованиях, внутренней жизни общины верующих и её отношений с окружающим миром, наконец, вопрос о том, какое поведение считать моральным, а какое аморальным, недостойным, во многих странах к настоящему времени получили законодательную регламентацию – таким образом, теперь это уже не вопросы морали, этики и т.д. От граждан в соответствующих ситуациях теперь требуется поступать не по собственным убеждениям, но в строгих рамках закона (как вариант – в рамках предписаний, содержащихся в подзаконном акте). Мораль сделалась беспомощной служанкой позитивного права, а её нормы либо имплементированы в законодательство, либо почти ничтожны. За рамками колосса государственного законодательства – пустота.

Третий момент, требующий к себе внимания. Не стоит забывать, что избыточное позитивно-правовое регулирование, вторгающееся в самые разнообразные и, казалось бы, далёкие от государственных

---

¹ Более того, время от времени раздаются голоса, настаивающие на ещё более глубоком вторжении права в сферу морали и этики. Так, например, один уважаемый учёный считает целесообразным поставить вопрос об официальной систематизации норм нравственности, предлагая озаглавить результат такой систематизации как «Свод моральных установлений» (См.: *Баранов В.М.* Коллизийные проблемы нравственного измерения современного российского законодательства: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 67).

интересов сферы общественной жизни, позволяет не только государству решать свои краткосрочные ситуативные задачи, поддерживая контроль над обществом и низводя рядового субъекта до статуса ничтожества, шестерёнки в огромном бессмысленном механизме. Избыточное регулирование способно также приводить к разрыву нормальных социальных связей, когда граждане вынуждены (и приучены) использовать позитивно-правовые нормы и обращаться к государственным органам для решения вопросов, которые в большинстве случаев вообще не нуждаются в официальном правоприменении и вполне могли бы быть разрешены гражданами самостоятельно. П. Проди, например, предлагает вспомнить «о многочисленных исках, которые подавались в США для получения опеки над несовершеннолетними детьми или инвалидами и против родителей, которые произвели их на свет без должных мер предосторожностей»¹. В этом же ряду стоит и судебный иск восемнадцатилетней девушки из Австрии, обращённый к её родителям и содержавший требование удалить из социальных сетей в Интернете её детские фотографии². Абсурд усиливается, нормальные социальные связи между людьми рвутся. Автореферентность и всепоглощающий характер системы позитивного права внушают гражданам необходимость по любому поводу искать защиты своих интересов в талмудических нагромождениях норм законодательных и подзаконных актов. Иные системы социальной регуляции, такие как, например, обычай, имеют в этих условиях крайне маргинальный характер и в реальности практически бессильны.

И ещё один важный момент. Избыточность регулирования вкупе с автореферентностью системы позитивного права ведут к инфляции правовых норм и ценностей. Ничто так не подрывает авторитет позитивного права и стоящей за ним государственной власти, как правовые новации институтов этой самой государственной власти. С одной стороны, вездесущность позитивно-правового регулирования постепенно вызывает раздражение в недрах общества. С другой стороны, растущий правовой релятивизм заставляет граждан относиться к закону как

---

¹ Проди П. Указ. соч. С. 506.

² Woman sues parents for sharing embarrassing childhood photos // TheLocal.At. URL: <https://www.thelocal.at/20160914/woman-sues-parents-for-sharing-embarrassing-childhood-photos-on-facebook> (дата обращения: 20.09.2019).

к дышлу или флюгеру, к судам – как к послушным исполнителям «телефонного права», к государству в целом – как к большой криминальной корпорации. Наконец, с третьей стороны, неудачи в разрешении социальных проблем с неизбежностью должны осознаваться массами как неудачи государственной машины и, в том числе, как бессилие позитивного права. Иными словами, государство путём нормотворчества само себя загоняет в тупик, поскольку сегодня, допустим, закон воспринимается как безусловный императив, он овеван определённым моральным авторитетом, проистекающим, прежде всего, из связи с государственным принуждением, но завтра он утратит ценность в глазах граждан, он будет восприниматься как зло, как бессмыслица, как помеха, и над ним (а вместе с ним – над государственными органами) будут потешаться.

Резюмируя сложившуюся в современных государствах ситуацию (в первую очередь – в России, поскольку приведённые примеры касались преимущественно её), можно, пожалуй, прийти к такой метафоре: позитивное право государства всё больше напоминает огромный пузырь из жевательной резинки; соответствующие государственные нормотворческие органы старательно надувают его, и самим этим органам этот пузырь кажется всё более и более внушительным, всё более впечатляющим; в нём даже есть определённая красота, ведь большой размер и широта охвата тоже обладают определённой убедительностью и привлекательностью; проблема лишь в том, что пузырь этот с неизбежностью должен однажды лопнуть. О том, что, рассуждая о современном праве, мы имеем дело именно с пузырьрём, а не с некоей общественной ценностью, наглядно свидетельствует то, во что в реальности оборачивается применение положений этого права соответствующими компетентными органами и должностными лицами.

4.2. ЮРИДИЧЕСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ И ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Если в условиях глобального кризиса изменениям подвергаются нормотворческие практики, то в ещё большей степени специфически современные проблемы и вызовы, встающие перед государствами, трансформируют правоприменительную деятельность, состоящую в

принятии государственными органами индивидуально-определённых предписаний в отношении отдельных ситуаций и конкретных адресатов.

Официальное государственное правоприменение в кризисный период в не меньшей степени, чем нормотворчество, характеризуется авральным характером, конфликтным потенциалом, пренебрежением формальными правилами, либо сведением законной процедуры к чистой формальности. Фоном правоприменения кризисного периода так же являются в целом неблагоприятные социальные и политические условия, а принимаемые государственными органами правоприменительные акты в значительной степени зависимы от текущей конъюнктуры, нередко издаются с оглядкой на царящие в обществе настроения, а ещё чаще – определяются сиюминутными узконаправленными интересами отдельных слоёв бюрократии и близкого к ней бизнеса, либо сиюминутными интересами правящего класса в целом. Справедливость, законность, демократизм – принципы, имеющие мало общего с особенностями государственного правоприменения в период нынешнего глобального кризиса. Релятивизм и чрезвычайщина – вот подлинные максимы официального применения норм права в переживаемую нами историческую эпоху.

Релятивизм в праве: case studies

Юридический релятивизм – назовём так это явление – с точки зрения теории права может быть описан как положение, при котором заложенное в юридической норме правило поведения перестаёт быть поистине всеобщим и, в силу определённых, субъективных по преимуществу причин, различным образом (не предусмотренным в самой норме, но определяемым текущей конъюнктурой) действует в отношении различных субъектов. Говоря проще, это ситуация, когда вы не можете сказать с достаточной уверенностью, будет ли результат рассмотрения вашего юридического дела правоприменительным органом или должностным лицом аналогичен решению по схожему делу другого гражданина (организации). Либо это ситуация, когда вы совершенно не способны предсказать исход вашего дела, потому что знаете, что в каждой конкретной ситуации он может быть различным в зависимости

не от конкретных обстоятельств дела, а от персоналий участвующих в нём сторон.

Сразу оговоримся, что, конечно же, в первую очередь и в наиболее наглядной, неприкрытой форме вышеназванные характеристики правоприменения проявляются в странах наименее благополучных, с неразвитыми институтами гражданского общества, с несформированными традициями контроля общества за решениями и действиями государственных органов и должностных лиц. Однако, пусть и в латентной форме, менее отчётливо, они проявляются в правоприменительной практике относительно благополучных, высокоразвитых государств, в первую очередь – Соединённых Штатов Америки, которые, пожалуй, вполне могут считаться если не родиной чрезвычайного правоприменения, то уж во всяком случае его центром.

Однако, начнем с юридического релятивизма. В современной российской правоприменительной практике мы можем найти немало интересных примеров странных, с точки зрения общечеловеческих представлений о праве и справедливости, решений и процессуальных действий, являющихся неплохими иллюстрациями для понимания сути обозначенного нами феномена. Мы далеки от намерения составлять исчерпывающий каталог соответствующих правоприменительных актов (это потребовало бы достаточно глубокого погружения в отдельное исследование, и мы надеемся, что кто-то однажды пойдёт по этому пути), однако вполне посильной задачей в контексте рассматриваемых здесь вопросов является демонстрация нескольких, возможно, не самых ярких и значимых, но, тем не менее, достаточно показательных кейсов.

Один такой пример из российской правоприменительной практики последних лет – длительная тяжба по делу самбиста и бойца смешанных единоборств Расула Мирзаева.

13 августа 2011 года у столичного ночного клуба в ходе словесной перепалки Мирзаев нанёс девятнадцатилетнему студенту Ивану Агафонову короткий резкий удар в скулу. При падении Агафонов ударился головой об асфальт, потерял сознание, очнулся, был доставлен в больницу, а вскоре после осмотра врачом и диагностирования ему отёка головного мозга с последующим отёком лёгких впал в кому и, уже не приходя в сознание, умер. Вскоре Мирзаев был задержан право-

охранительными органами и обвинён в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть человека.

Дело Мирзаева любопытно тем, что в нём чехарда с предъявлением и переквалификацией обвинений, назначением и переменной меры пресечения для обвиняемого¹ были связаны не столько со сложностью фактических обстоятельств произошедшего (инцидент у ночного клуба напоминает средней сложности типовую задачу по уголовному праву, какие обычно задают студентам российских юридических вузов и факультетов), сколько с аномальным общественным резонансом, сопровождавшим всё предварительное расследование и весь судебный процесс. Как ни печально, в деле Мирзаева причиной как этого общественного резонанса, так и неуверенности следственных органов в принимаемых решениях, являлась не уникальность факта, не сложность фактических обстоятельств, но этническая принадлежность обвиняемого и потерпевшего (дагестанец аварского происхождения и русский, соответственно), т.е. персоналии основных фигурантов дела. Таким образом, ключевой проблемой юридической квалификации произошедшего инцидента были раздававшиеся с разных сторон шовинистические причитания о безнаказанности «кавказцев» и несправедливости этнических русских на своей же земле, обвинения уроженца Дагестана в развязном угрожающем поведении и попытках (нигде не зафиксированных) «купить» следователей, а также подобный информационный фон, несомненно оказывавший давление на компетентные органы.

---

¹ Для справки: 19.08.2011 – подозреваемый задержан, предъявлено обвинение в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего; 24.08.2011 – судом избрана мера пресечения для обвиняемого в виде заключения под стражу; 12.01.2012 – переквалификация обвинения на менее тяжкое, причинение смерти по неосторожности; 13.02.2012 – освобождение Р. Мирзаева из-под стражи под минимально предусмотренный законодательством залог; 14.02.2012 – отмена решения об освобождении обвиняемого под залог, возвращение уголовного дела прокурору; 16.02.2012 – повторное предъявление Мирзаеву обвинения в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть человека; 08.08.2012 – очередная переквалификация обвинения на менее тяжкое (причинение смерти по неосторожности); 27.11.2012 – вынесение приговора суда в виде двух лет ограничения свободы за причинение смерти по неосторожности и освобождение из-под стражи Р. Мирзаева, отбывшего весь назначенный ему срок в следственном изоляторе (Дело Расула Мирзаева // Российская газета. RG.RU. URL: <https://rg.ru/sujet/4474/>).

Призрак войны всех против всех в очередной раз стал обретать плоть, наглядно продемонстрировав, что представляет собой сегодняшнее общество – «совокупность разорванных социальных сред», гетерогенный комплекс недружественных друг другу групп, как уже отмечалось в § 2.2.

К счастью, несмотря на все сложности и перипетии, государственному обвинению и судебным органам, рассматривавшим дело Расула Мирзаева по существу и в порядке кассации, удалось прийти к законным и обоснованным решениям, однако сопровождавшие весь ход следствия и судебного процесса перекалфикации обвинений, иногда – буквально на следующий день после протестных митингов недовольной общественности, дают представление о том, что в ряде случаев судебные и следственные органы отнюдь не свободны от настроений масс, и если исход дела безразличен для самих правящих кругов, правосудие может встать на сторону тех, кто громче заявляет о себе, даже будучи неправым по сути¹.

Персоналии фигурантов юридического дела могут оказаться важнее объективной правовой оценки их действий, и особенно рельефно данная проблема проявляется там, где в фокусе оказываются лица, наделённые властью. Известнейший пример подобного рода – дело о мошенничестве в ОАО «Оборонсервис» с участием высокопоставленных фигурантов и странной позицией следственных органов по вопросу о необходимых мерах пресечения для обвиняемых.

Созданный в 2009 году в соответствии с указом президента России² и предназначенный для освобождения Вооружённых Сил РФ от управления «непрофильными» для них активами (в действительности непосредственно связанными с нуждами армии), холдинг «Оборонсервис»,

---

¹ Нельзя не заметить, насколько сильно дело Мирзаева перекликается со взбудоражившим США делом патрульного волонтера Джорджа Циммермана (George Zimmerman), застрелившего чернокожего подростка Трейвона Мартина (Trayvon Martin). Оправдательный вердикт по делу Циммермана, вынесенный судом присяжных 13 июля 2013 года, расколол американское общество, а многотысячные протесты против оправдания подсудимого едва не вызвали отмену законного решения суда. Безусловно, факт отмены вердикта жюри присяжных был бы беспрецедентным для американского правосудия.

² Об открытом акционерном обществе «Оборонсервис»: указ Президента РФ от 15.09.2008 № 1359 // СЗ РФ. 2008. № 38. Ст. 4273.

объединяя сразу несколько акционерных компаний с соответствующими названиями («Авиаремонт», «Ремвооружение», «Оборонстрой», «Оборонэнерго», «Военторг» и т.д.), сделался удобным институционально-правовым механизмом расхищения государственной собственности¹. При создании наделённый имуществом, стоимостью свыше 10,5 млрд руб. (в сумму не входят уставные капиталы компаний, входящих в холдинг), «Оборонсервис» должен был стать удобным средством обогащения высших должностных лиц государства и тесно связанных с ними корпоративных элементов, выступающих в качестве контрагентов в рамках заключаемых холдингом гражданско-правовых сделок. В действительности, примерно так и получилось, с той лишь разницей, что люди, занимавшиеся распродажей имущества Минобороны за бесценок, судя по всему, не всегда должным образом отчитывались о своих решениях и действиях перед вышестоящим руководством, выстраивая собственные схемы растраты государственных средств и зарабатывая деньги только для самих себя.

Возможно, мы никогда не узнаем, что в конечном счёте стало принципиальным поводом к началу расследования хищений в «Оборонсервисе» – бесконтрольные траты отдельных должностных лиц, нежелание делиться с другими или же не вполне примерное поведение наиболее высокопоставленного фигуранта, министра обороны Анатолия Сердюкова, по отношению к своей супруге². Так или иначе, но в октябре-ноябре 2012 года следователи провели ряд обысков в структурах холдинга и возбудили уголовные дела по фактам хищения и растраты имущества на сумму более 3 млрд руб. (впоследствии оце-

---

¹ Учредителем ОАО «Оборонсервис» выступала Российская Федерация, от имени которой права учредителя, акционера, а также полномочия общего собрания акционеров осуществляло Министерство обороны РФ. См.: Устав открытого акционерного общества «Оборонсервис». М., 2009 // Интерфакс. Сервер раскрытия информации. URL: www.e-disclosure.ru/portal/FileLoad.aspx?Fileid=338308 (дата обращения: 20.09.2019).

² Известно, что на момент начала обысков в «Оборонсервисе» министр Сердюков состоял в браке с дочерью Виктора Зубкова, влиятельного высокопоставленного чиновника, в разное время занимавшего должности председателя правительства, первого вице-преьера, постоянного члена Совета безопасности РФ, руководителя Федеральной службы по финансовому мониторингу и считавшегося давним соратником президента Путина.

ниваемый следователями размер причинённого государству ущерба был пересмотрен в сторону увеличения). Аресту подверглись несколько руководителей фирм, подведомственных Министерству обороны, а также фирм, выступавших контрагентами «Оборонсервиса» и производивших оценку его активов. Уголовные дела были возбуждены также в отношении главы департамента имущественных отношений Министерства обороны Евгении Васильевой и временно исполняющего обязанности начальника хозяйственного управления Минобороны Николая Рябых. Чудесным образом обвинений в хищениях избежал сам руководитель оборонного ведомства Анатолий Сердюков, а его предполагаемая любовница, Евгения Васильева, за нанесённый государству ущерб в размере 674 млн. руб. отделалась небольшим сроком лишения свободы, из которого фактически отбыла не более четырёх месяцев, освободившись условно-досрочно. Столь мягкий приговор человеку, замешанному в крупных хищениях, в обществе был расшифрован соответствующим образом: воровать по-крупному и оставаться практически безнаказанным в России можно при наличии соответствующих связей и высокого должностного положения, Система чётко отделяет своих от чужих¹.

Сам министр Сердюков, ставший, по версии следствия жертвой обмана своих подчиненных (!), лишившись министерского портфеля, вскоре получил назначение на пост генерального директора Федерального исследовательского испытательного центра машиностроения, входящего в структуру государственной корпорации «Ростехнологии», затем был назначен на пост индустриального директора по авиационному кластеру госкорпорации «Ростех», вошёл в состав совета директоров входящего в структуру «Ростеха» холдинга «Вертолеты России», а в 2017 году был избран председателем совета директоров входящего в указанный холдинг ПАО «Роствертол» и членом Объединенной авиастроительной корпорации. Иными словами, карьера министра, якобы «проворонившего» прямо у себя под носом миллиардные хищения государственных средств, нисколько не пострадала

---

¹ Российский президент В. В. Путин как-то признал, что живёт по принципу «Своим всё, чужим – по закону» (см.: <https://www.interfax.ru/business/214380>). В этой связи, пожалуй, удивляться двойным стандартам в осуществлении правосудия нечего.

от громких уголовных дел в отношении его подчиненных; чиновник даже остался в руководстве той же отрасли, в которой успел себя скомпрометировать.

Описанный случай подталкивает к определённым выводам относительно государства, в котором этот случай имел место, а также относительно правовой системы, в рамках которой он получил соответствующую официальную оценку компетентных органов. Во-первых, очевидно, что данная история является очередным подтверждением корпоративного характера современного российского государства, наглядно демонстрируя, что соображения извлечения доходов в пользу узкой прослойки высокопоставленных должностных лиц и приближённых к ним являются одним из основных движущих императивов государственной политики. Во-вторых, ясно, что правовая система, формально основывающаяся на принципе равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ), на деле никакого равенства и правовой определённости в статусе субъектов не обеспечивает.

Высокопоставленные чиновники, непосредственно и опосредованно участвующие в установлении позитивных правил, детально регламентирующих общественную жизнь, позволяют себе применять эти самые правила так, как им выгодно в тот или иной момент. Поскольку государство, кроме позитивного права, не опирается ни на какую другую ценностно-нормативную систему, оно само в соответствующих условиях определяет, как следует применять и толковать установленные им же нормы. Порой субъекты законотворчества даже заранее оставляют в правовой материи зазоры, через которые впоследствии им или приближённым к ним лицам будет удобно уходить от ответственности за деяния, очевидным образом имеющие признаки преступлений. Так, 7 марта 2011 года президентом России Дмитрием Медведевым был подписан закон¹, исключивший из шестидесяти восьми составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом, нижние пределы санкций в виде лишения свободы, а из ста пятнадцати составов – нижние пределы санкций в виде исправительных работ и ареста. Проект данного закона был внесён в Государственную Думу самим президентом, и, согласно справке Государственно-правового

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 11. Ст. 1495.

управления Администрации Президента РФ, имел своей целью либерализацию уголовного законодательства. Как указано в справке, *«тем самым суду предоставляется возможность проявлять более дифференцированный подход при назначении наказания за преступления указанных категорий»*¹. В действительности, насколько можно судить, была осуществлена либерализация уголовных наказаний, рассчитанная не для всех (иначе были бы снижены и верхние пределы санкций, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ), а лишь для «своих» и приближённых к «своим». Юридический релятивизм в форме неравноценных наказаний за равноценные деяния различных субъектов был в прямом смысле слова возведён в закон.

В истории с наказанием Евгении Васильевой пренебрежение принципом правового равенства сделалось настолько заметным и вопиющим, что высказаться по данной проблеме пришлось даже российскому омбудсмену. Заявление уполномоченного по правам человека Эллы Памфиловой по поводу условно-досрочного освобождения (УДО) Евгении Васильевой из-под стражи настолько примечательно и красноречиво, что мы считаем необходимым привести обширный фрагмент из него:

«...в конце 2014 года поступила жалоба осужденного Тарасова из Пермского края, которому суд отказал в УДО, несмотря на его положительную характеристику, наличие поощрений, добросовестного отношения к труду и возмещение ущерба.

Но у суда Пермского края, несмотря на все это, не сложилось убеждение, что осужденный Тарасов В.Н. твердо встал на путь исправления и не представляет общественной опасности. По мнению судьи, цели наказания в виде лишения свободы – восстановление социальной справедливости, исправление, предупреждение совершения новых преступлений

---

¹ В Госдуму внесён проект федерального закона о внесении изменений в Уголовный кодекс // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/9646> (дата обращения: 03.03.2020); Законопроект № 463704-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/463704-5> (дата обращения: 03.03.2020).

в отношении Тарасова не были достигнуты. Подобных обращений огромное количество.

Означает ли это, что в случае с Васильевой достигнута цель уголовного наказания – восстановление социальной справедливости?

Подчас Уполномоченному приходится прилагать неимоверные усилия, чтобы по УДО освободили даже тяжелобольных заключенных. Есть вопиющие факты бесчеловечности, когда осужденные умирали в заключении, так и не дождавшись положенного им условно-досрочного освобождения.

Опыт работы по данному направлению позволяет сделать вывод о бездушности, неповоротливости, забюрократизированности, избирательности и наличии определенной коррупционной составляющей при осуществлении процедуры УДО. Нередко она тянется месяцами.

Тем более поражает, с какой скоростью и оперативностью была освобождена госпожа Васильева. Судя по публикациям СМИ, ее этапировали в места лишения свободы до вступления в законную силу приговора суда, что само по себе является нарушением.

Получаем мы также жалобы, к которым прикладываются письменные характеристики администрации исправительных учреждений, среди которых встречаются такие: *«ввиду того, что осужденный содержится в данном учреждении менее одного года, дать ему подробную характеристику не представляется возможным».*

Но эти правила – для простых смертных, а вот госпожу Васильеву «охарактеризовали» молниеносно, сделав вывод о том, что она достойна освобождения.

Не имея ничего против самой госпожи Васильевой, которая добросовестно отыграла роль «стрелочницы», вместе с тем не могу согласиться, что вся процедура была осуществлена юридически безупречно. Но даже если бы это на самом деле было так, за «безупречной» юридической казуистикой невозможно спрятать моральные издержки и правовую нечистоплотность.

Разделение следствия и судопроизводства на два уровня – «элитное» и «для всего остального народа» – бьет по авторитету судебно-правоохранительной системы и подрывает у граждан страны веру в справедливость.

Наиболее выпукло и показательно это проявилось в так называемом деле «Оборонсервиса», по которому до сих пор у широкой общественности осталось больше вопросов, чем ответов. Не поднимает боевой дух офицеров Российской Армии и то, что господин Сердюков, оставшись в тени женщины, ушел от ответственности за те неприглядные факты, что выявились в процессе следствия и нанесли Вооруженным Силам России огромный моральный ущерб.

В связи с вышеизложенным, в самое ближайшее время намерена обратиться к Президенту Российской Федерации с предложением поручить Совету Безопасности страны в рамках его полномочий тщательно проанализировать действия всех должностных лиц и инстанций, принимавших решения по делу «Оборонсервиса», в результате которых высокопоставленным правонарушителям удалось уйти от ответственности¹.

Как мы знаем, никаких перемен в итоге не произошло. Громкое заявление госпожи Памфиловой слегка спустило накопившийся пар, но не повлекло ни изменения ранее принятых правоприменительных решений, ни организационных выводов на будущее. Отсылки к морали и вовсе кажутся неуместными и страдающими излишним романтизмом в условиях, когда монолит государственного законодательства подмял под себя практически всю систему социальной регуляции, сделавшись, по сути, единственным реально экзистирующим критерием оценки себя самого. То, что легально, то справедливо, а что формально соответствует букве закона, то легально – простая как дважды два

---

¹ Начало истории «Оборонсервиса» постыдно, окончание – шокирующе // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. 25 августа 2015 года. URL: http://ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/nachalo_acirclaquoistorii_acirclaquooboronservisaacircraq_uo_postyдно_okonchanie_acirc_shokirujushhe (дата обращения: 03.03.2020).

схема, позволяющая натянуть понятие правомерности практически на всё, что угодно, если это соответствует интересам правоприменителей и официальных правоинтерпретаторов, т.е., в конечном счёте, хозяев государственной машины принуждения и приближённых к ним владельцев капитала.

Отдельные случаи, впрочем, демонстрируют, что обладание дорогостоящим имуществом отнюдь не является гарантией, спасающей гражданина от властного произвола, тем более – делающей его привилегированным субъектом. Особенность нынешнего времени состоит в том, что права собственности совершенно эфемерны, в любой момент могут быть оспорены, а при определённых обстоятельствах могут стать не источником благ, а тяжелейшим бременем для их носителей.

В ряду таких историй – нашумевшая история разрушения нефтяной империи Михаила Ходорковского (которую, на наш взгляд, пересказывать на страницах данной книге совершенно излишне) и случай банкира Матвея Урина.

Неприятности Матвея Урина, преуспевающего банкира, владельца банков «Монетный дом», «Уралфинпромбанк», «Славянский банк», «Донской инвестиционный банк» и «Традо-банк», начались 14 ноября 2010 года, после дорожного конфликта с гражданином Нидерландов Йорритом Фаасеном. Не уступивший дорогу кортежу М. Урина, господин Фаасен был остановлен, а затем избит охранниками предпринимателя, в его BMW были выбиты стекла. Уже через несколько часов Урин и сопровождавшие его были задержаны сотрудниками Федеральной службы охраны – ведомства, осуществляющего персональную охрану президента страны и членов его семьи. Операцией по задержанию хулиганов руководил лично начальник Главного управления МВД Москвы Владимир Колокольцев (позднее – министр внутренних дел России). Голландец оказался членом совета директоров одной российской аудиторской компании и, согласно данным журналистских расследований, мужем старшей дочери Владимира Путина, на тот момент занимавшего пост председателя Правительства Российской Федерации¹.

---

¹ См.: Опасный голландец // Lenta.Ru. 17 января 2011 года. URL: <https://lenta.ru/articles/2011/01/17/urin/> (дата обращения: 31.07.2019); Канев С. Первая дочь страны // The New Times. № 3 (394) от 30 января 2016 года. URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/107214> (дата обращения: 20.09.2019).

В отношении Матвея Урина и его охранников было возбуждено уголовное дело по статье 213 УК РФ («Хулиганство»). Вскоре, буквально в течение месяца, Центральный Банк Российской Федерации аннулировал лицензии у всех пяти связанных с Уриным банков, причём приказы об аннулировании лицензий всех этих банков датируются двумя датами – 3 декабря и 20 декабря 2010 года¹. Во всех случаях применение надзорным органом крайней меры воздействия в виде отзыва лицензии на осуществление банковских операций обосновывалось неисполнением кредитными организациями федеральных законов и нормативных актов Банка России, установлением фактов недостоверности отчётных данных, неспособностью удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и т.п. Удивительное совпадение – до дорожного инцидента на Рублёвском шоссе чиновники Центробанка не замечали многочисленных нарушений в деятельности указанных банков или не считали нужным реагировать на них. В январе 2011 года московской прокуратурой было возбуждено уголовное дело по факту подделки векселей «Традо-банка» на общую сумму 214 млн руб.

Лишившись сначала своего бизнеса, 15 апреля 2011 года бывший банкир Урин был признан виновным в хулиганстве с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, совершённом организованной группой лиц (ч. 2 ст. 213 УК РФ), организации умышленного повреждения чужого имущества из хулиганских побуждений и нанесения побоев из хулиганских побуждений (ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 167, п. «а» ч. 2 ст. 116 УК РФ)². Суд назначил подсудимому

---

¹ Приказы Банка России от 03.12.2010 № ОД-596 об отзыве лицензии на осуществление банковских операций у АКБ «Славянский Банк» (ЗАО), от 03.12.2010 № ОД-598 об отзыве лицензии у АКБ «Традо-Банк» (ЗАО), от 20.12.2010 № ОД-649 об отзыве лицензии у ОАО «Уральский финансово-промышленный банк», от 20.12.2010 № ОД-650 об отзыве лицензии у ОАО «Банк «Монетный Дом», от 20.12.2010 № ОД-662 об отзыве лицензии у ОАО КБ «Донбанк».

² Дело № 1-99/2011 // Кунцевский районный суд города Москвы. URL: https://kuncevsky--msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8648024&result=1&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 31.07.2019); Банкир Урин и его охранники за избивание «зятя Путина» получили тюремные сроки // NEWSru.com. 15 апреля 2011 года. URL: <https://www.newsru.com/russia/15apr2011/urin.html> (дата обращения: 31.07.2019); Осужденный за избивание топ-менеджера «Газпрома» и финансовые махинации банкир Матвей Урин вышел

наказание в виде трёх лет колонии общего режима, однако через три месяца после оглашения приговора Кунцевского районного суда судебная коллегия Московского городского суда по уголовным делам удовлетворила кассационную жалобу прокурора и отменила его как *чрезмерно мягкий*. Дело было отправлено на пересмотр. Повторно рассмотрев дело, Кунцевский районный суд на полтора года увеличил бывшему банкиру срок лишения свободы¹.

22 марта 2013 года Матвеем Урину был вынесен ещё один приговор – по ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество в особо крупном размере, совершённое организованной группой). Обвинение по данной статье вытекало из ранее возбуждённого уголовного дела о подделке векселей «Традо-банка». Суд посчитал, что предприниматель похитил денежные средства у своих же банков.

На этом злоключения оказавшегося «не в то время не в том месте» банкира не закончились. В сентябре 2015 года предпринимателя осудили ещё по одному делу о мошенничестве. По версии следствия, поддержанной Пресненским районным судом Москвы, при покупке коммерческого банка «Мультибанк» в 2010 году бизнесмен расплатился денежными средствами, взятыми взаймы у самого «Мультибанка», т.е. фактически рассчитался с продавцом его же деньгами, создав в капитале кредитной организации брешь и покрыв её позже фиктивными ценными бумагами².

Большую часть своего срока Матвей Урин провёл в следственном изоляторе, т.е. учреждении, отличающемся от исправительной колонии более стеснёнными условиями жизни заключенных. 21 сентября

на свободу по закону «день за полтора» // Медиазона. 21 сентября 2018 года. URL: <https://zona.media/news/2018/09/21/urin> (дата обращения: 31.07.2019).

¹ Дело № 1-320/2011 // Кунцевский районный суд города Москвы. URL: https://kuncevsky--msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8650651&result=1&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 31.07.2019); Матвеев Урина наказали построже // Коммерсантъ. 9 ноября 2011 года. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1811786> (дата обращения: 31.07.2019).

² Солозуб Н. Долгая дорога к этапу // Медиазона. 23 июня 2015 года. URL: <https://zona.media/article/2015/23/06/urin> (дата обращения: 20.09.2019); Вынесен третий приговор банкиру Матвееву Урину // Росбалт. 23 сентября 2015 года. URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2015/09/23/1443195.html> (дата обращения: 20.09.2019).

2018 года он был освобождён в связи с пересчётом срока в соответствии со вступлением в силу федерального закона, приравнивающего один день содержания в следственном изоляторе к полутора дням колонии общего режима¹.

Хотя дорожные хулиганы и финансовые махинаторы вряд ли заслуживают особого сочувствия, и, возможно, Урин вполне заслужил назначенное ему наказание, обращает к себе внимание тот факт, что подобные инциденты на дорогах с участием весьма состоятельных лиц не являются единичными, и, как правило, они не вызывают столь резкой негативной реакции со стороны правоохранительных органов государства. Так, в сентябре 2013 года охранники из кортежа ещё одного банкира, Александра Ерхова, выполняя указания своего шефа, избили водителя автомобиля, не уступившего кортежу дорогу: охранники отделились двенадцатью сутками административного ареста, а к предпринимателю у полиции и вовсе не возникло претензий². Относительно же махинаций Матвея Урина и многочисленных нарушений в деятельности принадлежавших ему банков нужно иметь в виду, во-первых, обстоятельства, при которых соответствующие факты были выявлены (в других условиях, вероятно, у соответствующих компетентных органов ещё долго не возникло бы вопросов к легальности его бизнеса), а во-вторых, то, насколько несоразмерны назначенные в итоге коммерсанту наказания с мерой ответственности, которую пришлось понести основным фигурантам дела «Оборонсервиса». Двойные стандарты в правоприменении заметны невооружённым глазом. Они опираются, с одной стороны, на обязывающе-запретительный тип правового регулирования, позволяющий *при желании* выявлять нарушения практически в любой области человеческой жизнедеятельности и практически у любых, даже вполне законопослушных субъектов, а с другой стороны,

---

¹ О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 28. Ст. 4150.

² *Рогоза А., Крылова А.* Пассажирам Bentley и Mercedes, избившим водителя, дали 12 суток за «мелкое хулиганство» // Комсомольская правда – Москва. 24.08.2016. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26130.7/3021527/> (дата обращения: 20.09.2019); *Караваев А.* Мелкие хулиганы из кортежа банкира // Газета.ру. 09.09.2013. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2013/09/09_a_5644489.shtml (дата обращения: 20.09.2019).

на возможность дискреции правоприменителя, от имени власти и в ситуативных интересах бенефициаров власти произвольно толкующего нормы писанных самой властью законов.

В этом смысле крайне любопытным образцом релятивизации права выступает дело оппозиционного политика Алексея Навального и предпринимателя Петра Офицерова. В 2009 году А. Навальный работал советником губернатора Кировской области на общественных началах. Примерно в это же время его знакомый Пётр Офицеров зарегистрировал коммерческое предприятие ООО «Вятская лесная компания». Вскоре фирма Петра Офицерова заключила с находящимся на балансе Кировской области унитарным предприятием «Кировлес» договор, согласно которому «Кировлес» обязывался поставлять лесопroduкцию «Вятской лесной компании». Объём поставленной продукции составил 10 тыс. кубометров. Впоследствии, в ходе проведения аудиторской проверки деятельности ГУП «Кировлес», договор «Кировлеса» с «Вятской лесной компанией» был признан заранее убыточным для «Кировлеса». Договор был расторгнут, а правоохранительные органы возбудили в отношении Навального и Офицерова уголовное дело по статье 165 УК РФ («Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием»). Позднее обвинение было переквалифицировано, и 18 июля 2013 года Навальный и Офицеров были приговорены за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата, совершённые организованной группой либо в особо крупном размере), к реальным срокам лишения свободы в исправительной колонии общего режима и взяты под стражу в зале суда. Уже на следующий день, однако, их пришлось выпустить на свободу на основании апелляционного представления государственного обвинителя¹.

Ниже приведены выдержки из апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда, позволяющие сделать выводы относительно правовой обоснованности такого решения:

---

¹ Апелляционное определение Кировского областного суда от 19.07.2013 по делу № 22-2521 // URL: http://www.samosud.org/case_314846467. Оригинал судебного определения: http://oblsud.kir.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=414050&delo_id=4&text_number=1.

«В апелляционном представлении государственного обвинителя Богданова С. В. ставится вопрос об отмене решения Ленинского районного суда г. Кирова от 18.07.2013 года об изменении меры пресечения на заключение под стражу Навальному А. А. и Офицеру П. Ю. В обоснование представления указано, что оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ для изменения меры пресечения на апелляционный срок у суда не имелось, поскольку Навальный А. А. и Офицеров П. Ю., ранее избранную в отношении каждого из них меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении не нарушали. Кроме того, Навальный А. А. 17.07.2013 года зарегистрирован кандидатом на выборах мэра г. Москвы, в связи с чем, избранная в отношении него мера пресечения в виде заключения под стражу препятствует обеспечению равного доступа кандидатов к работе с избирателями, проведению агитационной компании.

<...> изменяя меру пресечения на более строгую, суд первой инстанции не учел, что Навальный А. А. 17.07.2013 года решением Московской городской избирательной комиссии зарегистрирован в качестве кандидата на замещение государственной должности мэра г. Москвы.

В соответствии со ст. 32 Конституции РФ граждане РФ имеют право быть избранными в органы государственной власти. Не имеют права быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

В соответствии с Законами города Москвы «О государственных должностях города Москвы» и «Избирательного кодекса города Москвы», должность мэра Москвы является выборной государственной должностью. Все кандидаты обладают равными правами, в том числе на ведение предвыборной агитации, причем кандидат самостоятельно определяет содержание, формы и методы ее проведения <...>. В этот период зарегистрированный кандидат вправе лично выступать на каналах телерадиовещания, участвовать в публичных агитационных мероприятиях, проводить предвыборную агитацию в печатных изданиях средств массовой информации.

Содержание Навального А. А. в течение агитационного периода в местах лишения свободы ставит его в неравное положение с другими зарегистрированными кандидатами, ограничивает его право быть избранным.

<...> При таких обстоятельствах судебная коллегия считает необходимым отменить решение Ленинского районного суда г. Кирова от 18.07.2013 года об изменении Навальному А. А. и Офицеру П. Ю. меры пресечения с подписки о невыезде и надлежащем поведении на заключение под стражу».

Все, кто хоть как-то знаком с нормами действующего законодательства и реально сложившейся практикой российского правосудия, понимают, что такой поворот в положении осуждённого не имеет достаточных законных оснований и никак не связан с существующими в стране традициями правоприменения. Пожалуй, за всю историю новейшего российского уголовно-процессуального законодательства это был первый случай освобождения осуждённых к реальным срокам лишения свободы из-под стражи, не подпадающий под действие статьи 398 Уголовно-процессуального кодекса РФ, которая предусматривает возможность отсрочки исполнения приговора, вынесенного в отношении тяжело больных лиц, беременных женщин, лиц с малолетними детьми и т.п. Причина же столь гуманного подхода прокуратуры и Кировского областного суда к нуждам осуждённых заключалась вовсе не в желании соблюсти их интересы, а в необходимости обеспечить для пользующегося доверием руководства страны и поставленного руководить Москвой Сергея Собянина возможность выиграть выборы мэра столицы в «честной борьбе». Навальному была определена роль спарринг-партнёра, делающего предсказуемую процедуру выборов медийно интересной и увеличивающего явку на избирательные участки. Так политика в очередной раз встала над законом и принципом, согласно которому необходимо каждому воздавать равное за равное.

Как можно судить по названным примерам, в одних случаях правоприменитель, выступающий от имени государства, стеснён неким «общественным мнением» (на самом деле – мнением одной, наиболее многочисленной и активной в данном случае фракции общества), в других случаях прямо встаёт на сторону социально близких себе

фигурантов, в третьих – реализует указания неких третьих инстанций государства (как правило, указания исполнительной власти или Администрации Президента РФ), обоснованные политической целесообразностью. Важно одно: *право окончательно теряет характер равной меры*, замкнутая система легальности современного «правового» государства разрушается под давлением собственных противоречий, а правоприменительно неизбежно приходится всё чаще и чаще обращаться к неким внеправовым (т.е. лежащим вне нормативной сферы установленных государством позитивных правил) источникам для обоснования собственных действий.

При этом такие внеправовые источники легитимности действующего порядка в современных условиях оказываются крайне хрупким и ненадёжным инструментом. В ходе своего продолжительного исторического развития позитивно-правовой порядок (государство + позитивные нормы права) сделал всё возможное, чтобы сделать любые лежащие вне его нормы и ценности маргинальными и ничего не значащими. Таким образом, теперь любое обращение государства к неким идейным ценностям, призывы к социальной солидарности и тому подобное не могут быть ничем иным, кроме как очевидной симуляцией, ложью, манипуляцией общественными настроениями, за которыми оказывается на самом деле совершенно безразличное и циничное отношение правящих к ими же декларируемым ценностям и идеям. Феномен так называемого «крымского консенсуса» в России 2014–2019 годов наглядно демонстрирует то, насколько пусты и эфемерны современные внеправовые источники легитимации существующего порядка, насколько лживы якобы объединяющие всё общество идеи, используемые на деле для решения правящими своих текущих задач.

Складывающаяся ситуация заставляет задаться рядом риторических вопросов. Может ли такое «право» – право, потерявшее характер равной меры, достигшее предельной степени релятивизма – быть авторитетом для субъектов, поведение которых оно опосредует? Может ли государство, которое едва ли не произвольным образом устанавливает нормы права и в таком же духе их применяет, быть легитимным в глазах граждан? Наконец, может ли быть устойчивым такой правопорядок, который основан лишь на силе принуждения? Как нетрудно догадаться, ответ на все эти вопросы – «нет».

Выше уже отмечалось, что нормативное регулирование в сегодняшних кризисных условиях носит, как это свойственно государственной машине, преимущественно обязывающий, правоограничивающий характер. Законодательные нормы, предусматривающие, например, уголовную ответственность за оскорбление чувств верующих, или нормы, позволяющие органам опеки изымать детей из их семей по весьма расплывчатым основаниям, в реальности просто не могут применяться ко всем субъектам, кого содержащиеся в них предписания так или иначе затрагивают. Хотя бы потому, что понятие «чувств верующих», как уже выше говорилось, чересчур размыто и нет такого органа, который мог бы эффективно в перманентном режиме осуществлять надзор за всеми возможными высказываниями и действиями в публичном пространстве, которые тем или иным образом провоцируют дискуссию между верующими и атеистами, между верующими одной конфессии и верующими другой конфессии, и т.д. Хотя бы потому, что всесторонний государственный контроль за методами, применяемыми при воспитании детей в семьях, за благосостоянием семьи и т.п. вещами, по большей части скрытыми от государства и его агентов стальными дверями и плотно задёрнутыми шторами на окнах, также принципиально невозможен.

Зачем же, спрашивается, тогда нужны такие нормы? Помимо причин, которые были перечислены ранее, следует назвать возможность *избирательного правоприменения*. Эти нормы нужны, чтобы наказать чересчур дерзкого и не поддающегося давлению общественного деятеля, чтобы повлиять на чьё-то поведение, чтобы управлять настроениями граждан и канализировать социальное недовольство в нужное русло, когда одни доносят на других, потому что те как-то перешли им дорогу (заняли парковочное место во дворе, сделали замечание или, наоборот, невежливо отреагировали на замечание). Парадоксальным образом нормы права начинают подменять собой индивидуальные предписания. Нормативное регулирование вновь, как когда-то на заре государственности, начинает носить казуальный характер. Релятивизм правит бал, а правовая система превращается в музей юридических извращений. Происходит необратимое разложение правового порядка.

Хроническая чрезвычайщина и аномальные правовые зоны

Ещё одной отличительной особенностью правопорядка переживаемой нами эпохи является распространение внесудебных и не связанных какими-либо законодательными нормами мер правоограничительного и штрафного характера. Анализировать такие меры достаточно тяжело. Их применение обычно не афишируется, соответствующие факты становятся достоянием общественности лишь в редких случаях, когда имеет место утечка информации из секретных и конфиденциальных источников. Кроме того, возникает проблема надлежащей теоретико-правовой квалификации таких фактов. Большинство из них невозможно определить в качестве случаев официального применения норм права, поскольку их нормативно-правовые основания чаще всего остаются неопределёнными. Таким образом, возникает проблема отнесения тех или иных фактов к случаям произвола со стороны соответствующих органов или же к легальной правоприменительной деятельности. Эти факты находятся в серой зоне между законом и беззаконием, правом и аномией.

Мировым центром современного чрезвычайного правоприменения, пожалуй, можно считать США. По крайней мере, информация о такой правоприменительной практике американских должностных лиц появилась ранее какой-либо иной, а соответствующие факты уже давно сделались предметом научно-философского анализа и рефлексии. Речь, конечно же, идёт о секретных тюрьмах США и в первую очередь о тюрьме в Гуантанамо.

Военная тюрьма (точнее, лагерь для интернированных, как отражено в его названии – “*detention camp*”) в заливе Гуантанамо на юго-востоке Кубы была основана Соединёнными Штатами при американской базе военно-морских сил в целях содержания лиц, подозреваемых в терроризме. Местоположение тюрьмы было подобрано со всей тщательностью: база военно-морских сил в заливе Гуантанамо, площадью 45 кв. миль, действует на основании договора бессрочной аренды территории, заключённого правительством США с Кубой в далеком 1903 году (США пользуются фактически суверенными правами на территории базы ВМС, при этом военная база и лагерь для интернированных на ней расположены за пределами государственной границы

США, что ограничивает контроль за действиями персонала лагеря со стороны федеральных органов власти и в том числе американских судов).

Строго говоря, использование Соединёнными Штатами территории базы военно-морских сил в заливе Гуантанамо в качестве лагеря для временного содержания лиц с неопределённым или дефектным правовым статусом началось значительно раньше доставления туда первых заключённых-мусульман. С 1991 по 1997 годы база в заливе Гуантанамо использовалась для содержания граждан Гаити и Кубы, желавших получить убежище в США¹.

Первые двадцать заключённых прибыли в Гуантанамо из Афганистана 11 января 2002 года, вскоре после начала военной кампании США в этой стране. В дальнейшем через лагерь в Гуантанамо прошли сотни человек². Некоторые задержанные могли годами содержаться в лагере без предъявления им каких-либо обвинений. 9 задержанных умерли под стражей³. История каждого из них – это история человека, попавшего в абсолютно безвыходное положение, в котором остаётся только уповать на благоприятные решения инстанций, действующих по своей собственной логике, не опирающейся ни на чёткие правила, ни на общечеловеческие представления о морали и справедливости.

Так, например, гражданин Йемена Аднан Фархан Абдул Латиф (Adnan Farhan Abdul Latif), 1981 года рождения, в декабре 2001 года был задержан на афгано-пакистанской границе и передан пакистанскими властями американским военнослужащим. 17 января 2002 года он был доставлен в распоряжение Объединённой целевой группы Гуантанамо по подозрению в принадлежности к террористической

---

¹ *Johns F.* Guantánamo Bay and the Annihilation of the Exception // *The European Journal of International Law*. 2005. Vol. 16. No. 4. P. 616.

² По имеющимся данным, всего через Гуантанамо прошли 780 заключённых, 40 из которых по состоянию на июль 2019 года продолжают оставаться в лагере (См.: *The Guantánamo Docket* // *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/projects/guantanamo> (дата обращения: 20.09.2019); *Guantánamo by the Numbers* // *Human rights first*. URL: <https://www.humanrightsfirst.org/sites/default/files/gtmo-by-the-numbers.pdf> (дата обращения: 20.09.2019)).

³ <https://www.nytimes.com/interactive/projects/guantanamo/detainees/dead> (дата обращения: 20.09.2019).

организации «Аль-Каида»¹. По версии американских властей, Латиф приехал в Пакистан, откуда переправился на территорию Афганистана для участия в обороне Кабула в составе бригады боевиков движения «Талибан», а после взятия Кабула американскими войсками попытался вернуться на родину, но был схвачен. Сам же Латиф утверждал, что приехал в Пакистан, чтобы пройти курс лечения в связи с проблемами неврологического характера; там ему якобы посоветовали отправиться в Афганистан, где медицинские услуги стоили дешевле, т.к. он не располагал достаточными средствами. Несмотря на многочисленные попытки через суд получить приказ habeas corpus для того, чтобы добиться предъявления официального обвинения со ссылками на конкретные доказательства наличия вины, несмотря даже на два секретных аналитических доклада Объединённой целевой группы Гуантанамо от 18 декабря 2006 года и 17 января 2008 года, в которых содержался вывод о необходимости снятия с Латифа контроля со стороны Министерства обороны США, йемец так и не был освобожден. 8 сентября 2012 года Латиф покончил с собой². Сколь-либо убедительных доказательств участия Латифа в исламистских незаконных вооружённых формированиях американскими военными представлено не было.

Фигура одетого в оранжевую робу узника Гуантанамо сделалась нарицательным обозначением бесправного человеческого существа, лишённого каких-либо гарантий и целиком находящегося во власти произвола. Несмотря на пристальный интерес правозащитников к проблеме длительного внесудебного лишения свободы содержащихся в Гуантанамо заключённых, их правовой статус остаётся неопределённым. С одной стороны, на базе в Гуантанамо содержатся лица, задержанные американскими военнослужащими в ходе проведения ими санкционированной Конгрессом США военной кампании против террористических организаций «Талибан» и «Аль-Каида», предположительно являвшихся организаторами атак 11 сентября 2001 года. Таким

---

¹ Memorandum for Commander, US Southern Command / 17 January 2008. #20330117 // URL: <https://www.nytimes.com/interactive/projects/guantanamo/detainees/156-adnan-farhan-abdul-latif> (дата обращения: 20.09.2019).

² *Savage Ch.* Military Identifies Guantánamo Detainee Who Died // The New York Times. Sept. 11, 2012. URL: <https://www.nytimes.com/2012/09/12/us/politics/detainee-who-died-at-guantanamo-had-release-blocked-by-court.html> (дата обращения: 20.09.2019).

образом, узники Гуантанамо – это лица, не являющиеся гражданами США, захваченные в плен за пределами территории США, находящиеся за границей США под контролем американских военных, а не гражданских властей. Всё это могло бы указывать на то, что узники Гуантанамо являются военнопленными. С другой стороны, американские власти утверждают¹, что на данных лиц не распространяются нормы Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными: действительно, по смыслу статьи 2 данной конвенции, она применяется лишь в отношении вооружённых конфликтов, возникающих между государствами², тогда как террористические организации, такие как «Аль-Каида», государствами определённно не являются.

При этом вопрос о действии норм законодательства США и распространении юрисдикции федеральных судов США на отношения, связанные с фактическим лишением свободы лиц, содержащихся в Гуантанамо, является весьма непростым. В решении Верховного Суда США от 28 июня 2004 года по делу «Расул против Буша»³ была признана (вразрез с позицией окружного суда) юрисдикция американских судов по вопросам правомерности содержания иностранных граждан на военной базе в заливе Гуантанамо. Спустя полтора года, однако, Конгресс США принял Акт об обращении с задержанными, изымающий из юрисдикции американских судов дела о выдаче приказа habeas corpus по заявлениям лиц, находящихся на базе Гуантанамо в распоряжении Министерства обороны США (§1005(е))⁴. Ещё спустя год

¹ 30 января 2018 года, подписывая указ о сохранении военной тюрьмы в Гуантанамо, президент США Дональд Трамп заявил: «Нам должно быть ясно: террористы не просто преступники. Они – незаконные вражеские комбатанты. И, беря их в плен за границей, мы должны относиться к ним как к террористам» (Trump signs executive order to keep Guantanamo Bay prison open // CNBC. Jan. 30, 2008. URL: <https://www.cnbc.com/2018/01/30/trump-signs-executive-order-to-keep-guantanamo-bay-prison-open.html> (дата обращения: 20.09.2019)).

² Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners.shtml.

³ Rasul et al. v. Bush, President of the United States, et al.: Supreme Court of the United States. No. 03-334. Decided June 28, 2004.

⁴ Detainee Treatment Act of 2005 // ICRC Official Site. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl-nat/a24d1cf3344e99934125673e00508142/b22319a0da00fa02c1257b8600397d29/%24FILE/Detainee%20Treatment%20Act%20of%202005%20.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

Конгрессом был принят Акт о военных комиссиях¹, содержащий аналогичные положения, ограничивающие действия норм о habeas corpus применительно к узникам Гуантанамо. В 2008 году в решении по делу «Бумедин против Буша»², Верховный Суд США, используя метод исторического толкования конституционного законодательства, пришёл к выводу, что содержащаяся в Конституции Соединённых Штатов оговорка о невозможности приостановления действия права habeas corpus иначе как в случае восстания или военного вторжения на территорию страны, в полной мере распространяется и на заключённых Гуантанамо.

Так или иначе, несмотря на указанные правовые позиции Верховного Суда США, принятие ряда судебных постановлений в интересах узников Гуантанамо и даже обещания президента США Барака Обамы закрыть лагерь, он продолжает действовать до сих пор. Отдельные подозреваемые содержатся в Гуантанамо на протяжении уже более чем полтора десятков лет:

Исмаэль Али Фарадж аль-Бакуш (Ismael Ali Farag al-Bakush), гражданин Ливии, 1968 года рождения, был доставлен в Гуантанамо 5 августа 2002 года. Американские военные подозревают его в участии в деятельности Ливийской исламской боевой группы. По их данным, аль-Бакуш является экспертом по электронике и взрывчатым веществам, и в этом качестве участвовал в организации тренировочного лагеря боевиков. В секретном аналитическом докладе вице-адмирала Марка Базби (Mark H. Bazby) командующему Южным военным командованием США, датированном 22 января 2008 года, содержится рекомендация об оставлении аль-Бакуша под надзором Министерства обороны. По состоянию на сегодняшний день³ аль-Бакуш продолжает содержаться в лагере Гуантанамо. По имеющейся информации, судебных приговоров аль-Бакушу в США не выносилось.

---

¹ Military Commissions Act of 2006: Public Law 109-366 – Oct. 17, 2006 // https://www.loc.gov/frd/Military_Law/pdf/PL-109-366.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

² Boumediene et al. v. Bush, President of the United States, et al.: Supreme Court of the United States. No. 06-1195. Decided June 12, 2008.

³ <https://www.nytimes.com/interactive/projects/guantanamo/detainees/708-ismael-ali-farag-al-bakush> (дата обращения: 20.09.2019).

Муат Хамза Ахмед аль-Альви (Moath Hamza Ahmed al Alwi), гражданин Йемена, 1977 года рождения, был доставлен в Гуантанамо 16 января 2002 года. Подозревается в участии в движении «Аль-Каида»; по данным американских военных, являлся одним из телохранителей лидера террористов Усамы бен Ладена, участвовал в боевых действиях в горах Афганистана. Согласно секретному аналитическому докладу Объединенной целевой группы Гуантанамо, представляет большую ценность для американской разведки, рекомендован к оставлению под надзором Министерства обороны¹. По состоянию на сегодняшний день продолжает содержаться в лагере Гуантанамо. По доступной нам информации, к уголовной ответственности за преступления террористической направленности в судебном порядке не привлекался.

Список можно продолжать, но и так ясно: в заливе Гуантанамо действует особый правовой режим, отличающийся от правового режима регулярных пенитенциарных учреждений, расположенных на территории США. Частично правовой режим лагеря в Гуантанамо признаёт действие норм федерального законодательства и юрисдикцию федеральных судов, однако эти нормы действуют здесь со значительными изъятиями, искажениями, оговорками. Имея, с формальной точки зрения, законную силу для должностных лиц, ответственных за содержание узников военной тюрьмы в заливе Гуантанамо, постановления Верховного Суда США (см. постановление по делу «Бумедин против Буша») фактически игнорируются. Но не только постановления Верховного Суда – сама Конституция США, если понимать её положения так, как их толкует высший судебный орган Соединённых Штатов, не имеет силы в пространстве лагеря. Закон оказывается нем в данном аномальном правовом пространстве. Он признаётся, но не действует, так же как и судебное решение оглашается, но изначально лишено силы, поскольку единственную силу в данном пространстве олицетворяет собой чрезвычайное по своей сути решение военной администрации. *Исключение становится весомее правила.*

---

¹ <https://www.nytimes.com/interactive/projects/guantanamo/detainees/28-moath-hamza-ahmed-al-alwi> (дата обращения: 20.09.2019)

Лагерь в Гуантанамо – своего рода юридическая «чёрная дыра», аномалия, которой не должно быть, но которая, однако, имеет вполне осязаемое воплощение в реальности. Это воплощение голой необходимости, инструмент политического руководства, освобождённая от стесняющих конституционно-правовых гарантий техника, отупляющая законность вне рамок предписаний закона.

Несмотря на кажущуюся уникальность, лагерь в заливе Гуантанамо – не единственное пространство внесудебного наказания. Судя по всему, США располагают или располагали несколькими подобными тюрьмами за рубежом. Одной из них является печально знаменитая тюрьма Абу-Грейб в Ираке, использовавшаяся американскими военными с 2003 по 2006 годы и «прославившаяся» жуткими издевательствами над заключёнными¹. Часть тюрьмы (“Hard Site”) контролировалась иракскими властями: в ней отбывали наказание осуждённые преступники. Другая часть – так называемый «Лагерь исправления» (“Camp Redemption”) – контролировалась военнослужащими США и использовалась для содержания подозреваемых в терроризме и повстанцев, борющихся с американской оккупацией Ирака².

Известно, что США использовали секретные тюрьмы также в Польше³, Литве и Румынии⁴, в Йемене⁵, Марокко⁶ и других странах.

¹ См.: *Beyond Abu Ghraib: detention and torture in Iraq* // Amnesty International. March 2006. URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/76000/mde140012006en.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

² *Tucker Ch.* Introduction to Abu Ghraib Torture and Prisoner Abuse Scandal / 17th International Summer Law School Zadar: Human Rights and Globalization – Humanitarian Law. WEInstitute. URL: https://www.academia.edu/30403500/Exercise_-_Introduction_to_the_Abu_Ghraib_Torture_and_Prisoner_Abuse_Scandal (дата обращения: 20.09.2019).

³ *Poland’s secret CIA prisons: Kwasniewski admits he knew* // BBC. Dec. 10, 2014. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-30418405> (дата обращения: 20.09.2019).

⁴ *Milne R.* Lithuania and Romania hosted secret prisons for the US // Financial Times. May 31, 2018. URL: <https://www.ft.com/content/0f7bcffe-64d5-11e8-90e2-9563a0613e56> (дата обращения: 20.09.2019).

⁵ *Michael M.* Inside Yemen’s secret prisons: ‘We could hear the screams’ // AP News. June 23, 2017. URL: <https://www.apnews.com/b2a5ecfd1adb442a86df5bd05bc6599e> (дата обращения: 20.09.2019).

⁶ *Amar A.* Témara, le centre de torture du Maroc // SlateAfrique. 04/04/2012. URL: <http://www.slateafrique.com/1661/temara-bagne-torture-mohammed-vi> (дата об-

СМИ сообщают даже о плавучих тюрьмах в Тихом океане для лиц, подозреваемых в наркоторговле¹. Вероятно, о существовании ряда секретных тюрем или лагерей, в которых без судебного решения месяцами, а то и годами содержатся люди, подозреваемые американскими властями в тех или иных преступлениях, нам не известно до сих пор.

Стоит заметить, что само понятие «подозреваемый в совершении преступления» (criminal suspect) теряет свой изначальный смысл в условиях описываемой чрезвычайщины. Практически любое современное уголовно-процессуальное законодательство наделяет лицо, подозреваемое в совершении преступления, определёнными правами и гарантиями этих прав. Статус подозреваемого подразумевает, что властями в определённые и, как правило, короткие сроки либо будет предъявлено официальное обвинение в совершении преступления, либо будет избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу. Подозреваемые из расположенных за пределами США военных лагерей и тюрем в течение продолжительных сроков содержатся под стражей без предъявления обвинений и вынесения судебных приговоров. Таким образом, на самом деле они не являются ни подозреваемыми, ни обвиняемыми, ни осуждёнными. Кем же они являются в таком случае? По проницательному замечанию Дж. Агамбена, они – современные *homo sacer*, т.е. люди, фактически поставленные вне каких-либо правовых рамок и сохраняющие за собой лишь голую жизнь (*nuda vita*)².

ращения: 20.09.2019); *Alami A.* Morocco Crushed Dissent Using a U.S. Interrogation Site, Rights Advocates Say // *The New York Times*. Jan. 17, 2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/01/18/world/us-tactics-in-morocco-said-to-enable-torture.html> (дата обращения: 20.09.2019).

¹ *Gordon G.* The Coastal Guard's 'Floating Guantánamos' // *The New York Times Magazine*. Nov. 26, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/11/20/magazine/the-coast-guards-floating-guantanamos.html> (дата обращения: 31.07.2019); *Tong T.* U.S. Coast Guard operating secret floating prisons in Pacific Ocean // *USA Today*. Nov. 28, 2017. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2017/11/28/u-s-coast-guard-operating-secret-floating-prisons-pacific-ocean/900462001/> (дата обращения: 20.09.2019).

² См.: *Агамбен Дж.* Homo sacer: Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011.

Возьмем на себя смелость утверждать, что на современной карте мира *аномальных правовых зон*¹, т.е. пространств с крайне специфически действующими законами, становится всё больше. В этом можно разглядеть характерную черту – возможно, даже сущностную характеристику – нынешнего кризисного, испытывающего глубокие трансформации правопорядка. Эта особенность современного правопорядка знаменует собой финал юридического позитивизма, а также буржуазных концепций верховенства права (rule of law) и правового государства (Rechtsstaat). *Правовая система эпохи модерна вместе с присущими ей режимами правоприменения наконец-то дошла до той точки, в которой норма фактически перестаёт действовать, а властное применение этой нормы сменяется артикулирующей голой силой, оторванной от каких-либо общих предписаний.* Полицейская необходимость (именно *полицейская*, а не политическая, т.к. политики в эпоху глобального кризиса больше нет, а государства реализуют лишь полицейские функции) диктует индивидуально адресованное решение, а сами нормы права, как было отмечено выше, превращаются в те же индивидуальные казуальные предписания, становясь всё менее отличимыми от первых. Вот он, дивный новый мир «господства права»!

Юрист-формалист мог бы заявить, что пытки и содержание подозреваемых под стражей в течение продолжительных сроков ещё не являются свидетельствами каких-либо дефектов *права вообще*, поскольку такого рода примеры являются только лишь примерами нарушений закона, процедуры, неисполнения судебных решений и т.п. Мол, следует просто наладить функционирование правовой системы, обеспечить исполнение национальных законов и норм международного права, к чему, собственно, и стремятся современные правозащитники: верховенство права (rule of law) должно наконец взять верх над несправедливой политической целесообразностью, править должны законы – не люди. Такие утверждения вряд ли могут быть чем-то иным, нежели проявлением досадной близорукости, неумением или нежеланием видеть окружающие вещи как они есть. Несмотря на большую заслугу правозащитного движения в деле борьбы за права заключённых Гунтанамо и иных подобных учреждений, это движение изначально,

---

¹ Термин, введённый Джеральдом Нойманом (см.: *Neuman G. L. Anomalous Zones // Stanford Law Review. 1996. Vol. 48. No. 5. P. 1197-1234*).

по самой своей природе ограничено, поскольку апеллирует к праву и правовым ценностям в эпоху, когда право (по большому счёту, всегда являвшееся в первую очередь правом сильного) окончательно свелось к технике, послушному инструменту в руках государственного аппарата, а правовые ценности сделались пустышкой, ничего не означающими симулякрами. В общем-то, данный тезис является справедливым не только в отношении лагеря Гуантанамо, но и в отношении любых иных ситуаций, когда право пытаются предъявить носителям государственной власти в качестве некоего вышестоящего императива или мерила оценки.

Другим возражением на выдвинутые выше тезисы могла бы быть историческая отсылка к лагерным порядкам государств XX века (Третьего Рейха, сталинского и хрущёвского СССР, Британской империи и др.), не гнушавшихся использовать внесудебные расправы, годами содержать заключённых в ужасающих условиях по надуманным обвинениям и применять уголовные законы ретроактивно. Действительно, современные лагеря, подобные лагерю в Гуантанамо, имеют немало схожих черт с немецкими концентрационными лагерями времён Второй мировой войны, советским ГУЛАГом и британскими *concentration camps* в Южной Африке. И те, и другие представляют собой пространства постоянного исключения; это, пользуясь терминологией Дж. Агамбена, *локализация вне порядка*, в которой политическая система больше не предписывает, какими должны быть формы жизни, на каких правила должна основываться жизнь, но в которой теоретически возможны любые формы жизни и любые нормы¹. Это то, что, несомненно, роднит современные лагеря с лагерями XX столетия: первые, в общем-то, представляют собой тот же самый феномен, что и вторые, но изменился историко-политический контекст, в котором эти лагеря возникают и действуют, и об этом ни в коем случае нельзя забывать. Ибо исторический контекст может немало рассказать нам о качествах изучаемого явления.

Концлагеря XX века были проявлением централизованной власти государства-нации, достигшей небывалой мощи. Мобилизовывать миллионы людей, перемещать многомиллионные массы заключённых

---

¹ Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. С. 222–223.

и их надзирателей на десятки, сотни, а если нужно – и тысячи километров, до мельчайших деталей нормировать быт узников и контролировать каждого из этой многомиллионной массы – всё это стало возможным лишь с максимальной централизацией государственной власти. Лагеря стали инструментом конструирования нации, средством управления теми, кто оказался в границах юрисдикции суверенного национального государства, но по тем или иным причинам не мог быть включен в *тело нации* (или, напротив, должен был быть исключен из него). Евреи, цыгане, коммунисты и социал-демократы, сексуальные меньшинства в Третьем Рейхе, представители так называемых «эксплуататорских классов» и осуждённые за контрреволюционную деятельность и измену Родине «враги народа» в сталинском СССР, буры в южноафриканских колониях Британской империи – это исключённые из народного тела, не-граждане / не-подданные. В то же время лагерь в Гуантанамо и подобные ему пространства не имеют ничего общего с принципом гражданства, они не служат формированию нации. Они – всего лишь симптом того, что государственное управление зашло в тупик, что государство, фактически сбросив с себя социальные функции и оставив за собой только функции полицейские, более или менее эффективно пытается решать поставленные перед ним (заметим, не им самим!) полицейские задачи. Лагерь в Гуантанамо – это наилучший пример специфичности нынешнего чрезвычайного правоприменения, потому что он располагается за пределами государственных границ США и фактически не относится к какой-либо определённой юрисдикции, в отличие от тех же нацистских или сталинских лагерей; это в прямом смысле «чёрное место» (*black site* – так называют секретные тюрьмы сами американцы), находящееся вне рамок правовой системы, но в то же время являющееся её неотъемлемой частью и её условием.

Современный лагерь – это программа, смысл которой исчерпывается в её полицейской ориентации и которая развёртывается не в интересах так или иначе конструируемого национального тела, но в интересах корпораций, паразитирующих на государственных организациях. Современный лагерь – это *фрагмент в более обширной программе кластеризации мира*, выделения в нём отдельных политико-правовых зон, в том числе аномальных правовых зон с недействующими либо работающими в специфическом режиме юридическими нормами и

метаюридическими принципами; это продолжение failed states – «провалившихся государств» – в более узких пространственных пределах. Наконец, это свидетельство того, что юридический универсализм, на который претендовал и до сих претендует либерально-этатистский правовой порядок, в условиях глобального кризиса невозможен, и правовое государство вкупе с принципом верховенства права могут продолжать своё существование лишь во всё более сужающихся границах, за пределами которых – узаконенное бесправие и господство насилия. Всё большее количество людей выдавливается и, судя по всему, будет выдавливаться из состояния гарантированности основных прав в состоянии естественное, чрезвычайное, состояние крайней необходимости и нужды, из цивилизации – в варварство, для того, чтобы рдеющие миллионы других могли продолжать находиться в правовом поле, пользоваться личной свободой, обращаться за судебной защитой, планировать свою жизнь в рамках понятной и прозрачной правовой системы.

Кризисный правовой порядок не может существовать без юридических «чёрных дыр», аномальных правовых зон. Наличие таких зон – не уникальный признак политико-правового порядка эпохи глобального кризиса, но зато неотъемлемый атрибут капиталистической системы или, вернее сказать, атрибут власти *Капитала* как самовоспроизводящейся системы социального метаболизма, как охарактеризовал его британский философ венгерского происхождения Иштван Месарош (István Mészáros)¹. Вершина развития Капитала как системы – это, несомненно, индустриальное общество; вершина индустриальной цивилизации – тотальный государственный централизм, государство-Левиафан, государство-Молох; за этой вершиной – всеобщий глобальный кризис и разложение прежних политико-правовых форм и социальных институтов.

Как известно, колониальная система XVIII – первой половины XX веков с юридической точки зрения представляла собой не что иное как определённую иерархию правовых систем, в рамках которой гарантией нормального законного порядка в метрополии было существование за морем обширных зон с совершенно варварскими нормами и

¹ *Mészáros I. Beyond Capital: Towards a Theory of Transition.* London: Merlin Press, 1995. P. 42 etc.

практиками¹. Нынешний правопорядок – это тот же самый колониальный правопорядок, прошедший в своём развитии несколько итераций и предстающий перед нами в официальном облике содружества государств, уважающих права человека и ценности демократии. Но *сегодня исключения и аномалии* – не технические средства и не отдельные институциональные недостатки (не недостаточное развитие институтов правового государства и т.п. либерально-этатистских фетишей), а *проявления конца той логики, в которой данный* (либерально-этатистский, универсалистский, позитивистский) *порядок развивался на протяжении последних веков*. Аномальные правовые зоны и чрезвычайное правоприменение являются не чем иным, как следствиями глубочайших проблем в современном государственном управлении и в современном праве. Юридическая география мира наполняется всё большим количеством зон с аномальными правовыми режимами, с недействующими законами, с легко попираемыми свободами и так называемыми «фундаментальными правами». Квазиправовая «чересполосица», симптом кризиса государственности в мировом масштабе, заменяет собой не подзабытый ещё тоталитаризм XX столетия.

Но, как ни странно, и у тоталитаризма образца XX столетия в современных условиях обнаруживается свой двойник. Оказывается, что мы всё ещё являемся свидетелями проявления исключительной правовой логики, чрезвычайного правоприменения в рамках выстраивания определённого национально-государственного тела. Речь идёт о Китае. В эпоху кризиса суверенного национального государства, пожалуй, только у Китайского государства, сохраняющего за собой официально-легендарный эпитет «народная республика», имеются силы для того, чтобы действовать в деэтатизирующемся мире постмодерна, не ослабляя собственных институтов и власти в обществе. Достигается это, судя по всему, за счёт того, что само государство в какой-то момент слилось с крупнейшими коммерческими корпорациями, взяв их под контроль и не дожидаясь, когда *они* сольются с ним. В условиях кризиса проекта *государства как нации* КНР продолжает конструирование собственного национального тела, ассимилируя в нём всё выходящее за рамки утверждённых правительством стандартов и исключая

---

¹ Подробнее об этом см.: Рувинский Р. З. Правовая идеология европейского либерализма и британский колониальный правопорядок в XVIII–XIX. С. 163–187.

из него всех, кто препятствует этой ассимиляции. Так или иначе, сегодня Китай практикует чрезвычайное правоприменение во всё более угрожающих масштабах, пока, впрочем, ограничиваясь, лишь пределами собственных государственных границ.

В 2018 году в мировых СМИ стали появляться тревожные сообщения о том, что в Китае созданы так называемые «*лагеря перевоспитания*» для уйгуров – этнического меньшинства, проживающего преимущественно на западе страны, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. По данным СМИ, в лагерях без предъявления официальных обвинений содержатся сотни тысяч мусульман-уйгуров. В числе поводов для заключения в лагерь – следование национальным традициям, исповедание ислама, самые безобидные формы выражения несогласия с политикой властей, контакты с проживающими за рубежом соплеменниками. Узников синьцзянских лагерей заставляют посещать занятия по изучению китайского языка, законов и истории Компартии, а также, вероятно, привлекают к принудительным неоплачиваемым или низкооплачиваемым работам на фабриках. Власти Китая отвергают обвинения, заявляя, что граждане добровольно проходят обучение в целях борьбы с «терроризмом и религиозным экстремизмом»¹.

К сожалению, отсутствие достаточной информации и документальных источников делает затруднительной теоретико-правовую оценку происходящего в Китае и препятствует сравнению китайских лагерей с лагерями и секретными тюрьмами США, о которых шла речь выше. Разрозненные и наполненные в большей степени эмоциональными характеристиками сообщения СМИ о китайских лагерях для мусульман и о внедрении в стране так называемой «*системы социального кредита*», якобы использующейся властями в качестве инструмента тотальной слежки и сегрегации граждан в зависимости от

---

¹Подробнее см.: *Sudworth J.* China's hidden camps: What's happened to the vanished Uighurs of Xinjiang? // BBC. Oct. 24, 2018. URL: https://www.bbc.co.uk/news/resources/idt-sh/China_hidden_camps (дата обращения: 20.09.2019); *Buckley Ch., Ramzy O.* China's Detention Camps for Muslims Turn to Forced Labor // Dec. 16, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/12/16/world/asia/xinjiang-china-forced-labor-camps-uighurs.html> (дата обращения: 20.09.2019); China changes law to recognise 're-education camps' in Xinjiang // South China Morning Post. Oct. 10, 2018. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/2167893/china-legalises-use-re-education-camps-religious-extremists> (дата обращения: 20.09.2019).

уровня их лояльности правительству, требуют тщательной проверки, лишь после которой можно будет делать какие-либо теоретические выводы. В то же время эта новая информация может сделаться основанием для пересмотра и уточнения отдельных суждений о направлениях развития современной государственности, и игнорировать такую возможность нельзя. Очевидным является лишь то, что образование аномальных правовых зон с исключительными режимами правоприменения является естественным следствием протекающих сегодня в глобальном масштабе кризисных процессов. При этом наиболее развитые государства посредством создания аномальных правовых зон на своей территории или за её пределами реализуют собственные полицейские программы (кластеризации мира, сегрегации и унификации населения, превентивной борьбы с угрозами и т.д.), и делают это в плановом, контролируемом порядке, тогда как в других – менее развитых, наиболее остро испытывающих проявления глобального кризиса, коллапсирующих и распадающихся – государствах аномальные зоны возникают как бы сами собой, а чрезвычайное правоприменение осуществляется отдельными государственными органами или в отдельных регионах фактически без оглядки на центральную власть. Примеры подобного рода, увы, можно наблюдать в современной России.

Разрывы в правовом пространстве

Выше уже отмечалось, что одним из важнейших признаков модели государства, рождённой в эпоху модерна, является наличие суверенитета. Суверенитет изначально понимался как верховенство государственной власти внутри территориально замкнутых границ и независимость государства на международной арене, в отношениях с другими государствами. Как уже было сказано, в условиях глобального кризиса и трансформаций международного правопорядка концепт государственного суверенитета оказывается поставленным под вопрос, поскольку современные государства не в состоянии игнорировать не только нормы и принципы международного публичного права, являющегося результатом соглашения самих государств, но и нормы, вырабатываемые формирующимися институтами глобального регулирования. Наконец, современные государства тесно связаны с крупны-

ми транснациональными корпорациями, и в этом смысле их политика тоже всё в меньшей степени является самостоятельной.

В то же время одним из сохраняющихся рудиментов государственного суверенитета и одновременно важным признаком дееспособности государства по-прежнему остаётся способность государства в лице его центральных органов позиционировать свою власть в качестве стоящей над иными источниками власти в обществе (с поправкой на то, что власть, исходящая от самого государства, реализуется в интересах паразитирующих на теле государства корпораций), обеспечивать единый правовой режим на территории всей страны, т.е. в пределах государственных границ. Утрата данных потенций является характерным симптомом деградации государства, и если усиливающаяся конкуренция с государственным аппаратом со стороны негосударственных источников социальной власти, а в пределе – доминирование этих источников власти над властью государственной, свидетельствует о превращении государства в государство провалившееся, о переходе от гражданского состояния к естественному, то нарушение принципа единства правового пространства представляет собой хоть и не фатальный, однако также крайне негативный для государства фактор, способный рано или поздно привести государство к распаду.

В то время как центральные органы государственной власти уверенно штампуют всё новые и новые нормативно-правовые акты, призванные, по логике нынешних чиновников и депутатов, чудесным образом решить все накопившиеся социально-политические проблемы, реализация положений этих актов, а прежде всего, федеральных законов, в отдельных регионах страны может приобретать крайне своеобразные формы. Ситуация, при которой один и тот же закон, формально действующий на всей территории государства, совершенно по-разному истолковывается в различных частях страны, может считаться примером *юридического релятивизма* в не меньшей степени, чем правоприменение, результаты которого различаются в зависимости от конкретных персоналий. И это всегда повод задаться вопросом о причинах такого положения дел.

Будучи федеративным государством, Россия всегда в той или иной мере испытывала проблему ненадлежащего воплощения в жизнь предписаний федеральных органов государственной власти органами госу-

дарственной власти субъектов федерации. Федерализм, имея ряд несомненных достоинств и преимуществ, наиболее уязвим именно в том, что составляющие государство политико-территориальные образования – в первую очередь, республики – являются потенциальными самостоятельными государствами, и региональные элиты время от времени в ходе торга с центральной властью могут саботировать реализацию отдельных инициатив центра.

После периода демонтажа институтов советской государственности и присущего этому хаоса в государственном управлении, когда в целях привлечения на свою сторону региональных элит председатель Верховного Совета РСФСР, а впоследствии первый президент Российской Федерации Борис Ельцин провозгласил броский лозунг *«каждый может взять суверенитета столько, сколько сможет унести»*¹, администрация пришедшего ему на смену президента Владимира Путина сделала централизацию управления и создание так называемой *«вертикали власти»* одним из приоритетов своей политики. В ходе этой централизации территория страны, состоящая в соответствии с Конституцией 1993 года из республик, краёв, областей и т.д., была поделена на несколько федеральных округов, Конституцией не предусмотренных. Для «организации контроля за исполнением в федеральных округах решений федеральных органов государственной власти» и «обеспечения реализации кадровой политики Президента Российской Федерации» был введён институт полномочных представителей президента в федеральных округах². По сути, посредством данного института президенту удалось подчинить себе глав регионов. С 2005 по 2012 годы прямые выборы глав регионов не проводились; высшие должностные лица субъектов федерации фактически назначались президентом. В конце 2018 года «славная» традиция удушения федералистских начал российской государственности дошла до борьбы с преподаванием национальных языков в школах республик, входящих в состав Российской Федерации³.

---

¹ Известия. № 221 от 8 августа 1990 года.

² О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 года № 849 // СЗ РФ.

³ См.: Илдус Нафиков выступил с докладом на заседании Государственно-

В то же время укрепление властной «вертикали» и закручивание гаек в отношениях с регионами до состояния, близкого к срыву резьбы, не помешали формированию в одной из республик в составе Российской Федерации правового режима, отличающегося от правового режима, действующего в других частях страны.

Чеченская Республика. Наиболее любопытный субъект Российской Федерации. Государство в государстве с формой правления и порядками, напоминающими: то ли Объединённые Арабские Эмираты, то ли Королевство Саудовской Аравии. После двух кровопролитных войн с федеральным центром, вызванных стремлением чеченской интеллигенции отделиться от России и выстраивать собственную национальную государственность, в республике утвердился мир. Мир этот стал, судя по всему, итогом негласной сделки российского федерального руководства с одним из влиятельных чеченских кланов, возглавляемым бывшим муфтием мятежной Ичкерии Ахматом Кадыровым. Широкой рекой в Чечню полились деньги из федерального бюджета на восстановление разрушенной войной инфраструктуры; по дотационности бюджета республика сделалась одним из лидеров среди российских регионов. При этом местной элите, которую после смерти Ахмата Кадырова возглавил его младший сын Рамзан, в обмен за лояльность президенту Российской Федерации Владимиру Путину и его окружению были предоставлены широчайшие полномочия, отсутствующие у руководства других республик в составе России.

Как отмечается в экспертном докладе Ильи Яшина «Угроза национальной безопасности»¹, посвящённом положению дел в кадыровской Чечне, в республике прочно установился режим единоличной власти Рамзана Кадырова, фактически запрещена деятельность оппозиционных организаций и групп. Чеченская Республика при Кадырове-младшем превратилась в «зону особого электорального режима», в которой на любых выборах рисуется почти стопроцентная явка избирателей с почти стопроцентной поддержкой президента Путина, главы респуб-

---

го Совета Республики Татарстан // Прокуратура Республики Татарстан. Официальный сайт. URL: <https://prokrt.ru/info/novosti-prokuratur/3056/> (дата обращения: 20.09.2019).

¹ Яшин И. Угроза национальной безопасности: независимый экспертный доклад. М., 2016. URL: <https://www.putin-itogi.ru/ugroza/> (дата обращения: 20.09.2019).

лики и общероссийской политической партии «Единая Россия», считающейся «партией власти».

Впрочем, абсолютно фиктивный характер демократических конституционно-правовых институтов и авторитарный режим правления – не самые яркие черты «чёрной дыры» российской законности, каковой в настоящее время является Чечня. В конце концов, и Россия в целом в этом отношении не является образцом. Гораздо более существенным является наличие в республике по сути собственной боеспособной и хорошо оснащённой армии, сформированной по этническому принципу, и правоохранительных органов, состоящих из лично преданных Рамзану Кадырову сотрудников и бойцов. Ни у одного другого региона нет таких сил, способных конкурировать с подчиняющимися федеральному центру военизированными подразделениями, и в этом плане вполне оправданными являются опасения тех, кто считает реальной угрозой отделения Чеченской Республики от Российской Федерации и новый вооружённый конфликт между ними.

Наличие вооружённой силы в руках нынешнего чеченского руководства и карт-бланш, полученный им от Кремля, делают возможным откровенное игнорирование должностными лицами республики требований действующего федерального законодательства. Достаточно ёмкое описание одного инцидента, являющегося примером такой практики, содержится в рассказе Игоря Каляпина, председателя правозащитной организации «Комитет против пыток»:

«...Следственная группа Главного Следственного управления во главе с полковником юстиции идет выполнять следственные действия, проверку показаний на месте, в подразделение чеченской милиции, в обычный районный отдел внутренних дел, и следственную группу туда не пускают, более того, там начинают щелкать затворами и ведут себя по-хамски. Когда следователь говорит, что это незаконно, ему отвечают: нет, все законно, потому что у нас есть приказ местного полицейского руководства пускать только по пропускам, а у вас пропуска нет. И когда мы дальше начинаем с этой ситуацией разбираться, выясняется, что да, действительно такой приказ существует. Ну и что, что в федеральном законе Рос-

сийской Федерации написано, что следователь следственного комитета по предъявлению своего служебного удостоверения имеет право проходить и осматривать что угодно, в том числе и подразделение полиции.

В данном случае федеральный закон противоречит приказу местного полицейского начальника, и действует приказ местного начальника. Мы потом несоответствие этого местного приказа федеральному закону России обжаловали в течение полугода. Этот приказ продолжает существовать до сих пор, он не отменен. Нам все инстанции, вплоть до Генеральной прокуратуры ответили, что они в этом никакого нарушения ничьих прав не видят, и это продолжает существовать. То есть в этой республике существует правовой режим, который совершенно не вписывается в федеральное законодательство России, и на это никто не реагирует. Даже когда мы обращаем на это внимание, даже когда мы носом тычем прокуроров, нам отвечают, что это есть и будет существовать дальше. Это такая политика. У нас на территории Российской Федерации создана не просто автономия, а некая территория, которая с ведома высших должностных лиц России, объявлена территорией вне российских законов. Там висят портреты президента и российские флаги, но на этом принадлежность к Российской Федерации заканчивается»¹.

Избирательное действие российского федерального законодательства и отдельные факты неповиновения должностных лиц Чеченской Республики требованиям федеральных государственных служащих из других регионов России² дополняются установлением в республи-

---

¹ Волчек Д. Глава Комитета против пыток Игорь Каляпин: «Чечня – территория, где висят портреты Путина, но не действуют российские законы» // Радио Свобода. 09.09.2012. URL: <https://www.svoboda.org/a/24702530.html> (дата обращения: 20.09.2019).

² См.: Милашина Е., Титов Е. Как ставропольская полиция возвращала Чечню в Россию // Новая газета. № 44 от 27 апреля 2015 года. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/04/25/63982-kak-stavropolskaya-politsiya-vozvrashchala-chechnyu-v-rossiyu> (дата обращения: 20.09.2019); Цветаева И. В Чечне завели уголовное дело на ставропольских силовиков // DW. 24.04.2015. URL: <https://www.dw.com/>

ке крайне своеобразных порядков, не имеющих аналогов в других субъектах РФ. Несмотря на закреплённый в Конституции Российской Федерации (статья 14) светский характер Российского государства и установленную Семейным кодексом РФ (статья 14) невозможность состоять одновременно в двух зарегистрированных браках, в республике фактически легализовано многоженство¹, действуют строгие нормы мусульманского дресс-кода², а руководство Чечни не стесняется заявлений о верховенстве норм шариата, при этом не только говорит, но и воплощает свои заявления в жизнь³. В этих условиях правдоподобно звучат сообщения (до сих пор не подтверждённые официально, как, впрочем, и не опровергнутые документально) о внесудебных расправах в Чечне, жертвами которых становятся не только заподозренные

гу/в-чечне-завели-уголовное-дело-на-ставропольских-силовиков/a-18406579 (дата обращения: 20.09.2019); *Магай М.* Кремль напомнил о подчинении чеченской полиции МВД России // РБК. 24 апреля 2015 года. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/04/2015/553aa0b79a79471cf2a7d6cb> (дата обращения: 20.09.2019).

¹ См.: *Яшин И.* Указ. соч.; Кадыров: ЗАГС – это первый шаг, чтобы разрушить семью // Вести.Ru. 24 апреля 2018 года. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3010579> (дата обращения: 01.08.2019); *Маетная Е., Громов А.* «Хорошо бы легализовать многоженство»: Руководитель администрации главы Чечни Магомед Даудов предложил узаконить многоженство // Газета.Ру. 18.05.2015. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2015/05/18/6692937.shtml> (дата обращения: 20.09.2019); *Милашина Е.* «Главное не как сыграли, а счет на табло»: последний репортаж из села Байтарки // Новая газета. 2015. № 51. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/05/16/64153-171-glavnoe-ne-kak-sygrali-a-schet-na-tablo-187> (дата обращения: 20.09.2019).

² Россия: в Чечне насильственно внедряется исламский дресс-код для женщин // Human Rights Watch. 10 марта 2011 года. URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2011/03/10/242221> (дата обращения: 20.09.2019); *Trofimov Ya.* Chechnya: Russia's Islamic State? // The Wall Street Journal. June 2, 2016. URL: <https://www.wsj.com/articles/chechnya-russias-islamic-state-1464859621> (дата обращения: 20.09.2019).

³ *Avril P.* Tchétchénie : les deux faces du régime Kadyrov // Le Figaro. 27.05.2010. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2010/05/27/01003-20100527ARTFIG00599-tchetchenie-les-deux-faces-du-regime-kadyrov.php> (дата обращения: 01.08.2019); Кадыров вызвал ингушского старейшину на шариатский суд // Кавказский Узел. 25 октября 2018 года. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/327104/> (дата обращения: 20.09.2019).

«кадыровцами» в содействии салафитскому подполью¹, но и те, кто нарушает негласные патриархальные представления чеченцев о морали и нравственности.

Весной 2017 года в СМИ просочилась информация о массовых пытках и убийствах в Чечне лиц, подозреваемых в наличии гомосексуальных предпочтений². Как следует из опубликованных журналистами материалов, в республике функционируют секретные тюрьмы, в которых местные силовики содержат салафитов, наркоманов, геев и просто случайных людей, на которых пало то или иное подозрение; людей зверски избивают, убивают или передают родственникам для совершения «убийства чести», а потом не ищут; некоторых выпускают за выкуп или в случае возникновения сомнений в «виновности».

Сообщения СМИ о внесудебных расправах над чеченскими гомосексуалами вызвали серьёзный общественный резонанс и повлекли за собой принятие Парламентской ассамблеей Совета Европы двух резолюций³, требующих от российского руководства провести тщательное расследование соответствующих фактов и обеспечить необходимые гарантии защиты пострадавших лиц и членов их семей. Хотя

---

¹ См.: Милашина Е. Это была казнь. В ночь на 26 января в Грозном расстреляли десятки людей // Новая газета. № 73 от 10 июля 2017 года. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/07/09/73065-eto-by-la-kazn-v-noch-na-26-yanvarya-v-groznom-rasstrelyany-desyatki-lyudey> (дата обращения: 20.09.2019); Она же. Хозяйка жизнью. Кто и как пытается скрыть следы внесудебных расправ в Чечне. Публикуем доказательства // Новая газета. № 82 от 31 июля 2017 года.

² Милашина Е. Убийство чести: Как амбиции известного ЛГБТ-активиста разбудили в Чечне страшный древний обычай // Новая газета. № 34 от 3 апреля 2017 года. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/04/01/71983-ubiystvo-chesti> (дата обращения: 20.09.2019); Гордиенко И., Милашина Е. Расправы над чеченскими геями: Публикуем истории выживших свидетелей // Новая газета. № 35 от 5 апреля 2017 года. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/04/04/72027-raspravu-nad-chechenskimi-geyami-publikuem-svidetelstva> (дата обращения: 20.09.2019).

³ Human rights in the North Caucasus: what follow-up to Resolution 1738 (2010)? Parliamentary Assembly of the Council of Europe resolution. No. 2157. April 25, 2017. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/Xref/Xref-DocDetails-en.asp?FileID=23675> (дата обращения: 20.09.2019); Persecution of LGBTI people in the Chechen Republic (Russian Federation): Parliamentary Assembly of the Council of Europe resolution. No. 2230. June 27, 2018. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/Xref/Xref-DocDetails-en.asp?FileID=24962&lang=en> (дата обращения: 20.09.2019).

эти резолюции, пожалуй, вполне справедливо можно характеризовать в качестве инструментов внешнеполитического давления на Россию в условиях накалившейся международной обстановки, обращает на себя внимание то обстоятельство, что федеральные власти не в состоянии как-то внятно отреагировать на содержащиеся в них обвинения в массовых нарушениях фундаментальных прав человека. Обвинения в массовых расстрелах, пытках и избиениях слишком серьезны для того, чтобы просто игнорировать их. При этом то, что делает федеральное руководство – это именно игнорирование, дополняющееся отдельными неуклюжими и совершенно невнятными объяснениями, такими как заявление и.о. министра юстиции РФ Александра Коновалова.

«Проведенные проверки, в том числе с использованием информации, которая была предоставлена средствами массовой информации, изначально пославшими сигнал о таких нарушениях, не подтвердили не только наличие фактов нарушения этих прав, не удалось найти даже представителей ЛГБТ-сообщества в Чечне»,

– цитирует информационное агентство «Интерфакс» фрагмент выступления А. Коновалова на заседании рабочей группы ООН по универсальному периодическому обзору в области прав человека¹.

Судя по всему, проблема внесудебных расправ в Чеченской Республике находится вне контроля федеральных властей, ведь в иных случаях внешней критики за политику в области соблюдения прав человека их реакция была предельно жесткой (достаточно вспомнить принятие уже упоминавшегося выше «закона Димы Яковлева» в ответ на американский «акт Магнитского» или позицию Конституционного Суда РФ по вопросу о предоставлении избирательных прав гражданам, отбывающим наказание в виде лишения свободы², которая идет

¹ Минюст РФ не нашел геев в Чечне // Интерфакс. 14 мая 2018 года. URL: <https://www.interfax.ru/russia/612596> (дата обращения: 20.09.2019).

² По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного

вразрез с решением Европейского суда по правам человека). В данном случае, насколько можно судить со стороны, сам федеральный центр не является ни инициатором, ни тем более непосредственным соисполнителем внесудебных расправ и организации секретных тюрем: чеченское руководство делает это совершенно самостоятельно, ни перед кем не отчитываясь о своих действиях. Всё, что остаётся Кремлю в этих условиях – делать вид, что ничего не происходит, молчать и время от времени давать комментарии, не способные убедить никого.

Почему так происходит? Вероятно, по той причине, что федеральное руководство не в состоянии контролировать процессы, происходящие в Чеченской Республике, а потакание желаниям и интересам местной полукриминальной группировки, находящейся у власти, является практически единственным способом сохранения мира и стабильности в данном регионе. Иными словами, Чечня находится *de facto* за пределами российского правового пространства, а Российская Федерация не обладает суверенитетом на территории Чеченской Республики. В условиях разъезжающегося по швам правового пространства и рассыпающегося национального правопорядка центральные власти делают всё возможное, чтобы как-то законсервировать существующее положение, продлить существование разлагающихся структур и институтов. При этом, если в Чечне эту задачу пытаются решить путём покупки лояльности региональной полу-уголовной элиты (а она на самом деле по большей части состоит из бывших боевиков, воевавших против федерального правительства, т.е. в соответствии с российским законодательством совершавших тяжкие и особо тяжкие преступления), то в других регионах, напротив, реализуется политика ограничения полномочий, введения унитарных начал управления. Вряд ли всё это поможет в долгосрочной перспективе, но зато действует прямо сейчас.

Возвращаясь к проблеме аномальных правовых зон и чрезвычайного правоприменения, необходимо резюмировать: да, фактически внутри современного, оказавшегося в кризисе территориального госу-

---

процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

дарства-нации растёт государство *головорезов*, либо его ближайший родственник – *клановое государство*, основывающееся на практически безграничной власти одного бандитского клана, демонстративном следовании строгим патриархальным обычаям и религиозным нормам при отрицании или игнорировании позитивного права. Отличие такого растущего на наших глазах «государства *головорезов*» от подобных ему проектов состоит в том, что подпитывается оно ресурсами официального государственного организма, паразитирует на последнем, будучи формально включённым в него. Как говорится в независимом экспертном докладе, посвящённом положению дел в кадыровской Чечне,

«результатом политики Путина на Северном Кавказе стало появление на юге страны государственного образования, создающего риски новой масштабной войны; <...> произошло формирование опасного режима, лояльность которого обусловлена исключительно удовлетворением финансовых и политических appetитов Рамзана Кадырова со стороны федерального центра».

Вывод автора доклада неутешителен:

«Ни один политик и ни одно ведомство не способны сегодня гарантировать, что созданное в Чечне исламское государство Кадырова, упивающегося вседозволенностью, не превратится со временем в новое “Исламское государство”, готовое объявить джихад России, как это уже делал отец Рамзана Кадырова»¹.

В сложившихся условиях от официального права остаётся лишь формальность, да и эта формальность сплошь и рядом попирается теми, кто по идее должен был бы служить её образом. Неофициальное право², теневое право³ формирует истинную основу порядка в странах,

¹ Яшин И. Указ. соч. С. 3.

² Термин, использовавшийся Л. И. Петражицким, для обозначения систем социального нормативного регулирования, не опирающихся на авторитет государства (см.: *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2 ч. Часть 1. М.: Издательство Юрайт, 2017).

³ Значение данного термина раскрывается в § 4.4.

стоящих одной ногой в естественном состоянии. Так, *пройдя долгий путь развития по пути утверждения государственного правового монизма, человеческое общество приходит к возрождению архаичных управленческих практик, родоплеменных институтов, адата и иных внепозитивных систем социальной регуляции*. В таких регионах как Чечня в наиболее наглядной форме мы можем наблюдать не окончательную (как в Сомали или Ливии), а срединную фазу разрушения национального правопорядка, имея в виду в данном случае правовой порядок Российской Федерации как единого суверенного государства.

Подводя промежуточный итог анализу кризисных трансформаций в юридической сфере, следует отметить, что расширение аномальных правовых зон, господство релятивизма в правовой системе и чрезвычайные формы правоприменения свидетельствует о том, что как-бы-нейтральное, универсальное, исходящее от государства позитивное право, впитавшее в себя *ratio* западного человека и в течение продолжительного времени наполнявшееся всевозможными гарантиями, сдержками и противовесами, направленными на обеспечение сложного баланса интересов различных слоёв общества, перестало или перестаёт существовать. Столкнувшись с негативными явлениями, относящимися к состоянию глобального кризиса, разумный законодатель из концепций Монтескьё, Руссо и Канта превратился в безумного болвана, взбесившийся принтер, не находящий для себя лучшего занятия, нежели издание бесконечной вереницы бессмысленных и вредных законов. Законы, призванные в идеале служить мерилем целесообразности и выражением народной воли, сделались грубым техническим инструментом, молотком для поспешного заколачивания дыр, образующихся в фанерном фасаде социального правового государства представительной демократии. Они всё в меньшей мере выражают долгосрочные интересы какого-либо, даже самого узкого класса, ибо принимаются без представления о грядущем дне и без памяти о дне вчерашнем. Это своего рода апофеоз *моторизованного законодательства*, о котором критически отзывался Карл Шмитт¹, предел деградации формы закона.

---

¹ Словосочетаниями «моторизованный закон» (*das motorisierte Gesetz*) и «моторизованный законодатель» (*der motorisierte Gesetzgeber*) К. Шмитт обозначил произошедшие после двух мировых войн сдвиги в правовой практике, выразившиеся в резком возрастании количества принимаемых законодательных актов, со-

Стоит ли удивляться тому, что судебное и административное применение этих законов сделалось делом сиюминутной конъюнктуры, а при решении действительно важных задач государственный аппарат, его отдельные элементы и должностные лица всё чаще обращаются к экстралегальным средствам? Действовать без оглядки на права, свободы, гарантии, формальные процедурные требования и т.п. в условиях всё возрастающих внешних и внутренних угроз становится нормальным делом, вопросом выживания. Правовые системы на национальном уровне смыкают с себя правозащитно-демократический грим, наконец предстывая в своём подлинном обличье. Разрушение или перерождение национальных правопорядков – вот одна из влиятельных тенденций нынешнего времени. Впрочем, не стоит забывать, что современный правопорядок в глобальном масштабе – это не сумма правовых порядков, существующих на уровне отдельных стран, но более сложное образование, включающее в себя национальные правопорядки и непосредственно связанный с ними международный правопорядок, являющийся своего рода рамкой для взаимоотношений национальных правопорядков друг с другом. Этот международный правопорядок также переживает сегодня глубокие трансформации, требующие внимательного анализа в контексте настоящего исследования.

4.3. ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Международное право – это система норм и принципов, являющихся по преимуществу результатом соглашения суверенных государств и нацеленная на регулирование отношений между государствами или с участием государств. Логично, что с трансформацией государств и изменением господствующих представлений о государственности в целом меняется и система международного права. Необходимо со всей ясностью понимать, что кризис современного государства, государства эпохи модерна есть одновременно (и в той же степени) и кризис международного права. Меняющаяся радикальным образом, испыты-

---

крашении времени на разработку и принятие законов, подмене законов подзаконными актами (декретами и директивами), упадке правоправедения. См.: *Schmitt C. The Plight of European Jurisprudence // Telos. 1990. No. 83. P. 50–54.*

вающая глубокий кризис модель государственности просто не может порождать *нормального* права ни на национальном, ни на наднациональном уровне. Причём если на национальном уровне негативные кризисные явления, с которыми сталкивается отдельное государство, всё чаще порождают экстраординарное, близкое к чрезвычайному, законодательство, избыточность правового регулирования, а также юридический релятивизм в правоприменении, то на наднациональном уровне картина меняется ещё более существенным образом. Международное межгосударственное право, которое мы знали и считали классическим регулятором отношений на наднациональном уровне, попросту перестаёт существовать. Конечно, оно не растворяется в воздухе, не испаряется моментально. Политики и дипломаты продолжают взывать к духу умершего. Юристы стараются всеми силами воскресить его (многие из них ведут себя так, будто их пригласили на банкет в его честь, не осознавая, что в действительности присутствуют на похоронах). Студенты продолжают изучать учебную дисциплину под названием «Международное право», но либо изучают лишь историю этой системы, либо имеют дело с несколько иным правовым образованием, которое их преподаватели по недоразумению продолжают величать именем его почившего родственника.

Впрочем, если не прибегать к столь радикальным оценкам, нужно просто признать: с международным правом, так же как и с современной моделью государственности, происходят серьёзные перемены, и эти перемены всё сложнее и сложнее игнорировать. Возможно, мы ещё не вполне понимаем, что это за перемены, не осознаём их масштаб, но полуинтуитивно чувствуем их сквозь ткань реальных международных отношений, происходящие в глобальном масштабе события и ленты новостей СМИ. Джутта Бруннэ (Jutta Brunnée), юрист-международник и профессор Университета Торонто, выразила это смутное ощущение в одной из своих статей в специализированном Интернет-блоге “OpinioJuris”:

«...международное право всегда оказывалось перед вызовами различного рода, исходящими от разнообразных акторов. <...> Но мы, пожалуй, все ощущаем, что что-то новое происходит, что встающие перед международным правом вызовы, свидетелями которых мы сегодня являемся, оказываются так

или иначе более разъедающими [corrosive], более опасными, чем те, что мы наблюдали некоторое время ранее».¹

Мы становимся свидетелями по меньшей мере серьёзной перестройки системы международного права. Глобальный кризис, который определяет нынешнюю эпоху, не щадит прежних структур, институтов, принципов и норм. Самое время разобраться, в какую сторону всё идет.

Деформация современных и возвращение средневековых международно-правовых понятий и принципов

Кому-то это может показаться странным, однако правовой порядок, складывающийся на наших глазах в мировом масштабе, всё чаще и чаще вызывает к жизни политико-юридические понятия, относящиеся к давно минувшим историческим эпохам – европейскому Средневековью и раннему Новому времени. В науке международного права к таким, казалось, устаревшим, а затем обретшим вторую жизнь концептам относятся концепты «справедливой войны» (*bellum justum*) и «незаконного врага» (*hostis injustus*).

Как и многие юридические и, в частности, международно-правовые понятия, понятие справедливой войны (*bellum justum*) происходит из Древнего Рима, где ему, однако, придавалось преимущественно процедурное значение. Согласно Цицерону, справедливой по римским обычаям считалась только такая война, которую вели после предъявления требований к противной стороне или о которой предварительно уведомили². Обеспечение ведения Римом справедливой войны возлагалось на особую коллегию жрецов – фециалов (*fetiales*), которые являлись хранителями дипломатических обычаев (*jus fetiale*), проводили обряд объявления войны и должны были клятвенно заверить царя или сенат в том, что противник нарушил свои обязательства перед народом Рима и, тем самым, создал справедливое основание для войны³.

---

¹ *Brunnée J.* Challenging International Law: What's New? // *OpinioJuris*. 13.11.2018. URL: <http://opiniojuris.org/2018/11/13/challenging-international-law-whats-new/> (дата обращения: 20.09.2019).

² *Цицерон.* О старости, о дружбе, об обязанностях. М.: Наука, 1974. С. 67.

³ *Nussbaum A.* Just War – A Legal Concept? // *Michigan Law Review*. 1943. Vol. 42, No. 3. P. 454.

Более детальную проработку идеи о справедливой войне получили, однако, значительно позднее, в работах средневековых христианских теологов Аврелия Августина и Фомы Аквинского, соединивших вышеуказанное понятие римского публичного права с ветхозаветным понятием «обязательной священной войны» (*milhemit mitzvah* / מלחמת מצווה), которую ведут против врагов Бога, т.е. против зла как такового¹. Средневековое учение о справедливой войне сделало акцент на недостатках противной стороны, существенных настолько, что возникает необходимость военного решения вопроса. Представив, с одной стороны, войну в качестве обременительной необходимости, а с другой, налепив на противника ярлык преступника, западноевропейские учёные обеспечили легитимность практически любых предприятий своих государств в отношении нехристианских народов.

По мысли западноевропейских юристов и теологов, любая война, любое насилие априори справедливы, если направлены против «несправедливости» противной стороны. Санкция же на борьбу с этой несправедливостью даёт не иначе как сам Бог, а потому у истинных христиан не должно возникать никаких сомнений в правоте их правителей, объявляющих войны. Справедливая война это не что иное, как война священная, война, основанная на религиозной миссии, война против дискриминируемого противника.

Фомой Аквинским были определены критерии, позволяющие считать войну справедливой. К их числу мыслитель отнёс справедливую причину (*justa causa*) и справедливое намерение. Разъяснение понятия справедливой причины изложено Фомой Аквинским достаточно ясно: необходимо, «чтобы атакованные были атакованы потому, что заслужили это некоторым своим поступком»² (курсив наш. – Р. Р.). Под справедливым же намерением атакующей стороны в учении Аквинского понимается намерение утвердить добро или прекратить зло³. Таким образом, перед нами предстаёт международно-правовое учение, обосновывающее право на насилие со стороны одних несправедливым

---

¹ *де Бенуа А.* Карл Шмитт сегодня. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2014. С. 38.

² *Фома Аквинский.* Сумма теологии. Часть II–II. Вопросы 1–46. К.: Ника-Центр, 2011. С. 498.

³ Там же.

/ противозаконным / нечестивым поведением субъектов, противостоящих первым.

«Истинная религия полагает мирными те войны, которые ведутся ... ради укрепления мира, наказания злодеев и утверждения добра»,

— указывается в трудах Аквината, однако, разумеется, такие понятия, как «укрепление мира», «утверждение добра» и «злодеи», столь расплывчаты, что вопрос о справедливости военных действий целиком ставится в зависимость от субъективных толкований, от крайне относительной моральной позиции.

Начиная с Фомы Аквинского средневековые представления о справедливой войне развивались в рамках католической церковной доктрины, и наиболее значимый последующий вклад в развитие теории справедливой войны принадлежит испанскому богослову и правоведу Франсиско де Витория. В своих «Relecciones de Indis et de iure belli» («Рассуждения об индейцах и о праве на войну») де Витория сформулировал семь нелегитимных и семь легитимных предлогов для справедливой войны. К легитимным предлогам были отнесены: право испанских подданных на ведение торговли на заморских территориях (*jus commercii*); право на пропаганду христианской веры среди коренного населения (*jus propagande fidei*); защита перешедших в христианство индейцев (*jus protectionis*); право, исходящее из папского поручения (*jus mandati*); право вмешательства против тиранов или негуманных порядков (*jus interventionis*); право свободного выбора (*jus liberae electionis*); право на защиту союзников (*jus protectionis sociorum*)¹.

В рассуждениях испанского мыслителя гуманистические соображения вполне отчётливо встают на службу иностранного военного вмешательства, обосновывая правомерность захватов территорий в Новом свете. Сам того не ведая, великий основоположник Саламанкской школы сформулировал практически все наиболее значимые предлоги для военного вмешательства, которые впоследствии – и даже спустя почти пять столетий – будут использоваться державами Запада для

¹ См.: *de Vitoria F.* Relecciones sobre los indios y el derecho de guerra. Madrid: Espasa-Calpe, S.A., 1975. P. 88-105; *Burillo J.* Francisco de Vitoria: los títulos legítimos a las Indias // *Glossae. Revista de historia del derecho europeo.* 1988. No. 1. P. 164–169.

обоснования собственных действий в различных регионах планеты. С одной стороны, очевидно, что рассуждения де Витория в основе своей вытекают из концепций более ранних теологов, святых Августина и Фомы. С другой стороны, по своему содержанию они гораздо более современны, ведь учение де Витория не делит субъектов международного общения на справедливых по своему поведению и несправедливых, силы добра и силы зла – оно исходит по большей части из, казалось бы, универсальных ценностей, коими являются возможность свободно торговать и путешествовать, возможность пропагандировать (т.е. распространять на добровольной основе!) христианскую веру, необходимость защищать внешнеполитических союзников и притесняемых за религиозные убеждения единоверцев, защищать свободный выбор (т.е. практически необходимость защищать свободу вероисповедания и свободы мысли), обязанность выступать против тиранов и вообще против несправедливых порядков. В рамках учения испанского богослова военное вмешательство оправданно не столько потому, что противная сторона преступила некие негласные нормы, сколько потому, что оно необходимо самой этой стороне, вернее – её мирному населению или части населения. Таким образом, знаменитые «Relecciones», вероятно, являют собой один из первых в истории источник, выступающий в качестве солидной теоретической базы *гуманитарной интервенции* – интервенции европейских государств в неевропейское пространство, населённое народами с иными культурными, религиозными, политическими и правовыми устоями.

Первоначально и достаточно долгое время теория справедливой войны выступала в качестве инструмента, оправдывавшего войны христианских государств с нехристианами. Как в этой связи отмечал немецкий правовед К. Шмитт, средневековое учение о справедливой войне всегда развивалось в рамках *Respublica Christiana* – надгосударственной христианской общности, которая охватывала Европу Средних веков. По словам К. Шмитта, данное учение «должно было различать распри и войны, которые вели между собой христиане, т.е. противники, подчинявшиеся авторитету церкви, и все прочие войны».

«Осененные авторитетом церкви крестовые походы и миссионерские войны,

– указывал учёный, –

без всякого их деления на наступательные и оборонительные *eo ipso* были справедливыми войнами; государи и народы, упорно не желавшие подчиняться авторитету церкви, например евреи и сарацины, *eo ipso* являлись *hostes perpetui* (вечными врагами)»¹.

Как указывал Шмитт, с точки зрения права справедливой войной признаётся та война, которая ведётся *ex justa causa* (на законных основаниях), т.е. ради осуществления справедливых требований². Нетрудно, однако, догадаться, что вопрос справедливости этих требований и, соответственно, законности оснований для ведения военных действий является вопросом морально-теологического, а вовсе не юридического характера. Более того, справедливость или несправедливость поводов для начала той или иной войны не может одинаковым образом пониматься различными противостоящими друг другу сторонами конфликта, заинтересованными в репрезентации собственной позиции в качестве правомерной, а позиции противника – в качестве ложной.

Тогда как в вопросе о правомерности войн европейцев за пределами европейского пространства (т.е. о войнах европейцев-христиан с чужеземцами-нехристианами, в особенности с язычниками Нового света, о которых, например, швейцарский юрист XVIII века Эмер де Ваттель высказывался как о «свирепых и вредных животных»³) в рамках *jus publicum europaeum* не возникало принципиальных разногласий, проблема войн внутри *Respublica Christiana* не могла не вызывать серьёзных противоречий. Для решения вопроса о справедливости ведения войны в рамках европейского политико-правового пространства требовалась третья инстанция, нейтральная сторона, стабилизирующий авторитет которой признавался бы всеми иными потенциальными участниками военных действий. Такой нейтральной инстанцией в средневековом европейском правопорядке являлась христианская

---

¹ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. С. 131–132.

² Там же. С. 132.

³ Ваттель Э. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. С. 87.

Церковь, посредничество которой в международных сношениях по ряду причин сделалось неудобным для набирающих силу и склонных к централизации власти государств Европы. Когда вопросы следования той или иной версии религиозного обряда, подчинения той или иной духовной власти, лояльности тому или иному церковному канону раскололи некогда единое европейское пространство христианской общности и породили гражданские войны (апогеем которых стала Тридцатилетняя война), Церковь из нейтральной инстанции сама превратилась в проблему. Как следствие, в постсредневековом европейском международном праве с XVII по XX века мы можем наблюдать попытку упразднения самого понятия *justa causa*, отказ от концепции справедливой войны в пользу концепции войны-дуэли, которую могут вести лишь формально равные суверенные государства, взаимно признающие друг друга. Моральная доктрина, опиравшаяся на дискриминацию противной стороны, в отношении которой уместно, справедливо и даже необходимо использовать силу, сменилась недискриминирующим пониманием войны, строящимся вокруг понятия законного врага (*justus hostis*).

Законный враг – это формально равный, не дискриминируемый противник, суверенное государство, в борьбе с которым следует руководствоваться определёнными нормами; противник, который, в свою очередь, признаёт другие суверенные государства формально равными ему. Законный враг – понятие, противоположное понятию *ungerechter Feind* («незаконный / несправедливый враг»), сформулированному Иммануилом Кантом в его «Метафизических первоначалах учения о праве». В соответствии с учением Канта «право государства по отношению к *несправедливому врагу* не имеет ограничений», несправедливым же врагом философ обозначает того, «чья публично выраженная ... воля раскрывает максимум, в соответствии с которой, если сделать ее всеобщим правилом, состояние мира между народами делается невозможным и должно быть увековечено естественное состояние»¹. Применение силы по отношению к *ungerechter Feind*, согласно теории Канта, нужно не для разделения страны врага или стирания её с лица земли, а для того, чтобы дать возможность народу такой страны

¹ Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 411–413.

«принять другое устройство, которое по самой своей природе не благоприятствовало бы склонности к войне»¹. Таким образом, в теории незаконного врага мы видим гуманистические соображения, морально уничижающие ту политико-территориальную общность, которая по тем или иным признакам не соответствует западным, европейским представлениям о благом политическом и правовом устройстве.

С точки зрения К. Шмитта, отказ от дискриминирующего понятия войны в пользу понимания войны как отношения суверенных политико-территориальных единиц («войны по формам») привёл к определённой рационализации и гуманизации, т.е. к ограничению, военных действий, к акцентуации уже не *jus ad bellum* (права на войну), а *jus in bello* (правовых норм ведения войны)². Точку в этом процессе поставил XX век – время, в которое «оформленные» войны-дуэли старого международного права сменились тотальными, мировыми войнами, ведущимися на истребление и до полного разгрома противника.

По мнению Шмитта, поворотной точкой в возврате международного права и международных отношений к концепции справедливой войны можно считать подписание в 1919 года Версальского мирного договора³. Договор содержал положения, предполагавшие осуждение немецкого кайзера Вильгельма II как военного преступника, ответственного за «высшее оскорбление международной морали и священной силы договоров», а также предусматривавшие существенные санкции в отношении Германии как виновника развязывания Первой мировой войны. Значение Версальского договора состояло, следовательно, не только в том, что этот договор определял послевоенное устройство мира, но также и в том, что он создавал своего рода прецедент, норму, которой не было прежде в международном праве, т.к. оно не признавало юрисдикции одного государства над другим государством или его правителем и основывалось на принципе “*Par in parem non habet jurisdictionem*” («Равный не имеет юрисдикции над равным»). Так произошёл отказ от одного из центральных принципов европей-

---

¹ Там же. С. 413.

² Шмитт К. Номос Земли. С. 133; *de Бенуа А.* Указ. соч. С. 36.

³ Schmitt C. The International Crime of the War of Aggression and the Principle “*Nullum crimen, nulla poena sine lege*” // Carl Schmitt. Writings on War / ed. by Timothy Nunan. Cambridge: Polity Press, 2011. P. 136.

ского международно-правового порядка, а война из исключительного, но в целом приемлемого и лежащего в правовом поле отношения между суверенными единицами (национальными государствами), стала рассматриваться либо как преступление (об этом говорит появление международно-правовых норм об ответственности за развязывание войны), либо (в допустимом своём варианте) как полицейская операция против правонарушителя. В этой связи один французский философ саркастически заметил, что международное право постепенно становится «приложением к уголовному»¹.

Версальский мир узаконил отход от принципов старого европейского международного права и открыл дорогу для возвращения в международное право доктрины справедливой войны, однако в полный рост практическая реализация последней встала лишь в конце XX века.

Оценивая современную практику воплощения в жизнь идей о справедливой войне с точки зрения её соответствия международно-правовым учениям европейского Средневековья, нужно отметить, что сегодня доктрина справедливой войны сочетает в себе религиозный настрой учений Аврелия Августина и Фомы Аквинского с гуманистическим универсализмом, присущим теории Франсиско де Витория.

О том, что сегодня названная доктрина действительно существует и воплощается в жизнь, свидетельствует ряд красноречивых событий недавней истории:

– бомбардировки Югославии силами НАТО в период с 24 марта по 10 июня 1999 года, проведённые без мандата ООН и обосновывавшиеся необходимостью остановить этнические чистки в Косово;

– вторжение США и их союзников в Ирак весной 2003 года, проведённое также без мандата ООН и обосновывавшееся необходимостью предотвратить применение Ираком *якобы* имевшегося у него химического оружия;

– военная интервенция сил международной коалиции (страны НАТО, Швеция, Иордания, Катар, ОАЭ) в Ливию в 2011 году, фактически санкционированная резолюцией Совета Безопасности ООН № 1973: резолюция, ссылаясь на «грубые и систематические нарушения прав человека» законными ливийскими властями, предусматривала

---

¹ См.: *де Бенуа А.* Указ. соч. С. 50.

запрет на все полёты над территорией страны для ливийской авиации и замораживание активов, контролируемых ливийским руководством¹;

– поддержка западными державами и ближневосточными монархиями одной из конфликтующих сторон в сирийской гражданской войне (с 2011 года по настоящее время), сопровождающаяся требованиями об отстранении от власти законного президента Сирии Башара Асада и материально-технической помощью вооружённым группировкам сирийской оппозиции;

– военное вторжение коалиции арабских государств во главе с Саудовской Аравией в Йемен, последовавшее за внутренним военным конфликтом в этой стране и вылившееся в полномасштабную войну против шиитских повстанцев-хуситов (с весны 2015 года)

Все вышеназванные события имеют одну общую черту: они представляют собой военные вторжения одних государств в территориальное пространство других государств, нацеленные на пресечение неких, выдаваемых за преступные, действий и наказание лиц, виновных в неких нигде не определённых преступлениях. Иными словами, речь идёт не о войнах в классическом понимании, а, скорее, о *международных полицейских операциях*. Эти операции, как правило, имеют довольно шаткие правовые основания, чаще всего обосновываются защитой неких мирных граждан от нарушений прав человека, противодействием несправедливым (т.е. «антидемократическим») порядкам в той или иной стране, борьбой с потенциальной (!) военной угрозой. Это операции, в которых условные силы «Добра» противостоят выдуманной ими же силам «Зла», поскольку «Добро» понимается как свод универсальных (выдаваемых за универсальные) политических ценностей – ценностей, относящихся к характеристике нескольких либеральных режимов и толкуемых самими этими режимами. Поскольку же международные акторы, осуществляющие военно-гуманитарную интервенцию, полагаются не столько на легальные, сколько на легитимные, с их собственной точки зрения, предлоги, а ведущиеся ими военные действия направлены в значительной мере к наказанию дискриминируемого противника (незаконного врага, *hostis injustus, ungerichter Feind*),

---

¹ Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года // United Nations. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1973%282011%29> (дата обращения: 20.09.2019).

любые соображения о соблюдении старых международно-правовых норм ведения войны оказываются второстепенны перед полаганием финальных результатов таких военно-дисциплинарных, полицейских операций. Именно поэтому США и их союзники проводят свои операции без мандата ООН или, как в случае с резолюцией Совбеза ООН по Ливии, выходя за рамки предоставляемых ООН полномочий, в отдельных случаях не гнушаются использовать запрещённые средства и методы ведения войны¹.

Выше, в § 3.1, подробно говорилось о трансформации и фактическом выворачивании наизнанку принципа государственного суверенитета. Дискриминация военного противника, легитимация военной интервенции под гуманистическими предлогами и превращение войны, ведущейся между государствами, в международную полицейскую операцию – неотъемлемые элементы этого процесса, составляющие единой логики.

Конечно, при желании можно найти целый ряд преимуществ нового понимания войны, суверенитета, международно-правовых обязанностей и ответственности государств. По крайней мере, порядок, в рамках которого правители отдельных государств могли запросто позволить себе применение насилия в отношении многочисленных слоёв населения, вряд ли должен вызывать сильное сожаление. Депортации, насильственное перемещение национальных меньшинств, строительство концентрационных лагерей для отдельных социальных или этнических групп, провоцирование погромов и т.п. действия являют собой трагические и позорные события в истории дошедших до пика своего могущества государств. Однако было бы крайне наивным полагать, что новое понимание государственно-суверенитета и изменившаяся практика регулирования международных отношений гарантируют теперь соблюдение прав человека в мировом масштабе. Вопиющий пример геноцида народа рохинджа в

---

¹ Статья 25 Гагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны: *«Встрещается атаковать или бомбардировать каким бы то ни было способом незащищённые города, селения, жилища или строения»* (См. в сб.: Действующее международное право. Т. 2. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 575–587).

Мьянме в 2012–2017 годах¹, не вызвавший каких-либо решительных мер на международном уровне, является достаточной иллюстрацией к действительному положению вещей. Не вызывает пока сколь-либо резкой реакции со стороны официальных международно-правовых институтов и растущий поток сообщений о притеснении в Китае исповедующих ислам уйгуров², а также о функционировании так называемых «лагерей перевоспитания» для мусульманского населения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Таким образом, в практике международной защиты прав человека, привлечения государства к международно-правовой ответственности и вмешательства в его «внутренние дела» отсутствует какое-либо единство. Уйгурские мусульмане, противопоставляющие себя действующему правительству КНР, считаются террористами, тогда как отдельные группы их единоверцев в Ливии и Сирии, устраивающие теракты, получают поддержку со стороны так называемого «мирового сообщества», а уничтожение их формирований официальными вооружёнными силами отдельных государств воспринимается в качестве преступления.

Выводы, которые могут быть сделаны из признания факта возвращения идей о «справедливой войне» и «незаконном враге» в международные отношения, вряд ли способны служить поводом для оптимизма. Так называемые «общепризнанные принципы международного права» – суверенное равенство государств, разрешение международных споров мирными средствами, воздержание в международных отношениях от угрозы силой или её применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства – сегодня сохраняются лишь в качестве подлежащих бесконечным субъективным толкованиям рекомендательных норм. Война – вновь необходимое бремя стороны, присвоившей себе право говорить от имени всего человечества и несущей миссию наказания тех, кто, по словам Фомы Аквинского, «заслужил это некоторым своим поступком».

---

¹ См.: *Green, P., MacManus, T., de la Cour Venning, A. Countdown to Annihilation: Genocide in Myanmar.* London: International State Crime Initiative, 2015.

² *Bunin G. A. 'We're a people destroyed': why Uighur Muslims across China are living in fear // The Guardian.* 7 Aug. 2018. URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/aug/07/why-uighur-muslims-across-china-are-living-in-fear> (дата обращения: 20.09.2019).

Современные войны ведутся против международных правонарушителей, преступников, а потому в них могут использоваться практически любые средства. *Законное*, с точки зрения национального правопорядка страны, в отношении которой ведётся международная полицейская операция, в любой момент может быть объявлено *незаконным* с позиций «международного сообщества» (т.е. государств-интервентов). *Легальность ничтожна и подменена расплывчатой легитимностью*. Устойчивые нормы навсегда поставлены под вопрос конъюнктурными субъективными интерпретациями. В новом международном правопорядке, который приходит на смену прежнему международному правопорядку формально равноправных суверенных государств-наций, право, таким образом, *окончательно уравнено с правом сильного*.

Оглядываясь по сторонам вокруг себя, мы должны констатировать, что такие понятия, как «государственный суверенитет», «территориальная целостность», «формальное равенство» – сегодня должны быть прочитаны кардинально иным образом, чем было принято ещё несколько десятилетий назад.

Так ли далеки мы от европейских Средних веков, как нам представляется? Наверное, всё-таки далеки, ведь средневековые понятия, принципы и нормы в XXI веке повторяются лишь отчасти: в специфически современных условиях отсутствия в международном общении нейтральной третьей стороны (например, Церкви), авторитет которой уважало бы большинство международных акторов, в условиях внешнеполитической гегемонии одной державы и нескольких её сателлитов, в условиях распространения оружия массового поражения и современных высокотехнологичных способов передачи информации говорить можно лишь об аналогиях, параллелях между древним и сегодняшним.

“Zum ewigen Krieg”: разложение международного права

„*Zum ewigen Frieden*“, «*К вечному миру*»¹ – таково название известного трактата Иммануила Канта, опубликованного в 1795 году. Философское произведение, выразившее просвещенческие взгляды

---

¹ См.: *Кант И.* К вечному миру: Философский проект // *И. Кант.* Собрание сочинений в восьми томах. Изд-во «Чоро», 1994. С. 5–57.

на международный правопорядок в, пожалуй, наиболее концентрированной форме, в последующем истолковывалось различным образом. В нём видели идеи гуманизма, и действительно оно наполнено гуманистическим пафосом. Его во многом справедливо определяют в качестве провозвестника международного права второй половины XX века, основывающегося на взаимных обязательствах государств. Но также в нём всегда можно было разглядеть и довольно-таки спорные сентенции, говорящие о крайнем европоцентризме его автора, а также о косвенном оправдании отдельных форм колониального вмешательства и гуманитарной интервенции¹. Некоторые современные учёные, пожалуй, с полным основанием вправе причислить Канта с его трактатом к пионерам глобального конституционализма, и, действительно, порой кажется, что «кёнигсбергский затворник» опередил свое время, представив на суд публики программу для достаточно далекого, но всё же вполне реального будущего.

Так или иначе, однако если кто-то сегодня всерьёз взялся бы за аналогичную работу, ему следовало бы озаглавить своё сочинение несколько иным образом: „*Zum ewigen Krieg*“ – «К вечной войне», или же „*Zur ewigen Unordnung*“, т.е. «К вечному беспорядку». Ведь универсального, единого, основанного на чётких правилах межгосударственного общения международного правопорядка, о котором мечтал Кант, нет и в помине. Напротив, сегодня с сожалением приходится констатировать деградацию международного правопорядка, являвшегося результатом двух мировых войн XX века, хаотизацию международных отношений, переход от следования более или менее конвенциональным правилам даже не к примату силы в решении спорных вопросов, но к тотальной неразберихе, в которой всё труднее становится определить действующих лиц и применимое к ним право.

Осознавая, что данная проблема заслуживает отдельного самостоятельного исследования, и не одного, мы попытаемся лишь в первом приближении указать на несколько наиболее болезненных, на наш взгляд, точек в современном правовом порядке, действующем на международном уровне.

---

¹ Об этом см., например: *Williams H. Colonialism in Kant's Political Philosophy // Diametros, 2014. Vol. 39. P. 154–181.*

Для начала, пожалуй, следует назвать то, что более всего бросается в глаза. Это радикальное обострение международных конфликтов и противоречий, по степени накала не уступающих временам холодной войны. Хотя, разумеется, в международных отношениях всегда бывают относительно спокойные и относительно напряжённые периоды, и сегодняшним конфликтам пока ещё далеко до мировых войн прошлого века, необходимо уметь распознавать специфику сегодняшнего положения.

Мировые войны XX века и иные международные конфликты эпохи модерна, часть из которых были прелюдией либо последствием мировых войн, по своей сути в основном являлись межгосударственными конфликтами. Как уже отмечалось в § 2.2, современные войны – это войны, в которых подчас трудно определить, кто с кем воюет. Мы можем наблюдать значительный плюрализм акторов, вовлечённых в вооружённые конфликты. Среди них по-прежнему наиболее заметны государства и аффилированными с этими государствами группировки (ополчения, частные военные компании и т.п. – так называемые «*прокси-войска*»), однако выделяются и иные, обладающие собственной субъектностью и самостоятельно ставящие перед собой цели, формирования, существование которых без опоры на то или иное государство ещё не так давно невозможно было себе представить. Наконец, с учетом того, что уже было сказано здесь ранее, следует задуматься о том, не являются ли сами государства, участвующие в вооружённых и невооружённых международных конфликтах, сегодня такими же «*прокси*», но только по отношению к корпорациям.

Для сегодняшних международных конфликтов характерно широкое использование так называемых «*международных санкций*». За последние сорок лет их количество выросло скачкообразно, при этом особенно угрожающие масштабы ситуация с санкциями приобрела в последние 5–10 лет. Если в период 1915–1945 годов, согласно подсчётам группы исследователей из Института мировой экономики Петерсона, имело место всего лишь 13 эпизодов международных экономических санкций, в период 1945–1975 годов это количество возросло до 55. С 1975 по 2000 годы было зафиксировано 107 эпизодов¹. С 2001 по

¹ Данные см. в: *Hufbauer G. C. et al. Economic Sanctions Reconsidered / 3rd Edition. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007. P. 18–33.*

2011 – имело место по меньшей мере 20 случаев введения экономических санкций в отношении иностранных государств и/или их резидентов¹.

В течение периода 2012–2019 годов мы можем насчитать не менее тринадцати эпизодов санкций, не перечисленных в исследованиях группы учёных из Института мировой экономики Петерсона и не являющихся продолжением тех эпизодов, которые были в этих исследованиях перечислены. Исследователям ещё предстоит провести оценку того экономического эффекта, который стал результатом данных санкционных эпизодов. Вполне вероятно, что по охвату государств и урону, нанесённому мировому ВВП, некоторые из этих эпизодов стали наиболее катастрофическими в истории.

Данные о санкционных мерах в период 2012–2019 годов содержатся в таблице 1.

Даже столь поверхностный обзор позволяет понять, насколько распространённым инструментом сделались международные санкции в последнее время. Они охватывают значительное число государств, причём это в основном развитые государства, выступающие в качестве активных игроков на мировом рынке. Зачастую санкционные меры вводятся в одностороннем порядке, на основании нормативных правовых актов, принимаемых государствами на национальном уровне. Многие из них адресованы отдельным физическим и юридическим лицам, а не государству непосредственно, однако и в таких случаях их истинным адресатом являются государства.

В международно-правовой доктрине до сих пор нет единства по вопросу о правомерности односторонних международных санкций. Правом налагать санкции на государства обладает Совет Безопасности ООН в соответствии со статьёй 41 Устава ООН, но значительная часть международных санкционных мер в настоящее время исходит от государств напрямую.

Односторонние санкции, исходящие от государств и реализующиеся как меры международно-правовой ответственности за нарушение другими государствами своих международно-правовых обязательств,

---

¹ Ibid. P. 34–38; *Hufbauer G. C. et al.* Post-2000 Sanctions Episodes // Peterson Institute for International Economics. May 2012. URL: <https://piie.com/sites/default/files/publications/papers/sanctions-timeline-post-2000.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

Международные санкции, инициированные в период 2012–2019 гг.

№ п/п	От кого исходят санкции	В адрес кого санкции направлены	Год введения санкций	Правовые и фактические основания, содержание санкционных мер
1	США	Отдельные должностные лица органов государственной власти Российской Федерации	2012	Так называемый «Акт Магнитского», принятый Конгрессом США в декабре 2012 года, предусмотрел возможность введения персональных санкций по отношению к российским должностным лицам, причастным к нарушениям прав человека в России. Актом предусмотрены персональные санкции в виде отказа в предоставлении американской визы (либо аннулирование уже выданной визы), а также замораживание активов ¹
2	Россия	Отдельные должностные лица органов государственной власти США, граждане США	2012	Федеральный закон № 272-ФЗ от 28 декабря 2012 г. «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» («закон Димы Яковлева» ²) представляет собой ответную реакцию российского руководства на ранее принятый в США Акт Магнитского. Закон предусматривает введение запрета на въезд в Россию граждан США, причастных к нарушениям прав граждан Российской Федерации, арест их активов. Также законом воспрещается передача российских детей на усыновление (удочерение) гражданам США.
3	СБ ООН, США, ЕС, Великобритания и др.	Отдельные должностные лица Йемена, участники повстанческого движения хуситов	2014	Резолюция СБ ООН предусмотрела замораживание всех денежных средств, других финансовых активов и экономических ресурсов, находящихся на территории вводящих санкции государств и принадлежащих лицам, указанным специально сформированным Комитетом по санкциям ³ . В список лиц, в отношении которых была применена эта мера, вошли свергнутый в результате событий «Арабской весны» президент Йемена Али Абдулла Салех его сын Ахмед, а также трое руководителей шиитского движения хуситов (Ансар-Алла), взявшего власть в отдельных районах страны

4	США, ЕС, Австралия, Канада, Норвегия, Украина, Япония и др.	Российская Федерация, члены Правительства, должностные лица иных органов государственной власти Российской Федерации, российские граждане и юридические лица	2014	Россия была обвинена в аннексии Крыма и действиях, подрывающих суверенитет и территориальную целостность Украины (участие в вооружённом конфликте в Донбассе на стороне донецких и луганских сепаратистов). Впоследствии США присоединили к этим обвинениям обвинение России во вмешательстве в американские выборы, а также неправомерную оккупацию принадлежащих Грузии территорий Южной Осетии и Абхазии. Санкции адресованы как государству в целом, так и отдельным гражданам и организациям-резидентам персонально. Россия была исключена из клуба Большой восьмерки, вновь преобразованного в G7 ⁴ . Односторонние санкционные меры в отношении Российской Федерации включают в себя: введение персональных запретов на въезд в США, замораживание активов и арест имущества для отдельных публичных должностных лиц российского парламента, правительства и федеральных ведомств, а также для приближённых к российскому руководству ⁵ и иных лиц; запрет на импортирование любых товаров, услуг и технологий, произведённых в Крыму; запрет на экспорт, реэкспорт, продажу каких-либо товаров, услуг и технологий из Крыма; запрет на какое-либо финансирование или иную помощь Республике Крым в составе Российской Федерации; эмбарго на поставки военной техники и вооружений из России ⁶ . Европейским Союзом был ограничен доступ российских финансовых институтов с государственным участием к европейским рынкам капитала. Европейские банк реконструкции и развития заморозил принятие решений о новых проектах в России
5	Россия	США, ЕС, Канада, Австралия, Норвегия; позднее также – Украина, Албания, Черногория, Исландия, Лихтенштейн	2014	Запрет на ввоз отдельных видов сельскохозяйственной продукции (в т.ч. мяса, молока, молочной продукции, овощей и фруктов) стал своеобразным ответом на введение санкций против России. Правовым основанием для применения данной меры стал указ Президента РФ «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» ⁷ и постановление Правительства РФ ⁸ , принятое во исполнение данного указа. В 2018 году принят федеральный закон, кодифицировавший меры, которые могут вводиться Россией в качестве противодействия недружественным действиям США и других иностранных государств ⁹

№ п/п	От кого исходят санкции	В адрес кого санкции направлены	Год введения санкций	Правовые и фактические основания, содержание санкционных мер
6	ЕС, США	Южный Судан	2014	Введение санкций последовало за межэтническими вооружёнными столкновениями в Южном Судане. Было введено эмбарго на поставку вооружений в Южный Судан. Под запрет попало финансирование действующих в стране вооружённых формирований (в т.ч. Вооружённых сил Южного Судана) и какое бы то ни было военно-техническое сотрудничество с ними. Также были заморожены активы отдельных должностных лиц из числа командования Вооружёнными силами страны и антиправительственных военизированных формирований ¹⁰
7	США	Отдельные государственные деятели Бурунди	2015	Санкционные меры, адресованные персонально нескольким высокопоставленным чиновникам Республики Бурунди и предусматривающие замораживание активов, стали реакцией на внутренний политический конфликт в этой стране ¹¹
8	Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн, Египет, Мавритания, Сенегал, Джибути, Союз Коморских островов, Мальдивская Республика, Чад, Сенегал, Иордания и др.	Катар	2017	Формальным предлогом для введения санкций стали исходящие от Королевства Саудовской Аравии (далее – КСА) обвинения Катара в финансировании терроризма и нарушении обязательств, принятых государством в качестве члена Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива ¹² . Санкционные меры выразились в разрыве дипломатических отношений с Катаром, отзыве послов из страны. Катару было запрещено участвовать в военной кампании в Йемене в составе сил коалиции, возглавляемой КСА. Государственная почтовая служба ОАЭ Emirates Post приостановила доставку почтовых отправлений в Катар ¹³ . Несколько арабских авиакомпаний, в т.ч. Emirates и Egypt Air, приостановили авиасообщение с Катаром ¹⁴

9	США	Управление развития вооружений КНР, директор Управления Ли Шангфу ¹⁴	2018	Фактическим поводом для включения китайского государственного органа и его руководителя в санкционный список США явилась закупка КНР российских военных самолетов и систем противовоздушной обороны. Правовым основанием выступил Акт о противодействии противникам Америки посредством санкций ¹⁵ , воспрепятствующий экономические трансакции с российским оборонным комплексом.
10	США, ЕС, Группа Лимы (Аргентина, Гватемала, Гондурас, Бразилия, Канада, Колумбия, Коста-Рика, Панама, Парагвай, Перу, Чили)	Венесуэла	2014, 2017— 2018, 2019 гг.	Первоначальным фактическим поводом для введения санкций послужило обострение внутривнутриполитической ситуации в Венесуэле, а именно – антиправительственные массовые беспорядки, приведшие к человеческим жертвам. В связи с данными событиями в США был принят Закон о защите прав человека и гражданского общества в Венесуэле (Venezuela Defense of Human Rights and Civil Society Act), предусматривающий наложение персональных санкции на лиц, ответственных за насилие в Венесуэле (блокирование активов, выдворение из США, отказ во въездной визе) ¹⁶ . В президентском указе, принятом в соответствии с данным законом, были перечислены 7 высокопоставленных должностных лиц Венесуэлы, чьи активы на территории США замораживались и чей въезд в США делался более невозможным ¹⁷ . С 2017 г. Соединёнными Штатами предпринимаются дополнительные меры, направленные против существующего в Венесуэле государственного режима. Очередным президентским указом был введён мораторий на заключение резидентами США сделок с долговыми обязательствами Венесуэлы и государственной нефтегазовой компании Petroleos de Venezuela, S.A. (PdVSA), а также любое иное финансирование Венесуэлы (включая её Правительство и Центральный Банк) ¹⁸ . Примерно в это же время к санкциям в отношении Венесуэлы присоединился Европейский Союз. Решением Совета ЕС от 13 ноября 2017 г. предусматривалось замораживание активов должностных лиц и государственных компаний Венесуэлы, а также был введён запрет на поставку в Венесуэлу вооружений и оборудования, которые могут быть использованы для подавления гражданских протестов ¹⁹ . В марте 2018 г. для резидентов

№ п/п	От кого исходят санкции	В адрес кого санкции направлены	Год введения санкций	Правовые и фактические основания, содержание санкционных мер
11	США	Должностные лица органов государственной власти Никарагуа, иные граждане	2018	США были запрещены любые трансакции с цифровой валютой, выпущенной государственными органами или компаниями Венесуэлы ²⁰ . В январе 2019 г., после волны антиправительственных протестов, вызванных несогласием части населения Венесуэлы с результатами президентских выборов, победу на которых, по официальным данным, одержал действующий президент страны Николас Мадуро, США объявили о том, что считают противника Мадуро Хуан Гуайдо временным президентом Венесуэлы и единственной законной властью в стране ²¹ . Аналогичные заявления были сделаны отдельными государствами – членами ЕС (в т.ч. Германией), а также государствами – участниками Группы Лимы, созданной для разрешения кризиса в Венесуэле ²²
12	США	Отдельные должностные лица органов государственной власти Саудовской Аравии	2018	Санкции адресованы должностным лицам Никарагуа, причастным к серьёзным нарушениям прав человека, подавлению «демократических процессов и институтов» в этой стране, коррупционным операциям в интересах руководства Никарагуа; предусматривают арест имущества указанных лиц, находящегося в пределах юрисдикции Соединённых Штатов ²³
13	США	Китайская корпорация Huawei	2019	Наложены персональные санкции на 17 граждан Саудовской Аравии за грубые нарушения прав человека и причастность к убийству саудовского журналиста Джамала Хашогджи в здании консульства КСА в Стамбуле ²⁴ . В качестве правовых оснований введения санкций послужили Акт о глобальной подотчётности в области прав человека (так называемый «Глобальный акт Магнитского») ²⁵ , а также принятый на его основе указ президента США ²⁶
				Правовым основанием для введения санкционных мер выступил указ Президента США Дональда Трампа об обеспечении безопасности информационных и телекоммуникационных технологий и сервисов.

				Указ запретил американским компаниям и гражданам приобретение, импортирование, установку и любое использование информационных и телекоммуникационных технологий и сервисов, которые могут создавать угрозу интересам страны ²⁷ . Фактическим основанием для введения данных мер стали подозрения США в том, что китайский производитель телекоммуникационного оборудования Huawei, будучи тесно связанным с правительством КНР, передаёт пользовательские данные государственным органам КНР. После принятия президентского указа от сотрудничества с Huawei отказались крупнейшие американские компании, работающие в IT-секторе, в т.ч. Google.

¹ Russia and Moldova Jackson-Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012, Pub. L. No. 112-208, 126 Stat. 1496 (2012).

² О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7597.

³ Резолюция 2140 (2014), принятая Советом Безопасности ООН на его 7119-м заседании 26 февраля 2014 года // Совет Безопасности ООН. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2140\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2140(2014)) (дата обращения: 20.09.2019); Yemen-related Sanctions // US Department of the Treasury. Resource Center. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/programs/pages/yemen.aspx> (дата обращения: 20.09.2019); Financial sanctions, Yemen // Gov.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/financial-sanctions-yemen> (дата обращения: 20.09.2019).

⁴ G7 leaders: statement on Ukraine // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/news/g7-leaders-statement-on-ukraine> (дата обращения: 20.09.2019).

⁵ Treasury Sanctions Russian Officials, Members Of The Russian Leadership's Inner Circle, And An Entity For Involvement In The Situation In Ukraine // U.S. Department of the Treasury. 3/20/2014. URL: <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/jl23331.aspx> (дата обращения: 20.09.2019).

⁶ Ukraine-/Russia-related sanctions // US Department of the Treasury. Resource Center. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Pages/ukraine.aspx> (дата обращения: 20.09.2019); Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine: Executive Order 13660 of March 6, 2014 // Federal Register. 2014. Vol. 79, No. 46. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo.pdf; Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine: Executive Order 13661 of March 16, 2014 // Federal Register. 2014. Vol. 79, No. 53. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo2.pdf; Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine: Executive Order 13662 of March 20, 2014 // Federal Register. 2014. Vol. 79, No. 53. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo3.

pdf; Blocking Property of Certain Persons and Prohibiting Certain Transactions With Respect to the Crimea Region of Ukraine: Executive Order 13685 of December 19, 2014 // Federal Register. 2014. Vol. 79. No. 247. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo4.pdf; Authorizing the Implementation of Certain Sanctions Set Forth in the Countering America's Adversaries Through Sanctions Act: Executive Order 13849 of September 20, 2018 // Federal Register. 2018. Vol. 83, No. 184. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/caatsa_eo.pdf; Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // OJ L 78, 17.3.2014, p. 16. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:02014D0145-20181210&rid=2> (дата обращения: 20.09.2019); Sanctions regimes. Russia // Australian Government. URL: <https://dfat.gov.au/international-relations/security/sanctions/sanctions-regimes/Pages/russia.aspx> (дата обращения: 20.09.2019); Sanctions regimes. Crimea and Sevastopol // Australian Government. URL: <https://dfat.gov.au/international-relations/security/sanctions/sanctions-regimes/Pages/crimea-and-sevastopol.aspx> (дата обращения: 01.08.2019); Special Economic Measures (Russia) Regulations SOR/2014-58 2014-03-17 // Justice Laws Website. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2014-58/page-1.html> (дата обращения: 01.08.2019); Special Economic Measures (Ukraine) Regulations SOR/2014-60 2014-03-17 // Justice Laws Website. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2014-60/page-1.html> (дата обращения: 20.09.2019); Forskrift om restriktive tiltak vedrørende handlinger som undergraver eller truer Ukrainas territoriale integritet, suverenitet, uavhengighet og stabilitet: Lov FOR-2014-08-15-1076, 15.08.2014 // I 2014 hefte 11. URL: <https://lovdata.no/dokument/SF/forskrift/2014-08-15-1076> (дата обращения: 20.09.2019); Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 2 вересня 2015 року «Про застосування персональних спеціальних економічних та інших обмежувальних заходів (санкцій)»: указ Президента України від 16 вересня 2015 року № 549/2015 // Законодавство України. URL: <https://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/549/2015> (дата обращения: 20.09.2019); クリミア自治共和国及びセヴァストーポリ特別市のロシア連邦への「併合」又はウクライナ東部の不安定化に直接関与していると判断される者に対する資産凍結等の措置について // 05.08.2010. METI. URL: http://www.meti.go.jp/policy/external_economy/trade_control/01_seido/04_seisai/downloadCrimea/20140805press_crimea.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

⁷ Russia overview // European Bank for Reconstruction and Development. URL: <https://www.ebrd.com/where-we-are/russia/overview.html> (дата обращения: 20.09.2019).

⁸ О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4470.

⁹ О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 7 августа 2014 г. № 778 // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4543.

¹⁰ О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств: федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3394.

¹¹ Council Regulation (EU) No 748/2014 of 10 July 2014 concerning restrictive measures in respect of the situation in South Sudan // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R0748> (дата обращения: 20.09.2019); Council Regulation (EU) 2015/735 of 7 May 2015 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:02015R0735-20170309&from=EN> (дата обращения: 20.09.2019); Blocking

Property of Certain Persons With Respect to South Sudan: Executive Order 13664 of April 3, 2014 // U.S. Department of the Treasury. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/south_sudan_eo.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

¹² Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Burundi: Executive Order 13712 of November 22, 2015 // Federal Register. 2015. Vol. 80, No. 227. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/13712.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

¹³ Kingdom of Saudi Arabia Cuts Off Diplomatic and Consular Relations With the State of Qatar// The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia in Washington, DC. June 05, 2017. URL: <https://www.saudiembassy.net/news/kingdom-saudi-arabia-cuts-diplomatic-and-consular-relations-state-qatar> (дата обращения: 20.09.2019).

¹⁴ Emirates Post Group stops all types of postal services to Qatar // Emirates Post Group. June 8, 2017. URL: https://www.epg.gov.ae/portal/_en/newsdetail.xhtml?news=news967 (дата обращения: 20.09.2019).

¹⁵ См.: Flight suspension // Emirates. URL: <https://www.emirates.com/qa/english/help/travel-updates.aspx> (дата обращения: 20.09.2019); Suspension of flights between Cairo and Doha with effect from 6 June 2017 // EgyptAir. URL: <https://www.egyptair.com/en/about-egyptair/news-and-press/Pages/Suspension%20of%20flights%20between%20Cairo%20and%20Doha%20with%20effect%20from%206%20June%202017.aspx> (дата обращения: 07.03.2019).

¹⁶ CAATSA Section 231: «Addition of 33 Entities and Individuals to the List of Specified Persons and Imposition of Sanctions on the Equipment Development Department» // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/09/286077.htm> (дата обращения: 20.09.2019).

¹⁷ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act: Public Law 115-44 – Aug. 2, 2017 // Congress Gov. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

¹⁸ Venezuela Defense of Human Rights and Civil Society Act 2014: Public Law 113-278 – Dec. 18, 2014 // U.S. Department of Treasury. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/venezuela_publ_113_278.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

¹⁹ Blocking Property and Suspending Entry of Certain Persons Contributing to the Situation in Venezuela: Executive Order 13692 of March 8, 2015 // U.S. Department of the Treasury. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/13692.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

²⁰ Imposing Additional Sanctions With Respect to the Situation in Venezuela: Executive Order 13808 of August 24, 2017 // U.S. Department of the Treasury. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/13808.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

²¹ Council Regulation (EU) 2017/2063 of 13 November 2017 concerning restrictive measures in view of the situation in Venezuela // Official Journal of the European Union. 14.11.2017. L 295/21. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32017R2063&from=EN> (дата обращения: 20.09.2019).

²² Taking Additional Steps to Address the Situation in Venezuela: Executive Order 13827 of March 19, 2018 // U.S. Department of the Treasury. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/13827.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

²³ Taking Additional Steps to Address the National Emergency With Respect to Venezuela: Executive Order 13857 of January 28, 2019 // U.S. Department of the Treasury. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/13857.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

²⁴ Declaración del Grupo de Lima en apoyo al proceso de transición democrática y la reconstrucción de Venezuela // Cancillería de Colombia. URL: <https://www.cancilleria.gov.co/newsroom/news/declaracion-grupo-lima-apoyo-proceso-transicion-democratica-reconstruccion-venezuela> (дата обращения: 20.09.2019).

²⁵ Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Nicaragua: Executive Order 13851 of November 27, 2018 // U.S. Department of the Treasury. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/nicaragua_eo.pdf (дата обращения: 10.03.2019).

²⁶ Global Magnitsky Sanctions on Individuals Involved in the Killing of Jamal Khashoggi // U.S. Department of State. Nov. 15, 2018. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2018/11/287376.htm> (дата обращения: 06.03.2019); Global Magnitsky Designations // US Department of the Treasury. Resource Center. 11/15/2018. <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/OFAC-Enforcement/Pages/20181115.aspx> (дата обращения: 06.03.2019).

²⁷ National Defense Authorization Act For Fiscal Year 2017: Public Law 114-328 – Dec. 23, 2016 // Congress.Gov. URL: <https://www.congress.gov/114/plaws/pub1328/PLAW-114pub1328.pdf>.

²⁸ Blocking the Property of Persons Involved in Serious Human Rights Abuse or Corruption: Executive Order 13818 of December 20, 2017.

²⁹ Securing the Information and Communications Technology and Services Supply Chain: Executive Order 13873 of May 15, 2019 // Federal Register. 2019. Vol. 84, No. 96. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2019-05-17/pdf/2019-10538.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

в терминологии Комиссии международного права ООН именуется *контрмерами*. Как следует из решения Международного суда ООН по делу, касающемуся проекта Габчиково-Надьмарош (Венгрия против Словакии), для того, чтобы считаться правомерной, контрмера должна отвечать определённым условиям: она должна представлять собой ответ на неправомерный акт государства и должна быть направлена в отношении государства-правонарушителя; до введения контрмеры потерпевшее государство должно сначала потребовать от государства-правонарушителя прекращения неправомерного поведения или возмещения причиненного таким поведением вреда; последствия введения контрмеры должны быть соразмерны вреду, причинённому государством-правонарушителем; целью применения контрмеры должно быть принуждение государства-правонарушителя к исполнению своих международно-правовых обязательств, соответственно, контрмера должна быть обратимой¹. Это официальная позиция Международного

---

¹ Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia), Judgement, I.C.J. Reports 1997. P. 52-54. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/92/092-19970925-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 01.08.2019).

суда ООН, в то же время значительная часть современных санкционных мер не связана с конкретными противоправными деяниями государств – адресатов санкций в отношении государств, вводящих санкции¹. Скорее, эти так называемые «международные санкции» являются инструментами давления на внешнюю и внутреннюю политику соответствующих государств.

Уже неоднократно отмечалось (такие возгласы, в основном, раздаются со стороны государств, в отношении которых применяются санкционные меры), что односторонние санкции противоречат фундаментальным принципам и нормам международного права, в т.ч. признаваемому на уровне ООН праву на развитие². Как бы то ни было, однако сложившаяся практика международных отношений, даже если она противоречит существующим нормам, является более влиятельной, нежели формальные правила, содержащиеся в различных документах. Это одно из тех противоречий между действительностью и формальным содержанием международного права, которое обнажает кризис системы современного международного права и которое стоит в одном ряду с имплементацией доктрины справедливой войны в современное международное право, равно как и с другими позорными страницами истории развития этой системы регулирования.

Международные санкции – это «дубинка», которую современные государства всё чаще и чаще используют для того, чтобы «воспитывать» друг друга. Но это орудие является обоюдоострым, иными словами – его можно направить на кого угодно, в т.ч. на того, кто сам его использует. Санкции слабо связаны с реальными международными правонарушениями, но зато всегда сопровождаются вменением вины. Конструкция вины за международное правонарушение растягивается до невообразимых пределов, и вот уже не остаётся действительно правых и виноватых. Voilà! Мы прочно погружаемся в мир субъективных интерпретаций, в котором мы уже и так оказались благодаря

---

¹ По данной проблеме см.: *Геворгян К.* «Односторонние санкции» и международное право // *Международная жизнь*. 2012. № 8. С. 91–106. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/720> (дата обращения: 01.08.2019).

² Детальный анализ проблемы соотношения односторонних санкций и права на развитие см. в: *Manchak B.* Comprehensive Economic Sanctions, the Right to Development, and Constitutionally Impermissible Violations of International Law // *Boston College Third World Law Journal*. 2010. 30 (2). P. 417–451.

имплементации доктрины справедливой войны в современное международное право! И раз уж в этом мире становится принципиально невозможной какая-либо объективная истина, остаётся лишь погрузиться в морализирующие сентенции – например, наподобие тех, которыми радуется нас эстонский профессор Рене Вярк (René Värk):

«Россия использует в качестве оружия как национальное, так и международное право. <...> Она манипулирует международным правом для того, чтобы изменить правовую парадигму и использовать юридические лазейки и противоречия с выгодой для себя. <...> Россия часто представляет себя в качестве защитника международного права. Она продвигает идею о том, что только Россия понимает изначальное значение центральных правовых инструментов, в частности, Устава ООН, и общих принципов международного права, тогда как другие неверно толкуют нормы международного права, манипулируют и злоупотребляют ими»¹.

Судя по всему, из-за своей ангажированности автор упустил из виду, что всё написанное им в отношении России в равной степени применимо ко многим другим современным государствам, прежде всего, к США, но также к Великобритании, Израилю, государствам Персидского залива, Украине и, кстати говоря, самой Эстонии. Впрочем, в сложившихся условиях только и остаётся что обвинять друг друга, создавая дополнительные беспорядок и нестабильность, ещё более отдаляя возможность мирного разрешения глобальных проблем совместными усилиями разных стран.

Второй симптом разложения международного правопорядка тесно связан с первым и также является результатом превращения системы международного права в бесконечную последовательность субъективных толкований. Речь идёт о цепочке объявлений государственной независимости территориальными образованиями, входящими в состав ранее сформировавшихся и получивших признание государств. Проблема, подтачивающая всю конструкцию современного международного права, является результатом коллизии двух взаимоисключающих

¹ *Värk R. Legal Element of Russia's Hybrid Warfare // ENDC Occasional Papers. 2017. Vol. 6. P. 46–47. URL: <https://www.ksk.edu.ee/wp-content/uploads/2017/08/Legal-element-of-Russia%C2%B4s-hybrid-warfare.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).*

правовых институтов – государственного суверенитета и права наций на самоопределение.

С одной стороны, международное право декларирует приверженность принципу территориальной целостности государств, неприкосновенности их границ; с другой стороны – признаёт самоопределение народов. Это противоречие, существовавшее в послевоенном международном праве почти изначально, в течение продолжительного времени сглаживалось рядом логических оговорок: оговоркой о том, что самоопределение народов не подразумевает их отделения от существующих государств, оговоркой о распространении принципа самоопределения вплоть до отделения только на колониальные страны и народы, и т.д. Однако в какой-то момент эти оговорки перестали работать, поскольку за рядом случаев сецессии последовал ряд соответствующих признаний государственной независимости отделившихся территориальных образований со стороны государств, международная правосубъектность которых не могла оспариваться. Как ни странно, но все эти резонансные случаи относятся к последнему десятилетию – времени, когда разложение существующего международного правопорядка сделалось очевидным практически любому.

Провозглашение независимости Республикой Косово в 2008 году с последующим признанием Косово в качестве самостоятельного государства Соединёнными Штатами, большинством государств – членом ЕС, Турцией и рядом других государств стало своего рода «ящиком Пандоры» для дальнейшего развития международного правопорядка. Вслед за Косово независимость была объявлена Абхазией и Южной Осетией, при этом формальное признание эти самопровозглашенные республики получили от государств, не признающих независимости Косово, и, соответственно, не получили признания от тех государств, которые независимость Косово признали. В полной рост встала проблема «двойных стандартов» в международных отношениях. Наконец, кульминацией путаницы в толкованиях принципов международного права стало провозглашение Автономной Республикой Крым и городом Севастополем своей независимости от Украины¹ и последовавшее

---

¹ Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя // Государственный Совет Республики Крым. URL: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/project/1203pr.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

за этим присоединение Республики Крым и Севастополя к Российской Федерации в качестве её субъектов¹ – событие, которое само по себе стало серьёзнейшим ударом по и без того шаткой конструкции международного правопорядка и которое стало причиной целого ряда новых проблем и противоречий на международной арене.

Присоединение Крыма к России не только привело к широчайшему распространению политики одно- и многосторонних санкций, но и значительно ускорило постепенно протекающее *разрушение институтов послевоенного устройства мира, а также институтов, сформировавшихся в международном праве по итогам холодной войны СССР и США*.

Одним из итогов нарастания напряжённости в отношениях России и США стало прекращение действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности², заключенного в 1987 году в рамках политики разрядки международной напряжённости между США и СССР. Это событие стало неприятным ознаменованием возвращения мира ко временам холодной войны и гонки вооружений, а также разрушения тех институционально-правовых барьеров, которые в течение продолжительного времени выстраивались ведущими субъектами международных отношений. Однако данный инцидент по его значению и последствиям вряд ли можно сопоставить с теми возможными переменами в регулировании международных отношений, которые уже давно и настойчиво стучатся в двери существующего правопорядка и у которых сегодня имеются влиятельные сторонники из числа ведущих международных акторов.

Таковыми назревающими, но пока ещё не осуществившимися переменами являются возможное реформирование Международного уголовного суда в направлении значительного расширения его полномо-

---

¹ О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя: федеральный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 12. Ст. 1201.

² См.: О приостановлении Российской Федерацией выполнения Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности: указ Президента РФ от 4 марта 2019 г. № 91 // СЗ РФ. 2019. № 10. Ст. 950.

чий и реформирование в сторону постепенной деконструкции Совета Безопасности ООН.

В последние годы СБ ООН подвергся существенной делегитимации со стороны ряда международных неправительственных организаций и государств, таких как США и Великобритания. Наибольшую критику и возмущение со стороны так называемого «международного сообщества» вызывает использование Российской Федерацией права вето при принятии резолюций Совбезом ООН. Россия как постоянный член СБ ООН неоднократно препятствовала принятию решений, инициированных США, Великобританией и их союзниками. Только в связи с ситуацией в Сирии Россией было отклонено 12 проектов резолюций, подготовленных другими государствами – членами ООН¹. Неоднократно уже раздавались голоса о необходимости лишить Россию права вето, по крайней мере, при реагировании Совбезом на вооружённые конфликты, в которых Россия сама выступает в качестве стороны² (имеется в виду присутствие контингента Вооружённых Сил РФ в Сирийской Арабской Республике). Порой звучат и гораздо более радикальные предложения: о полном исключении Российской Федерации из СБ ООН³, о лишении всех постоянных членов Совбеза права вето⁴, о возможности принятия решений по вопросам международного мира и

---

¹ См.: Security Council – Veto List // Dag Hammarskjöld Library. URL: <http://research.un.org/en/docs/sc/quick> (дата обращения: 20.09.2019).

² Ukraine, Georgia call for limiting veto power in UN Security Council // Ukrinform. 29.05.2019. URL: <https://www.ukrinform.net/rubric-politics/2710387-ukraine-georgia-call-for-limiting-veto-power-in-un-security-council.html> (дата обращения: 20.09.2019).

³ Ломейко А. Супрун потребовала исключить Россию из СБ ООН // 360tv.ru. 22 мая 2019 г. URL: <https://360tv.ru/news/mir/suprun-potrebovala-iskljuchit-rossiju-iz-sb-oon/> (дата обращения: 20.09.2019).

⁴ См.: Dorosh L., Ivasechko O. The UN Security Council permanent members' veto right reform in the context of conflict in Ukraine // Central European Journal of International and Security Studies. 12(2). 157-186; Okhovat S. The United Nations Security Council: Its Veto Power and Its Reform // Major Issues and Theology Foundation. 2011. URL: <http://www.miat.org.au/articles/UNSC%20FULL%20REPORT%20Sept%202011.pdf> (дата обращения: 20.09.2019); Trahan J. The Narrow Case for the Legality of Strikes in Syria and Russia's Illegitimate Veto // Opinio Juris. 23.04.2018. URL: <https://opiniojuris.org/2018/04/23/the-narrow-case-for-the-legality-of-strikes-in-syria-and-russias-illegitimate-veto/> (дата обращения: 01.08.2019).

безопасности вне рамок СБ ООН¹ и т.д. Все эти голоса создают информационный фон и тональность, необходимые для того, чтобы подготовить общественное мнение, создать *opinio juris* и, тем самым, трансформировать существующий правовой порядок. В конце концов, даже если не будут изменены формальные нормы, регламентирующие порядок разрешения международных конфликтов и разногласий, может измениться фактическая практика. Как известно, отсутствие санкции Совета Безопасности ООН не помешало бомбардировкам Югославии силами НАТО. Совет Безопасности был просто проигнорирован, а к государствам, дерзнувшим на военную интервенцию без санкции Совбеза, не было применено каких-либо мер ответственности: осуждение ограничилось моральными сентенциями и сетованиями, а цель интервенции была достигнута. Никто не мешает игнорировать этот институт и впредь, постепенно сводя его значение к нулю.

В то время как отдельные круги современного международного истеблишмента и обслуживающие их юристы всё более открыто выражают своё недовольство функционированием Совета Безопасности ООН в существующей его форме, эти же самые круги всё настоятельнее озвучивают необходимость реформирования Международного уголовного суда. Совбез ООН не устраивает их и требует реформирования в направлении изменения состава его участников и их полномочий, в противном случае его решения не должны считаться императивными. Что касается Международного уголовного суда, то его реформирование видится, напротив, в расширении полномочий данного органа. Начавший свою работу с 1 июля 2002 года, МУС не имеет юрисдикции над лицами, представляющими государства, не ратифицировавшие Римский статут 1998 года, на основе которого он был учреждён. К государствам, не признающим юрисдикцию Международного уголовного суда над своими гражданами, относятся, в частности, США, Китай, Россия², Индия, Израиль и Иран. Логично, что данная

---

¹ См., например: *Nahlawi J. Overcoming Russian and Chinese Vetoes on Syria through Uniting for Peace // Journal of Conflict & Security Law. 2019. doi:10.1093/jcsl/kry032.*

² См.: О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда: распоряжение Президента РФ от 16 ноября 2016 г. № 361-рп // СЗ РФ. 2016. № 47. Ст. 6630.

ситуация видится многими юристами как непреодолимое препятствие для развития международного правосудия и защиты прав человека в глобальном масштабе¹.

«В настоящее время во многих кругах существует мнение, что МУС не оправдал ожиданий своих основателей. Судебные разбирательства громоздки и длительны. Многие из обвиняемых по-прежнему находятся на свободе, включая Омар аль-Башира, бывшего президента Судана. Было потрачено около 1,5 миллиарда евро, и было вынесено только три приговора за наиболее тяжкие международные преступления». –

сетует британский учёный и юрист Элизабет Уилмшёрст (Elizabeth Wilmshurst) в одной из недавних статей на сайте аналитического центра “Chatham House”².

В 2016 году один из редакторов англоязычной версии Интернет-сайта немецкого информационного агентства Deutsche Welle в ещё более прямой и эксцентричной форме высказал позицию тех, кто считает необходимым активизировать деятельность Международного уголовного суда:

«Комиссия Африканского Союза, состоящая из худших нарушителей прав человека на континенте, хочет выйти из МУС, и им это ничего не будет стоить. Данное положение оставляет нам только одну возможность: перевоссоздание МУС. Чтобы сделать это, Организации Объединенных Наций необходимо полностью перестроить суд. МУС, который мы знаем, должен быть демонтирован и заменён институтом с гораздо более широким мандатом.

---

¹ Имеется, однако, и иная точка зрения, согласно которой МУС может в любой момент стать полноценным всемирным уголовным судом, если определённым образом истолковать положения Римского статута 1998 года. См.: *Babaian S. The International Criminal Court: A Criminal World Court? Jurisdiction and Cooperation Mechanisms of the Rome Statute and its Practical Implementation.* Springer, Cham, 2018. P. 21-189.

² *Wilmshurst E. Strengthen the International Criminal Court // Chatham House.* 12 June 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/strengthen-international-criminal-court> (дата обращения: 20.09.2019).

Этот новый институт следует рассматривать как институт, тщательно расследующий нарушения прав в том числе со стороны всех пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН: США, Великобритании, Франции, России и Китая»¹.

Идея, в сущности, проста и по-своему гениальна. Орган международного уголовного правосудия должен иметь абсолютную территориальную юрисдикцию, не зависящую от факта ратификации государствами соответствующего международного договора о его создании. Это позволит более эффективно бороться с геноцидом, военными преступлениями и преступлениями против человечности, ведь ни один правитель, ни один генерал более не осмелится отдавать преступные приказы, зная о неминуемой ответственности. То есть с точки зрения рядовых граждан идея, в общем-то, выглядит хорошо. Однако она не выглядит настолько же хорошо с точки зрения целостности системы современного международного права. Коль скоро мы допускаем юрисдикцию Международного уголовного суда или иного подобного учреждения над гражданами и должностными лицами государств, не выразивших своего добровольного согласия на подчинение решениям такого органа, мы окончательно и уже бесповоротно ликвидируем институт государственного суверенитета и признаём, что международное право не основывается на соглашениях государств. Отсюда – ещё более далеко идущие последствия: формирование на наднациональном уровне источников власти, не связанных с волей делегировавших им свои полномочия государств, пересоздание всей системы международного права и учреждение новых кодексов права, действующих повсеместно и не имеющих практически никакой связи с низовым уровнем, т.е. уровнем жизни рядового гражданина. Впрочем, об этом чуть позже.

Ослабление, делегитимация Совета Безопасности ООН и интриги вокруг Международного уголовного суда происходят именно в тот период, когда всё более востребованными становятся правовые механизмы разрешения международных конфликтов и борьбы с международными правонарушениями. Замаскированная под гражданскую войну война в Сирии, в которой активно действуют и пытаются решать свои

---

¹ *Jalloh A.-B. Opinion: Reform the ICC! // Deutsche Welle. 26.10.2016. URL: <https://p.dw.com/p/2Ri3W> (дата обращения: 20.09.2019).*

собственные задачи одновременно США, Россия, Турция, Саудовская Аравия, Катар и Иран, является лишь одной из проблемных точек на мировой карте. Есть все основания полагать, что количество таких точек на карте мира в ближайшее десятилетие будет только расти. Поставленные в условия кризиса индустриальной парадигмы, государства и связанные с ними корпорации (или даже «*корпорации и связанные с ними государства*», что представляется более верным) вынуждены изыскивать новые источники для возрастания капитала. Как уже говорилось, одним из таких источников является разрушение созданной ранее инфраструктуры, в т.ч. война на чужой территории. Однако есть и другой источник – всё ещё обширные природные богатства Арктики, за которые прямо сейчас, на наших глазах начинает разворачиваться нештучная борьба между несколькими глобальными игроками.

По оценкам исследователей, в арктической зоне располагаются 13% всей оставшейся на Земле нефти и 30% газа¹. Арктические морские пути могут использоваться в качестве коротких маршрутов для перемещения товаров из Азии в Европу. Таким образом, контроль над Арктикой становится вопросом определения лидера на мировой арене.

Уже сейчас армии России и США отработывают действия в арктических условиях. Военная доктрина Российской Федерации, утверждённая в декабре 2014 года, в качестве одной из основных задач Вооружённых Сил, других войск и органов в мирное время определяет обеспечение национальных интересов страны в Арктике (пп. «у» п. 32)². Демилитаризованная территория всё сильнее притягивает к себе военную авиацию России и государств – членов НАТО; всё чаще над северными морями происходят инциденты с взаимным «перехватом» самолетов Российской Федерации, США, Швеции и других государств³. Драка за Арктику, подобная знаменитой «драке за Африку»

¹ См.: Opportunities and Challenges for Arctic Oil and Gas Development // Wilson Center. 2014. <https://doi.org/10.4043/24586-MS> (дата обращения: 20.09.2019); The Great Challenge of the Arctic: National Roadmap for the Arctic // MAEDI, 2016. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/frna_-_eng_-_interne_-_prepa_-_17-06-pm-bd-pdf_cle02695b.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

² Военная доктрина Российской Федерации: утверждена Президентом РФ 25 декабря 2014 г. // Российская газета. № 298 от 30.12.2014.

³ См.: Кузнецов А. «Сопровождали 40 минут»: в Минобороны РФ прокомментировали данные о «перехвате» самолётов ВКС истребителями США // RT. 12

эпохи расцвета колониализма, ещё не вошла в стадию открытой борьбы, но скрытое противоборство – уже реальность. Вступление в эту гонку Китая, определившего себя в качестве «околоарктического государства» и разработавшего собственную стратегию в отношении Арктики¹, усиливает риски и повышает вероятность вооружённых столкновений в данном регионе и сопредельных с ним районах².

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод, что сегодня как система международных отношений, так и регламентирующее их международное право находятся в сложнейшем положении, которое можно охарактеризовать как беспорядок. К перечисленным проблемам следует добавить давно ставшую фактом экстерриториальную юрисдикцию одного государства, Соединённых Штатов, не считающуюся ни с какими международно-правовыми нормами и договоренностями, и картина упадка той регуляторной системы, которая по идее должна упорядочивать отношения на международной арене, становится полной. Энтропия только растёт, а система международного права не может противопоставить ей ничего, кроме инструментов, ещё более усугубляющих ситуацию, отбирающих у государств полномочия и гарантии там, где они действительно необходимы, утверждающих право

мая 2018 г. URL: <https://russian.rt.com/world/article/512022-samolyoty-rossiya-ssha-sblizhenie> (дата обращения: 20.09.2019);

U.S., Canadian Jets Scrambled To Escort Russian Bombers Away From North American Coastline // Radio Free Europe. January 27, 2019. URL: <https://www.rferl.org/a/us-canadian-jets-scramble-escort-russian-blackjack-bombers-away/29733515.html> (дата обращения: 20.09.2019); Russian fighter jets and bombers intercepted off Alaska for second day in a row // CBC News. May 22, 2019. URL: <https://www.cbsnews.com/news/russian-fighter-jets-and-bombers-intercepted-off-alaska-for-second-day-2019-05-22/> (дата обращения: 20.09.2019); Hicks A. Russian Su-27 fighter jet scrambled to intercept US and Swedish jets // Mirror. 11 June 2019. URL: <https://www.mirror.co.uk/news/world-news/russias-su-27-fighter-scrambled-16497916> (дата обращения: 20.09.2019).

¹ China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2018. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 20.09.2019).

² Вывод о вероятном возрастании международных конфликтов вокруг арктической зоны делают и исследователи, игнорирующие участие КНР в драке за Арктику. См.: *Wezeman S.T.* Military capabilities in the Arctic: a new cold war in the high North? // SIPRI Background Paper. 2016. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Military-capabilities-in-the-Arctic.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).

сильного над слабым, вседозволенность одних и стесненность других. В конце концов, деградация международного правопорядка является закономерным итогом планомерно, в течение последних десятилетий допускавшихся на международной арене нарушений международно-правовых норм, субъективных оговорок, конъюнктурных толкований и т.п. Как остроумно в этой связи высказался британский юрист Билл Боуринг (Bill Bowring),

«если международное право деградировало, оно также было попорно; но попорно, судя по всем признакам, при его собственном полном и активном участии»¹.

Ситуация усложняется ещё и тем, что международное, т.е. на самом деле *межгосударственное* право, более не является единственной системой регуляции, опосредующей отношения на наднациональном уровне.

Глобальное право vs. Международное право?

Глобальное (также – *наднациональное, транснациональное*) право – ещё одна регулятивная система, опосредующая отношения, выходящие за национальные рамки того или иного государства. Если классическое международное право по своей сути является межгосударственным правом, в основе которого лежит соглашение государств как способ установления новых норм, глобальное право является системой правил и стандартов, значительная часть которых не обусловлена межгосударственными соглашениями. Как отмечает один из исследователей феномена глобального (транснационального права), данная система подрывает традиционный взгляд на взаимоотношения на международной арене, делая акцент на значимости негосударственных акторов в трансграничных отношениях².

Нормы глобального права носят *внеконвенционный* по преимуществу характер. Значительная их часть производна не от совместных волеизъявлений договаривающихся государств, а от волеизъявлений,

¹ *Bowring B.* The Degradation of the International Legal Order? The Rehabilitation of Law and the Possibility of Politics. Abingdon: Routledge-Cavendish, 2008. P. 41.

² *Zumbansen P.* Transnational Law // Encyclopedia of Comparative Law / ed. by J. Smith. Edward Elgar Publishing, 2006. P. 743.

выражаемых на уровне отдельных влиятельных международных неправительственных организаций (МНПО). Такие нормы действуют по факту, а не в связи с их формальной имплементацией государствами. У административных органов на национальном уровне в какой-то момент просто не остаётся иного выбора, кроме как следовать стандартам, правилам и регламентам, разработанным МНПО, потому что им уже подчиняются другие государства, либо потому, что никакой альтернативы им в соответствующей сфере попросту нет. Поскольку данные стандарты и нормы носят по большей части технический характер и опосредуют деятельность в экономической, а не в политической сфере общественной жизни, игнорирование их на уровне отдельных государств представляется обычно нецелесообразным, более того – оно может привести лишь к самоизоляции государства от соответствующих сегментов товарного, денежного или информационного оборота. Эта сугубо технико-экономическая направленность создаёт иллюзию нейтральности таких норм, однако их подлинное значение гораздо более серьёзно: в определённых условиях наднациональные стандарты могут использоваться в качестве политических инструментов, и именно по той причине, что они всегда содержат эксплицитно или имплицитно выраженную возможность исключить то или иное государство из соответствующего сектора современных хозяйственных отношений.

Типичными примерами институтов глобального права, имеющих, казалось бы, сугубо технический характер и экономическое предназначение, являются ICANN и SWIFT.

ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers) – Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами, была образована в соответствии с законодательством США и штата Калифорния в 1998 году как некоммерческая организация¹, а вскоре после этого Правительством США ей были переданы функции управления системой доменных имен². В настоящее время ICANN является меж-

---

¹ Подробнее см.: *Petillion F., Janssen J.* Competing for the Internet: ICANN Gate – An Analysis and Plea for Judicial Review Through Arbitration. Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2017.

² Statement of Policy on the Management of Internet Names and Addresses // National Telecommunications and Information Administration. June 05, 1998. URL: <https://www.ntia.doc.gov/federal-register-notice/1998/statement-policy-management-internet-names-and-addresses> (дата обращения: 20.09.2019).

дународной неправительственной организацией, осуществляющей регулирование вопросов присвоения доменных имен и IP-адресов, разрешения споров о доменных именах и т.п. За минувшие годы корпорацией был принят ряд нормативных актов¹, включая Единую политику разрешения споров о доменных именах², которые невозможно игнорировать ввиду их безальтернативности.

SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications) – Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи, было создано в 1973 году в соответствии с бельгийским законодательством в целях установления единых стандартов для банковских транзакций и формирования общей системы обработки данных о финансовых операциях. В основе создания SWIFT, как и в случае с ICANN, отсутствует какое-либо межгосударственное или межправительственное соглашение. Правда, в отличие от ICANN, наделённого полномочиями правительством одного государства, SWIFT изначально являлся результатом договорённостей крупнейших банков из девятнадцати стран мира. По факту, к настоящему времени SWIFT сделался наиболее распространённой и популярной платформой для осуществления банковских транзакций и обмена информацией о них. Долгое время эта платформа была практически безальтернативной, а отключение от данной системы расчётов означало, по сути, изоляцию банков, а то и всей страны целиком от зарубежных рынков капитала. Таким образом, SWIFT превратился в средство политического давления, используемое так называемым «международным сообществом» (и прежде всего США) против отдельных неугодных режимов.

В марте 2012 года, в соответствии с решением Европейского совета, от системы SWIFT была отключена Исламская Республика Иран³. В начале 2016 года, в рамках политического соглашения между Ира-

---

¹ Bylaws for the Internet Corporation for Assigned Names and Numbers // ICANN. URL: <https://www.icann.org/resources/pages/governance/bylaws-en> (дата обращения: 20.09.2019).

² Uniform Domain-Name Dispute-Resolution Policy // ICANN. URL: <https://www.icann.org/resources/pages/help/dndr/udrp-en> (дата обращения: 20.09.2019).

³ SWIFT instructed to disconnect sanctioned Iranian banks following EU Council decision // SWIFT. 15 March 2012. URL: <https://www.swift.com/insights/press-releases/swift-instructed-to-disconnect-sanctioned-iranian-banks-following-eu-council-decision> (дата обращения: 01.08.2019).

ном и группой государств «5+1» (пять постоянных членов Совбеза ООН и Германия), с иранских банков были сняты ранее наложенные ограничения и они были снова подключены к системе SWIFT¹. Однако уже осенью 2018 года, вследствие ухудшения отношений между США и Ираном, иранские банки, в том числе Центральный банк ИРИ, были вновь отключены от SWIFT².

На пике конфликта вокруг Крыма и Донбасса перед реальной угрозой отключения от SWIFT стояла и Российская Федерация.

Ещё один значимый источник производства норм глобального права, Международная организация по стандартизации (ISO), был образован как неправительственная международная организация. В настоящее время ISO включает в свою структуру национальные организации по стандартизации из ста шестидесяти четырёх стран, однако это не означает, что стандарты, разрабатываемые ею, получают ту или иную санкцию (согласие) со стороны государственных органов каждого из этих ста шестидесяти четырёх государств. На деле разработка и обсуждение проектов стандартов осуществляется техническими комитетами, включающими экспертов в соответствующих областях. Национальные комитеты – члены ISO могут становиться членами или наблюдателями в этих комитетах, либо вовсе не участвовать в их работе. Так или иначе, но принятые ISO стандарты приходится учитывать государственным органам, причём даже в тех странах, которые не участвуют в деятельности ISO вовсе. Любопытно в этой связи замечание одного итальянского исследователя:

«ISO, своими стандартами оказывая влияние на продукцию любого рода, одновременно подрывает и конечную эффективность регулирования данных вопросов со стороны национальных властей в той мере, в которой эти стандарты получают всемирное признание и принимаются в качестве

---

¹ Iranian banks reconnected to SWIFT network after four-year hiatus // Reuters. February 17, 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-banks-swift/iranian-banks-reconnected-to-swift-network-after-four-year-hiatus-idUSKCN0VQ1FD> (дата обращения: 20.09.2019).

² SWIFT Unlinks Iran's Central Bank // Financial Tribune. November 13, 2018. URL: <https://financialtribune.com/articles/business-and-markets/95063/swift-unlinks-irans-central-bank> (дата обращения: 20.09.2019).

технических барьеров в торговле в рамках ВТО. Получив всеобщее признание и доказав свою жизнеспособность, они теряют свой добровольный характер»¹.

Насколько можно судить из приведённых примеров, институты глобального регулирования и глобального права непосредственно затрагивают функционирование современных государств, их полномочия и обязанности, при этом государства зачастую не обладают возможностью оказывать хоть какое-то влияние на формируемые стандарты и вынуждены принимать их в том виде, в котором они существуют. Эти глобальные структуры могут действовать к выгоде того или иного государства, однако их принципы и механизмы принятия решений зачастую непрозрачны: к ним нельзя присоединиться путём добровольного соглашения, но, как правило, их невозможно и игнорировать, поскольку они затрагивают основы современной экономической жизни.

Глобальное право вырастает из современной экономики и в значительной мере основывается на безальтернативности предлагаемых вариантов поведения. Впрочем, о глобальном праве нельзя сказать, что оно не имеет вообще никакой связи с классическим международным правом, как нельзя отрицать и определённую роль межгосударственных конвенций в формировании и функционировании отдельных институтов глобального регулирования. К таким институтам относится, например, Всемирная торговая организация (ВТО).

ВТО – вполне традиционная в рамках государствоцентричного международного правопорядка международная организация, членами которой являются только государства, присоединившиеся к Марракешскому соглашению 1994 года². При этом она представляет собой больше, чем просто международную организацию. Как отмечал в одном из своих выступлений бывший генеральный директор ВТО Паскаль Лами (Pascal Lamy), «ВТО предоставляет постоянно действующий форум

---

¹ Palombella G. The Rule of Law in Global Governance. Its Normative Construction, Function and Import // Straus Working Papers. 2010. No. 5. P. 51. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1561289.

² Так, Российская Федерация присоединилась к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО посредством подписания Протокола о присоединении от 16 декабря 2011 г. и ратификации данного Протокола федеральным законом от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ.

для переговоров между её членами относительно их многосторонних торговых отношений»¹. ВТО – это целая институциональная система производства общеобязательных торговых правил, разрешения споров и применения санкционных мер к нарушителям установленных норм. Право ВТО, в свою очередь, это достаточно сложная и тщательно разработанная система юридических норм, являющаяся центральным звеном современного международного торгового права. С одной стороны, оно, безусловно, является частью международного межгосударственного права; с другой стороны, с содержательной точки зрения его значение заключается в серьёзном сужении сферы государственного суверенитета. ВТО является не просто платформой для совместного решения государствами определённых вопросов – оно является источником юридических норм, трансформирующих национальные законодательства, заставляющих их подстраиваться под стандарты и требования организации. Право ВТО, таким образом, претендует на верховенство в отношении внутреннего права государств – участников Марракешского соглашения.

В принципе, глобальное право совершенно справедливо связывается с процессами экономической глобализации. Оно представляет собой нормативно-институциональную оболочку хозяйственных отношений, в которых государства являются значимыми, но уже далеко не единственными и не основными участниками. Эти отношения принципиально трансграничны, они не признают национальных рамок и юрисдикций, и центральную роль в них играют частные, а не публичные образования, в первую очередь – транснациональные корпорации. Коль скоро государства не являются основными участниками этих отношений, новые правовые нормы, действующие на наднациональном уровне, должны обращаться не только к государствам, но и к коммерческим компаниям, предпринимателям, индивидам (т.е. ко всем тем, кто прежде мог выступать лишь в качестве субъекта внутринационального права) напрямую. Разработку этих норм всё чаще берут на себя международные неправительственные организации, непосредственно ориентирующиеся на негосударственных акторов.

---

¹ *Lamy P.* The Place of the WTO in the International Legal Order // World Trade Organization. 15 June 2008. URL: https://www.wto.org/english/news_e/spl1_e/spl194_e.htm (дата обращения: 11.07.2019).

Современное глобальное право не является совершенно автономной системой по отношению к международному межгосударственному праву. Во многом оно пересекается с последним, используя его институты и перетолковывая его нормы на свой лад. Весьма вероятно, что в скором времени мы будем говорить о глобальном праве, подразумевая международное право, и о международном праве, подразумевая глобальное (транснациональное) право. Иными словами, *происходит коренная трансформация международного права, которое всё в меньшей степени остаётся системой регулирования взаимоотношений суверенных государств, но во всё большей степени превращается в систему регулирования разнообразных типов транснациональных и трансграничных отношений, в которых государства не являются ни единственными, ни даже основными субъектами.*

По мнению некоторых современных юристов, это нормальное явление, не несущее за собой никакой угрозы. Так, Дж. Бруннэ полагает, что:

«создание, обеспечение, защита и изменение международного права – коллективный процесс со множеством различных участников, включая государства, международные организации, индивидов, НПО и суды. <...> когда нормы становятся широко оспариваемыми и когда они более не могут эффективно защищаться, им не остаётся ничего, кроме как измениться или прийти в упадок»¹.

Безусловно, можно было бы согласиться с данными утверждениями. Как говорится, «достойно гибели всё то, что существует». Однако, на наш взгляд, задача учёных и юристов-практиков состоит отнюдь не в том, чтобы благословлять или оправдывать status quo, и даже не только в том, чтобы фиксировать происходящие перемены. Необходимо понять направление развития изучаемых институтов, их конечный смысл, возможные угрозы такого развития. В противном случае нам остаётся лишь повторять, что «всё действительное разумно», расписываясь в том, что мы не имеем ни малейшего влияния на содержание будущих правовых установлений и облик будущих институтов.

Новое международное / глобальное право формируется как преимущественно система технико-экономических правил. В отличие

---

¹ Brunnée J. Op. cit.

от своего классического предшественника, развитие которого было неразрывным образом связано с историей европейского *Völkerrecht*, права народов, что в прекрасной форме было доказано К. Шмиттом¹, новое глобальное / международное право представляет собой разрыв со всей предшествующей правовой историей. В ещё большей степени, чем современное внутригосударственное право и классическое международное право, существовавшее до недавнего времени, новое глобальное право обладает такими чертами, как ценностная нейтральность и технический характер составляющих его положений. Оно совершенно отделено от онтоисторических базисов национальных правовых систем и безразлично к культурам населяющих Землю народов. Оно – безличный универсальный язык, посредством которого могут перемещаться товары, работы и услуги. Оно – нормативно-символическая среда для коммуникации обладателей капитала, и вряд ли будет большим преувеличением вывод о том, что эта регулятивная система знаменует собой конец права как такового. Возможно, это финальный рубеж в истории права как ценностной системы, который, однако, не означает уничтожения нормативно-общеобязательного характера и официальной формы законоположений и за которым уже маячит другая квазиюридическая реальность – *постправо*.

4.4. НА ПОРОГЕ «ПОСТПРАВА»

Центральные, предельные вопросы, от ответа на которые зависит в конечном счёте направление нашего движения и постановка задач исследования, отличаются от прочих вопросов тем, что они пронизывают собой весь разбор той или иной проблемы. Они постоянно повторяются, представая в разных формах. Даже если мы погружаемся в изучение каких-то других проблем, определяемых целью исследования, и, как может показаться, отдаляемся от предельных вопросов, с которых начали свой исследовательский путь, мы всё равно рано или поздно обречены вернуться к ним, потому что без ответа на них мы не в состоянии завершить исследование, расставить точки над *i*, сделать картину законченной.

---

¹ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*.

Вопрос о понятии права, с которого мы начали данное исследовательское приключение, в новой форме и в полный рост встаёт перед нами вновь – уже на заключительном этапе нашего путешествия. Мы видели, какие трансформации претерпевает правопорядок в условиях глобального кризиса. Мы видели, во что превращается (и уже превратилось!) право, сколь избыточным и вездесущим оказывается закон, как правовая система заполняется правоограничительными предписаниями и как правоприменение подчиняется голой конъюнктуре. Уже невозможно отличить право от его противоположности, *неправа*, потому что право и неправо слились воедино, и никакого другого права, как кажется, уже нет. Ситуация на наднациональном уровне также не прибавляет оптимизма. Международный правопорядок находится в хаотическом состоянии: устоявшиеся структуры подвержены разложению, а новые институты ещё слишком аморфны для того, чтобы делать порядок отношений на международной арене в достаточной степени устойчивым. Формирующееся глобальное право, подтачивая структуры классического межгосударственного международного права, по большей мере является системой правил технико-экономической направленности; оно устраивает субъектов транснациональных торговых отношений, прежде всего – ТНК, но слишком далеко от запросов и интересов обычных граждан. Несмотря на кажущееся обилие различных механизмов защиты прав и законных интересов как на национальном, так и на наднациональном уровне, индивиды, малые предприятия, профессиональные / культурные / религиозные / этнические сообщества не располагают достаточно эффективными инструментами для реализации своих потребностей, проектирования своего будущего, защиты себя от репрессивного давления более сильных в экономическом, военном, политическом и дискурсивном плане субъектов. Есть только то право, которое создаётся сильнейшими. Только одно право, слившееся с неправом. Однако право ли это, в конце концов?

Юридический позитивизм и его плоды

В начале нашего исследования (§ 1.1) мы отказались давать точное определение понятию права, сославшись на многообразие теорий в этой области и предложив компромиссный подход, признающий в

качестве права любую совокупность нормативных предписаний или установок, позволяющих определять меру возможного и должного поведения людей и их объединений и исходящих от определённого властного источника. Мы также сделали оговорку, что эти нормативные установки не случайны, а отражают определённое качественное состояние общественных отношений и степень развитости социальных институтов. Но мы сознательно обошли стороной вопрос о ценностном содержании норм, составляющих систему права, и сейчас самое время задаться этим вопросом.

Если прочесть то компромиссное определение, которое было нами предложено, с позиций господствующего в настоящее время в мире юридического дискурса, создаётся впечатление, будто речь идёт о привычном нормопозитивистском подходе к пониманию права. Достаточно дополнить расплывчатое указание на нормативные предписания и установки, определяющие меру возможного и должного поведения, предикатом «формально-определённые», а вместо чересчур широкого указания на связь права с вопросами власти и управления напрямую сослаться на неразрывную связь права с государством, и всё становится на свои места. *Право – это система общеобязательных, формально-определённых норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных силой государственного принуждения*, не так ли? По крайней мере, так до сих пор учат на большинстве юридических факультетов и, что намного более важно, именно так понимает право большинство юристов-практиков, относящихся как к публичному, так и к частному сектору. Трансформации правопорядка, о которых мы говорили выше, серьёзнейшим образом подорвали потенции государств, предоставив достаточно широкие нормотворческие и правоприменительные возможности корпорациям и НПО. На уровне транснациональных и трансграничных отношений связь права с нормотворческими органами государств очевидна ещё в меньшей степени. Значит ли это, что юридический позитивизм (нормопозитивизм) отходит в прошлое?

Увы, нет. В течение двух прошлых столетий юридический позитивизм означал, прежде всего, признание только за государством возможности создавать право и определять, что является правом. Сегодня эта позиция наталкивается на изменившиеся реалии, и нет смысла

более дискутировать на этот счёт: государство по-прежнему является основным, но точно не является единственным источником правовых норм. Значение юридического позитивизма, однако, состоит отнюдь не только в признании зависимости права от государственного аппарата. Пока национальное государство утверждало свою монополию на производство общеобязательных норм, оно форматировало право под свои нужды, превращая его в *технический инструмент*.

«Ваше право есть лишь возведённая в закон воля вашего класса»¹ – слова, брошенные молодым Карлом Марксом в лицо немецкой буржуазии, принято понимать как справедливое указание на классовую сущность любого права, однако они также и, может быть, даже в первую очередь акцентируют внимание на том, что право является послушным инструментом, действующим по воле определённой социальной прослойки. Маркс адресует эти слова буржуазии, имея в виду не что иное, как право эпохи модерна, право суверенного национального государства, поскольку именно к этой эпохе относится возвышение буржуа. И здесь с ним нельзя не согласиться, поскольку это, относящееся к модерну, право, быть может, впервые в истории и в столь явной форме оказывается податливым средством навязывания *любой* воли.

Для права эпохи феодализма был характерен правовой плюрализм, основывавшийся на сосуществовании в едином социальном пространстве множества общественных союзов. Нормы права проистекали из соответствующих социальных порядков, к каковым относились семья, профессиональная гильдия, сословие, церковь и, наконец, государство. Эти нормы не могли носить произвольный характер и устанавливаться волонтаристским путём, потому что они были связаны с этими конкретными порядками, отличавшимися устойчивостью, преемственностью и множественностью источников волеизъявления. Древние правовые системы рабовладельческой эпохи – даже те, что закрепляли всевластие правителей и обожествляли носителей власти – были ещё слишком крепко привязаны к архаическим догосударственным родоплеменным обычаям, чтобы быть достаточно гибкими инструментами установления любых предписаний. Они ещё несли в себе отпечаток первичных правовых актов, учреждающих основания правового бытия

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. С. 156.

того или иного народа. Но современное право – то право, которое мы знаем и к которому мы привыкли – формировалось путём обособления его от морали¹, как нейтральное техническое средство, компетенция по использованию которого принадлежит лишь ограниченному кругу субъектов: государству и тем, кого государство признало правомочным для такой деятельности. Само по себе это право должно было иметь нейтральный характер, безразличный к каким-либо ценностям, вследствие чего его всегда можно было наполнить любым ценностным содержанием. Ценности представительной демократии, индивидуальных свобод и частной собственности никогда не были метаюридическими ценностями, хотя их родословная берёт свое начало из тех же времен, что и само нейтральное право-техника. Всегда было достаточно принять несколько новых законов и отменить несколько старых для того, чтобы отказаться от этих ценностей в пользу каких-то иных: коллективизма, государственной собственности, так называемого «демократического централизма» и т.п. Такое понимание права всегда соблазняло радикальных противников господствующего порядка, к которым относились последователи Маркса – социалисты и коммунисты, захватить государственный аппарат и наполнить правовую систему нужным, с их точки зрения, классовым содержанием. Но суть такого нового, *современного*, права не менялась от этого.

Оторванность от интересов и потребностей каких-либо устойчивых сообществ, за исключением государственного аппарата, в течение продолжительного времени компенсировалась тем, что государство само себя представляло в общественном дискурсе в качестве едва ли не единственной ценности и цели. Закон, поскольку он всегда выступал в качестве выражения государственной воли, позиционировался как социальная ценность и высшее выражение целесообразности. Следование государственным велениям, облечённым в форму нормативно-правового акта или прецедентного решения государственного суда, как в повседневном идейно-политическом дискурсе, рассчитанном на простого обывателя, так и в речах, провозглашаемых с университетских кафедр, утверждалось в качестве одного из главных социальных благ. Конечно, нередко со стороны юристов, тем или иным образом

---

¹ См.: *Проди П.* Указ. соч.

примыкавших к политической оппозиции правящей в соответствующей стране верхушки, звучала и критика в адрес того или иного закона; в таких случаях всегда обращалось внимание на порочность отдельных положений конкретного акта, на наличие в законе коррупционной составляющей и т.п. Университетские профессора могли даже клеймить отдельные нормативные акты как антиправовые, противоречащие конституции и принципам правового государства. Однако почти никогда и никем не обращалось внимания на то, что позитивное право, подавив и сделав маргинальными любые иные системы права, стало единственным (а следовательно, бесполезным) критерием по отношению к себе самому. Не меняли дела уже и редкие, модные разве что среди университетской профессуры, юснатуралистские сентенции: отсылки к естественным и якобы неотчуждаемым правам (гарантировать которые, разумеется, надлежало государству), демократическим ценностям конституции (одновременно учреждающей тот порядок, в рамках которого единственными официально признаваемыми источниками права признавались принятые парламентом законы, подзаконные акты органов исполнительной власти и отдельные судебные акты), необходимости соответствия государственных законов неким неопределённым идеальным началам (толковать которые опять-таки надлежало государственным органам и которые никогда не могли выступать в качестве правомерного обоснования действий *contra legem*, т.е. действий, идущих вразрез с предписаниями позитивного права).

С ослаблением государства и разложением государствоцентричной идеологии внутренняя пустота современного права делается всё более заметной. Исходящее от государства позитивное право по-прежнему провозглашает этактические ценности, но государство, перестающее быть выражением *всеобщего*, подвергнувшееся глубокой трансформации и почти повсеместно переживающее кризис в тех или иных формах, уже мало кого способно убедить в значимости производимых им норм и всё чаще вынуждено действовать посредством прямого принуждения к соблюдению и исполнению конъюнктурных волюнтаристских предписаний. Если присмотреться к специфическим особенностям национальных правовых систем периода глобального кризиса под таким углом, становятся понятными избыточное законодательное регулирование, правоприменительный релятивизм и рост количества

чрезвычайных установлений в оболочке ординарных нормативных актов. У государства, оказавшегося лицом к лицу с глубочайшим и глобальным кризисом, нет никакой другой опоры, кроме *права-дубинки*, права-техники. Ирония, однако, состоит в том, что даже вне сферы компетенции государства, на наднациональном уровне, в трансграничных отношениях право уже не является ничем иным, как такой «дубинкой», безразличным средством для любых целей.

Технизация права и технологическая нормативность

В 30-е годы прошлого века немецкий философ Фридрих Георг Юнгер писал:

«Техник ... подменяет правовую норму технической нормой и, отвергая в ней качество специфически юридическое, изменяет как дальнейшее развитие права (*lex ferenda*), так и действующее право (*lex lata*), приводя их в соответствие с тем пониманием нормы, которое свойственно технике. Он механически уничтожает жизненную силу права... <...> он [техник] всюду выдвигает на передний план материальную сторону закона и подменяет право, выраженное в виде законов, техническими предписаниями. С этим связано безграничное разрастание правовой материи: кажется, что это работает какая-то машина, производящая законы и предписания, причем все они носят характер технических нормативов.

<...> Закон для Техника то, что служит техническим целям. Проникнув в правовые структуры – законодательство, правосудие и управление, – Техник подменяет закон техническими предписаниями и постановлениями...»¹

Судя по всему, зоркий взгляд философа обнаружил зачатки того, что встало в полный рост уже в наше время. Сегодняшнее право – это совокупность хорошо или плохо согласованных друг с другом волонтаристских, определяемых сиюминутной конъюнктурой предписаний, в массе которых всё больший удельный вес приобретают сугубо техни-

¹ Юнгер Ф. Г. Совершенство техники. С. 137–139.

ческие правила. Оно *регулирует поведение людей так же, как управляет вещами*.

В качестве доказательств к данному тезису можно привести ряд наблюдений, которые, безусловно, можно оценивать по-разному, но уж точно нельзя игнорировать.

Первое, что необходимо отметить, может показаться достаточно тривиальным тезисом, если, конечно, мы рассматриваем этот тезис в отрыве от прочих изменений в облике современного права. Данный тезис можно сформулировать следующим образом: нынешнее право любого относительно развитого государства, а равно современное глобальное (транснациональное) право, происходящее от институтов глобального регулирования, содержит значительный массив специализированных норм, направленных в большей степени не на регулирование отношений субъектов друг с другом, а на регламентацию взаимодействия субъектов с предметами материального мира, технологиями, информационными средами и т.п.

Усложнение общества потребовало специализации правового регулирования во многих областях общественной жизни. Для каждой из этих областей компетентными органами было принято значительное количество нормативных актов (в основном, носящих подзаконный характер), детально регламентирующих поведение субъектов. Если мы обратимся к нормативным актам, регулирующим деятельность на финансовых рынках, в сфере информационных технологий, в области промышленности, строительства и жилищно-коммунального хозяйства, мы столкнёмся с огромным массивом предписаний, настолько подробно и императивно описывающих должное поведение задействованных в этих сферах субъектов, что их с трудом можно отличить от технических норм. Добавим к этому значительное количество собственно технических норм, действующих в этих сферах (технические регламенты, стандарты, санитарные нормы, строительные нормы и правила и т.д.), и становится ясным масштаб вымывания из права ценностного содержания и нейтрализации (обезличивания) нормативности.

Количество подзаконных актов растёт ещё более потрясающими темпами, чем количество принимаемых законов. Положения, составляющие содержание этих актов, в значительной степени направлены на измерение, исчисление, определение точных мер и не менее точного

порядка совершения операций участниками соответствующих отношений. Таким образом, юридические нормы сегодня всё более склонны к регламентации безличных процессов и технических операций, нежели людских поступков, определяемых свободной волей носителей правосубъектности. Конечно, в рамках некоторых типов общественных отношений (гражданско-правовые, семейные отношения) свободное волеизъявление субъектов по-прежнему играет ключевую роль, однако в административно-правовых и в целом публично-правовых отношениях для свободной воли остаётся всё меньше места. Правовая материя стремится ко всё большей детализации правил поведения в тех или иных случаях, так что право постепенно приобретает казуальный характер: теперь, однако, это не набор частных решений по отдельным случаям, как было в предшествующие периоды правовой истории, а обширный и разветвленный каталог абстрактных велений для всевозможных ситуаций. *Идеалом юридической нормы становится технический норматив.* Деятельность юристов, таким образом, сводится к более или менее ловкому жонглированию многочисленными номерами статей, пунктов, частей, параграфов различных нормативно-правовых актов, а также комбинированию в соответствии с определёнными целями (доказательство собственной правоты и неправоты оппонента, виновности или невиновности какого-либо субъекта) отдельных фрагментов фраз, вырванных из этого нормативного массива.

Обезличивание права и устранение из него «воли, которая свободна», проявляется также в тенденции к *объективации субъектов права*, выражающейся в том числе в постепенном переходе к безвиновной уголовной и, особенно, административной ответственности. Наиболее яркое проявление этого перехода можно обнаружить в законодательстве современного Китая, внедрившего в практику государственного управления так называемую «систему социального кредита» и предусматривающего возможность претерпевания гражданином определённых лишений личного или организационного характера (т.е. по сути, мер административного наказания) не в связи с совершёнными правонарушениями, а в связи с наличием низкого рейтинга в данной системе¹. Впрочем, эта тенденция не является исключительной особен-

¹ Подробнее см.: *Sithigh D. M., Siems M. The Chinese social credit system: A model for other countries? // EUI Working Papers. Law. 2019/1. URL: <http://cadmus.eui>.*

ностью «тоталитарного Китая» с его социальным кредитом, и может быть распознана даже в либеральных демократиях. Нормы, регламентирующие деятельность в отдельных сферах общественной жизни, настолько многочисленны, детализированы и сложны, что правоохранительным органам зачастую не составляет труда формально обосновать ответственность руководителей и иных должностных лиц организаций, действующих в соответствующих сферах, даже в тех случаях, когда вред имуществу или здоровью людей наступил по не зависящим от действий должностных лиц причинам или вследствие нормальной хозяйственной или научной деятельности. В России и некоторых других странах движение в направлении объективного вменения вины выражается, в частности, в растущем числе уголовных дел и обвинительных приговоров за так называемые «ятрогенные преступления», т.е. причинение медицинскими работниками вреда жизни и здоровью пациентов вследствие врачебных ошибок, от которых порой бывает крайне трудно отделить обоснованный медицинский риск.

Технизации и нейтрализации нормативной системы права во многом способствует использование в правовом регулировании и право-реализации новейших информационных технологий. Происходящие изменения позволили современным исследователям говорить о феномене *технологической нормативности*¹ и регулировании общественных отношений посредством программного кода².

Технологическая нормативность предполагает регулирование поведения людей посредством определённых технологических артефактов, т.е. технологий, способных в автоматическом режиме допускать те или иные операции, либо препятствовать их осуществлению. Эти технологические артефакты ничего не предписывают субъектам, а напрямую действуют в качестве средств, позволяющих или ограничива-

---

eu/handle/1814/60424 (дата обращения: 20.09.2019); Mahr P. Das chinesisches Social Credit System - Totalitäre Kontrolle und das Ende der Freiheit oder der Weg zu einer ehrlichen Gesellschaft? // Bauhaus Universität Weimar & Université Lumière Lyon 2. 2018. Bachelorarbeit. URL: https://www.academia.edu/36210026/Das_chinesische_Social_Credit_System_-_Totalit%C3%A4re_Kontrolle_und_das_Ende_der_Freiheit_oder_der_Weg_zu_einer_ehrlichen_Gesellschaft (дата обращения: 20.09.2019).

¹ Hildebrandt M. Legal and Technological Normativity: more (and less) than twin sisters // Techné: Research in Philosophy and Technology. 2008. 12:3.

² Lessig L. Code. Version 2.0. N.Y.: Basic Books, 2006.

ющих определённое поведение. Такая нормативность не обращается к воле субъектов, а непосредственно определяет их действия.

Как отмечает Мирей Хильдебрандт (Mireille Hildebrandt) из Университета Неймегена, «технологическая нормативность зависит не от принуждающей власти, а от социо-технических мер, которые конституируют или регулируют такие специфические практики, как потребление электроэнергии, управление автомобилем и т.д.»¹. В отличие от писанных норм, которые способны регулировать поведение водителя, но не могут помешать ему сесть за руль и поехать, если он утомлен, нетрезв или просто не имеет водительских прав, технологические артефакты наподобие смарткаров (smartcars), анализирующих физическое состояние севшего за руль гражданина и наличие у него правомочий на управление транспортным средством, могут создавать фактические состояния, при которых возникновение правонарушений становится невозможным.

Стоит согласиться с М. Хильдебрандт в том, что традиционное (вернее, привычное для нас) право теряет позиции перед лицом рыночных сил и современных, в первую очередь – компьютерных, технологий. Новейшие системы контроля поведения граждан, к которым относится не только китайская система социального кредита, но также система обеспечения безопасности ECU-911 в Эквадоре, система био-идентификации AADHAAR в Индии и системы кредитной оценки FICO в США и Schufa в Германии, предполагают создание интегрированной социальной среды, в которой правомерные действия индивидов будут детерминированы не столько законодательными предписаниями, сколько ожиданиями других участников рынка: кредитных учреждений, компаний – поставщиков товаров и услуг, государственных органов и физических лиц. Тогда как в современном мире предложенное древнеримскими юристами деление права на *jus scriptum* и *jus non scriptum* давно (в связи с упадком обычного права) утратило практический смысл, на повестку дня, похоже, выходит определённое напряжение между *jus scriptum*, изложенным в официальных документах, и *jus technicum*, выражающимся через различные технологические интерфейсы.

---

¹ Hildebrandt M. Op. cit.

Впрочем, превращение норм *jus scriptum* в подобие технических нормативов и выход на передний план материальной стороны нормативных актов, на что указывал Ф. Г. Юнгер, само собой ведёт к поощрению новой технологической нормативности. Так, слившиеся с техническими правилами нормы права, с дотошностью регламентируя даже самые мало-мальски значимые операции и процессы, становятся хорошей почвой для разработки и применения разнообразных шаблонов, чат-ботов составления исков и жалоб¹, программных комплексов определения подозреваемых и доказывания вины по уголовным делам². Конечно, это своего рода «синтетическое» право, которое, правда, вполне соответствует нынешней эпохе победившей пластмассы: синтетическое потому, что оно основано на значительном упрощении, усреднении и не предполагает учета каких-либо локальных обычаев, а также традиций отдельных сообществ; синтетическое потому, что оно всё так же навязывается откуда-то «сверху», а не формируется снизу, откуда и происходит его кажущиеся универсализм и всеохватность. Многим, однако, такое технизированное, воплощённое в шаблонах право для компьютерных ботов представляется живым доказательством значительного прогресса, достигнутого современной цивилизацией. «Развитие правовых систем в эпоху Четвёртой промышленной революции»³ – название, подходящее для какой-нибудь пафосной научной конференции, уверенно следующей за новейшими «трендами», очевидно, призвано подчеркнуть неизбежность перехода к неким единым для всего мира стандартам юридической техники, равно как и к

---

¹ Например, популярный бот, реализованный в интерфейсе мобильного приложения для смартфонов DoNotPay (<https://www.donotpay.com/>). Перспектива распространения так называемых «роботов-юристов» уже сделалась предметом научной дискуссии. См.: *Markovic M. Rise of the Robot Lawyers?* // *Arizona Law Review*. 2019. Vol. 61. P. 325-350. Автор статьи не считает, что роботы в обозримом будущем смогут заменить людей, занимающихся юридической практикой, однако уже сам факт постановки вопроса говорит о серьёзных сдвигах, происходящих в том числе в юридической профессии.

² См., например: *Sisak M. R. Modern policing: Algorithm helps NYPD spot crime patterns* // *AP News*. March 10, 2019. URL: <https://www.apnews.com/84fb03384368458db3d85763b5bf5b94> (дата обращения: 20.09.2019).

³ Ср.: VI Московский юридический форум «Российская правовая система в условиях Четвертой промышленной революции» (4–6 апреля 2019 г., Москва).

использования техники в узком смысле этого слова вместо собственно правовых средств регулирования поведения субъектов. В действительности, однако, это, скорее, путь преуспевающих обществ, сохраняющих достаточно сильные государственные институты, но отнюдь не мира в целом.

За восхищением новейшими технологическими достижениями, применимыми для решения вопросов юридического характера, за плоским оптимизмом по поводу ожидающегося прогресса большинство из нас потеряли из виду существование альтернативных систем социальной регуляции и разрешения конфликтов. Они находятся в тени: многие из них пребывают там уже в течение довольно продолжительного периода времени, однако – занятный парадокс! – именно сейчас для их развития и выхода из тени складываются все необходимые условия.

«Теневое право» выходит из тени

Следует ещё раз напомнить, что значительная часть населения нашей планеты вынуждена жить в условиях дефектной, коллапсирующей, провалившейся государственности, причём пространство такой государственности имеет тенденцию к расширению, а вовсе не к сокращению. Новейшие технологические интерфейсы для регулирования правового поведения людей требуют достаточно развитой инфраструктуры, которая, разумеется, не обязательно должна быть создана государством, но обязательно предполагает наличие относительной социальной стабильности и возможности нормального функционирования компаний – разработчиков соответствующих интерфейсов. Для внедрения системы, подобной китайской системе социального кредита или даже её уменьшенному эквадорскому аналогу, требуются значительные ресурсы и достаточно сильная власть, способная, во-первых, гарантировать действенность решений, принимаемых в рамках соответствующего интерфейса, а во-вторых, умудряющаяся не разворовать выделенные для развёртывания такой системы ресурсы. Таким образом, все вышеперечисленные технологические инновации в правовой сфере не предназначены для стран, оказавшихся на переднем крае глобальных кризисных процессов, и имеют будущее в основном в наиболее крепких и дееспособных государствах.

Было бы, впрочем, самонадеянностью считать, что в странах, для которых не подходят новейшие юридические технологии и технологии социального дизайна, в правовой сфере всё должно оставаться без перемен. Наоборот, перемены здесь не просто вероятны, а практически неизбежны, но это перемены совершенно иного рода. Возьмём на себя смелость утверждать, что правовое будущее стран с подорванными либо разлагающимися государственными институтами лежит не в плоскости дальнейшей техно-позитивации права, равно как и не в плоскости сохранения уже привычного писаного позитивного права, но в развитии правового плюрализма, и притом «снизу».

Такой правовой плюрализм возможен только как порождение различных форм *теневого права*, существующих параллельно официальному позитивному праву и не признаваемых последним.

Понятие «теневого права» было введено в научный оборот профессором Нижегородской академии МВД В. М. Барановым¹, охарактеризовавшим его как «антипод официальной (государственной) системы нормативного и индивидуального правового регулирования», «свод асоциальных правил», антиобщественный в целом феномен, тем не менее являющийся для определённых групп общества авторитетным руководством к действию. Как ни странно, данное понятие практически не употребляется в зарубежной (англо-, франко-, немецкоязычной) научной литературе, предпочитающей использовать более нейтральный термин «неофициальное право» (*unofficial law, droit non officiel* etc.), однако, на наш взгляд, оно имеет ряд несомненных преимуществ. Российские теоретики права, стоящие не просто на позитивистских, а на ультраэтикатистских позициях, указанием на теневой характер отдельных разновидностей социальных норм, пытаются придать этим средствам социальной регуляции ярко выраженный негативный оттенок; теневое право даже характеризуют как «неправо», «антиправо» и т.п. Более важным, однако, и совершенно правильным является указание на глубокий антагонизм таких «теневых» норм официальному позитивному праву (добавим от себя: это антагонизм вне зависимости от того, исходит ли официальное право от внутригосударственных

---

¹ О теневом праве см.: Баранов В. М. Теневое право // Баранов В.М. Очерки техники правотворчества. Избранные труды. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. С. 213–231.

правотворческих органов, институтов глобального регулирования или является результатом межгосударственных соглашений).

Теневое право существует параллельно официальному, при этом не только оно не безразлично официальному праву, но и официальное право не безразлично ему. В отличие от отдельных форм неофициального права, способных вполне мирно сосуществовать с правом официальным, признаваться им в определённых границах, регулировать отношения за пределами сферы позитивно-правового регулирования¹, теневое право всегда явным или неявным образом противопоставляет себя официальному праву. Оно регулирует общественные отношения и разрешает юридические конфликты, составляющие предмет официального позитивного права, иначе, чем это предусматривают нормы официального права. Теневое право использует слабые места официального права (затянутый и усложнённый порядок разрешения споров, несоответствие норм ценностям отдельных сообществ), стремясь занять положение последнего. Оно конкурирует с официальным порядком, не только предлагая собственные нормы взамен официальных, но и создавая институты, параллельные государственным: параллельные суды, нормотворческие и исполнительные органы, механизмы привлечения к юридической ответственности и т.д. Логично, что в какой-то момент эти теневые институты начинают претендовать на утверждение в качестве единственных правомерных, вытесняя официальные учреждения и процедурные механизмы в маргинальное поле.

Там, где государственность оказалась в упадке, где официальные институты деградировали и утратили доверие населения, теневое право оказывается весьма авторитетной и, самое главное, действенной средой для упорядочения повседневных отношений между людьми. Оно действенно постольку, поскольку перестают работать официальные нормы, процедуры и учреждения. Яркие картины такого замещения официального позитивного права теневым правом мы можем наблюдать в охваченных гражданскими войнами Сомали, Сирии, Ливии,

---

¹ В качестве примера см., например: *Farinha G.R. Legal Pluralism: Interactions Between Official and Unofficial Laws: The Case Study of a Multi-ethnic Community Farm // Oñati Socio-legal Series. 2015. Vol. 5. No. 5. P. 1181-1208. URL: <http://ssrn.com/abstract=2390129>.*

одновременно выступающих в качестве характерных примеров failed states.

В районах Сирии и Ирака, оказавшихся под контролем ИГИЛ и подобных ему военизированных исламистских группировок, предельно жёстко толкуемые нормы шариатского права, предусматривающие наказания вплоть до обезглавливания и побивания камнями, как ни странно, имели определённый конструктивный эффект, поскольку позволяли бороться с мародерством и неконтролируемым насилием над гражданским населением в условиях войны и распада ранее действовавших официальных структур¹. Система шариатских судов в Сомали в сложный период середины 1990-х – начала 2000-х годов была фактически единственным средством поддержания общественного порядка, препятствующим полному расползанию территории страны на многочисленные фрагментарные образования². Драконовские меры, узаконенные такими вышедшими из тени системами теневого права, хотя и противоречили какому-либо официальному правовому порядку, позволяли покончить с хаосом и восстановить хотя бы минимальную регулярность социальных взаимодействий.

Да, выше всего теневое право поднимает голову там, где официальное позитивное право разложилось вместе со всем тем политико-социальным порядком, который оно конституирует. Однако было бы неверным считать, что теневые нормы и системы разрешения споров имеют шансы лишь в странах с деградировавшей государственностью. Печальный парадокс нашего времени состоит в том, что выход теневого права на широкую общественную арену весьма вероятен в странах с, казалось бы, достаточно крепкой государственной властью и весьма развитым государственным законодательством; более того, возьмём на себя дерзость утверждать, что теневые нормы и институты становятся тем более привлекательными для широких слоёв общества, чем избыточнее становится позитивно-правовое регулирование, чем сильнее го-

---

¹ См.: *Byman D. Understanding the Islamic State: A Review Essay // International Security. 2016. Vol. 40, No. 4. P. 127-165; March A. F., Revkin M. Op. cit.; Revkin M. Op. cit.*

² Об истории сомалийского Союза исламских судов см.: *Barnes C., Hassan H. The Rise and Fall of Mogadishu's Islamic Courts // Journal of Eastern African Studies. 2007. Vol. 1. No. 2. P. 151-160.*

сударственный закон стесняет жизнь рядового гражданина, чем дальше право отдаляется от отдельного индивида и отдельных устойчивых сообществ, чем больше оно превращается в безличную технику.

К озвученному тезису есть вполне внятное объяснение. Если нормы официального права и, как следствие, официальные государственные институты и правовые процедуры всё в большей мере оказываются бесполезными с точки зрения рядового гражданина, если они накладывают на него всё больше обременительных обязанностей и ограничений, а реализацию его социальных интересов делают только более проблематичной (в силу неоднозначности норм и сложности закреплённых ими процедур) – тогда в глазах этого гражданина право является чем угодно, но не тем, что следует уважать. Если, допустим, судебный порядок защиты нарушенных субъективных прав и законных интересов требует значительного времени, серьёзных материальных затрат и «на выходе» не гарантирует сколь-либо положительного результата, тогда для гражданина будет вполне логичным задуматься об обращении к каким-то иным, внеправовым средствам реализации собственных интересов – например, к представителям криминальной среды, так называемым «решальщикам». С другой стороны, кажущаяся ценностная нейтральность, инструментальность официального позитивного права, широко распространённое в рамках современного конституционализма табу на сколь-либо целостное мировоззрение (политическое, религиозное) делает привлекательными учения наиболее радикальных антиправительственных политиков и фундаменталистских проповедников.

Безличная монистическая система норм, исходящих от институтов фасадной демократии, требующих всё больше, а взамен дающих всё меньше, постепенно перестаёт устраивать тех, кто убеждён в значимости определённых ценностей, кто обладает целостным, холистическим мировоззрением. Общины верующих и сплочённые этнические сообщества, убеждённые сторонники определённых политических движений и локальные комьюнити, объединённые местом жительства и решаемыми на местном уровне проблемами, способны развивать собственные системы регуляции, противопоставляя их официальному законодательству. Наилучшим образом готовы к этому религиозные и этно-национальные сообщества. Первые на базе постулатов своей ре-

лигии формируют сложные комплексы правил, распространяющихся на брачные, коммерческие, политические, внутри- и межконфессиональные отношения, а также используют альтернативные официальным процедуры и институты разрешения конфликтов. Вторые – действуют в соответствии со своими обычаями и также предпочитают доверять разрешение споров и наказание нарушителей норм сообщества институтам, не имеющим легального признания в рамках официального правопорядка.

Примечательно, что в официально-государственном дискурсе практически нет даже упоминаний таких параллельных механизмов регулирования общественных отношений. В рамках данного дискурса таких механизмов нет и не может быть, а о фактах их действия не принято упоминать даже с негативной оценкой (редкое признание функционирования теневых институтов идёт с обязательными пометками «терроризм», «организованная преступная группа», «экстремистское сообщество» и т.п.). Тогда как руководители органов прокуратуры, юстиции и полиции на ежегодных заседаниях бодро отчитываются о растущих показателях укрепления законности и правопорядка, успехах в обеспечении единства правового пространства и защиты конституционного строя, здесь и там периодически всплывают факты кровной мести¹, похищений невест², убийств новорождённых девочек³ и иного

---

¹ Blood Feuds in contemporary Albania: Characterisation, Prevalence and Response by the State // COI Focus. 29 June 2017. URL: https://www.cgra.be/sites/default/files/rapporten/blood_feuds_in_contemporary_albania_characterisation_prevalence_and_response_by_the_state.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

² См.: UN statement on bride kidnapping and child marriage // UNICEF. 31 May 2018. URL: <https://www.unicef.org/kyrgyzstan/press-releases/un-statement-bride-kidnapping-and-child-marriage> (дата обращения: 20.09.2019); *Muldoon R., Casabonne U.* Gender Norms in Flux: Bride Kidnapping and Women's Civic Participation in the Kyrgyz Republic // World Bank Group. 2017. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/28989/121927.pdf?sequence=4> (дата обращения: 20.09.2019); *Vatchagaev M.* Officially Sanctioned Kidnappings Alienate the Dagestani Public // The Jamestown Foundation. October 4, 2012. URL: <https://jamestown.org/program/officially-sanctioned-kidnappings-alienate-the-dagestani-public-2/> (дата обращения: 20.09.2019).

³ См., например: *Chen A.* Female Infanticide in China // Yale Human Rights Journal. February 22, 2018. URL: <http://www.yhrj.org/2018/02/22/female-infanticide-in-china/> (дата обращения: 20.09.2019); *Li Sh. et al.* Female Child Survival in China:

следования, казалось бы, архаичным и отошедшим в прошлое обычаям. На самом деле эти обычаи могут быть весьма живучи, а некоторые из них не являются архаикой, поскольку возникают прямо сейчас как реакция на то, что официальные институты и нормы монистического правового порядка совершенно не учитывают интересов и потребностей отдельных сообществ.

В наиболее развитых странах конкуренция позитивного права и норм отдельных сообществ носит более мягкий, но зато и более открытый характер. Правопорядки этих стран достаточно устойчивы для того, чтобы включить в свой состав, пусть и в предельно ограниченных масштабах, теневые нормы и институты. Логика такого включения подразумевает, что легализованные низовые институты соответствующих сообществ будет проще контролировать, а неофициальные нормы будут действовать в части, не противоречащей нормам официального права, и, следовательно, не будут санкционировать запрещённые позитивным правом акты. Так, например, происходит легализация отдельных элементов шариата в официальном правовом дискурсе ведущих западноевропейских государств: признание мусульманских свадеб в Финляндии¹, действие шариатских судов для рассмотрения отдельных категорий дел в Англии и Уэльсе², суверенные выпуски так называемых «мусульманских облигаций» сукук германской федеральной

Past, Present, and Prospects for the Future // CEPED-CICRED-INED Seminar on Female Deficit in Asia: Trends and Perspectives, Singapore, 5-7 December 2005. URL: https://www.researchgate.net/publication/228559569_Female_Child_Survival_in_China_Past_Present_and_Prospects_for_the_Future (дата обращения: 20.09.2019); A Girl's Right to Live: Female Foeticide and Girl Infanticide / Working Group on the Girl Child // Report published on the occasion of the UN Commission on the Status of Women. 51st Session – 26 February to 9 March 2007. URL: https://wilpf.org/wp-content/uploads/2014/07/2007_A_Girls_Right_to_Live.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

¹ *Mustasaari S., Al-Sharmani M.* Between 'Official' and 'Unofficial': Discourses and Practices of Muslim Marriage Conclusion in Finland // *Oxford Journal of Law and Religion*. 2018. Vol.7, Issue 3. P. 455–478.

² См.: The independent review into the application of sharia law in England and Wales: Presented to Parliament by the Secretary of State at the Home Department by Command of Her Majesty. February 2018. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/678478/6.4152_HO_CPFGR_Report_into_Sharia_Law_in_the_UK_WEB.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

землей Саксония-Анхальт¹, Великобританией² и Люксембургом³. Эти шаги предпринимаются в том числе для того, чтобы частично вывести религиозные нормы из тени и продемонстрировать верующим, что для них также есть место в рамках официально действующего правопорядка.

Проблема коллизии официальных и неофициальных норм сглаживается, но вряд ли исчезает полностью. Наоборот, используя частичную легализацию в рамках официального правопорядка, сообщества могут накапливать силы и осуществлять постепенную экспансию своих институтов, планомерно навязывать свои нормы поведения всему обществу. Именно этого, очевидно, и боятся европейские исламофобы: в своих страшных снах они не могут избавиться от навязчивого видения, будто исламисты захватили власть в их странах и повсюду действует шариат в его наиболее радикальных трактовках. Увы, эти исламофобы, многие из которых относят себя к христианскому вероисповеданию, крайне редко задаются вопросом о том, имеется ли в законодательствах их стран ещё что-то, что действительно выражало бы их культурные и ценностные запросы, и не защищают ли они от «наступающего» шариата пустую технику, *означающее без значения*.

Похоже, мы становимся свидетелями затяжного конфликта между технопозитивизмом официального права и ценностно наполненным плюрализмом права теневого. При этом очевидно, что чем дальше официальное право будет развиваться в том направлении, в котором оно развивалось всё последнее время и развивается сейчас, тем больший авторитет будут завоевывать различные формы теневого права. Всё это будет дополняться деградацией государственных институтов в наиболее уязвимых странах мира, с одной стороны, и корпоративизацией и полицеизацией государственности в более развитых странах,

---

¹ Sukuk Database: Saxony-Anhalt 2009 // Sukuk. URL: <https://www.sukuk.com/sukuk-new-profile/stichting-sachsen-anhalt-trust-4460/> (дата обращения: 20.09.2019).

² Sukuk Database: UK Sovereign Sukuk 2019 // Sukuk. URL: <https://www.sukuk.com/sukuk-new-profile/hm-treasury-uk-sovereign-sukuk-plc-2057/> (дата обращения: 20.09.2019).

³ Sukuk Database: Luxembourg 2019 // Sukuk. URL: <https://www.sukuk.com/sukuk-new-profile/luxembourg-treasury-securities-sa-2794/> (дата обращения: 20.09.2019).

с другой стороны. Пока, оглядываясь по сторонам, мы можем не замечать, как теневые институты и теневое право поднимают голову, выходят из тени, противопоставляют себя официальному правопорядку. Сейчас многие из этих институтов ещё чересчур маргинальны для того, чтобы представлять для него действительную опасность. Движение «Домой в СССР» в России и движение так называемых «рейхсбюргеров» в Германии, ссылающиеся на законодательство прекративших существование СССР и Третьего Рейха и подчиняющиеся директивам самозванных квазигосударственных структур, выглядят даже забавно, но ровно до той поры, пока они относительно малочисленны и не в состоянии обеспечивать действенность своих норм силой. Террористическая организация «Исламское государство» сегодня действует в Европе преимущественно через обречённых на смерть одиночек, но в Сирии и Ираке она уже показала всю серьёзность своих намерений и способность утверждать свою нормативность в качестве общеобязательной: при определённых условиях, которые определяются динамикой глобального кризиса, идеи, нормы и ценности исламистов могут сделаться привлекательными не только для значительных масс оказавшихся в Европе выходцев с Ближнего Востока, но и для коренных европейцев. Разрастание кризисных процессов и глубокая внутренняя пустота современного правопорядка могут и, вероятно, будут вызывать к жизни и другие похожие группировки. В конце концов, ИГ может стать институциональным паттерном, который возьмут на вооружение сторонники «христианского государства», «иудейского государства»¹, «советского государства», какой-нибудь «либертарианской федерации» и т.п. Правопорядок рухнет под ударами войны всех против всех.

---

¹ Идея галахического государства на Западном берегу реки Иордан – так называемого «Государства Иудея» (также используется наименование «Государство Иудеи и Самарии»), противопоставляемого Государству Израиль – продвигается ультраправыми ортодоксальными поселенцами, населяющими спорные территории Иудеи, Самарии и Сектора Газа и отказывающимися признавать уход Израиля с этих территорий. См.: *Rubinstein D. The State of Judea // Haaretz. January 22, 2007. URL: <https://www.haaretz.com/1.4952860>* (дата обращения: 24.07.2019).

Перед выжженной пустыней

Пожалуй, мы живём в удивительное «поствремя». Точнее, время таких феноменов, как «постправда» и «постгуманизм», возвещающий приход так называемого «постчеловека». Время, именуемое в обществоведческих науках эпохой постмодерна, а некоторыми учёными характеризующее уже как «пост-постмодерн»¹. И это также время того, что можно было бы назвать «*постправом*».

Что такое «постправо» и почему мы можем использовать данный термин? «Постправо» (пока мы всё-таки берём это понятие в кавычки) – это своего рода результат продолжительного развития правовой системы в русле юридического позитивизма и в направлении технизации, инструментализации, отдаления от устойчивых низовых форм социальной коммуникации и от выражения воли и интересов общественных союзов. Это право, сделавшееся безличной техникой, выражающей лишь силу формулирующих его властных инстанций. Право, настолько современное, что практически утратило ценностное содержание и какую-либо связь с бытийными основаниями общества. Право, в принципе переставшее являться выражением *всеобщего* интереса и окончательно потерявшее характер равной меры.

Такое состояние права является проявлением глубокого кризиса современной, индустриальной цивилизации, симптомом нездоровья самого общества. Это состояние не может быть стабильным, поскольку, как мы установили чуть ранее, технизированное официальное право порождает реакцию на себя в виде утверждения различных теневого норм, институтов и практик. Однако эти теновые нормы и институты, так же как и конкурирующие с моделью суверенного территориального государства модерна проекты радикальных исламистских движений, в обозримой перспективе не имеют никаких шансов заменить собой сегодняшний «юридический мейнстрим».

«Постправо» – это чересполосица ультрасовременного и архаичного, безличного и апеллирующего к неким глубинным ценностям, в которой не может быть постоянства, не может быть уверенности членов общества в следовании тем или иным моделям поведения, а может

---

¹ См.: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. С. 101–116.

быть лишь перманентное дискурсивное подавление одних моделей и правил другими, перманентное перетолкование прав и обязанностей субъектов. В этой чересполосице каждому субъекту может грозить столкновение с негативными санкциями того или иного рода, вне зависимости от избранного им варианта поведения, поскольку конкурирующие модели и нормы будут зачастую требовать от него противоположного. Правовой порядок, таким образом, обречён в самом своём основании быть расколотым на части. Из средства разрешения, сглаживания социальных конфликтов и упорядочения людских взаимодействий право может превратиться в источник и пространство постоянной конкуренции различных претендентов на социальную власть, источник и пространство дискриминационного подавления одних другими, область постоянного переподтверждения лояльности отдельных субъектов конкурирующим социальным силам.

«Постправо», или современное право – это колосс на глиняных ногах. Оно грандиозно по своим размерам и в состоянии внушить страх, но крайне неустойчиво и хрупко. *Основной модус его действия – подавление свободной воли*, не имеет значения, осуществляется ли оно путём стеснения субъектов всё большим количеством ограничений, обзываний и запретов, или же посредством подмены их волеизъявлений нормативной логикой, встроенной в соответствующие технологические интерфейсы. Такое право (официальная его часть) как будто бы создано для того, чтобы против него восставали, однако отрицающие его альтернативы ему – тоже часть «постправа», ибо встроены в режим юридической «чересполосицы» и даже в ещё более явной форме опираются на подавление воли, на насилие.

Юридический мир «светлого завтра», если взглянуть в это завтра пристальным взглядом, оказывается уже не «аномальным промежуточным состоянием», но миром, обладающим многими выделенными нами в § 2.3 чертами глобального «естественного состояния». Примат физической силы в решении практически любых социальных вопросов, отсутствие определённого и авторитетного для большинства участников общественных отношений права, негарантированность даже основных прав и свобод – вот та выжженная пустыня, к которой, судя по всему, движется современный правопорядок. Следует, впрочем, с учётом вышесказанного сделать одну поправку: грядущее состояние

ни в коей мере нельзя называть «естественным», ибо оно, напротив, совершенно противоестественно. И также необходимо признать, что это – возможное, но всё еще не неизбежное – состояние, хотя и должно рассматриваться как плод разложения, разрушения существующего ныне правопорядка (правопорядков), тем не менее не должно пониматься как состояние беспорядка / без-порядка / анархии. Это горький вывод, но всё же: глобальный правопорядок может быть именно таким, и в своей противоречивости, зыбкости, в своём распаде он, как ни парадоксально, может быть вполне самодостаточен, стабилен и долговременен. В конце концов, то, что представляется кошмаром нам сейчас, может стать делом привычным для тех, кому иная реальность будет попросту незнакома.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древние римляне говорили: “*Summum jus, summa injuria*”, т.е. «Высшее право – высшая несправедливость». Сегодня этот тезис приобретает неожиданно новый смысл. Казалось бы, современные правовые системы развитых и относительно благополучных стран отличаются от правовых систем предшествующих эпох гораздо большей сложностью, проработанностью, юридико-техническим совершенством. По крайней мере, в университетах профессора прививают своим студентам мысль о том, что вся история права есть история его поступательного развития, и, таким образом, правовые системы раннего Нового времени, Средних веков, античности значительно примитивнее сегодняшних. Нет смысла подвергать сомнению святую веру в прогресс, тем более что современное законодательство склонно наказывать за оскорбление чувств верующих. Следует лишь признать, что сложность и техническое совершенство нормативной системы позитивного права не спасают от волюнтаристского применения и властного произвола и, скорее, напротив, создают риски, не ведомые прежним поколениям правовой системы.

Если увеличение количества принимаемых нормативных актов, детализация правового регулирования и включение в правовое поле всё большего круга общественных отношений знаменуют собой прогресс в юридической сфере, тогда необходимо задуматься о том, не является ли наше понимание данной категории превратным, связанным с ложными стереотипами сознания индустриальной эпохи. В конце концов, каждый новый день мы вынуждены со смятением наблюдать, к чему ведёт торжество «царства количества» не только в государственно-правовом измерении, но и в таких сферах человеческой жизнедеятельности, как производство, потребление социальных благ, образование и досуг.

Данное исследование задумывалось не совсем таким, каким оно получилось, и заняло гораздо больше времени, чем планировалось вна-

чале. Мы поставили перед собой, быть может, чересчур амбициозную цель – рассмотрение трансформаций, переживаемых структурами правопорядка (правопорядков) под воздействием процессов глобального кризиса, а также выявление тенденций развития этих структур в долго- и среднесрочной перспективе. Это оказалось не так-то легко в силу широты изучаемого предмета, и сейчас очевидно, что удалось лишь наметить контуры будущих исследований – исследований, которые можно и нужно направить в самые разные стороны юридического и политического для того, чтобы за привычными понятиями и категориями разглядеть новое, зафиксировать изменения внутри отдельных государственных и правовых институтов.

Возможно ли полное, тотальное разрушение существующего правопорядка – того правопорядка, который неотделим от индустриальной парадигмы общественного развития, западной нововременной рациональности и возведения максимизации капитала в фундаментальный принцип выстраивания и функционирования социальных структур? Если мы понимаем под тотальным разрушением правопорядка ситуацию, при которой существующие сегодня государственные институты вместе с формулируемыми и применяемыми ими нормами завтра в одночасье перестанут существовать, то, конечно, такая возможность сводится лишь к возможности некоей всепланетной катастрофы, уничтожающей жизнь и ввергающей человечество в дикость «тёмных веков» (не столь маловероятная, кстати, возможность, учитывая вновь начинающиеся возрождаться мрачные настроения и ожидания эпохи холодной войны). Если оставить катастрофические сценарии за скобками нашего рассмотрения, следует признать, что правопорядок в глобальном масштабе и национальные правопорядки в границах отдельных государств являются достаточно устойчивыми образованиями для того, чтобы не рассыпаться в одночасье. Порядок в той или иной форме имманентно присущ человеческому обществу, и существующие структуры правопорядка даже в условиях усугубления кризисных явлений в экономике, экологии, политике и социальной сфере по инерции будут продолжать функционирование. Но любое функционирование – проявление динамики, и правопорядки под воздействием кризисных процессов меняются прямо сейчас. Состояние войны всех против всех, на самом деле, постоянно маячит перед нами, всегда являясь реальной возможностью;

оно вшито внутрь самого правопорядка и активируется в отдельных его точках почти незаметно для нас, но на наших глазах. Как уже было отмечено чуть выше, нельзя исключать вероятность того, что будущие поколения будут знать состояние войны всех против всех в качестве единственно возможного правового (!) порядка, и этот порядок будет по-своему стабилен, несмотря на неотъемлемый для него принцип примата физической силы и свойственную ему перманентную неопределенность правовых статусов и юридических решений.

Современный правовой порядок в том виде, как мы привыкли о нём думать, достиг своего предела. Он может существовать ещё достаточно продолжительное время, но его дальнейшее существование обречено идти по пути усугубления проблем и противоречий, наблюдающихся уже сегодня. Пространство деградирующей, провалившейся, коллапсирующей государственности растёт и будет только продолжать расти. Относительно благополучные и дееспособные государства будут всё более открыто использоваться корпоративными структурами против населяющих эти государства граждан; реализация государствами своих общесоциальных функций сведётся к популистской риторике (в логике «Радуйтесь тому, что есть сейчас. Именно это государство для вас и защищает, за это и борется. Поэтому не требуйте от государства ничего!»), зато исполнение полицейских функций контроля будет усовершенствовано со всем размахом новейших технологических средств. Разрывы в правовом пространстве станут нормой, а учёным юристам и преподавателям юридических факультетов придётся стать гуру словесной эквилибристики, доказывая, что чёрное является белым и что право – это область свободы, справедливости и равенства. С совершенствованием технологий в политико-правовой сфере и самой юридической техники социальное бытие широких масс, включая политический и правовой его аспекты, будет становиться всё унылее и беднее.

Пессимистичный взгляд? Да. Но этот пессимистический алармизм, на наш взгляд, полезнее и честнее, чем позитивистский оптимизм, отражающий мировоззрение большинства представителей юридической профессии, для которых любое существующее положение вещей – требующий соблюдения закон, а любой закон, кроме неэффективного, сам по себе хорош. Такой алармизм необходим для того, что-

бы остановиться, оглянуться вокруг и задуматься над тем, как свернуть с накатанного, но ложного пути.

Как ни странно, похоже, мы оказались перед необходимостью определённого волевого *усилия*. Дело в том, что сам правовой порядок, существующий сегодня в глобальном масштабе, не может выйти из тупика, в котором он оказался. У него нет для этого ни средств, ни ресурсов. В течение прошлых столетий он развивался в определённой логике, и сегодня он не может пойти этой логике наперекор. Таким образом, перед нами в полный рост встаёт необходимость обращения к *принципиально другому политико-правовому мышлению*. Мышлению, которое отвергнет бездумное упование на территориальное государство вкупе со связанным с ним юридическим позитивизмом и экономизмом. Мышлению, которое вернёт праву подобающую ему ценностную составляющую и связь с устойчивыми социальными союзами. Мышлению плюралистическому – признающему как плюрализм социальных норм, так и плюрализм моделей общественной организации.

Мы должны как-то выйти из замкнутого круга, в которой сами себя радостно завели, вырваться за рамки, за пределы навязываемого мейнстрима с его привычными «классическими» концептами, содержание которых постоянно меняется в угоду интересам хозяев дискурса. Коль скоро правопорядок оказался в глубоком кризисе, необходимо использовать этот *кризис* в полной мере, возвращая этому слову его изначальный смысл: за разложением и распадом государственно-правовых структур должно прийти некое *решение*, должен наступить исход, снятие изначальной проблемы. Самое главное, чтобы этот исход не оказался переходом в новое беспросветное варварство с тотальным отрицанием даже формального равенства фактически разных людей, с элиминацией закреплённых сегодня прав и свобод¹, с не ограниченными в средствах и методах войнами, с приматом физической силы в разрешении социальных конфликтов. Пока, к сожалению, этот вариант

---

¹ Движение в этом направлении идёт уже сейчас – посредством включения в каталог прав индивида наряду с личными, политическими и социально-экономическими правами прав на определение гендерной идентичности, на заключение брака с представителем того же пола и т.п. Кажущееся расширение свободы на самом деле ведёт к обесцениванию тех свобод, которые являются результатами подлинной социальной борьбы.

развития событий кажется единственно реалистичным, а альтернативы всё ещё слишком призрачны.

Впрочем, альтернатива может родиться только из осознания критического положения, из ясного понимания его структуры и тенденций развития. Будем надеяться, что данная монография хотя бы частично выполняет задачу описания status quo и схватывания грядущего. Новое политико-правовое мышление не может быть выдуманно в кабинетной тиши, оно должно стать настоящей, объективной потребностью. Но, даже став потребностью, оно никогда не завладеет умами, если не дать ему голос, не дать ему необходимый язык, необходимую терминологию. Безусловно, это колоссальная задача, которую должны начать учёные, но которая не под силу одним лишь учёным.

...Напоследок хотелось бы привести одну цитату, которая, пожалуй, достаточно хорошо соответствует и ситуации, в которой мы оказались, и должному настрою, с которым нам всем следует смотреть в лицо специфически современным вызовам.

«Где мы находимся? На краю предельного отчаяния? Да – но для того, кто это место на мгновение выдержит, здесь и только здесь есть еще полный свет светоча Бытия...»¹

Возможно, мы и вправду находимся на краю предельного отчаяния, «на краю ночи», но именно на этом краю мы должны ясно отдавать себе отчёт в том, сколь полным и плодотворным в действительности может быть разрешение нынешнего кризиса правового и политического порядка.

---

¹ Хайдеггер М. Размышления II – VI (Черные тетради 1931–1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 339.

SUMMARY

‘Legal order in times of global crisis: transformations, trends, threats’

The monograph attempts to describe and analyse the transformation of state and law institutions in time of the contemporary crisis that spreads over the globe and manifests itself in different spheres of social life, from economics and international politics to the morals and citizens’ normative attitudes. The author considers in detail the relationship between law and social crises of various nature, the structure and causes of the today’s global crisis, the merging of states and commercial corporations, the degradation of statehood in vast territories and the loss of sovereignty by states at the turn of the 20th and 21st centuries, the problem of excessive legal regulation and unequal enforcement of the law, the crisis of modern international law and the future appearance of legal systems. The book is intended for the specialists in jurisprudence and political philosophy, as well as for everyone interested in the actual problems of the existing social order.

Keywords: state, law, crisis, sovereignty, state of emergency, war, order, global challenges, legislation, law-enforcement, legal regulation, international relations, legal positivism, legal technique

About the author: Roman Z. Rouvinsky, born in 1985, is an associate professor at the Nizhny Novgorod Institute of Management – a regional branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Cand. Sc. in Law (PhD). The main scientific interests are the problems of evolution and transformation of state institutions, law and legal order in times of social crises.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
ГЛАВА I. ПРАВО И КРИЗИСЫ	11
1.1. Предназначение права	11
Право и порядок	11
Нормализация как модус действия права	16
1.2. Норма и исключение	21
К понятию исключения	21
Исключения в праве	24
Кризисные ситуации в праве	28
1.3. Легальность для исключительных случаев	34
Чрезвычайное правовое регулирование: от Древнего Рима до наших дней	36
Пределы «чрезвычайного права»	41
1.4. Помыслить предел: вырождение базиса правовой системы и кризис правопорядка	46
Кризисы правопорядка и кризисы в экономике: проблема «над- стройки» и «базиса»?	46
Факторы динамики правопорядка	49
Онтологический фундамент права и возможность предельного кризиса	53
ГЛАВА II. ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС КАК НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ	63
2.1. Всего лишь экономический кризис?	63
Проблема-2008	63
Пределы индустриального общества	67
2.2. Конец знакомого мира: глобальный кризис и его структура	71
Война	73
Экологические тупики	76
Все против всех	79
Духовный релятивизм	82
2.3. Между правопорядком и естественным состоянием	89
Гоббс: bellum omnium contra omnes	90
Концепт естественного состояния в творчестве Ж.-Ж. Руссо	93
Естественное состояние в XXI веке?	97
ГЛАВА III. МУТАЦИИ ЛЕВИАФАНА	104
3.1. Упадок суверенитета	104
«Государство» как исторически обусловленное понятие	105

Истоки и расцвет идеи суверенитета	109
Конец эры суверенитета	113
Тщетные поиски суверена	119
3.2. Государства-корпорации и корпорации-государства	127
После национального государства	127
Не государство для людей, а люди для государства	130
Корпорации вместо государств?	145
3.3. Умирающий Левиафан и другие чудовища	157
Failed states: Африка, Ближний Восток... далее везде!	157
Государство головорезов как реальная альтернатива	171
Продолжающаяся делегитимация государства и новые акторы	182
ГЛАВА IV. ЭРОЗИЯ ПРАВА	196
4.1. «Взбесившиеся принтеры» за работой	196
Исключительное нормотворчество	197
Избыточное регулирование	211
4.2. Юридический релятивизм и чрезвычайное правоприменение	227
Релятивизм в праве: case studies	228
Хроническая чрезвычайщина и аномальные правовые зоны	247
Разрывы в правовом пространстве	261
4.3. Трансформации международного права	273
Деформация современных и возвращение средневековых международно-правовых понятий и принципов	275
“Zum ewigen Krieg“: разложение международного права	286
Глобальное право vs. Международное право?	309
4.4. На пороге «постправа»	316
Юридический позитивизм и его плоды	317
Технизация права и технологическая нормативность	322
«Теневое право» выходит из тени	328
Перед выжженной пустыней	337
Заключение	340
Summary	345

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru
.....

**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»**
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspbe
.....

в Москве:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Гнездниковский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БИБЛИО-ГЛОБУС»
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)
www.biblio-globus.ru

.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «У КЕНТАВРА»
Москва, ул. Чайнова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250-65-46 www.rsuh.ru/kentavr

.....

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЭПОСЕРВИС»
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23 www.tregross.com

.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНЫЙ БУМ»
Киев, Вербовая ул., 8 (вт.–вс. с 11:00 до 17:30)
+38 067 273-50-10 www.academbook.com.ua

.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН при «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego w Warszawie»
Ptasia 4, 00-138 Warszawa
+48 22 826 17 36 www.jezykrosyjski.com.pl

.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «Intelektuāla grāmata»
Kr. Barona iela 45/47, Rīga (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
+371 67315727 www.merion.lv

.....

Электронные книги:

.....

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

.....

Интернет-магазины:

.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
OZON www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ESTERUM www.esterum.com
БУКВОЕД www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
MY-SHOPRU www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua

.....

Рувинский Роман Зиновьевич
Правопорядок в период глобального кризиса:
трансформации, тенденции, угрозы

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*
Корректор *С. А. Семенов*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгресс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 $\frac{1}{8}$. Усл. печ. л. 21,39. Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ №